

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ

«БРЕСТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ, КУЛЬТУРЫ

Материалы международной научной конференции
14-16 октября 2004 года

Брест 2004

УДК 93 (430)+33(430)+008(430)
ББК 63.3(4Ге)+66.4(4Ге)+71.4(4Ге)+ 65.9(4Ге)

Рецензенты:

- Акинчиц Н. Н.**, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина
Карев Д. В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории Гродненского государственного университета им. Я. Купалы
Куль-Сельвестрова С. Е., доктор исторических наук, профессор кафедры истории Беларуси Гродненского государственного университета им. Я. Купалы
Мищенчук Н. И., доктор филологических наук, профессор
Морозова С. В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории Беларуси Гродненского государственного университета им. Я. Купалы
Швед В. В., доктор исторических наук, профессор кафедры славянских государств Гродненского государственного университета им. Я. Купалы

В сборник вошли материалы научной конференции, организованной Брестским государственным техническим университетом. Авторы статей анализируют германский опыт социально-экономического и политического развития, различные аспекты белорусско-германских связей. Рассматривается роль Германии в системе международных военно-политических отношений. В ряде статей уделяется внимание проблемам германской культуры.

Конференция была организована кафедрой социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета и проведена на базе БГТУ 14-16 апреля 2004 года. В конференции принимали участие представители Беларуси, Украины, России, Германии, Польши. Сборник посвящен светлой памяти доктора исторических наук, профессора Владимира Николаевича Михнюка.

Редакционная коллегия:

- Тур В. В.** – проректор по научной работе БГТУ
Ковалёва Н. Н. – зав. кафедрой социально-политических и исторических наук БГТУ
Стрелец М. В. – профессор кафедры социально-политических и исторических наук БГТУ
Грибов Г. М. – зав. кафедрой философии и культурологии БГТУ
Малыхина Л. Ю. – доцент кафедры социально-политических и исторических наук БГТУ

В.Н. МИХНЮК: НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Так и остался непрочитанным на пленарном заседании международной конференции по германистике доклад о Брестском мирном договоре доктора Исторических наук, профессора Владимира Николаевича Михнюка – встреча исследователей была омрачена его уходом из жизни. Белорусский учёный оставляет после себя богатое наследие – он широко известен среди специалистов и читателей как автор более 450 научных и научно-популярных публикаций, исследователь проблем истории, историографии, источниковедения, библиографии, археографии, архивоведения и истории литературы Беларуси 20-30-х годов.

Михнюк Владимир Николаевич родился 27 сентября 1947 года в деревне Грушаны Поразовского района (теперь Свислочский район) Гродненской области. После окончания в 1969 году Гродненского педагогического института он становится заведующим отделом писем редколлегии Свислочской районной газеты «Заветы Ильича», служит в Советской Армии. С сентября следующего года В. Н. Михнюк являлся аспирантом кафедры истории СССР и БССР ПИ, а затем, с декабря 1973 года, остался работать там же старшим преподавателем. Блестящая защита кандидатской диссертации по теме «Историография социально-экономического развития белорусской деревни в 1917 – 1929 гг.» оказалась судьбоносной: молодому учёному предложили переехать на работу в Минск, где он в конце 1975 года становится старшим научным сотрудником Института истории партии при ЦК КПБ. В 1982 - 1987 годах В. Н. Михнюк работает в том же качестве в Институте истории АН БССР, где продолжает комплексное исследование отечественной историографии довоенного периода и завершает его изданием монографии «Становление и развитие исторической науки Советской Белоруссии (1919 – 1941 гг.)» (Мн., 1985). Защита докторской диссертации по названной проблеме в 1987 году тянулась семь с половиной часов. Вот как описывали события того дня: «Увесь гэты час ішлі гарачыя дыскусіі, слова па некалькі разоў бралі самыя старэйшыя па ўзросту (і па навуковых ступенях) гісторыкі, тыя, хто звычайна спакойна драмаў на пасяджэннях. Абараняўся Уладзімір Міхнюк. Соракагадовы даследчык быў настолькі смелы і задзірысты, што ўзяў на сябе місію прааналізаваць здабыткі гістарычнай навукі Савецкай Беларусі за двааьны перыяд. Прама ці ўскосна давалася ацэнка і сучаснікам, членам Савета, іншым беларускім гісторыкам, бо яны працягвалі даследаванні, распачаць да вайны, пагаджаліся альбо не з высновамі, зробленымі іх папярэднікамі. Адным словам, Міхнюк быццам бы выцягнуў з кішэні чароўнае люстэрка і прапанаваў акадэмікам і дактарам прааналізаваць свой навуковы імідж» [2, 68]. В Москву полетели доносы тех, кто увидел в диссертационном исследовании политическую крамолу, ЦК КПБ начал проверку Института истории на предмет белорусского национализма, однако ВАК СССР защиту утвердил [1, 94].

С 1987 года В. Н. Михнюк занимался научно-преподавательской деятельностью, будучи старшим преподавателем, доцентом, а с 1991 г. профессором Минской Высшей партийной школы, которая, в немалой степени благодаря и его усилиям, в 1990 г. была преобразована в Институт политологии и социального управления КПБ. Издав к концу 80-х годов пять монографий по историографии, Владимир Николаевич становится известным прежде всего как Первый серьёзный исследователь истории белорусской

советской исторической школы. События разворачивающейся в БССР перестройки способствовали раскрытию новых граней творческого потенциала молодого доктора.

Владимир Николаевич стоял у истоков создания Белорусского научно-исследовательского Института документоведения и архивного дела: в январе 1992 г. он назначается его первым директором и посвящает работе с творческим коллективом пять лет. Это был период создания наиболее волнующих работ, основанных на документальных материалах.

В изменившихся условиях Владимир Николаевич не избегает соблазна работы с живыми архивными источниками: он добивается разрешения пользоваться архивами КГБ и день за днём восстанавливает из небытия фамилии, судьбы, события. Это он первым начал разрабатывать историю политических репрессий против белорусской национальной интеллигенции, познакомил массового читателя с проблемой массонства в Беларуси. Руководитель и один из авторов-составителей 8-томного сборника документов и материалов "Знешняя палітыка Беларусі", документального издания "Антон Луцкевич: материалы следственного дела НКВД БССР", Владимир Николаевич также издаёт статьи и отдельные книги по биографиям А. Дудара, К. Езовитова, В. Игнатовского, А. Смолыча, А. Цвикевича, В. Прокулевича, В. Ластовского, А. Гурло, А. Сокол-Кутиловского, Б. Тарашкевича (в соавторстве с А. Валахановичем). Благодаря исследователю появляются новые материалы к биографиям М. Горецкого, В. Дубовки, Я. Пуци и других писателей. Его работы, изложенные "живым языком", без приевшихся фраз и штампов заораживают логической выдержанностью, неподдельным чувством. Очень важно, что в личностном отношении к новейшей истории Беларуси, её "болевым точкам", В. Н. Михнюк никогда не скатывается к воинствующему национализму, проявляет лучшие свои качества – патриотизм, человеколюбие, благородное стремление восстановить историческую правду и достоинство безвинно осуждённых.

Будучи приверженцем распространения и популяризации научных знаний, в 1993 г. В. Н. Михнюк становится одним из инициаторов создания журнала "Беларуская мінуўшчына", позднее входит в состав редколлегии журналов "Беларускі гістарычны часопіс", "Гісторыя: праблемы выкладання" (с 1997 г.), "Архівы і справядства" (с 2004 г.), научно-редакторских советов 6-томной "Энцыклапедыі гісторыі Беларусі" и "Беларускай энцыклапедыі" (в 18 томах). Он активно участвует в работе конференций и конгрессов, поддерживает творческие контакты с учёными России, Украины, Польши, Литвы, успевает принимать участие в работе научных советов.

Организаторский талант, энергичность и компетентность учёного становятся широко известными в политических кругах, и на период с 1997 по 1998 год он приглашается возглавить отдел Комиссии по международным делам и национальной безопасности Совета Республики Национального собрания РБ. Ответственно исполняя обязанности главного специалиста и заведующего этим отделом, Владимир Николаевич не перестаёт заниматься научной и издательской работой. Можно с уверенностью утверждать, что только творческая среда по-настоящему увлекала этого человека. И потому на предложение перейти в июне 1998 года на должность профессора кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени Белорусского государственного университета Владимир Николаевич откликается с энтузиазмом. С БГУ учёного, прежде всего, связывает преподавательская деятельность и работа с аспирантами. Строгий и справедливый, эрудированный профессор с активной гражданской позицией пользуется авторитетом у студентов. Параллельно В. Н. Михнюк блестяще выступает с лекциями перед аудиториями различных научных и профильных учреждений, неоднократно является председателем государственной экзаменационной комиссии на истафаках родного Гродненского и Брестского университетов.

Один из инициаторов создания Совета по защите докторских диссертаций в Институте истории НАН Беларуси, впоследствии Владимир Николаевич становится активным и принципиальным членом Советов БГУ, БГПУ им. М. Танка, входит в состав экспертного Совета по истории ВАК Республики Беларусь. Как ведущий официальный оппонент, эксперт поступающих на обсуждение диссертаций, В. Н. Михнюк убеждён, что выполняет одну из важных и сложных задач. Учёный проявляет постоянный интерес к будущей белорусской исторической школе, формированию квалифицированных кадров. Он сознательно стремится привлечь к научной работе способных, талантливых и с горечью сокрушается о проникновении в науку «корпоративности, стремления особых группировок протянуть на должности и к учёным званиям своих людей». Начиная с 1996 года, Владимир Николаевич и его жена – ведущий сотрудник Национальной библиотеки Алефтина Николаевна – регулярно издают информацию о работе советов по защите и новых диссертациях. Итоги деятельности, рассуждения и предложения по усовершенствованию системы аттестации в ВАК аккумулированы в подготовленной недавно к изданию работе «Доктарскія і кандыдацкія дысертацыі па гістарычных навуках у Рэспубліцы Беларусь (1991 - 2003 гг.): Бібліяграфічны паказальнік».

Профессор В. Н. Михнюк являлся научным консультантом при подготовке трёх докторских работ, в том числе А. В. Шаркова и нынешнего ректора БрГУ им. А. С. Пушкина М. Э. Чесновского. Под его руководством были написаны три кандидатские диссертации, и за 2002-2003 годы они были успешно защищены аспирантами БГУ из Бреста А. А. Савичем и Л. Ю. Малыхиной. Сложнейшая ситуация, идентичная той, что произошла на защите докторской Владимира Николаевича, сложилась до и после защиты интересной биографической диссертации о К. Езовитове ещё одной брестчанки С. М. Ровнейко (Наумук). Политическая подоплёка, которую приписывали этой оригинальной работе, не единожды заставляла диссертантку и её научного руководителя отстаивать свои позиции. Высшая Аттестационная Комиссия отказалась утвердить защиту работы (начало 2004 года). Отрицательные результаты после апелляции стали известны уже только в конце года.

На протяжении последнего 2004 года, Владимир Николаевич занимал пост директора Центра государственной кадровой политики НИИ теории и практики государственного управления Академии управления при президенте Республики Беларусь и руководил научно-исследовательским проектом авторского коллектива по изучению международного положения Беларуси, начиная с 1918 года.

Авторитет и значимость учёного высоко оцениваются в научной среде – доктор исторических наук В. Н. Михнюк в начале 2004 года представлен для участия в конкурсе на замещение вакансии члена-корреспондента Национальной Академии наук Беларуси по специальности «История». С переходом на должность проректора по научной работе в Белорусский Институт Правоведения Владимир Николаевич связывал большие надежды и, творческие планы... 13 октября 2004 года, он приезжает по приглашению на международную конференцию в Брестский государственный технический университет... И уходит от нас, оставшись для многих, кто знал и любил его, источником вдохновения и примером для подражания.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ НАУЧНЫХ РАБОТ В. Н. МИХНЮКА

Монографии:

- Социалистические преобразования в западных областях БССР (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.): Историографический очерк. - Мн., 1979.
Крестьянство Белоруссии на пути к социализму: Историографический очерк. - Мн., 1979.

Становление и развитие исторической науки Советской Белоруссии (1919 – 1941 гг.). - Мн., 1985.

Историческая наука Белорусской ССР, 80-е годы. Мн., 1987. (Соавтор – Петриков П. Т.).
Гісторыя славянскіх народаў у працах беларускіх савецкіх даследчыкаў. - Мн., 1988. (Соавторы - Сяргеева Г. Г., Петрыкаў П. Ц.)

Докторские и кандидатские диссертации по историческим наукам БССР, 1944 – 1987 гг.: Библиографический указатель. Изд. 2-е, перераб. и доп. - Мн., 1988. (Соавтор – Новицкая Л. М.).

Арыштаваць у высылцы: Дакументальны нарыс пра Алеся Дудара. - Мн., 1996.

Антон Луцкевич: материалы следственного дела НКВД БССР. - Мн., 1997. (Соавторы – Климович Н. М., Гесь А. Н.).

Сповідзь у надзеі застацца жывым: Аўтабіяграфія Браніслава Тарашкевіча. - Мн., 1999. (Соавтор – Валахановіч А. І.).

Слуцкі збройны чын 1920 г. у дакументах і ўспамінах. - Мн, 2001. (В соавторстве).

Разделы в коллективных изданиях:

Рэпрэсіі – самае цяжкае дэятарскага рэжыму // Нарысы гісторыі Беларусі. Ч. 2. - Мн., 1995. (Соавтор - Касцюк М. П.).

Сумленна служыў народу (да пытання аб палітычнай рэабілітацыі У. М. Ігнатоўскага) // Акадэмік У. М. Ігнатоўскі: Матэрыялы навуковых чытаняў, прысвечаных 110-годдзю з дня нараджэння. - Мн., 1993.

Знешняя палітыка Беларусі: Зборнік дакументаў і матэрыялаў. Т. 1-6 / Рэдкал: Антановіч І. І., Міхнюк У. М., Ракашэвіч В. К. - Мн., 1997-2003.

Статьи:

Становление и развитие исторической науки Советской Белоруссии (1919 – 1941 гг.): Автореф. дис. ... доктора ист. наук. 07.00.02 / АН БССР, Ин-т истории. Мн., 1987.

Захоўваць вечна: справа № 20951-С // Маладосць. 1992. № 6.

Аўтабіяграфія Канстанціна Барысавіча Езавітава: Напісанная для перакладу ў нямецкую мову: [З архіваў КДБ] // Полацк. 1992. № 5 (15). (Соавтор – Паўлаў Я. С.).

Езавітаў К. Першы ўсебеларускі Кангрэс: [Успаміны К. Езавітава. Мінск. Снежаны 1917 г.] / Публ. і прадм. // Згода. 1992. №№ 1-3. (Соавтор – Паўлаў Я. С.).

Як загінуў Езавітаў: [Публ.: “Уласнаручныя паказанні Езавітава Канстанціна Барысавіча”: З архіваў КДБ] // Полацк. 1992. № 6 (16); № 7 (17); № 8 (18); № 9 (19); № 10 (20); 1993. № 1 (21); № 2 (22); № 3 (23); № 4 (24). (Соавтор – Паўлаў Я. С.).

“Але без торгу и без слоў мы аддаем сваіх герояў” // Беларуская мінуўшчына. 1993. № 1.

Хто Вы, генерал Езавітаў?: [Прадм. да публ. успамінаў К. Езавітава “Першы ўсебеларускі Кангрэс”] // Беларуская мінуўшчына. 1993. № 1. (Соавтор – Паўлаў Я. С.).

Справа Вацлава Ластоўскага // Маладосць. 1993. № 8-9.

Белорусские масоны // Згода. 1993. 4 сакавіка.

Як вынішчалі генафонд беларускай нацыі // Полацк. 1994. № 3 (33); № 4 (34); № 5 (35); № 6 (36); № 7 (37); № 8 (38); № 9 (39); 1995. № 4-9. (Соавтор – Паўлаў Я. С.).

Канстанцін Езавітаў: матэрыялы да біяграфіі // Маладосць. 1995. № 1 [Приложение: Стенограмма протокола допроса арыстраванага Езавітова Канстанціна Борисовича от 29-30 января 1946 года]. (Соавтор – Паўлаў Я. С.).

Собственноручные показания А. И. Луцкевича. 30 октября 1939 г. / Подгот. Михнюк В., Климович Н., Гесь А. // Неман. 1995. № 1.

“Невінаватым ад нас не выйдзеш” // Беларуская мінуўшчына. 1995. № 6.

"Dissertatio" – вучонае сачыненне // Беларуская мінуўшчына 1996. № 5, 6. (Соавтор – Міхнюк А. М.).

Першы сярод лепшых (да 80-годдзя з дня нараджэння І. М. Ігнаценкі) // Беларускі гістарычны часопіс. 1999. № 4.

3 кандыдацкай дысертацыяй у навуку ўваходзяць, а з доктарскай – выходзяць // Беларуская думка. 2000. № 3.

Рыжскі мірны дагавор 1921 г. // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 6. - Мн., 2000. (Соавтор – Бародзіч С.).

Смоліч Аркадзь // Там жа.

Уз'яднанне заходняй Беларусі з БССР // Там жа. С. 171-572. (Соавтор – Горбач А.).

От древних фараонов до современных мормонов. (Сказание о диссертации) // Белорусская мысль. 2002. № 6.

Расійска-літоўскі дагавор 12 ліпеня 1920 г.: гістарыяграфія праблемы // Беларускі гістарычны часопіс. 2003. № 8.

Выдатны даследчык гісторыі беларускай культуры Станіслаў Віктаравіч Марцэлеў // Там жа.

Першае абвешчэнне ССРБ: умовы, прычыны, значэнне // Беларускі гістарычны часопіс. 2004. № 3.

Гісторыя Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі Літвы і Беларусі ў падручніках і вучэбных дапаможніках Рэспублікі Беларусь // Беларускі гістарычны часопіс. 2004. № 7. (Соавтор – Малыхіна Л. Ю.).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Акадэмік У. М. Ігнатоўскі: Матэрыялы навуковых чытанняў, прысвечаных 110-годдзю з дня нараджэння. - Мн., 1993. С. 94-95.

2. Задзірысты даследчык // Беларуская мінуўшчына. 1997. № 3. С. 68.

3. Валахановіч А. І., Міхнюк У. М. Споведзь у надзеі застацца жывым. - Мн., 1999. С. 117-118.

4. Сідарэвіч А. Уладзімер Міхнюк // Наша Ніва [39]22 кастрычніка 2004. С. 2.

5. Міхнюк Уладзімер Мікалаевіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 5. - Мн., 1999. С. 215-216.

Малыхина Л. Ю. (г. Брест, БГТУ).

РАЗДЕЛ I

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИИ И ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Журба М. А. (г. Киев, НПУ им. М. П. Драгоманова)

МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИЕДОЙ (КООПЕРАЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ ПОСЛЕ КРУШЕНИЯ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА)

Кооперативное законодательство Германии до фашистского переворота 1933 года, базировавшееся, главным образом, на законе о закупочных и хозяйственных товариществах от 1 января 1889 года и изданном в дополнение к нему „Постановлении о кооперативном реестре“, обеспечивало юридическую основу кооперативного движения, ограждало до известной степени хозяйственную самостоятельность кооперативов, предусматривало выборность органов управления, гарантировало имущественные права, устанавливало объём материальной ответственности членом и требовало публичности регистрации изменений в положении кооперативов и в движении их членского состава.

Фашистский режим формально не отменил этого законодательства, но внёс в правовое положение кооперации столько изменений, что от былой свободы кооперативного движения в Германии практически мало что осталось. Во главе кооперативных объединений были поставлены государственные руководители, наделенные правом передачи своих полномочий другим лицам. Кооперативные ревизоры стали назначаться министром хозяйства по согласованию с министром юстиции. Кооперативы, имевшие в уставах положение о дополнительной ответственности членом за результат хозяйственной деятельности, принудительно были превращены в кооперативы с неограниченной ответственностью. Это перекладывало ответственность за хозяйственный эффект на участников кооперативных союзов, которыми они по существу не руководили. За время войны превращение сельской кооперации в послушное орудие гитлеровской власти было полностью завершено. Отменялась публичность юридического оформления кооперативов, ликвидировались собрания членом кооперации, правление и наблюдательные советы получали право действовать от их имени [1; 82-83].

Следует отметить, что сходные процессы „огосударствления“ крестьянской кооперации, а по существу ликвидация её как системы общественно-хозяйственных организаций происходили и в Советском Союзе на рубеже 20-30-х гг., в ходе утверждения там сталинской модели тоталитаризма [2; 114-115]. И именно советские оккупационные власти после разгрома гитлеровской Германии своим указом от 20 ноября 1945 г. провозгласили восстановление сельской кооперации как демократической организации крестьян и избавление её от фашистских и спекулянтских элементов, заседавших в руководстве кооперативным движением. Возобновлялась деятельность всех видов сельских кооперативных товариществ. Для укрепления материального положения кооперации за товариществами и их объединениями было сохранено имущест-

во, а также остатки средств на текущих счетах в кредитных учреждениях. Были распущены прежние органы правления кооперативных союзов. Вместо них создавались организационные бюро, которые провели перерегистрацию членов и подготовили выборы новых постоянных руководящих органов кооперации. 12 февраля 1946 г. СВАГ утвердила типовой устав сельского кооперативного товарищества, а несколько позже уставы центральной (земельной) кооперативной кассы земельного кооперативного ревизионного союза. Кооперация Восточной Германии получила исключительно благоприятные не только правовые, но и материальные условия для своего развития. Ей отдавалось предпочтение перед частными фирмами при проведении заготовок сельхозпродуктов, снабжении крестьян удобрениями, инвентарём и другими промышленными товарами. Исключительно через кооперацию предоставлялся крестьянам кредит, выдаваемый правительствами земель, а затем и республик [1; 301-302].

Восстанавливая кооперативную сеть на формально демократической, обще-крестьянской основе, советские оккупационные власти преследовали свои ближние и дальние цели. Прежде всего, они стремились привлечь через новую кооперацию широкие слои сельского населения к аграрным преобразованиям просветского образца, используя при этом ресурсы рентабельных хозяйств и одновременно выставляя себя поборниками демократического развития немецкой деревни. Вместе с тем, кооперация играла роль монопольно контролируемого СВАГ канала товарообмена между городом и деревней. Через сельские кооперативы из деревни в город поступали продовольствие и сельскохозяйственное сырьё, а из города в деревню – необходимые промтовары. Характерно, что результатом целенаправленной деятельности СВАГ по развитию потребительской и сельскохозяйственной кооперации стало появление парадоксальной ситуации, аналогичной обстоятельствам, сложившимся в кооперации советской России летом 1920 г., когда расширение сети потребительско-сбытовых учреждений значительно отставало от увеличения массы реализуемого товара. Этот дисбаланс отвечал интересам советской военной администрации как когда-то интересам большевистского правительства, которое рассчитывало посредством поддержки сбытовой кооперации решить одновременно две задачи: во-первых, существенно сократить товарно-денежный оборот „на черном рынке“, получив запланированные поступления в виде налогов, и, во-вторых, стимулировать через коллективный сбыт коллективное кооперативное производство [2; 115].

При отсутствии возможности установления прямого контроля над хозяйственной деятельностью немецкого крестьянства, учитывая его специфически сориентированный собственный менталитет, СЕПГ действовала при помощи создания различных общественных сельских союзов, объединенных под общей крышей Организации крестьянской взаимопомощи (ОКВ). Она должна была проводить линию СЕПГ при восстановлении разрушенной за годы войны традиционной для Германии сельскохозяйственной кооперации [3; 8]. В 1945 г. в Восточной Германии возобновили свою деятельность свыше 6000 кооперативных объединений, насчитывающие около 800 тыс. человек [4; 43]. Кооперативная сеть расценивалась компартачниками как надежный плацдарм для развёртывания обобществления производственных фондов в деревне. Препятствием на этом пути стали антиколхозные и в целом антиобобществленческие настроения даже тех крестьян, которые лояльно относились к СЕПГ. Частная собственность превратилась в серьёзный барьер, преодолеть который коммунистам не удалось в течение всего рассматриваемого периода. Давление на немецкое крестьянство призвана была оказать ОКВ. Она обязывалась содействовать проведению в жизнь всех мероприятий СЕПГ, которые касались крестьянства. При этом особое внимание уделялось досрочному выполнению заданий партийно-государственной верхушки по подготовке обобществления сельскохозяйственного производства [1; 298].

В 1948 г. таким путем было засеяно 137,7 тыс. га и собран урожай с площади 153 тыс. га [1; 297].

Со временем ОКВ показала нецелесообразность попыток коммунистов сделать её обобщественной, агентом экономических отношений в сельскохозяйственном производстве, обмене, распределении и потреблении. Использование предоставленных в ходе аграрной

реформы мощностей было одним из самых слабых мест хозяйственной деятельности ОКВ. Из 2 387 мастерских сама ОКВ использовала к началу 1949 г. только 361, а из промышленных 1 700 предприятий – 868. Все остальные были сданы в аренду частным лицам, преимущественно зажиточным крестьянам [1; 297]. СЕПГ и СВАГ сознательно закрывали глаза на такое положение вещей, когда техника вновь оказывалась в руках «эксплуататоров», поскольку общинные ОКВ включали в свой состав «кулаков» для помощи конституированным в ходе аграрной реформы «новым» хозяйствам.

При Центральном правлении ОКВ было образовано Центральное управление машино-прокатных станций (ЦУ МПС), директора которых были обязаны неукоснительно выполнять указания районных правлений ОКВ, в свою очередь строго подчинявшихся директивам секретариата Центрального правления обществ крестьянской взаимопомощи. Деятельность ОКВ была ориентирована, главным образом, на поддержку непроизводственной кооперации. Что рассматривалось как материальная база запланированной коллективизации в «немецком» варианте, насыщенном за счёт сельских кооперативных товариществ (СКТ), начавших функционировать на восточнонемецких землях с осени 1945 г. Поставщицеские-сбытовые СКТ являлись основным каналом, по которому в города направлялись продовольствие и сельскохозяйственное сырьё. В 1948 г. 61,7 % зерновой продукции, 62,2 % картофеля и 72 % продуктов животноводства были поставлены городскому потребителю при посредничестве СКТ. [5; 185-186]. Впрочем, рост количества членской массы всех видов и типов непроизводственной кооперации происходил довольно медленно. Если в 1946 г. насчитывалось 825 тыс. членов кооперативов, то в 1949 г. – лишь 967 тыс. В целом насчитывалось около 30 видов различных кооперативов. При этом производственные формы кооперативного движения не получили распространения как по абсолютным показателям, так и относительно коррелянтам к 1939 году, а также в отношении к различным видам непроизводственной кооперации.

Массированное наступление на традиционные формы кооперативных отношений восточной Германии, где основополагающим принципом для распределения дохода была величина первоначального взноса, ознаменовалось указом СВАГ от 20 ноября 1945 г. «О возобновлении деятельности сельскохозяйственной кооперации в советской зоне оккупации Германии». В феврале 1946 г. при утверждении примерного устава сельскохозяйственного кооперативного товарищества в него было включено положение о том, что каждый член кооператива на заседаниях и совещаниях мог иметь только один голос, вне зависимости от количества внесенных или приобретенных паев [1; 301]. Социальная подоснова этих законов более, чем очевидна: усилить бедняцкую прослойку в кооперации. Рассеянная, спорадически существующая кооперация к началу 1945 г. уже не могла удовлетворить централизаторские устремления партийно-государственной верхушки, тем более, что ОКВ уже представляла собой централизованно-унифицированную социальную-хозяйственную структуру, с определенным организационно-кадровым опытом тоталитаризации сельского общества.

1. Котов Г. Г. Аграрные отношения и земельная реформа в Германии. – М., 1956.
2. Марочко В. І. Українська селянська кооперація. Історико-теоретичний аспект (1861-1929 pp.). – К., 1995.
3. Bericht der Zentralvereinigung der Gegenseitigen Bauernhilfe zum 2. Deutschen Bauerntag. – В., 1949.
4. Gärtner P. Die Gennossenschaftsbewegung. – В., 1947.
5. Харатьян Г. М. Аграрные преобразования в ГДР. – М., 1951.

БЕЛАРУСЬ У ПАЧАТКОВЫХ ПАЛІТЫЧНЫХ І ВАЕННА-ЭКАНАМІЧНЫХ РАЗЛІКАХ "ТРЭЦЬЯГА РЭЙХА"

Высвятленне важнейшых аспектаў нацысцкай ваенна-эканамічнай палітыкі, якая з першых дзён германскай акупацыі праводзілася на захопленай тэрыторыі Беларусі, патрабуе больш паглыбленага пошуку вытокаў палітычных, ваенных і эканамічных дачыненняў вышэйшага кіраўніцтва "Трэцяга рэйха" да г. зв. усходніх тэрыторый.

Германская палітыка ў адносінах да будучай "жыццёвай прасторы" на Усходзе знайшла сваё замацаванне ў шэрагу дакументаў, падрыхтаваных да пачатку агрэсіі супраць СССР. У ходзе распрацоўкі дырэктыўных указанняў і распараджэнняў кіраўніцтва "Трэцяга рэйха" разглядала патэнцыял савецкай эканомікі, у тым ліку Беларусі, у якасці аднаго з галоўных аб'ектаў будучай усходняй ваенна-эканамічнай палітыкі. З канца лютага 1941 г. яе распрацоўкай займалася спецыяльна створаная эканамічная арганізацыя "Ольдэнбург" ("Oldenburg"), з чэрвеня 1941 г. – "Усход" ("Ost") [1].

Пры планаванні ваеннай аперацыі супраць СССР нацысцкае ваенна-палітычнае кіраўніцтва зыходзіла з прынцыповых указанняў Гітлера аб усходняй палітыцы рэйха на тэрыторыі "лебенсраума для Германіі", а таксама аб практычных метадах ажыццяўлення ваенна-эканамічнай палітыкі. Найбольш адметна характар апошняй выяўляе дакументальны запіс, зроблены ў час нарады членаў эканамічнага штаба "Ольдэнбург" 2 мая 1941 г., калі ўдзельнікамі пасяджэння была вызначана не толькі галоўная ваенна-эканамічная мэта ваеннай кампаніі на ўсходзе – харчовае забеспячэнне ўсяго вермахта з Расіі [2, 84] (г. зн. з занятай савецкай тэрыторыі. – С. Н.), але і згаданы злачынныя метады яе дасягнення. Удзельнікі нарады [статс-сакратары германскага ўрада. – С. Н.] былі адзінымі ў думцы, што пры атрыманні ўсяго неабходнага з СССР гэта "без усялякага сумнення прывядзе да *голады* [выдзелена мною. – С. Н.] дзесяткаў мільёнаў чалавек" [3].

Канкрэтная задача ў выкарыстанні эканамічных рэсурсаў з тэрыторыі Беларусі вызначаліся "агульнымі палітыка-эканамічнымі дырэктывамі для эканамічнай арганізацыі "Усход" [4, 65-66] ад 23 мая 1941 г. Паводле дакумента, распрацоўшчыкі [дзяржаўны сакратар Г. Бакэ і Г. Томас – начальнік упраўлення па ваеннай эканоміцы і ўзбраеннях. – С. Н.] планавалі атрымаць з беларускай зямлі, бачачы яе ў складзе "лясной зоны", значныя лясныя запасы [5, 65]. Пры гэтым меўся намер аддзяліць тэрыторыю Беларусі ад чарназёмнай зоны СССР. Магчымы недахоп прадуктаў харчавання ў гэтай лясной паласе не азначаў іх абавязковую паслаўку з чарназёмных раёнаў, дзе меліся лішкі прадуктаў, альбо з самой Германіі. Аднак распрацоўшчыкі дырэктыў на той час бачылі харчовае забеспячэнне вермахта ў якасці цэнтральнай мэты.

Нават з прыведзеных матэрыялаў становіцца відавочным, што прынцыповай асновай для распрацоўкі будучай "праграмы" [6, 147] забеспячэння вайсковых часцей з рэсурсаў занятай краіны павінен стаць метада не "павышэння ўраджайнасці, а зніжэння самаўжывання" мясцовым насельніцтвам [7, 65]. Прычым менавіта ў гэтым укладальнікі дырэктыў бачылі найбольш хуткі шлях для атрымання лішкаў харчавання і фуражу, неабходных Германіі ў час правядзення ваеннай аперацыі "Баўбароса", асуджаючы тым самым на галодную смерць мільёны савецкіх людзей.

Але гэта быў не адзіны матэрыял, які дае магчымасць для высвятлення злачыннага характару і брутальнай сутнасці германскай ваенна-эканамічнай палітыкі, што знайшла адлюстраванне ў афіцыйных дакументах нацысцкага кіраўніцтва на этапе падрыхтоўкі захопніцкай аперацыі супраць СССР.

Злачынныя метады, замацаваныя ў ваенна-палітычных дырэктывах ад 23 мая 1941 г., праз тыдзень знайшлі свой працяг у чарговым дакуменце, на гэты раз адрасаваным служачым будучай ваенна-эканамічнай арганізацыі, непасрэдным выканаўцам ужо распрацаванай злачыннай праграмы – "сельскагаспадарчым фюрэрам" (упраўляючым. – С. Н.). Пад

кіраўніцтвам члена эканамічнага штаба "Ольдэнбург", рэйхсміністра па харчаванні і сельскай гаспадарцы Г. Бакэ была падрыхтавана спецыяльная інструкцыя, вядомая ў айчынай гістарыяграфіі пад назвай "12 заповедзей паводзін немцаў на ўсходзе і іх абыходжання з рускімі" [8, 326-328]. Як ні дзіўна, але менавіта для будучых сельгасупраўляючых вызначэцца выключна брутальны характар дзеянняў з мэтай гарантаванага выканання задач па асваенні ўсходніх зямель і спрыманні лішкаў харчавання з беларускай тэрыторыі.

Аднак цэнтральным праграмным дакументам, які напярэдадні аперацыі "Барбароса" вызначаў галоўныя мэты і гаспадарчыя задачы ваенна-эканамічных задачы нацысцкай Германіі па завяёве "жыццёвай прасторы" на ўсходзе, з'явіліся "Дырэктывы па вядзенні гаспа-даркі на новазаянятых усходніх тэрыторыях", вядомыя ў айчынай гістарыяграфіі як "Зялёная папка" Г. Герынга [9], а з нядаўняга часу, дзякуючы расійскаму гісторыку М. І. Семірагу, – і як "Зялёная папка" для Савецкага Саюза [10, 373]. Прынятыя 16 чэрвеня 1941 г., г. зн. за тыдзень да нападу Германіі на Савецкі Саюз, дырэктывы прызначаліся для арыентацыі аперацыйнага ваеннага кіраўніцтва ўсіх узроўняў і павінны былі ўступіць у сілу ў раёнах, якія ў хуткім часу будуць знаходзіцца ў падпарадкаванні як ваеннай, так і грамадзянскай адміністрацыі.

У дакуменце паказана значэнне эканамічнага патэнцыялу Беларусі: з гэтай тэрыторыі гаспадарчыя службы вермахта павінны атрымаць запасы буйной рагатай жывёлы, ячменю, коней, леса і інш. [11, 19]. Апрача таго, для правядзення пастаўленых эканамічных задач і забеспячэння вайсковых часцей з рэсурсаў краіны германскім гаспадарчым органам трэба выкарыстоўваць рабочую сілу, ваеннапалонных і прыцягваць да працы мясцовае насельніцтва [12, 16].

Значным, што дырэктыўныя ўказанні, выкладзеныя ў "Зялёнай папцы" германскім кіраўніцтвам па вядзенні гаспадаркі на акупаванай усходняй тэрыторыі, захаваліся ў якасці рабочых указанняў практычна да краху ўсёй ўсходняй кампаніі Гітлера. Сёння гісторыкам вядомы нескількі рэдакцый гэтага дырэктыўнага дакумента, шматкрат дапоўненага і значна пашыранага ў выніку такой увагі з боку вышэйшага ваенна-эканамічнага кіраўніцтва нацысцкай Германіі. Першыя змяненні ў дакуменце з'явіліся праз месяц пасля яго выдання. З правалам "бліцкрыга" берлінскія стратэгі былі вымушаныя тэрмінова ўносіць неабходныя карэктывы ў сваю ўсходнюю палітыку, у тым ліку і ў практыку "вядзення гаспадаркі": асновай работы германскіх гаспадарчых органаў і службаў павінны былі стаць "агульныя прынцыпы эканамічнай палітыкі на новазаянятых усходніх тэрыторыях" [13, лл. 42-51], прынятыя ў першай дэкадзе лістапада 1941 г. на нарадзе вышэйшага ваенна-эканамічнага кіраўніцтва з удзелам Герынга. Галоўным законам вядзення вайны з гэтага моманту нацысцкае кіраўніцтва аб'явіла "патрэбнасці ваеннай эканомікі" [14]. Асабліва акцэнт пры гэтым надаваўся "каланіяльным метадам" эксплуатацыі захопленых рэсурсаў сельскай гаспадаркі, прамысловасці, але перш-наперш – мясцовай рабочай сілы, ваеннапалонных.

Сярод іншых праграмных дакументаў, маючых прынцыповае значэнне для ажыццяўлення германскай эканамічнай палітыкі на акупаванай тэрыторыі Беларусі, асабліва той яе часткі, якая патрапіла ў сферу дзейнасці г. зв. грамадзянскай адміністрацыі, асобнае месца займае "Карычневая папка" ці дырэктывы па вядзенні гаспадаркі на новазаянятых усходніх тэрыторыях [15], да апошняга часу практычна не вядомыя айчынныму чытачу ў поўным аб'ёме. Падрыхтаваны восенню 1941 г., аднак апублікаваны за подпісам рэйхсміністра А. Розенберга толькі ў красавіку 1942 г., дакумент разглядаўся ў якасці дапаўнення да часткі і "Зялёнай папкі" [16, 27-28] і датычыўся перш за ўсё органаў грамадзянскага кіравання на тэрыторыі рэйхскамсарыятаў "Остланд" і "Украіна", у лік якіх з канца лета – пачатку восені 1941 г. ўваходзіла больш за палову ўсёй акупаванай тэрыторыі Беларусі. Адсюль планавалася пастаянна атрымліваць такія віды сельгаспрадукцыі, як бульбу, жыта, лён, канялю, шэрсты, а таксама лесаматэрыялы і інш. [17; 167, 173-174]. Да таго ж у сферу дзейнасці грамадзянскай

адміністрацыі ўваходзілі пытанні агульнага вядзення гаспадаркі, у тым ліку: планавання і аднаўлення вытворчасці, перапрацоўкі сельскагаспадарчай сыравіны, паставак прадукцыі для вермахта, выкарыстанне мясцовай рабочай сілы, наладжванне гандлю і г. д.

Такім чынам, ужо ў ходзе падрыхтоўкі і на пачатковым этапе правядзення ваеннай аперацыі супраць СССР вышэйшым кіраўніцтвам нацысцкай Германіі былі распрацаваны дырэктывыя дакументы, спалучаўшыя ў сабе, з аднаго боку, ваенна-стратэгічныя і ваенна-эканамічныя разлікі, а з другога – нацысцкія метады расавай тэорыі і злачынай ідэалогіі вайны на вынішчэнне мірнага насельніцтва на тэрыторыі Беларусі. Практычна да яе вызвалення летам 1944 г. эканамічны і людскі патэнцыялы нашай краіны з'яўляліся галоўнымі аб'ектамі для цэлага шэрагу гаспадарчых служб, каманд і аддзелаў германскіх акупацыйных органаў улады, іх палітыкі эксплуатацыі, рабавання і вынішчэння.

Падагульняючы сказанае вышэй, неабходна задацца пытаннем: у якой ступені такі падыход можа прывесці да ўдакладнення папярэдніх навуковых уяўленняў аб характары нацысцкай ваенна-эканамічнай палітыкі, і якія магчымасці такі пошук адкрывае для пашырэння і паглыблення фронту навуковых даследаванняў з улікам распрацовак замежных гісторыкаў па згаданай праблематыцы? Такая пастаноўка пытання патрабуе, на наш погляд, працягу навуковай працы, пошукаў новых дакументаў і выяўлення дадатковых фактаў для таго, каб напісаць рэальную карціну адной з самых трагічных падзей гісторыі беларускага народа ў XX стагоддзі.

1. Bundesarchiv-Militaerarchiv (Федэральныя ваенныя архіў Германіі, далей – BA-MA), RW 31/80: OKW/ Wi Rue Amt, Stab Ia 1755/41. Namensbezeichnung in der Wi-Organisation Ost (Anlage 4); Archiv des Instituts fuer Zeitgeschichte (Інстытут сучаснай гісторыі ў Мюнхене, далей – A IfZ), ED 21, Bd. I. Kriegswirtschaft im Operationsgebiet des Ostens in den Jahren 1941–1943, Bl. 14; Thomas G. Geschichte der deutschen Wehr- und Ruestungswirtschaft (1918–1943/45). Boppard a. Rh. 1966, S. 271; Die deutsche Wirtschaftspolitik in den besetzten sowjetischen Gebieten 1941–1943/ hrg. von Rolf-Dieter Mueller. Boppard a. Rh., 1991. S. 42.
2. Aktennotiz ueber Ergebnis der heutigen Besprechung mit den Staatssekretaren ueber Barbarossa, in: Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Mielitaergerichtshof. Nuernberg 14. November 1945–1. Oktober 1946 (далей – IMT). Dok. 2718-PS. Nuernberg 1948, Bd. XXXI.
3. Aktennotiz ueber eine Besprechung der Staatssekretaere vom 2.5.1941, in: Der deutsche Ueberfall auf die Sowjetunion. "Unternehmen "Barbarossa" 1941. Frankfurt a.M. 1999. S. 323; Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 4: Вторая мировая война: Док. и материалы / Отв. ред. М. Ю. Мягков. М., 2002. С. 133.
4. Wirtschaftspolitische Richtlinien fuer die Wirtschaftsorganisation Ost vom 23.5.41, erarbeitet von der Gruppe Landwirtschaft, in: Verbrechen der Wehrmacht. Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941-1944. Ausstellungskatalog. Hamburg 2002.
5. Ibidem.
6. Mueller R.-D. Von der Wirtschaftsallianz zum kolonialen Ausbeutungskrieg, in: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. Der Angriff auf die Sowjetunion. Stuttgart 1987.
7. Wirtschaftspolitische Richtlinien fuer die Wirtschaftsorganisation Ost vom 23.5.41, erarbeitet von der Gruppe Landwirtschaft, in: Verbrechen der Wehrmacht. Hamburg, 2002.
8. 12 Gebote fuer das Verhalten der Deutschen im Osten und die Behandlung der Russen vom 1.6.1941, in: Der deutsche Ueberfall auf die Sowjetunion. Frankfurt a.M., 1999.
9. BA-MA. RW 31/128: Richtlinien fuer die Fuehrung der Wirtschaft in der neubesetzten Ostgebieten (Grueene Mappe). Teil I: Aufgaben und Organisation der Wirtschaft. Juni 1941 (1. Auflage). "Зелёная папка" Геринга // Военно-исторический журнал. 1991. № 4. 5; Сравни: Леонтьев А. "Зелёная папка Геринга". ОГИЗ-Госполитиздат, 1942.
10. Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявление в годы второй

мировой войны. - М., 2000.

11. BA-MA. RW 31/128: Richtlinien fuer die Fuehrung der Wirtschaft in der neubesetzten Ostgebieten (Grueue Mappe).

12. Ibidem.

13. Расійскі дзяржаўны ваенны архіў (далей – РДВА), К (гісторыка-дакументальная калекцыя). Ф. 1358 К, оп. 4, д. 1: BfdVP, Wi Fue Stab Ost, V.P.19206/6 g v. 20.11.41 (Abschrift).

14. Там жа. Л. 42; BA-MA. RW 31/85: RM d GR. Beauftragter fuer den Vierjahresplan. Wirtschaftsfuehrungsstab Ost, V.P. 19203/6 g., Bl. 74. Сравни: Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1944 гг.). - М., 1985. С. 62.

15. BA-MA. RW 31/134: Der Reichsminister fuer die besetzten Ostgebiete, III Wi. 2461/42. Die Zivilverwaltung in den besetzten Ostgebieten (Braune Mappe). Teil A: Richtlinien fuer die Wirtschaftsfuehrung. Berlin, April 1942; Новакаў С. Я. Эканамічная палітыка нацыскай палітыкі Германіі ў Беларусі 1941-1944 гг. (агляд крыніц і германскай гістарыяграфіі 1990-х гадоў). Мн., 2002. С. 160-179. Сравни: Директивы по руководству экономикой во вновь оккупированных областях (Зелёная папка). Ч. 2. Дополнительный материал к части 1 // Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сб. материалов в 3-х т. Т. 2. - М., 1966. С. 181-201.

16. Studien des Instituts fuer Besatzungsfragen in Tuebingen zu der deutschen Besetzungen im 2. Weltkrieg, Nr. 17. Tuebingen 1959.

17. Новакаў С. Я. Эканамічная палітыка нацыскай палітыкі Германіі ў Беларусі 1941-1944 гг. - Мн., 2002.

Потыльчак А. В. (з. Киев, НПУ им. М. П. Драгоманова)

К ВОПРОСУ О ЧИСЛЕННОСТИ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ИНТЕРНИРОВАННЫХ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ, УМЕРШИХ И ЗАХОРОНЕННЫХ В УКРАИНЕ

Одним из ключевых аспектов в контексте исследования темы немецких военнопленных второй мировой войны в СССР остается вопрос о количестве умерших и захороненных на территории Украины в 1943-1953 гг. узников советских лагерей и рабочих батальонов для военнопленных. Отметим, что в изученной нами источниковой базе в этом вопросе нет требуемой чёткости. По данным, отобраным украинским исследователем В. Левыкиным из документа «Сведения (списки) о количестве кладбищ и захоронений на них умерших военнопленных и интернированных по республикам, краям и областям. 1950 год», который хранится в фондах Российского государственного военного архива, на территории 19 областей Украинской ССР было зафиксировано 293 отдельные могилы и кладбища, на которых находилось 40 293 захоронения. Причем 115 из перечисленных в списке кладбищ на момент составления документа уже считались ликвидированными. Большая часть кладбищ военнопленных и интернированных находилась на территории промышленного юга и востока Украины – в Днепропетровской области (15 – 1 925 могил), Запорожской (15 – 6 707 могил), Харьковской (39 – 3 881 могила), Сталинской (56 – 5 756 могил), Ворошиловградской области (69 – 8 647 захоронений). На долю остальных 14 центральных, южных и западных областей республики приходилось 101 место захоронения военнопленных и интернированных (13 377 могил) [1; 77-99]. Проведенное нами сравнительное исследование вышеприведенных данных и документов из фондов Государственного архива Министерства внутренних дел Украины засвидетельствовало очевидный факт неполноты первых и позволило поставить их репрезентативность под сомнение. Так, в обработанном В. Левыкиным документе почти полностью отсутствуют сведе-

ния о захоронениях категории контингента, проходящей по документации НКВД-МВД как «интернированные и мобилизованные немцы», а также совсем нет данных о кладбищах военнопленных и интернированных на территории Станиславской и Кировоградской областей.

По официальным данным Тюремного управления союзного МВД, по состоянию на 1 февраля 1954 г. в 16 областях Украинской ССР насчитывалось 289 кладбищ военнопленных и интернированных [2; 101]. В письме заместителя министра внутренних дел СССР С. Егорова в адрес республиканского МВД, датированном 1 октября 1955 г., говорилось уже о 328 местах захоронений и кладбищах, расположенных на территории Украинской ССР в новых административных границах, включая переданную накануне Крымскую область [3; 120]. По нашим подсчетам, на территории республики (в административных границах 1953 г.) установлено 470 подобных кладбищ, где (по неполным данным) находилось 96 102 индивидуальных, групповых и массовых захоронений военнопленных и интернированных. Если включить также присоединенную к УССР в 1954 г. Крымскую область, это составит соответственно 523 кладбища и 102 781 могилу. Из них на 250 кладбищах лагерей и лагерных отделений было подсчитано 40 596 могил военнопленных. Ещё 3 159 могил находилось на 24 кладбищах организованных администрацией рабочих батальонов военнопленных Министерства вооруженных сил СССР. Трупы умерших пациентов спецгоспиталей были захоронены в 31 503 индивидуальных и групповых могилах на территории 61 кладбища. На 128 установленных нами местах захоронений интернированных и мобилизованных иностранцев (по неполным данным) находилось 18 332 могилы.

На наш взгляд, существует, по меньшей мере, две причины, обусловившие вышеуказанные количественные различия. Во-первых, исходя из структурно-организационного принципа, каждое лагерное отделение, рабочий батальон и спецгоспиталь осуществляли учёт и захоронение умершего контингента самостоятельно. В случае дислокации в одном населенном пункте нескольких подобных учреждений, они довольно часто хоронили и своих умерших на определенной территории. Со временем формировался единый кладбищенский комплекс. Однако централизованный учёт мест захоронений каждого лагерного подразделения осуществлялся отдельно, а это делало типичной ситуацию, когда на территории де-факто единого кладбища документы фиксировали несколько официально зарегистрированных мест захоронений. В письме начальника Тюремного отдела Управления мест заключения МВД Украинской ССР подполковника Федорова в адрес МВД СССР, датированном 29 марта 1960 г., читаем: «...Количество кладбищ в Сталинской, Луганской и Харьковской областях больше, чем фактически имеется. Это объясняется тем, что в одном населенном пункте дислоцировалось несколько подразделений военнопленных. Все они производили захоронения на одном земельном участке, который составляет одно кладбище, однако на учёт брались самостоятельно кладбище по каждому подразделению в отдельности и получилось, что на одном земельном участке якобы находятся несколько кладбищ» [4; 90]. Во-вторых, часть кладбищ (особенно в начальный период организации системы режимных объектов) никоим образом не фиксировались, а количество захороненных на них лиц не учитывалось. Как следствие, эти места захоронений так никогда и не были учтены в официальной статистике Главного управления по делам военнопленных и интернированных МВД СССР, а позже и Тюремного управления союзного министерства. Кроме того, в 1943-1945 гг. значительное количество умерших военнопленных² и интернированных были захоронены в общих могилах. Со временем, во многих случаях, документы по этим захоронениям были утеряны, и установить численность покоящихся здесь лиц без экзгумации останков практически невозможно. Как следствие, в официальной статистике МВД СССР такие могилы, а иногда и целые кладбища учитывались как захоронения с не установленным количеством трупов.

Сравнительно-статистический анализ источниковой базы позволил установить количественные значения отдельных групп мест захоронений и кладбищ военнопленных и интерниро-

ванных за численностью расположенных на них могил или захороненных трупов. Среди них выделяются 4 типологические группы: единичные захоронения, кладбища с числом захороненных останков от 3 до 10 человек, кладбища с числом похороненных останков от 10 до 100, а также массовые захоронения с более чем 100 могилами. По нашим подсчётам, доля единичных захоронений в общей численности подобных кладбищ составляла наименьшее число – 20. Кладбищ с количеством от 3 до 10 могил мы насчитали 66, а кладбищ, где захоронены от 11 до 100 узников войны – 204. В то же время группа мест захоронений с количеством могил более 100 оказалась самой крупной – 218 объектов. Данных о количестве захороненных на 15 оставшихся кладбищах обнаружить пока что не удалось. Крайне незначительная численность зафиксированных единичных захоронений военнопленных, на наш взгляд, объясняется двумя разноплановыми тенденциями, нашедшими себя в практике захоронения военнопленных и интернированных. Во-первых, такие захоронения очень часто не учитывались и не указывались на местности, а в отсутствие постоянного надзора и ухода – очень быстро разрушались. Вследствие этого такие захоронения или вообще не вводились в соответствующую статистику, или со временем исключались из нее как несуществующие. Во-вторых, администрации режимных учреждений, исполняя директивные указания НКВД-МВД, всё же пытались хоронить умерших военнопленных и интернированных централизованно. Именно последним объясняется абсолютное превосходство кладбищ с количеством похороненных трупов более 100.

И всё же, возможно ли сегодня установить истинную цифру военнопленных и интернированных иностранцев, нашедших свое последнее пристанище в украинской земле? Очевидно, что выполнить эту задачу будет чрезвычайно трудно. Кроме неполноты учётно-регистрационной информации существуют и значительные различия в официальной статистике отдельных лагерей, ОРБ и спецгоспиталей, Управления по делам военнопленных и интернированных (УПВИ) и Тюремного управления (ТУ) МВД УССР, тюремных отделов УМВД областей, которые должны были осуществлять систематический учёт умерших и похороненных на кладбищах узников войны. Вот лишь один пример подобной несогласованности. По данным ГУПВИ НКВД СССР в январе-феврале 1945 г. в лагерных отделениях Киевского стационарного лагеря для военнопленных № 62 умерло 1 772 человека. В то же время по данным официальных сведений ГУПВИ о количестве кладбищ для военнопленных на 1950 г. выходит, что за время существования лагерного управления № 62 здесь умер и был похоронен ... 1 431 военнопленный. И даже если к этому количеству умерших прибавить контингент, скончавшийся в местных госпиталях – 686 человек, то и тогда выходит цифра – 2 117 [2; 32, 83-84]. И это за весь период существования лагерной сети на территории Киевской области?! На наш взгляд, подобная статистика – сплошной абсурд. Если согласиться с этими цифрами, то нужно признать, что узники лагерей как до наступления зимы 1944-1945 гг., так и позже на территории Киевской области вообще не умирали.

Истину в вопросе о количестве умерших, а, следовательно, и похороненных военнопленных и интернированных в определенной мере позволяет установить учётно-регистрационная документация лагерей, ОРБ и спецгоспиталей, дислоцировавшихся на территории Украинской ССР в 1943-1954 гг. В январе-апреле 1965 г. по указанию Министерства охраны общественного порядка (МООП) РСФСР из архивов 1-х спецотделов УООП 19 областей Украинской ССР в адрес Особого архива Главного архивного управления (ГАУ) при Совете Министров СССР были переданы 133 126 учётных карточек на умерших в местных лагерях, рабочих батальонах, спецгоспиталях и лазаретах военнопленных и интернированных. Среди этих документов находилось 6 978 регистрационных карточек на военнопленных, умерших и похороненных на территории Крымской области, которая, как известно, до 1954 г. находилась в составе РСФСР. Таким образом, несложные арифметические действия показывают, что количество умерших и похороненных в 1943 – 1953 гг. на территории Украинской ССР (в старых административных

границах) военнопленных и интернированных составляет 125 148 [5; 81-120]. На наш взгляд, вполне обоснованно можно утверждать, что именно таким может быть минимальное учтённое количество узников войны, умерших и похороненных в Украине в конце второй мировой войны и в послевоенные годы. Однако, исходя из изложенных выше причин, мы не можем, да и не вправе считать эту цифру окончательной.

На протяжении второй половины 50-х – 60-х гг. большая часть кладбищ военнопленных и интернированных была разрушена, а часть, оставшись без надзора, растворилась в окружающем ландшафте. Так, по состоянию на 20 апреля 1967 г. (данные МВД УССР) на территории 18 областей Украины на централизованном учёте и под надзором местных органов МВД числилось всего лишь 46 кладбищ, на которых находилось 17 574 могилы с захороненными в них 25 217 трупами. По неполным данным (информация по этническому составу похороненных на 7 кладбищах отсутствует) – 15 979 из них были немцы [6; 230-231].

Подытоживая изложенное выше, необходимо отметить, что на протяжении десятилетия функционирования в Украине режимных учреждений системы советского военного плена, последние создали на территории республики целую сеть мест захоронений. На основе анализа документальной базы Государственного архива Министерства внутренних дел Украины удалось выявить сведения о существовании 523-х кладбищ и отдельных мест захоронений на территории 21-й области Украинской ССР. При этом количество похороненных здесь военнопленных и интернированных может варьироваться от 100 000 до 130 000 человек. Подавляющее большинство из них – этнические немцы.

1. Поховання німецьких військовополонених часів Другої світової війни на території України. Збірка документів / Упор. В. Левикін (Серія "Архівні та бібліографічні джерела української історичної думки" – Вип. 6.; Серія "Некрополістика в Україні" – Вип. 2 (7)). – К.: Український НДІ архівної справи та документознавства, Український центр біографічної некрополістики, 2002.

2. Державний архів МВС України. Ф. 7. Оп. 1. Спр. 541.

3. Там же. Ф. 5. Оп. 2. Спр. 377.

4. Там же. Ф. 7. Оп. 1. Спр. 734.

5. Там же. Ф. 5. Оп. 2. Справа фонду. Т. 2.

7. Там же. Ф. 7. Оп. 1. Спр. 738.

Борботько П. В. (г. Витебск, УО «ВГУ им. П. М. Машерова»)

ПОПЫТКА ПРОВЕДЕНИЯ СУДА НАД ВОЕННЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ В 1919-1920 ГОДЫ

История учит, что неравноправие сторон при заключении международных договоров и попытках проведения суда над военными преступниками приводит к негативным последствиям. Эта мысль доказывалась мировой историей не раз, но постоянно забывается (вследствие абсолютизации экономических и политических интересов отдельных государств).

Одним из примеров, подтверждающих данный тезис, может служить попытка проведения суда над военными преступниками в 1919-1920 гг.

После окончания первой мировой войны страны, принимавшие в ней участие, оказались разделёнными на победителей (блок Антанты) и проигравших (Германия и её союзники). Последствия военных действий заставили содрогнуться весь «цивилизованный» мир. Победители заявили о нарушении в период 1914-1918 гг. международных договоров конца XIX – начала XX веков, касавшихся средств и способов ведения войны. Они потребовали проведения широкомасштабного судебного процесса над виновными. Это была одна из первых попыток подобного рода в истории человечества. Как извест-

но, она окончилась неудачей и стала одной из многих причин, приведших к началу второй мировой войны.

С первых же шагов проведения переговоров о заключении мира (конец 1918 – начало 1919 гг.) проявилось нежелание стран-победительниц поставить себя в равные условия с побежденными. Только вторая группа государств (Германия, Австро-Венгрия, Болгария, Турция) были признаны виновниками начала войны, для них ограничивалось действие знаменитых 14 пунктов нового устройства мира, предложенных президентом США В. Вильсоном 8 января 1918 года. Немцам было отказано в праве полного осуществления принципов «свободы морей», «свободы торговли», праве владеть колониями.

По поручению Национального собрания Веймарской республики и её правительства, военная делегация Германии в ноябре 1918 года начала переговоры с командованием стран Антанты в Spa. Они проходили крайне тяжело из-за слишком жесткой неуступчивой позиции французской стороны. Генерал В. Хаммерштайн в своем докладе кабинету министров в феврале 1919 года отмечал огромное количество неурегулированных вопросов [1; 24-26].

Большую обеспокоенность у немецкой стороны вызвала проблема присоединения к Франции Эльзаса и Лотарингии. На этих территориях проживало значительное количество немцев. Вопрос об их новом гражданстве решался сложно. Дело в том, что, по предложению французской стороны: «1) все лица, кто родился в данной земле до 20 мая 1871 года, принадлежат к французским гражданам, не смотря на потерю данного гражданства через принятие Франкфуртского мира; 2) те лица, которые родились на данных землях после 20 мая 1871 года, чьи матери и отцы получают гражданство Франции по первому пункту, также автоматически считаются гражданами Французской республики; 3) все лица, рожденные в Эльзасе и Лотарингии от неизвестных родителей, также могут быть признаны гражданами Франции» [1; 25].

После такого решения вопроса о гражданстве эльзасцев начала проводиться депортация из двух областей тех лиц, которым было отказано в его получении (на основании вышеуказанных условий). Многие из оставшихся немцев подверглись прямым репрессиям со стороны новой власти. Основной вопрос, который задавался им в это время, был: «Род вашей деятельности в период августа 1914 – ноября 1918 гг.?» Практически все мужское население призывного возраста в эти годы служило в рейхсвере. Автоматически оно подпадало под действие французского уголовного законодательства, наказывавшего за измену Родине. В силу этого, данная категория граждан не подлежала ведению готовившегося международного трибунала. Германия, естественно, была сильно обеспокоена её положением.

Большие споры в Национальном собрании разгорелись по вопросу о суде над военными преступниками. Группа депутатов, состоявшая из членов Социал-демократической партии (СДПГ), партии Центра (далее Центр) и Немецкой демократической партии (НДП) – Г. Готхайн, О. Бауэр, Г. Фрейс, И. Белл, И. Гисбертс, Э. Давид, заявила, что нужно способствовать проведению честного судебного процесса [4; 808].

На заседании 27 марта 1919 года Ф. Шейдеман обрушился в своей речи на тех немецких генералов, которые всячески препятствовали подготовке и заключению мирного договора [3; 2050-2062]. Возникшее противостояние между представителями рейхсвера и правительством привело значительную часть офицерского корпуса в лагерь оппозиции республике. Ведущие лидеры правящей коалиции партий (СДПГ, Центр и НДП) выступали за принятие всех условий, предлагаемых странами Антанты, во избежание начала новых боевых действий и полной оккупации страны. Военные же стали на сторону тех сил, которые выступали за соблюдение принципа равноправия сторон в переговорном процессе и заключения мира на более выгодных условиях.

Представители офицерского корпуса были готовы, даже, осуществить вооруженное выступление против неправомерного договора. Попытки сорвать вооруженным путем

проведение судебного процесса, обещавшего стать судилищем только для немцев, были предприняты в июне-августе 1919 года.

В результате окончания Версальской мирной конференции, договор, подписанный на ней, носил ярко выраженный неравноправный характер. Ущемлены были интересы немцев и в вопросе о проведении международного суда.

Деятельность международного трибунала регламентировали статьи договора 227-231 [2; 34-36]. Они определяли, что вся вина за понесенные военные убытки стран Антанты и их союзников, а также их граждан лежит на немецкой стороне. В него должно было войти 5 судей (по одному от США, Великобритании, Франции, Италии и Японии), его работа должна была проходить на основе норм международного права (в частности, законов Зиттена). Правительству Нидерландов предполагалось направить специальный запрос с целью экстрадиции бывшего императора Вильгельма I для предания его суду.

Немецкая сторона, признав вину Германии в развязывании войны, согласившись на проведение суда, сумела добиться от стран Антанты некоторых уступок. Ей позволили не выдавать «преступников» другим государствам, проводить судебный процесс на месте – в рейхе, судить их на основе немецкого уголовного законодательства. Для обоснования законности данной просьбы Национальное собрание приняло два законодательных акта от 18 декабря 1919 г. и 24 марта 1920 года [2; 37-38].

Окончательное обсуждение вопросов, связанных с преследованием военных преступников и военных преступлений, проходило на 144, 148 и 149 заседаниях Национального собрания. Основными сторонниками проведения широкомасштабного процесса выступили независимые социал-демократы и члены СДПГ. Несмотря на некоторую разницу во взглядах на частные вопросы, они сходились в одном – процесс непременно должен состояться. Проходить он должен, при этом, на немецкой земле.

Член НСДПГ Р. Шиффер на 148-м заседании высказал идею о том, что страны Антанты не доверяют немецкой стороне, считают, что она не способна наказать преступников и, поэтому, требуют их выдачи. Поэтому он предложил подумать об особых гарантиях, которые доказывали бы добрую волю рейха и его способность привести предполагаемый приговор, по отношению к преступникам, в исполнение. Он отметил: «Этот путь гарантий начался 18 декабря 1919 года принятием специального закона, с которым согласилось все Национальное собрание и Рейхсрат. Обвиняемые Антантой на немецкой земле подлежат суду немецких судей на основе немецкого законодательства» [4, 136]. Он подчеркнул, что немецкую судебную практику с древнейших времен отличала свобода. Материалы, предоставляемые Антантой, необходимо подвергать тщательному анализу с тем, «чтобы ни один невинный человек не подвергся уголовному преследованию, никто из виновных не избежал наказания» [4, 136]. «Если же Антанта оставляет за собой право вынесения приговора, то это – разговор с позиции силы, а не с позиции права. Эта сила не будет влиять на деятельность государственного трибунала никоим образом», – заканчивалось его выступление [4, 136].

Член СДПГ Кварк на 148 заседании обратил внимание на то, что фракция СДПГ желает, чтобы формулировки комиссии по данному вопросу служили лояльному проведению обязательств и обмену нотами с Антантой. Здесь не должно быть никакой двусмысленности для того, чтобы не было недоверия между Антантой и Германией. На предложение НСДПГ о придании процессу открытости, свободной публикации его материалов в прессе он ответил, что «гласное уголовное судопроизводство и отмена его гласности настоятельно рекомендуется только в том случае, если для такого исключения есть совершенно веские причины» [4, 137].

В. Каль (ННП) на 149 заседании высказал мысль о том, что «в третьем чтении он продолжает стоять на позиции, что немец должен быть судим немецким судом по немецким законам» [4, 142]. От имени фракции своей партии он потребовал позаботиться об участии немцев,

проживающих в оккупированных районах. Как и газеты, стоящие на позициях Немецкой народной партии, он предложил предоставить Антанте контрспрос и выступил за лишение представителей враждебных государств права участия в немецком процессе. Его товарищи по фракции высказались против попыток Франции назначить апелляционную инстанцию для ревизии постановлений и решений немецкого трибунала. Поскольку это, по их мнению, ликвидировало бы принцип независимости правосудия и трибунала.

Окончательное решение по данному вопросу было принято Национальным собранием 5 марта 1920 года. Оно включало в себя идеи НСДПГ, СДПГ и Центра о проведении процесса немецкими судьями на немецкой земле, отказ от выдачи подсудимых и осужденных стран Антанты.

В конечном итоге страны Антанты согласились на проведение заседаний Трибунала в Лейпциге под руководством немецких государственных судей. Представители от всех заинтересованных государств должны были присутствовать на заседаниях трибунала в качестве наблюдателей и свидетелей.

По решению Версальской конференции к военным преступникам были отнесены лица, нарушавшие в период 1914-1918 гг. нормы международного права: участвовавшие в расстрелах заложников, убийствах раненых, истязании пленных, сожжении населенных пунктов и т. д. Всё это касалось только немцев. На запросы Национального собрания и правительств Ф. Шейдемана и Г. Бауэра привлечь к суду офицеров стран Антанты был дан решительный отказ. Каждая из воевавших против Германии стран подала списки лиц, которых она считала военными преступниками. В них оказался включенным практически весь прежний кайзеровский генералитет и большое число немецких офицеров, вплоть до лейтенантского состава.

Многие из включённых в списки были знаменитыми на всю Германию людьми, награжденными орденами и медалями рейха за боевые заслуги. Некоторые из них погибли смертью храбрых на полях сражений, пользовались огромной популярностью и авторитетом среди своего народа. Поэтому обнаруживание этих документов вызвало бурю возмущения среди немцев, создало благодатную почву для роста влияния правых и ультраправых сил, способствовало снижению авторитета и влияния правящей демократической коалиции, возникновению правительственных кризисов. Больше всего возмущало немцев неравноправие сторон при организации и проведении процесса, поведенные дипломатических миссий отдельных государств.

Представители Англии во время проведения заседания суда, начавшегося весной 1920 г., демонстрировали свою лояльность к происходящему. Они заявляли, что это первый опыт подобного рода, относились с глубоким пониманием к трудностям немецких судей, становились на их сторону, когда раздавались обвинения со стороны других государств в предвзятом отношении к преступникам. Французские уполномоченные практически сразу же поссорились с немецкой защитой. Они покинули заседания и отказались от дальнейшего участия в них. Бельгийцы вовсе не послали свою делегацию в Лейпциг, заявив о своем непризнании данного Трибунала, требуя проведения его на территории Франции или Бельгии.

Процесс, таким образом, был прерван, не достигнув своих целей. Никто из преступников не понес наказания, кайзер не был привлечен к ответственности. Негативным последствием попытки его проведения было огромное возмущение немцев по поводу позиции своего правительства и стран Антанты. Он стал одной из причин, приведших Германию к военному путчу весной 1920 года, росту настроений правового нигилизма в немецком обществе, усилению влияния ультраправых организаций и реваншистских настроений.

1. Das Kabinett Scheidemann: 13. Februar 1919 bis 20. Juni 1919. Boppard am Rhein, 1971.

2. Deutsche Geschichte seit 1918 in Dokumenten. Leipzig, 1935.
3. Die Deutsche Nationalversammlung im Jahre 1919 in ihrer Arbeit. Berlin, o.j. – Bd. 4.
4. Die Deutsche Nationalversammlung im Jahre 1920 in ihrer Arbeit. Berlin, o.j. – Bd. 9.
5. Verhandlungen der Verfassungsgebenden Deutschen Nationalversammlung. Stenographische Berichte. Berlin, 1920. – Bd. 327.

Бычинский И. Ф. (г. Брест, УО «БГТУ»)

ВОССТАНИЕ 1953 г. И РЕВОЛЮЦИЯ 1989 г. В ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ (сравнительный анализ)

16 июня 1953 г. в Германской Демократической Республике (ГДР) началась забастовка, переросшая на следующий день в народное восстание. Его участники требовали проведения свободных выборов и восстановления единства Германии. Это восстание было невольным спровоцировано действиями «Большого брата» – Москвы. 12 июня Президиум ЦК КПСС по инициативе Лаврентия Берии принял секретное постановление «Об оздоровлении обстановки в ГДР», которое обязывало администрацию Вильгельма Пика и Вальтера Ульбрихта отказаться от курса на ускоренное строительство социализма.

Эта политика привела к росту товарного дефицита и цен, к снижению зарплаты. Крестьян давили налогами, заставляя вступать в кооперативы. Рабочим постоянно повышали нормы выработки, что вело к снижению зарплаток. Люди искали выход из тяжёлого положения, и такой выход находили в бегстве из ГДР в ФРГ. Так, с начала 1951 г. по апрель 1953 г. в ФРГ бежали 447 тысяч человек. В 1953 г. 13 % посевных площадей остались необработанными, поскольку хозяева этих участков сбежали на Запад. От прелестей «коммунистического рая» на Запад, за период с 1945 по 1961 год, сбежали 2,6 млн. человек – почти 15 % населения.

16 июня 1953 г. первыми выступили строительные рабочие Восточного Берлина, которым в очередной раз повысили нормы выработки. Хотя постановление Президиума ЦК КПСС было секретным, в ГДР распространились слухи, что советское руководство требует от властей ГДР либерализации курса. Это стало катализатором восстания: 17 июня волнения охватили Лейпциг, Дрезден, Магдебург. Рабочие занимали полицейские участки и тюрьмы, освобождали политзаключённых.

В этих забастовках и демонстрациях активно участвовали не только «отсталые» рабочие, но и часть активистов, новаторов, в том числе и некоторые члены СЕПГ. Во время демонстраций проявилась ненависть к Советскому Союзу, советским людям, которых обзывали «русскими свиньями», «обезьянами» и т. п. Первые дни восстания показали, что руководство СЕПГ не знает настроение масс, не умеет разговаривать с народом, оторвано от народа.

В Москве забеспокоились и приняли решение подавить восстание советскими войсками с использованием танков. Руководил карательной акцией Лаврентий Берия. Коллеги по Президиуму ЦК поручили ему расхлёбывать кашу, которую, как они полагали, Берия сам и заварил, настаивая на отказе от строительства социализма в ГДР и на объединении Германии под властью буржуазного правительства. И, как мы знаем, по возвращении из ГДР, Берия был смещён и арестован (29 июня). «Оппортунистическое» постановление ЦК от 12 июня было отменено. Линия на создание нейтральной объединённой Германии была советским руководством отброшена.

Подавление восстания обошлось, по мнению даже западных политиков, без ненужной жестокости, делалось всё возможное для избежания кровопролития. Однако, даже по официальным данным, было убито 30 немецких рабочих и студентов, около 400 были ранены, по неофициальным – только убитых было несколько сот человек. Некоторые участники вы-

ступлений получили длительные сроки тюремного заключения. Руководство ГДР с помощью советских войск осталось у власти и продержалось до 1989 года.

В Москве объявили, что это восстание было подготовлено и направлялось из одного центра, который усиленно искали за пределами ГДР. В ГДР же определили подстрекателями, организаторами восстания «агентов Аденауэра». Однако Москва заменяла «агентов Аденауэра на «агентов западных и империалистических держав». Дело в том, что многие выступления рабочих проходили под лозунгами «Долой Ульбрихта и Аденауэра, мы хотим Олленауэра» (лидера социал-демократов).

После подавления восстания жители Восточной Германии продолжали «голосовать ногами», убегая в ФРГ через Западный Берлин, что вызвало в 1961 году возведение Берлинской стены. Рухнула она, как известно, осенью 1989 г., в ходе начавшихся стихийных выступлений восточных немцев, очень напоминавших восстание 16-17 июня 1953 г., только имевших другой результат, приведших к объединению Германии.

3 октября 1990 г. Германия стала единой. Анализируя процесс, приведший к этому факту, многие исследователи употребляют эпитеты: спонтанный, молниеносный, непредсказуемый, бурный, скоропалительный. И отмечают множество факторов, обеспечивших объединение Германии. Однако основными факторами можно назвать внутренний и внешний. Внутренний – это кризис в самой ГДР, внешний – это позиция СССР. Рассмотрим эти факторы и в первую очередь внутренние причины и предпосылки событий осени 1989 г. в ГДР.

Недовольство руководством страны начало проявляться в ГДР гораздо раньше осени 1989 г. Наиболее весомыми причинами были закостенелость политической системы страны, явное нежелание руководства страны делать хоть какие-то шаги по пути реформ. В то время как в странах Восточной Европы, и в первую очередь в СССР, говорили о «перестройке», «демократизации», «гласности», в ГДР и думать было запрещено о каких-либо изменениях в политических и партийных структурах. Первые признаки недовольства населения проявились в 1985 г., когда с приходом к власти в СССР Михаила Горбачёва, правительство ГДР ввело строжайшую цензуру или вообще запрет на печатные материалы из СССР. Однако евангелическая церковь дала возможность диссидентам печатать свои материалы в газетах, принадлежащих церкви, что в некоторой степени ослабляло цензуру.

Непосредственным поводом к событиям осени 1989 г. можно считать грубейшую фальсификацию правительством ГДР итогов коммунальных выборов, состоявшихся в мае 1989 г. Однако власть не замечала усиливавшееся недовольство, игнорировала его, провоцировала нарастание недовольств. Так, 5 июня 1989 г. в газете «Нойес Дойчланд» была опубликована статья, оправдывавшая кровавое подавление студенческой демонстрации в Пекине как ответ на «контрреволюционное восстание экстремистской группы заговорщиков». Позже правительство ГДР поздравило компартию Китая с 40-летием КНР. Очевидно, что руководство пыталось «предостеречь» свой народ от подобных выступлений.

Весомый вклад в развитие событий 1989 г. внесли общественные движения, объединения восточногерманской интеллигенции. 1 июля 1989 г. представители общественности выступили с открытым письмом, которое содержало в себе серьёзные политические требования. Они возмущались подтасовкой результатов коммунальных выборов, требовали реформу избирательного права, которая гарантировала бы честные выборы, предоставляла реальную возможность выбирать народных представителей. Они также выдвигали требования разрешить создание независимых групп по интересам, обеспечить свободу объединений и движений, что теоретически гарантировала Конституция ГДР.

9 сентября 1989 г. оформилась сильнейшая оппозиционно настроенная группа «Новый форум», объединивший представителей 30 различных организаций, в большинстве церковных. Несколькими днями позже возникло гражданское движение «Демократия сегодня», в котором было много представителей интеллигенции Восточного Берлина.

Однако власти не желали замечать появление политической оппозиции. Они по-прежнему считали данные общественные движения и группы не связанными между собой единичными заговорщиками. Министерство безопасности (Штази) сообщало руководству страны о стремлении отдельных лиц в количестве около 2,5 тыс. дестабилизировать политическую ситуацию в стране и в конечном итоге изменить систему общественных отношений.

Целью требований этих гражданских объединений было добиться начала диалога о проблемах общества, создания предпосылок возникновения гражданского общества. Однако вскоре политическая оппозиция изменила свою форму: на место отдельных групп и движений пришли партии, начались массовые демонстрации, митинги, шествия. В сентябре-ноябре их волна буквально захлестнула ГДР, что свидетельствовало о глубине кризиса, масштабах недовольства положением в стране. По существу, кризис правящих СЕПГ и правительства ГДР разразился в конце лета. Он выразился в массовом возмущении населения ограничением прав человека в ГДР. Примером таких ограничений был запрет гражданам ГДР выезжать на Запад, в ФРГ. Но в начале мая Венгрия открыла границу с Австрией, и через Венгрию тысячи граждан ГДР выезжали на Запад. Многие попадали на Запад через посольство ФРГ в Варшаве, которое обязано было оказывать помощь любому обратившемуся в него гражданину ГДР.

Несмотря на проявление массового недовольства условиями жизни, власти ГДР в выступлениях, речах, посвящённых 40-летию ГДР (7 октября), рисовали положение в стране как полнейшую идиллию. А на улицах Берлина, в других городах страны в это время проходили многотысячные демонстрации против праящей верхушки, проводимого ею курса. Применение жестоких средств для разгона демонстраций вело к ещё большему увеличению их массовости. Демонстранты скандировали: «Гласность», «Перестройка». «Горби, Горби» (т. е. Горбачёв как олицетворение перестройки).

Лишь 11 октября Политбюро СЕПГ опубликовало заявление, в котором проявилась попытка анализа действительного положения в стране. Но время было упущено, изменить ситуацию этот документ уже не мог. 17 октября 1989 г. на заседании Политбюро Эрих Хонеккер был смещён с поста Генерального секретаря СЕПГ. На его место был избран Эгон Кренц. Но для большинства граждан ГДР он был ставленником Хонеккера и они не ожидали особых изменений в стране. Эгон Кренц пытался всё же спасти положение. Уже на следующий день после избрания он встретился с представителями церкви, рабочего класса. Был снят запрет на выход журнала «Спутник», объявлена амнистия для осуждённых за нелегальный переход границы, для политических заключённых. 3 ноября 1989 г. Эгон Кренц выступил по телевидению с предложениями преобразований, обещаниями реформ.

4 ноября в Берлине состоялась грандиозная демонстрация, послужившая сигналом к крушению существующей системы. К тому же руководство страны не спешило что-то менять, выполнять обещания. 3 декабря 1989 г. на закрытом заседании Политбюро СЕПГ Эгон Кренц получил отставку. События же нарастали неудержимо. 9 ноября рухнула Берлинская стена — Берлин стал единым. Это был символ будущего объединения всей страны.

7-8 декабря 1989 г. начал работу внеочередной съезд СЕПГ. В результате его СЕПГ была преобразована в Партию Демократического Социализма (ПДС). В стране возник опасный вакуум власти. Правительство потеряло основу политического влияния, оппозиция была не готова взять власть. В стране ещё с октября месяца велась подготовка к проведению «Круглого стола». В его организации были задействованы 7 крупнейших политических групп и объединений. Однако правительство долго игнорировало его, не вступало в переговоры с его участниками. И лишь под давлением общественности приняло участие в его работе, в проведении дальнейших реформ, приведших к объединению Германии.

18 марта 1990 г. в ГДР были проведены первые (и последние) свободные выборы в Народную Палату ГДР. В них приняли участие 24 партии и объединения. Большинство голосов

получили правые: «Альянс за Германию» (за которым стоял ХДС) – более 48 % голосов, СДПГ – 21,84 %. ПДС – наследница СЕПГ – набрала всего лишь 16,33 % голосов.

18 мая в Бонне был подписан договор о создании экономического, социального и военного союза с ФРГ. Канцлер ФРГ Г. Коль сказал, что этот союз означает первый решительный шаг на пути к единству Германии. Союз вступал в силу 1 июля 1990 г. Граждане ГДР радостно встретили этот день, на всех улицах царило по-настоящему праздничное настроение. 31 августа 1990 г. в Берлине был подписан Договор об установлении единства Германии. Он гласил, что земли ГДР с 3 октября 1990 г. присоединяются к ФРГ, главным городом становится Берлин. Содержание договора долго и мучительно дискутировалось в ГДР. И всё же многие моменты объединения были упущены при его разработке, что сказывается и в наши дни. Как говорят сами немцы, вместо «Берлинской стены» возникли «новые стены» в отношениях между немцами: экономические, социокультурные, психологические. Полагают, что потребуется время жизни по крайней мере одного поколения немцев, чтобы «переварить» новые реальности.

2 декабря 1990 г. проведены первые общегерманские выборы, которые подвели черту под процессом объединения. Большинство получили правые партии: ХДС/ХСС – 43,8 %, СДПГ – 33,5 %, СвДП – 11 %, ПДС – на территории бывшей ГДР – 11,1 %, а в западных землях ФРГ – 0,3 %. В целом, исследователи отмечали высокую активность граждан: 77,8 % избирателей приняли участие в выборах.

Итак, ГДР была присоединена, через 40 лет самостоятельного независимого существования, к ФРГ. События второй половины 1989 года привели к исчезновению «социалистического» государства, и усилению, укрупнению ФРГ. Многие исследователи подчёркивают, что это произошло по историческим меркам просто молниеносно, почти стихийно. Вместе с тем отмечают продуманную, чёткую стратегию правительства ФРГ в этом процессе, а также роль кризисных процессов в странах Восточной Европы, ослабление позиций СССР на мировой арене.

Успех революции 1989 г., приведшей к крушению «социалистического» государства во многом обязан внешнему фактору. Внешний фактор – это, в первую очередь, позиция СССР. Если в 1953 г. СССР активно вмешался и подавил восстание, то в 1989 г. руководство Советского Союза заняло позицию невмешательства. В 1953 г. СССР был на вершине мировой славы как победитель во второй мировой войне, обладатель ядерного оружия. В 1989 г. ситуация была уже другой. Авторитет, значение Советского Союза в мировой политике были не столь высокими. И СССР вынужден был учитывать реакцию Запада на свои действия. К тому же изменилась и политика обеспечения безопасности СССР. Если в 1953 г. важнейшую роль отводили существованию буферных государств между СССР и странами Запада, то в 1989 г. эта роль была не столь важная. Изменилась и оценка политического курса в ГДР. Если в 1953 г. его считали прогрессивным, хотя и с некоторыми ошибками, то в 1989 г. видели необходимость его изменения. Изменились цели внешней политики СССР. Михаил Горбачёв говорил о необходимости строить «совместный европейский дом», о необходимости решать все вопросы путём переговоров, политическими средствами. Провозглашённый в Советском Союзе курс на реформы, на «социалистическую рыночную экономику» означал отказ от «коммунистической иллюзии», от которой никак не желали отказываться в ГДР. В соседних с ГДР странах, Польше и Венгрии, происходили значительные изменения во всех сферах жизни. Руководство СССР признавало, что в Восточной Европе налицо глубокий кризис системы, который неизбежно приведёт к восстанию, если правящая верхушка не найдёт выход. В случае восстания было решено не вмешиваться, если не будет вмешательства со стороны Запада. Это решение было признанием того, что любое вмешательство СССР не обеспечит долговечный успех. Вместе с тем советское руководство надеялось, что страны Восточной Европы, проводя реформы, всё же останутся в зоне притяжения, зоне влияния СССР.

Влияние на успех революции 1989 г. оказала и политика США. Дж. Буш считал горбачёвский «совместный европейский дом» советской пропагандой. США проводили поли-

тику на воссоединение Германии. И отношение Горбачёва к этой цели было серьёзной проверкой курса перестройки, внешнеполитических целей СССР.

Эти и ряд других факторов привели к тому, что позиция СССР в 1989 г. была совершенно иной, чем в 1953 г. И, как результат этого, и последствия восстаний оказались совершенно различными.

Можно назвать и ещё целый ряд различий в событиях 1953 и 1989 гг. В 1953 г. курс на ускорение строительства социализма привёл к падению уровня жизни всех слоёв населения. В 1989 г. уровень жизни был достаточно высок, стабилен. В событиях 1989 г. значительную роль сыграло западное телевидение и поездки граждан ГДР на Запад, хотя и ограниченные. Немаловажную роль в событиях 1989 г. сыграла система привилегий: как доступ к дефицитным предметам потребления, так и возможность поездок на Запад, что было очень выгодно. Но их имели лишь «избранные», опора власти.

В 1953 г. в акциях приняли участие всё же меньшинство населения. События имели чёткую дату: 16 – 17 июня. У большинства людей была иллюзия «счастливого будущего», жизнеспособности системы. В 1989 г. таких иллюзий уже не существовало. Как и в СССР, граждане ГДР связывали будущее с изменениями курса, с перестройкой.

В 1953 г. у восставших не было альтернативы. Как только вступили советские танки, руководители восстания убежали на Запад. В 1989 г. таких альтернатив было две: «перестройка» по модели СССР, вторая – западногерманские порядки. Непосредственной датой начала революции 1989 г. можно назвать неделю с 3 по 9 октября. Она началась с закрытия границы с Чехословакией.

Можно отметить общность начала событий: оба имели в основе провокации режима. В 1953 г. – это статья (16 июня) в газете о сохранении повышения норм выработки, в 1989 г. – статья в газете от 2 октября о закрытии границы с Чехословакией, отмене поездок.

В 1953 г. основными участниками были рабочие и их близкие. Они имели опыт коллективной борьбы ещё со времён Веймарской республики, военных лет, забастовок первой половины 1953 г. Противостоящие им силы госбезопасности были ещё слабыми, немногочисленными. В 1989 г. ситуация изменилась. Активными участниками были представители всех слоёв населения, применялись другие формы борьбы, демонстрации, митинги, шествия. Мощные силы госбезопасности недооценили угрозу нарастания недовольства, а когда увидели, массовость была уже выше их возможностей для подавления выступлений. Особенно активно выступили в 1989 г. евангелическая церковь, правозащитные группы, работники культуры, писатели, интеллигенция.

Руководство ГДР находилось в растерянности: идти на жёсткие меры в подавлении выступлений не позволяли подписанные обязательства по международным соглашениям о правах человека, экономическая зависимость от ФРГ, других западных стран. Поэтому полиция получала приказы быть сдержанной, не допускать жестокости.

Исследователи отмечают ещё одну важную особенность событий 1989 г. Обе противоборствующие стороны переоценивали друг друга. Демонстранты боялись жестокости со стороны полиции, помня её поведение в 1953 г., а полиция помнила, как восставшие занимали здания 17 июня 1953 г., как упорно сопротивлялись полиции. В 1989 г. не было стрельбы, насилия. Обе стороны отказались от применения силы. Министр внутренних дел призывал полицию не применять оружие, чтобы не спровоцировать демонстрантов на насилие. Руководители госбезопасности также считали, что репрессивные мероприятия невозможны, проблемы необходимо решать политическими методами руководству партии, страны.

Развитию ситуации во многом способствовало западное телевидение, показывавшее изменения в Венгрии, Польше, Чехословакии. Оно мобилизовывало, информировало жителей ГДР о поведении власти, возможных действиях, способствовало массовости выступлений. Есть отличия и по целям в событиях 1953 и 1989 гг. Восстание 17 июня 1953 г. набирало революционный характер буквально по часам. Революция 1989 г. первоначально имела ре-

форматорские цели. В 1953 г. целью было падение режима и воссоединение с ФРГ. Но с появлением советских танков произошло быстрое отрезвление, и последующие недели целью было освобождение из тюрем арестованных товарищей.

В 1989 г. целью были реформы, отставка Хонеккера, ослабление роли госбезопасности, свободные выборы. О воссоединении, рыночной экономике, частной собственности упоминалось нечасто. Но события вокруг Берлинской стены, работа «Круглых столов» постепенно привели к нарастанию революционных требований, к успеху революции, к поражению социализма.

Подводя итог, нужно сказать, что без событий 17 июня 1953 г. не было бы успеха революции 1989 г. Страх перед рабочими, недоверие к народу постоянно присутствовали у руководителей ГДР. Отсюда гипертрофированное развитие органов госбезопасности (Штази), боязнь признать свои очевидные ошибки, а в итоге - полная неспособность приспособиться к изменению условий, без чего невозможно существование любой системы. Этот страх проявился в приказах полиции, госбезопасности не «рассердить» своими действиями массы населения.

Последствия 17 июня сказывались также и на противоположной стороне. Они помнили о жестокости режима, что объединяло их, порождало массовые гражданские движения, лишало режим социальной базы, привело к его падению, успеху бескровной революции, исчезновению «социалистического» государства.

1. Walter SuB. Von der Ohnmacht des Volkes zur Resignation der Mächtigen. Der Aufstand von 1953 und die Revolution von 1989. – Vierteljahr Shefte fur Zeitgeschichte. 52. Jahrgang, / Heft / 3 Juli, 2004.
2. Ахтамзян А. А. Объединение Германии, или Аншлюс ГДР к ФРГ. – М., 1994.
3. Последний год ГДР. – М., 1993.

Мязга М. М. (г. Гомель, ГДУ імя Ф. Скарыны)

ПАЛІТЫКА РАПАЛА Ў ПОЛЬСКОЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ

Імкненне да перагляду Версальскага дагавора, да рэваншу за паражэнне ў першай сусветнай вайне з'яўлялася цэнтральным элементам знешняй палітыкі Веймарскай Германіі. Пры гэтым яна імкнулася заручыцца падтрымкай іншых дзяржаў. Адным з найбольш актыўных праціўнікаў Версальскай сістэмы ў 1920-я гг. з'яўлялася Савецкая Расія. Непрыняцце версальскага дыктату Берлінам і Масквою стала аб'ектыўнай асновай для збліжэння паміж імі, вынікам якога стала заключэнне Рапальскага дагавора. Ён ствараў юрыдычную базу для цеснага супрацоўніцтва паміж Германіяй і РСФСР у барацьбе супраць міжнароднага парадку, які ўсталяваўся пасля Першай сусветнай вайны. У Цэнтральна-Усходняй Еўропе краінай, якая найбольш актыўна выступала ў абарону Версальскай сістэмы, з'яўлялася Польшча. У сілу гэтага барацьба Савецкай Расіі (затым СССР) і Германіі супраць Версале ў практычнай палітыцы набыла перш за ўсё антыпольскі кірунак. У польскім грамадстве быў шырока распаўсюджаны пункт гледжання, што і Берлін, і Масква маюць рэваншысцкія планы ў дачыненні да Польшчы, і супрацоўніцтва паміж імі стварае рэальную пагрозу для яе тэрытарыяльнай цэласнасці і незалежнасці. Гэта абумовіла вялікую цікавасць польскіх гісторыкаў да савецка-германскіх адносін у перыяд Рапала.

Вывучэнне рапальскай палітыкі ў адносінах паміж Германіяй і Савецкай Расіяй польскімі даследчыкамі пачалося літаральна адразу пасля заключэння дагавора 16 красавіка 1922 г. Назуковыя канцэпцыі тагачасных польскіх гісторыкаў грунтаваліся на поглядах вядучых палітыкаў краіны аб месцы Польшчы ў сістэме еўрапейскіх адносін. Дзеячы як правага

палітычнага лагера, так і левага зыходзілі з таго, што і Германія, і Расія з'яўляюцца ворагамі Польшчы. У 1923 г. выйшла ў свет праца віднага польскага дыпламата А. Скіньскага. У ёй аўтар агучвае тэзіс, згодна з якім перш за ўсё Германія з'яўляецца непрымірымым ворагам Польшчы ў сувязі з тым, што апошняя актыўна падтрымлівае Версаль [1; 84-85]. Адносіны, якія існавалі паміж Германіяй і Савецкай Расіяй у час Рапала, польскімі дзяржаўнымі дзеячамі характарызаваліся як сяброўскія [2; 141].

Пад уздзеяннем такіх поглядаў вядучых палітыкаў міжваеннай Польшчы ў польскай гісторыяграфіі склалася канцэпцыя "двух ворагаў". У адпаведнасці з ёю Савецкая Расія і Германія разглядаліся як асноўныя і небяспечныя праціўнікі Польшчы на міжнароднай арэне. У працах тагачасных даследчыкаў пастаянна падкрэсліваецца агрэсіўнасць СССР і Германіі ў дачыненні да Польшчы, іх імкненне ажыццявіць развіццё польскіх граніц [3]. Пры гэтым адзначалася, што для Польшчы асабліва небяспечнай з'яўляецца сітуацыя, калі паміж Германіяй і Расіяй усталёўваецца сяброўскія адносіны. Польскі гісторык міжваеннага часу С. Мацікевіч пісаў, што, калі расійска-нямецкія адносіны паляпшаюцца, самастойнасць польскай палітыкі спыняецца. Праўда, пры гэтым аўтар прызнае, што Расія і Германія пасля Першай сусветнай вайны і перажытых унутраных патрабаванняў у 1920-я г. не мелі сілаў для знішчэння Польшчы. Гэтым і тлумачыцца, што Польшча змагла захавацца як самастойная дзяржава ў перыяд Рапала [4; 51, 193].

Пасля другой сусветнай вайны паралельна развівалася як бы дзве польскія гісторыяграфіі. Значная частка польскіх гісторыкаў апынулася ў эміграцыі на Захадзе. Яны, у цэлым, працягвалі гісторыяграфічную традыцыю, у тым ліку і пры вывучэнні палітыкі Рапала, якая склалася ў міжваенны час. Далейшае развіццё атрымала канцэпцыя "двух ворагаў". Выразным прыкладам гэтага з'яўляюцца працы буйнейшага даследчыка сярод польскіх гісторыкаў эмігрантаў Побаг-Маліноўскага [5].

Польскія гісторыкі, якія займаліся даследніцкай дзейнасцю ў Польскай Народнай Рэспубліцы (ПНР), знаходзіліся пад ідэалагічным ціскам. Асабліва жорстка рэгламентавалася дзейнасць навукоўцаў, якія вывучалі пытанні, звязаныя з гісторыяй савецка-польскіх адносін. Крытычны аналіз савецкай знешняй палітыкі стаў практычна немагчымым. Знешняя палітыка Польшчы даследавалася на аснове класавага падыходу, і рабілася выснова, што правяччыя колы Польшчы ў сваёй знешняй палітыцы кіраваліся не нацыянальнымі, а класавымі інтарэсамі. Многія гісторыкі ПНР увогуле абыходзілі пытанне аб уплыве рапальскага фактара на польска-савецкія адносіны, аб антыпольскай накіраванасці рапальскай палітыкі. Калі ж яны і закраналі гэтую праблему, то ўказвалі на неабгрунтаванасць апазенняў правяччых колаў Польшчы ў сувязі з заключэннем Рапальскага дагавора. Пры гэтым яны імкнуліся даказаць, што польскі ўрад, заняўшы крайне негатывную пазіцыю адносна савецка-германскага дагавора, сам садзейнічаў пагаршэнню міжнароднага становішча краіны і, у прыватнасці, адносін з вялікімі суседзямі [6; 101].

Адным з буйнейшых даследчыкаў рапальскай палітыкі ў ПНР з'яўляўся С. Мікуліч. Ён лічыў, што Рапала было не больш, чым тактычным ходам з боку Германіі каб ўмацаваць свае пазіцыі на перамовах з Захадам. У той жа час ён прызнае, што такія германскія палітыкі як У. Брокдорф-Ранцау, Мальцман выступалі прыхільнікамі працяглага і грунтоўнага супрацоўніцтва з Савецкай Расіяй. Ён прытрымліваецца шырока распаўсюджанай сярод польскіх гісторыкаў пазіцыі, што ў выніку пагаднення дзвюх суседніх дзяржаў палітычнае становішча Польшчы істотна пагоршылася. Гэтае пагаршэнне С. Мікуліч бачыць не ў сумеснай антыпольскай палітыцы СССР і Германіі, а ў тым, што Польшча апынулася ў палітычнай ізаляцыі ва Усходняй Еўропе. На яго думку гэта адбылося таму, што і да, і пасля

Рапала Польшча не думала пра блізкае супрацоўніцтва з Савецкай Расіяй [7; 280-281, 289, 305, 308]. Тэзіс аб тым, што Рапальскі дагавор выклікаў моцную заклапочанасць у Польшчы і спрыяў пагаршэнню адносін з РСФСР гучыць і ў даследаваннях Е. Юркевіча. Пры гэтым ён падкрэслівае, што савецкай дыпламатыя завярала ў адсутнасці антыпольскай накіраванасці ў гэтым дагаворы [8; 28]. Польшскія гісторыкі розных кірункаў практычна аднадушныя ў тым, што заключэнне Рапальскага дагавора было ўспрынята ў Польшчы з яўнай трывагай, і ён пагоршыў польска-савецкія адносіны і міжнароднае становішча гэтай краіны. У той жа час Е. Куманіцкі адзначае, што нямецкія спробы прыцягнуць Савецкую Расію да антыпольскай палітыкі закончыліся нічы, і, зыходзячы з такой пазіцыі савецкага ўраду, Рапала не мела непасрэднай пагрозы для Польшчы [9; 255]. М. Камінскі і М. Захарыяс у сумеснай манаграфіі таксама выказваюць меркаванне, што сам Рапальскі дагавор не ствараў непасрэднай пагрозы для Польшчы, але ён аслабляў Версальскую сістэму і адкрываў Германіі свабоду манёўру ў адносінах з Захадам, што супярэчыла інтарэсам Польшчы [10; 84]. Вызначаючы прычыны, якія прывялі да падпісання Рапальскага дагавора, С. Мікуліч піша: "Гісторык павінен ...паставіць сябе пытанне: ці не няшчырасць і палітычны фальш польскага ўраду ў адносінах да Савецкай Расіі ...належаць да прычын, якія прымусілі Савецкую Расію да падпісання Рапальскага пэгаднення?" Аўтар дае станоўчы адказ на пастаўленае пытанне і тым самым ускладае на польшкія правячыя колы адказнасць за тое, што РСФСР пайшла на цеснае супрацоўніцтва з Германіяй [11; 206].

Гісторыкі ПНР выразна супрацьпастаўлялі савецкую і германскую палітыку ў дачыненні да Польшчы. Рэваншысцкія планы прылісваліся выключна Германіі. Вядомы даследчык польска-савецкіх адносін міжваеннага часу Е. Куманіцкі пісаў, што мэты, якія праследаваў савецкі ўрад пры заключэнні Рапальскага дагавора, карэнным чынам адрозніваліся ад мэтаў буржуазнай Германіі [9; 253]. Гісторыкі ПНР ўказвалі на імкненне перш за ўсё кіраўніцтва рэйхсвера выкарыстаць Рапала супраць Польшчы. У той жа час адзначаецца, што ў Савецкай Расіі такіх намераў не было [7; 316-317]. Е. Куманіцкі ў гэтай сувязі заўважаў, што заклапочанасць Польшчы ў сувязі з падпісаннем Рапальскага дагавора не была безгрунтоўнай, бо такія германскія палітычныя дзеянні, як канцлер Е. Вірт і камандуючы рэйхсверам генерал фон Сект выступалі за ліквідацыю Польшчы. Е. Красуцкі адзначаў, што Германія была вельмі зацікаўлена ў польска-савецкай вайне, бо гэта давала ёй магчымасць заняць заходнепольскія землі пад падставай іх абароны ад камунізму [12; 430]. Напружанае становішча ў адносінах міжваеннай Польшчы з Савецкай Расіяй (СССР) польскімі гісторыкамі-марксістамі тлумачылася перш за ўсё як наступства польскай агрэсіі ў 1919-1920 гг. Адпаведна, віна за такі стан польска-савецкіх адносін ускладалася выключна на правячыя колы Польшчы, якія ў сваёй палітыцы кіраваліся класавымі інтарэсамі [13; 11].

Некаторыя гісторыкі, працаваўшыя ў ПНР, адзначалі, што ў выніку заключэння Рапальскага дагавора з'явіліся некаторыя перадумовы для паляпшэння адносін Польшчы з Германіяй і Савецкай Расіяй. Яны звязваюць гэта з тым, што суседзі Польшчы, наладжваючы цеснае супрацоўніцтва, былі зацікаўлены ў выкарыстанні праходзячых праз яе тэрыторыю транзітных шляхоў, а для гэтага трэба было мець добрыя адносіны з Польшчай [7; 321].

Польшскія гісторыкі шмат увагі надавалі вызначэнню ўплыву на міжнароднае становішча Польшчы савецка-германскага Берлінскага дагавора аб нейтралітэце ад 24 красавіка 1926 г. Г. Корчык ўказвае, што польскі міністр замежных спраў А. Залескі прызнаў мірны характар гэтага дагавора, але пры гэтым аўтар адзначае, што дагавор нес пэўную пагрозу для Польшчы. Яна бачыцца перш за ўсё ў тым, што ён даваў магчымасць Германіі забараніць праход праз сваю тэрыторыю войскаў дзяржаў – членаў Лігі Нацый на дапамогу Польшчы ў выпадку канфлікта з СССР [14; 308]. Як выразную пагрозу для Польшчы адзначаюць Берлінскі дагавор у сваёй працы М. Камінскі і М. Захарыяс [10; 102].

Польскія гісторыкі марксісцкага кірунку звярнуліся ў сваіх даследаваннях і да праблемы ўплыву стану савецка-германскіх адносін на польска-германскія і польска-савецкія. Пры гэтым адзначалася, што Германія актыўна супрацьдзейнічала магчымасці польска-савецкага збліжэння. С. Лапатнік разглядае ход савецка-польскіх перамоў аб дагаворы аб ненападзе ў 1925-1926 гг. і паказвае, што германскі ўрад пастаянна працягваў заклапочаннасць у сувязі з савецка-польскімі прамовамі і імкнуўся не дапусці заключэння пагаднення [15; 70]. З. Вроняк адзначае, што немцы працягвалі яўную заклапочаннасць у сувязі з тым, што на савецка-польскіх палітычных перамовах у пачатку 1926 г. справа можа дайсці да заключэння дагавора. Сведчаннем гэтага з'яўляецца тое, што германскі пасол у Маскве У. Брокдорф-Ранцау па даручэнню міністра замежных спраў Г. Штэрэмана спецыяльна звяртаўся да наркама замежных спраў Г. Чычэрына за тлумачэннямі адносна савецка-польскіх перамоў [16; 497-498].

У канцы 1980-х гг. гісторыкі, якія працавалі ў Польшчы, атрымалі магчымасць для свабоднай даследніцкай працы. Польская гістарыяграфія ў новых умовах засталася вернаю тэзісу аб адмоўным уплыве Рапальскага дагавора на міжнароднае становішча Польшчы, аб абгрунтаванасці польскай заклапочаннасці ў сувязі з яго падпісаннем. Асноўны акцэнт пры гэтым рабіўся на тое, што Рапала паскорыла карозію Версальскай сістэмы, у захаванні якой была зацікаўлена Польшча. Віна за такое разгортванне падзей ускладаецца некаторымі даследчыкамі на Англію, якая не выступіла рашуча супраць Рапала, бо не хацела абвастраць адносіны з Германіяй і разлічвала адарваць яе ад Расіі [17; 77]. Пры гэтым у працах польскіх гісторыкаў атрымала далейшае развіццё думка, што Германія прымала ўсе меры каб не дапусціць паляпшэння польска-савецкіх адносін, а СССР – польска-германскіх. Р. Ласоўскі пісаў на гэты конт: "Немцы былі зацікаўлены, каб савецка-польскія адносіны складаліся як мага хужэй... Трэба адзначыць, што савецкі бок думаў гэтак жа аб польска-германскіх адносінах" [18; 220]. Паколькі для сучаснай польскай гістарыяграфіі з'яўляецца відавочнай пагроза для Польшчы ў выніку германа-савецкага супрацоўніцтва, яна робіць лагічны вывад, што галоўнай аксіёмай польскай знешняй палітыкі ў час Рапала было змяншэнне небяспекі з боку Германіі і Савецкай Расіі. Гэтая небяспека вынікала з таго, што дадзеныя краіны, цесна супрацоўнічаючы паміж сабою, хутка аднаўлялі сваю эканамічную і ваенную магатнасць. Гэта, як лічаць польскія гісторыкі, у той час прадстаўляла пагрозу для ўсіх краін рэгіёну, але перш за ўсё для Польшчы з-за яе геаграфічнага становішча [19; 53-54].

Усё ж не ўсе польскія гісторыкі адназначна адмоўна ацэніваюць уплыў Рапальскага дагавора на знешнепалітычнае становішча Польшчы. Напрыклад, Е. Красускі лічыць, што з яго заключэннем, а затым і з заключэннем Берлінскага дагавора аб нейтралітэце Англія перастала разглядаць Германію як важнейшы бастыён антыкамунізма. У сілу гэтага яна вымушана была больш лічыцца з Польшчай як з сілаю, якая прыкрывае Еўропу ад бальшавіцкай пагрозы [12; 420].

Г. Булхак адзначае, што Рапала істотна паўплывала на абарончую палітыку Польшчы і яе ўзаемаадносіны з саюзнікамі. Польскія правячыя колы прыйшлі да высновы, што канфлікт з адным з вялікіх суседзяў непазбежна прывядзе да ўмяшання другога, да вайны на два франты. У сувязі з гэтым яны сталі імкнуцца да аб'яднання польска-французскага і польска-румынскага саюзаў у адзіную кааліцыю, якая магла б супрацьстаяць саюзу Германіі і Савецкай Расіі [20; 108-109].

У гэты час многія гісторыкі, якія раней прытрымліваліся марксісцкай метадалогіі, перайшлі на іншыя метадалагічныя пазіцыі. Гэта знайшло адлюстраванне і ў тых ацэнках, якія яны выказваюць адносна Рапальскага дагавора. Так, Е. Куманіці цяпер адзначае, што істотныя праблемы ў польска-савецкіх адносінах вынікалі з самога факту заключэння Рапальскага дагавора, бо ў ім бачылі вострую накіраванасць супраць Польшчы, Аўтар лічыць, што турбота польскага грамадства адносна савецка-германскага супрацоўніцтва не была

беспладстаўнай. Пры гэтым ён указвае на яўна агрэсіўную пазіцыю ў дачыненні да Польшчы шэрагу як германскіх (Вірт, фон Сект), так і савецкіх (Л. Троцкі) дзяржаўных дзеячаў [21; 145-149]. Хаця, тут ёсць пэўныя нюансы ў вызначэнні пазіцыі СССР і Германіі. Некаторыя даследчыкі адзначаюць, што Савецкая Расія не выступала афіцыйна з рэвізійніцкімі патрабаваннямі адносна польскіх граніц. Тым не менш, па іх меркаванню, пагроза для Польшчы зыходзіла і з усходу [22; 84]. Даказваючы гэты тэзіс, польскія гісторыкі спасылаюцца, у прыватнасці, на ход савецка-германскіх палітычных перамоў у канцы 1924 г., у час якіх савецкая дыпламатыя не адвергла германскую прапанову "аб вяртанні Польшчы да яе этнічных граніц" [21; 149-150]. У цэлым, польскія гісторыкі пасля падзення камунізму ў краіне прыйшлі да агульнай пазіцыі, што Рапальскі дагавор стаў асноўнай прычынай крызісу ў савецка-польскіх адносінах на працягу значнага часу [23; 273].

Вялікую цікавасць у польскіх гісторыкаў у розны час выклікала пытанне германа-савецкага ваеннага супрацоўніцтва ў час Рапала. Факты такога супрацоўніцтва адзначала ўжо ў 1920-я г. як польская прэса, так і навукоўцы. У ПНР гэтая тэма фактычна знаходзілася пад забаронай. Толькі асобныя гісторыкі закраналі яе ў сваіх працах. Праўда, пры гэтым яны не сцвярджалі, што такое супрацоўніцтва мела месца, а толькі ўказвалі, што так лічылі польскія ваенныя і ўрад [24; 71-73]. У 90-я гг. XX ст. праблема германа-савецкага ваеннага супрацоўніцтва стала прадметам грунтоўнага даследавання. Як адзначаюць сучасныя польскія гісторыкі, палякам было вядома пра факты такога супрацоўніцтва яшчэ да падпісання Рапальскага дагавора, з 1920 г. Дыскусійным застаецца пытанне аб наяўнасці ваеннага пагаднення паміж Германіяй і Савецкай Расіяй. М. Лечык сцвярджае, што 3 красавіка 1922 г. гэтыя дзве краіны падпісалі дагавор, які развівае палажэнні ваеннай канвенцыі, падпісанай імі яшчэ 25 сакавіка 1921 г. Ён прыводзіць тэкст гэтага дагавора са спасылкай на Дзяржаўны архіў у Патсдаме [19; 60-62].

Фундаментальнай абагульняючай працай па польскай дыпламатычнай гісторыі міжваеннага часу стала "Гісторыя польскай дыпламатыі" [25]. У ёй знайшлі адлюстраванне найноўшыя даследаванні польскіх гісторыкаў па гісторыі міжнародных адносін, у тым ліку і па рапальскай палітыцы. У аснове іх канцэпцыі тэзіс, згодна з якім стратэгічнай мэтай як савецкай, так і германскай палітыкі ў дачыненні да міжваеннай Польшчы была рэвізія польскіх граніц. Гаворачы пра сучасны стан польскай гістарыяграфіі, трэба адзначыць, што для многіх польскіх гісторыкаў характэрна празмерная эмацыянальнасць у ацэнках міжнароднага становішча Польшчы. Не ўсе з іх праяўляюць дастатковую аб'ектыўнасць пры ацэнцы знешнепалітычных інтарэсаў Польшчы, СССР, Германіі ў 20-я гг. XX ст.

1. Skrzynski A. Polska a pokoj. - Warszawa, 1923.
2. Sikorski W. Polska i Francja. - Lwow, 1931.
3. Grzymala-Grabowiecki J. Polityka zagraniczna Polska w roku 1924. - Warszawa, 1925.
4. Mackiewicz S. Historia Polski od 11 listopada 1918 r. do 17 wrzesnia 1939 r. - Wroclaw, 1986.
5. Pobog-Malinowski W. Najnowsza historia polityczna Polski. - T. 2. - Cz. I. - London, 1956.
6. Дашкевич В. Польско-советские отношения. 1921-1932 // Очерки истории советско-польских отношений (1917-1977). - М., 1979.
7. Mikulicz S. Od Genui do Rapallo. - Warszawa, 1966.
8. Jurkewicz J. Niektore problemy stosunkow polsko-radzieckich w okresie miedzywojennym. 1918-1939 // Z dziejow stosnkow polsko-radzieckich. Studia i materialy. T. 2. - Warszawa, 1986.
9. Kumaniecki J. Wobec ukladu w Rapala // Z dziejow stosnkow polsko-radzieckich. Studia i materialy. T. 2. - Warszawa, 1986.
10. Kaminski M., Zaharias M. Polityka zagraniczna II Rzeczypospolitej. 1918-1939. - Warszawa, 1986.
11. Mikulicz S. Polityczne manewry polskiej dyplomacji przed konferencja w Genui. 1922 // Studia z najnowszych dziejow powczecznych. - Warszawa, 1963.

12. Krasucki J. Polska i Niemcy: Dzieje uzojemnych stosunkow politycznych (do 1932 r.). – Warszawa, 1989.
13. Zarnowski J. Sasiadzi wielcy i mali // Przyjaznie i antagonizmy. Stosunki Polski z panstwami sasiednimi w latach 1918 – 1939. – Wroclaw – Warszawa – Krakow – Gdansk. – 1977.
14. Korczyk H. Polska dyplomacja wobec traktatu berlinskiego z 1926 r. w swiatle dokumentow // Przegląd historyczny. – 1983. – № 2.
15. Lopatniuk S. Polska-radzieckie rokowania w sprawie zawarcia paktu o niagresji // Z dziejow stosnkow polsko-radzieckich. Studia i materialy. – Warszawa, 1965. – T. 1.
16. Wroniak Zd. Uchwaly Lokarnskie a problem radziecko-niemiecki w polskiej polityce zagranicznej // Polska. Niemcy. Europa. – Poznan, 1977.
17. Balcerak W. Miejsce i rola Polski w systemie wersalskij // Rola i miejsce Polski w Europie 1914 – 1957. – Warszawa, 1994.
18. Lossowski P. Polska w Europie i swiecie 1918-1939. Szkice z dziejow polityki zagranicznej polozenia mindzynarodowego II Rzeczypospolitej. – Warszawa, 1990.
19. Leczyk M. Wojskowe aspekty polskiej polityki wschdniej w latach 1922-1925 // Dzieje najnowsze. – 1993. 2. – R. XXV.
20. Bulnak H. Konferencja wojskowa polsko-rumynsko-francuska w Warszawie (7-8. IV.1924) // Studia z dziejow ZSRR i Europy Srodkowej. – 1990. – T. 25.
21. Kumaniecki J. Polski aspekt stosunkow radziecko-niemieckich w 1922 r. // Przegląd historyczny. T. LXXXI, zeszyt 1-2. – Warszawa, 1990.
22. Garlick A. Utrzymanie pokoju i status quo – zasada polityki II Rzeczypospolitej // Rola i miejsce Polski w Europie 1914–1957. – Warszawa, 1994.
23. Kochanowski J. Miedzu dyplomacja a wywiadem. Dzialalnosc Romualda Walikowskiego i Ignacego Boernego jako attaches wojskowych w Moskwie (1921-1924) // Przegląd historyczny. T. LXXXI, zeszyt 1-2. – Warszawa, 1990.
24. Stawecki P. Polityka wojskowa Polski. 1921–1926. – Warszawa, 1981.
25. Historia dyplomacji polskiej. T. IV. 1918-1939. – Warszawa, 1993.

Зеленевский В. А. (г. Минск, Ин-т философии НАН Беларуси)

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ГЕРМАНСКОГО МАСОНСТВА И ЕГО РОЛИ В СУДЬБЕ А. С. ПУШКИНА

«Англия, Америка, Германия. . рассадники франкмасонства. Эти страны чувствуют в себе мессианское призвание вместе с иудейством овладеть миром и затем уже передать его еврейскому племени, зверю...»

Св. прав. о. Иоанн Кронштадтский.

Германские тайные общества, чаще именуемые масонством (академии, союзы, орден, ложи, элитарные клубы...) имеют пребогатую историю. Рамки выступления не позволяют охватить данный вопрос во всём его объёме. Поэтому остановимся лишь на некоторых из наиболее рельефных его аспектов.

Строго говоря, термин "масонство" (применительно к каким бы то ни было тайным обществам) совершенно не научный. Дело в том, что "масонство" или "франкмасонство" означает "вольные" или "свободные каменщики". Так в средние века назывались артели строителей храмов, замков, крепостей... Собственно же тайные общества существовали задолго до Рождения Христова и имели свои собственные названия, как то – фарисеи, саддукеи, жреческие касты древних Вавилона, Египта и т. п., позднее же – гностики, манихеи, альбигойцы, тамплиеры, вальденсы, розенкрейцеры, иллюминаты, мартинисты и другие. Патентованный не-

мецкий масон, проф. Заттегаст так говорит об этом: "На вопрос: «когда возникло масонство?» – Лессинг [маститый член тайных обществ. – В. 3.] дал классический ответ: "Масонство существовало всегда". Это значит, что с тех пор, как существует человечество...". Отсюда, по словам Заттегаста, "закрытость общества" и стремление "втихомолку приобщать к своей среде единомышленников". "Такого рода стремления, – пишет он, – проявлялись в древности; после Христа, в течение всего средневековья, и позднее, с началом Реформации, они вызвали к жизни множество братств, союзов, обществ и сект, носивших самые различные имена..." [5, 12-13]. Но тайна нужна только там, где боятся правды. Потому абсолютно все тайные общества являются в той или иной степени откровенно богоборческими или сатанинскими организациями. "Учение Мое явно," – сказал Спаситель. И это понятно, ибо добро и истина не нуждаются в тайнах, клятвах, посвящениях, степенях, а равно и в наказаниях смертной казнью за нарушение "братом" вышеперечисленного.

Противоестественное создание вышеназванных существей (тайных обществ и строительных лож) произошло не в одночасье. Строительное искусство было делом трудным и даже высокоинтеллектуальным, к тому же связано с обладанием редким и высокодоходным ремеслом. Поэтому строительные ложи и имели закрытый для посторонних характер, а члены их, передававшие друг другу и из поколения в поколение тайны своего искусства, обладали известными привилегиями, дарованными правителями и государями. Эта закрытость лож купно с их привилегиями не могла не манить разного рода потомственных проходимцев, богоборцев и явнь х сатанистов, между собою, как правило, организованных да, к тому же, не жалюемых, а зачастую и преследуемых властями, а значит испытывающих постоянную нужду в укрытии. Вначале эти субъекты проникали в число членов лож просто за взятки. Затем, постепенно, благодаря своему профессиональному интриганству, выработанным в течение многих веков фарисейским методам, заплучили в строительных ложах огромное влияние. Бесспорно, однако, пишет в книге «Каббала, ереси и тайные общества» дсреволюционный российский ученый Н. А. Бутми, что уже "у средневековых каменотесов существовали и такие обряды, предания и символы, иудейское происхождение которых не подлежит никакому сомнению", поскольку имели ярко выраженное "враждебное отношение к Христианству и Церкви" [1, 262-263].

История отпадения от Бога некогда поистине богоизбранного народа далеко не простая: "После долгого-предолгого колебания, – пишет святитель Николай Велемирович, – между служением Богу или диаволу, избранный народ израильский, в конце концов, полностью прилепился диаволу, предал Бога и распял Мессию, Сына Божия. Справедливо сказал о них Иисус: "Ваш отец есть диавол, и похоти отца своего творите, он враг человеческий от начала, и не стоит в истине, ибо нет истины в нем, когда говорит ложь – своё говорит, ибо он есть ложь и отец лжи". Так завершилась миссия избранного народа израильского, полным и осозанным отступлением от служения Богу и отданием себя в распоряжение сатаны, которому этот народа по сей день служит" [6, 3]. Более того, распиная Христа они не остановились пред проклятием своих собственных детей: "И отвечавше вси людие реша: кровь Его на нас и на чадех наших" (Мф. 27, 25). За такого рода "деяния" они и сделались народом диавола. Это подтверждается и "Наставлением 12-ти Апостолов и учеников Господних, – пишет французский исследователь тайны беззакония Флавиан Бренье, – составленных по случаю Иерусалимского Собора [который проходил под руководством Самой Богородицы. – В. 3.]... Вот этот дословный перевод: "Так как Он покинул Свой народ и удалился из опустошенного храма, разодрав Свою одежду и отняв Своего Духа Святаго, дабы ниспослать Его на тех из язычников, которые уверовали в Него (как это предсказано у пророка Иоиля: "Я распространю Дух Мой на всякую плоть"); Он действительно отнял Духа Святаго от этого народа, силу Своего Слова, и все Свое Священство и перенес их на Свою Церковь. Также и сатана искуситель, оставил этот народ, дабы нападать на Церковь; и впредь сатана

не будет более искушать этот народ, через свои злые деяния сам упавший в его руки, и готовый также искушать Церковь, принося ей огорчения и вызывая против нея гонения, хулы, лжеучения..." [7, 45]. Это, разумеется, относится лишь к сознательным врагам Христа, ибо всем без исключения людям дарована Свыше свободная воля и каждый, таким образом, может отказаться от пути Саула и встать на путь Павла. Ибо в добром деле, как и в худом – "несть ни еллина, ни иудея".

Отсюда и тайные цели тех, которые называют себя масонами, ибо "масонство, – по словам проф. О. А. Платонова, наиболее компетентного современного исследователя тайных обществ, – это тайное преступное сообщество, преследующее цель достижения мирового господства на основе иудаистского [точнее: талмудического. – В. З.] учения об избранном народе" [2, 176]. Дабы не быть голословным, Платонов приводит красноречивые свидетельства самих высокопоставленных иудаистов и масонов:

- The Israelite of America. 1866. Aug. 3: "Масонство есть иудейское учреждение, – заявил не обитурый раввин Исаак Уайз, – которого история, степени, должности, позунги и законы от начала до конца – иудейские";

- Jewish Gardian. 1922. Apr. 12: "Существует долг масонства перед Израилем, – вторит Уайзу другой раввин, М. Г. Мерит на богослужении братьев Коринфской ложи в реформатской синагоге Оттавы, – со времен основания Соломонова храма, где Соломон и Хирам [главный мастер по строительству Храма. – В. З.] вместе восседали как первые великие мастера. Не найдется никакого другого места, более подходящего, чем это [синагога. – В. З.] для масонского божественного служения, ибо масонство неразрывно связано с историей народа, которому принадлежит сей храм. Масонство родилось от Израиля".

(Увы, но раввин в данном случае близок к правде. Знаменитый царь Соломон, хотя по Божию дарованию и сподобился премудрости, однако, по своей свободной воле (данной Господом всем людям без исключения) выбрал себе иную стезю. Какую именно, о том сказано в Святом Писании: "И стал Соломон служить Астарте, божеству Сидонскому, и Милхому, мерзости Аммонитской. И делал Соломон неугодное пред очами Господа и... построил капище Хамосу, мерзости Моавитской, на горе, которая пред Иерусалимом, и Молоху, мерзости Аммонитской. Так сделал Соломон для всех своих чужестранных жен, которые кадили и приносили жертвы [в том числе и человеческие. – В. З.] своим богам. И разгневался Господь на Соломона... И сказал Господь Соломону: за то, что так у тебя делается, и ты не сохранил завета Моего и уставов Моих, которые Я заповедал тебе, Я отторгну от тебя царство и отдам его рабу твоему" (3 Цар. XI, 5 – 12)).

- Энциклопедия масонства. Филадельфия. 1906 г.: "Каждая ложа есть символ иудейского храма, так же как и всякий мастер стула есть представитель иудейского царя, а каждый франкмасон должен олицетворять иудейского работника" [2, 176-177].

В средние века, когда вера у народов и правителей была еще сильна, врагам Христа, видимо, проще было запечатлеть свою идеологию в камне. И дело тут, разумеется, не только и не столько в "преданиях", "обрядках" и "символах", на которые обратил внимание Н. А. Бутми, хотя и они имели значение, поскольку источником их являлось закоренелое богоборчество и сатанизм. Это подтверждают дошедшие до нашего времени свидетельства о реальной, так сказать, материализации упомянутых "обрядов" и "символов" применительно в данном случае к объекту нашего анализа – к Германии (хотя, то же самое относится и ко всей Западной Европе). Так, даже известный апологет тайных обществ и маститый историк масонства И. Г. Финдель вынужден констатировать, что, к примеру, "в церкви св. Зебельда в Нюрнберге изображены были [строителями или вольными каменщиками средневековья. – В. З.] монахи и монахиня в неприличной позе. В Страсбурге в верхней галлерее Собора против кафедры изображены были свинья и козел, которые несли, как святыню, спящую лисицу; за свиньею шла сука, а впереди шествия – медведь с крестом и волк с горящею свечью... В

доберанской церкви в Мекленбурге до сих пор ещё сохранилось следующее запрестольное изображение: на первом плане три священника вертят мельницу, в которой мелется догматика, сверху над ними Пресвятая Дева с Младенцем Иисусом, на чреве ея пылающая звезда – один из символов масонства, внизу – Тайная Вечера, на которой изображены Апостолы в известной всем масонам позе. В бранденбургской церкви лисица в священнической одежде проповедует стаду гусей... В другой готической церкви иронически представлено нисхождение Св. Духа" [4, 47].

Сатанинское кощунство в тайных обществах (в особенности на высоких степенях посвящения) поистине не имеет границ. Они, например, и Иисуса Христа, и Иоанна Крестителя, и Апостолов называют «учениками» древних сатанистов-масонов, издеваются как могут над Пречистой Богородицей, гнусно пародируют Святое Причастие и Божественную Литургию, изощренно ругаются на Честным Крестом. К примеру, «брат» масон Буз де Виллье в своей грязной книжонке «Тайное учение Христа» дерзает писать: «Крест был одновременно символом жертвы и творения. Вертикальная линия креста изображала мужской оплодотворяющий принцип и ему придавали форму фаллуса, но облеченного священным характером. Горизонтальная линия креста символизирует женский принцип – ктеис, почему не без основания некоторых женщин еще недавно называли «горизонталками»» [3, 121-122].

Было бы верхом наивности полагать, что мировой сатанизм не озаботился созданием некоего единого управляющего органа. Наличие такового историками установлено несомненно. И это естественно, ибо масонство, точнее – мировое сообщество тайных организаций, весьма прочно. А прочно только то, что организовано. По свидетельству (приведенному в "The Jerusalem Post Magazine", 1976, Oct. 10) самого, пожалуй, маститого и объективного еврейского историка, что не мешало ему быть активным политическим деятелем и сионистом, С. М. Дубнова, "в каждый период еврейской истории выделялась какая-нибудь отдельная еврейская община как центр еврейской жизни и созидания, и эта община осуществляла "гегемонию" над всеми другими общинами (вначале Вавилон, затем Испания, Германия и Польша). Когда один центр приходил в упадок, другой расцветал" [8, 15].

Некоторые центры «гегемонии» у автора, по понятным причинам, выпали, но это не столь важно. Приведу лишь один пример из практики подобного центра. Во второй половине XV века французский король Карл VIII по требованию, разорёнными еврейскими ростовщиками, жителей Арля, приказал им либо креститься, либо покинуть провинцию Прованс. Евреи Арля, в ответ на это, обратились за советом к евреям Константинополя – в тогдашний центр "гегемонии": "Уважаемые евреи... Вам должно быть известно, что король французский, который снова стал владельцем Прованса, заставляет нас либо креститься, либо покинуть его владения... Посему просим мы у вас совета, как поступить. Шамор, Раввин евреев в Арле. 13 Савата, 1489 года".

В скорости им поступил ответ-директива из "центра": "Мы получили ваше письмо... Совет великих *сатрапов* и *раввинов* [курсив в тексте. – В. З.] таков: относительно того, что король французский заставляет вас принимать крещение – принимайте его, раз вы не в силах поступить иначе, но при условии, чтобы закон Моисеев сохранился бы в сердцах ваших; относительно того, что покушаются на вашу жизнь – сделайте детей ваших врачами и аптекарями, дабы они отнимали жизнь у христиан; относительно того, что христиане разрушают ваши синагоги – сделайте детей ваших канониками и причётниками, дабы они разрушали церковь христиан; относительно того, что вам причиняют многие другие огорчения – сделайте так, чтобы дети ваши были адвокатами и нотариусами, и чтобы они всегда вмешивались в дела государства с целью подчинить христиан евреям, дабы вы могли стать господами над миром и мстить им.

Не уклоняйтесь от сего данного вам приказания, и вы на опыте убедитесь, как... вы станете на вершине могущества.

Б. С. С. В. Ф. Ф., князь евреев Константинополя. 21 касле, 1489 года" [9, 149-150]. Можно лишь добавить, что письма эти, после обнаружения в архиве впервые были опубликованы в XVI веке.

В Германии, как и везде, работа тайных обществ проводилась втайне. Но, как говорится, "ничего нет тайного, что...", так и здесь. Германия в этом плане как бы даже уникальна, в особенности же для уяснения вопроса о тайном масонском «сверхправительстве». В 1816 году в архиве главной масонской ложи в Гааге был обнаружен документ под названием "Кельнская Хартия", составленная масонским конвентом 24 июня 1535 года. Она написана по латыни и подписана 19 лицами. Исследователи констатировали, что "появление этого документа на свет произвело большое недоумение и переполох в среде масонства". Оно и понятно, ибо согласно масонским декларациям, предназначенным для непосвященного мира (для «профанов»), официально этот орден впервые появился, якобы, только в 1717 г. в Англии, в 1725 во Франции, в 1735 в Германии (в Гамбурге) и т. д.

В пункте "Г" этой Хартии написано следующее: "Между учителями и мастерами, занимающимися математическими и астрономическими [имеется в виду астрология. – В. З.] и другими науками, после рассеяния ордена по всей вселенной, продолжался обмен мыслей по поводу учения и света [“бог” масонов сатана, до своего отпадения бывший светоносным архангелом Сатанаилом, отсюда и их “свет”, учение же Христа для них “тьма”. – В. З.]. Для этого они стали выбирать из своей среды одного мастера достойнейшего между ними, который и был почитаем, как высший мастер или патриарх. С его существованием знали только избранные мастера. Они его почитали как видимого и невидимого [издательская парафраза христианского Символа Веры: “Верую во Единого Бога Отца... видимым же всем и невидимым”. – В. З.] начальника и главу всего ордена.

И ныне после нашего Конвента, старший мастер или патриарх, хотя и мало кому известен, но всё же существует.

Предпослав это и сличив стариннейшие документы, написанные на пергаменте и последующие за ними Хартии Ордена, с позволения нашего патриарха, с самыми священными документами, которые доверяются ему для нужд его председательства а также доверяется честности его преемника, – мы с соизволения нашего патриарха решили и приказали [к рассматриваемому вопросу имеет отношение лишь последний пункт – “Н”, который и приводим. – В. З.]: “Так как общество наше управляется единственным и всемирным главой, а различные великие братства... составляющие его, управляются различными великими мастерами смотря по положению и нуждам отдельных государств, то представляется необходимым поддерживать единство между ними, ибо рассеянные по лицу всей земли, они все-таки составляют лишь отдельные части одного и того же тела; поэтому ничего не может быть более настоящим, как личные и письменные сношения между представителями нашего общества, всюду сходными между собою, одномыслящими с учением ордена.

Для этой цели настоящая Хартия, свидетельствующая о сущности и характере нашего общества, будет разослана всем коллегиям нашего ордена, ныне существующим. Для этого мы подписали и утвердили своими подписями 19 подлинных экземпляров, совершенно одинаковых и с тем же содержанием, как и настоящий экземпляр, составленные и данные в Кельне на Рейне в 1535 г. 25 июня по летоисчислению, называемому христианским” [10, лл.217 об. – 218 об.].

Далее следуют 19 подписей. Трое из них – известные исторические лица, причём все трое враги Христа. Это архиепископ Кельнский Герман фон Вьед, “приложивший все усилия, чтобы перевести свою паству в лютеранство”; адмирал де Колины, “глава гугенотов во Франции”; а также небезызвестный Филипп Меланхтон, знаменитый “друг и сподвижник Лютера” [10, 219]. Времена эти озаменованы борьбой Лютера против католической церкви. Сам Лютер, однако, был осведомлен о том, что собою представляют его кукловоды, члены

кружка так называемых "германских гуманистов". Что это за публика ясно из откровений главы "гуманистов" проф. Конрада Муциана, который в письмах к единомышленникам "особенно рекомендует сочинение Генриха Бебеля, изданные в 1605 году, в котором Литургия называется "комедией", св. мощи – "костями висельников", церковное пение – "собачьим воем"... Пятнадцать лет спустя Лютер употребляет те же выражения" [1, 200].

Германский архетип (коренной, разумеется) испокон веку отличался склонностью к познанию мистического. Там в средние века и в новое время, по словам современников, было "необычайно большое количество алхимиков, ищущих философского камня, астрологов и провидцев, предсказывающих будущую судьбу людей, магов, изобретающих жизненный эликсир, духовидцев вроде Сведенборга, вступающих в самые деятельные сношения с заробным миром"; процветали "чернокнижие, колдовство и духовидение" [13, 64-65]. Идеи же "Кельнской Хартии", что называется, "жили" и "развивались", наконец нашли свое наиболее адекватное воплощение в тайном сатанинском обществе итальянских "карбонариев" (они заслуживают особого разговора) и германских иллюминатов, т. е. – "просветлённых", как они себя нарекли. Основателем этого, "наиболее изуверского", по словам современников, ордена был еврей Адам Вейсгаупт (1748–1830), профессор Ингольштадтского университета, "сын профессора юриста" (поистине, "ни что не ново под луной"). Восемь лет (начиная с семилетнего возраста) и довольно успешно он "проходил тяжелый искус учения в иезуитской гимназии". Затем университет, докторский диплом, место профессора и вступление в масонство. Характерно, что, будучи "заклятым врагом иезуитов", Вейсгаупт на всю жизнь остался "великим поклонником их тактики и внешних приёмов" [11, 113-114]. Вполне понятно, что, то полумистическое немецкое масонство, в которое он вступил, "вызвало у него глубокое разочарование" ввиду отсутствия серьёзных дел и "конспирации". Поэтому, он с группой единомышленников-масонов создает в 1776 г. новое тайное общество, главная цель коего "борьба с врагами человечества и разума". "Братья" принимают его условия под страшными клятвами (Вот образец масонской клятвы (заключительная её часть): "...Если я не сдержу этой клятвы, то обязываюсь подвергнуться следующему наказанию: да сожгут и испепелят мне уста раскаленным железом, да отсекут мне руку; да вырвут у меня изо рта язык, да перережут мне горло, да будет повешен мой труп посреди ложи при посвящении нового брата, как предмет проклятия и ужаса...") [12, 221]). "Наши люди, – говорит он, – должны быть предприимчивы, ловки, вкрадчивы"; "ищите, прежде всего, знатных, могущественных, богатых"; "вы, мои люди! Не заботьтесь ни о чем, кроме призрения мне сторонников... Об остальном позабочусь я"; "главное... искоренить в себе предрассудки". "Ареопар" ордена составляли 9 членов [11, 114-115].

Детище Вейсгаупта, в сущности, являлось тайным революционно-террористическим обществом, которое он "с 1780 года наводнил еврейством" [10, 199] как наиболее подходящим для перманентно-революционной деятельности и привычным к конспирации. Относительно либеральное Баварское правительство, вполне мирившееся с существованием ах 91 (девяснотой одной) германской ложи, которые подчинялись "Великой Ложе Германии в Берлине", было шокировано, когда в его руки (в результате агентурных мероприятий) попали документы иллюминатов. Из документов следовало также, что щупальца иллюминатов проникли в пределы России. Поэтому "в 1786 – 87 гг. подлинные акты Баварского правительства о "Иллюминатах", проникнувших в Россию были посланы Русскому Императорскому Двору".

Для русских, не в пример немцам (коренным), характерна тяга к тайным обществам не мистического, а именно революционно-бунтарского толка, что и проявилось начиная с Петра I. Уже «при Екатерине II, – констатирует маститый историк масонства А. Н. Пыпин, – его [масонства. – В. З.] успехи были очень быстры... Русские вступали в это общество с такою ревностью, которая в самом деле нуждалась в ограничении. Под конец... почти не было че-

ловека из не совсем низших классов, который бы не был масоном» [14, 537]. В конце XVIII – начале XIX в., под влиянием «иглюминизма» в Устав русских масонов «был внесён пункт о том, что если какой-либо представитель самодержавия мешает... то, как бы высоко он ни стоял, его можно устранить хотя бы и насильственным путем, навсегда» [10, л. 47–47 об.]. На пользу тайных обществ немало потрудился и сверхлиберальный Александр I: «По возвращении Императора из Париже в 1814 г. они [масоны. – В. З.] вскоре достигли такой силы, что всюду выбирались в дворянские должности, проникали в Синод, Сенат и заняли профессорские кафедры в университетах». Дело порой принимало кощунственно-юмористический характер, к примеру – террорист-иллюминат, «профессор Грегуар... изгнанный из Франции, царевбийца – был принят автономией Казанского университета в свои почётные члены» [10, л. 200 об.]. В так называемом «Православном катехизисе» выкормышей иллюминатов – декабристов, говорилось: «Бог не любит царей... Они прокляты суть от Него»; «присяга царям богопротивна» [15, 156-157]. Накануне декабрьского путча Рылеев скажет Каховскому: «Любезный друг! Ты можешь быть полезнее чем на площади... Истреби Царя!» [16, 125-126]. А специальное Воззвание декабристов по поводу смерти Александра I гласило: «Бог умилосердился над Россией, послал смерть тирану нашему...» [15, 157].

В то время как на словах иллюминаты ставили «...целью совершенствовать людей и созидать человеческое счастье» [11, 114], на деле – Устав, или «Цели и Правила Иллюминатов-Масонов» гласили: «1. Уничтожение всех начал спокойного бытия, порядка и... властей, Государей, Дворянства, Духовенства в каждой стране и у каждого народа. 2. Вся власть переходит к начальникам «Иллюминатов», тайные повеления которых должны исполняться беспрекословно, жертвуя честью, имуществом, жизнью. 3. Достижение цели оправдывает средства и благо ордена. «Иллюминатов» извиняют клеветы, убийства, клятвопреступления... всё то, что предрассудки называют преступлением... 5. Законные правители считаются «Иллюминатами» похитителями власти... 6. Готовность на самоубийство есть необходимая добродетель «Иллюмината»...» [10, л.л. 199-199 об.].

Именно в эту самую кровожадную ветвь тайных обществ и имел, так сказать, неосторожность «вляпаться» молодой А. С. Пушкин. «4 мая был я принят в масоны», отметил он в своем кишиневском дневнике в 1821 г. [17, 804]. Ключев, так сказать, на масонскую ложь о «неслыханной мудрости», «сокрытой», якобы в тайных обществах, Пушкин, тем не менее, по духу своему и убеждениям никогда не был масоном. Об этом говорит всё его зрелое творчество, однозначное осуждение им и Французской революции (1830), и польского бунта, как и связанного с последним вала клеветы и угроз европейских масонов против России (его «Клеветникам России» и др.), и здравая оценка им действий благородного Николая I по подавлению восстания 1825 г.: «Ваше Величество! – так «с чувством!», по собственному признанию Пушкина, обратился он к Императору, – Вы сокрушили главу революционной гидре, Вы совершили великое дело!» [18, 36]. И всё же... И всё же факт вступления поэта в тайное общество, а значит и его собственноручная подпись под страшной клятвой, за нарушение которой только смертная казнь, – имел место. И формально, его «старшие начальники», т. е. всемирные заговорщики имели-таки основания считать его «своим», хотя в реальности не могли не видеть, что он чужой. Что, скажите на милость, оставалось им после этого?! В особенности же после того, как они убедились, что он сознательный их враг: «В архивах вюртембергского и австрийского министерства иностранных дел, – пишет московский ученый Вл. Орлов, – имеются секретные депеши посланцев этих государств [врагов России, кстати, и масонов. – В. З.], где Пушкин... предстает и как видный дипломат, политический деятель и идейный глава русской партии, противостоящий партии иноземцев, плотной стеной отгородивших Императора Николая I от русского общества...». Вывод автора обоснован: «Пушкин пытался разрушить эту стену, что и явилось истинной причиной его гибели» [19, 162]. По свидетельству современников, едва ли не по всем важным государственным вопросам

Царь считал за благо посоветоваться с Пушкиным, а однажды, после длительной прогулки с последним, прилюдно заявил: "Я беседовал с умнейшим человеком России!".

Нельзя сказать, что сам поэт не чувствовал некую двойственность своего положения в связи со своим... "масонством". Ведь только случай спас его – человека с горячим сердцем и мятущейся как у всякого поэта душой – от соучастия в государственном преступлении: "Я рассчитывал приехать в Петербург, – писал он позже Адаму Мицкевичу, – поздно вечером и, следовательно, попал бы к Рылееву прямо на совещание 13 декабря. Меня приняли бы с восторгом, я забыл бы о Вейсгаупте [выделено мною. – В. З.], попал бы с прочими на Сенатскую площадь и не сидел бы теперь с вами, мои милые!" [20, 188]. Вполне объяснима тревога поэта в первые месяцы после подавления бунта: "Я был масон в Кишиневской ложе, – пишет он В. А. Жуковскому 20 января 1826 г., – то есть в той, за которую уничтожены в России все ложи. Позже Пушкину станет известно (скорее всего от самого Царя), кто именно из масонов и "каким образом" предал именно кишиневских иллюминатов: "Вечером раут у Фихельмонт, – пишет он в дневнике 24 ноября 1833 г. – Странная встреча: ко мне подошел мужчина... Это был Суццо, бывший молдавский господарь... Он напомнил мне, что в 1821 г. был я у него в Кишиневе вместе с Пестелем. Я рассказал ему, каким образом Пестель обманул его и предал Этерию [скорее всего это "масонское имя" ложи. – В. З.], представляя ее императору Александру отраслию карбонаризма. Суццо не мог скрыть ни своего удивления, ни своей досады" [17, 822]. Возможно, и поэтому тоже Пушкин в другом месте говорит о Пестеле, как о субъекте "с профилем Наполеона и душою Мефистофеля".

Я, наконец, был в связи с большею частью нынешних заговорщиков... Письмо это неблагоприятно, конечно, но должно же доверять иногда и счастью... Прежде чем сожжешь это письмо, покажи его Карамзину [о, святая простота! Пушкин не мог и догадываться, что Карамзин, начав свой путь с масонской должности "подмастерья ложи "Золотого Венца" [21, 64], так и остался правозверным заговорщиком, и главную свою миссию – оплевать благоверного Царя Грозного – он выполнил. – В. З.] и посоветуйся с ним..." [22, 154]. В ответ, простодушный либерал Жуковский, не столько успокаивает, сколько (вероятно, справедливо) отчитывает поэта за его легкомыслие: «Не сердись на меня, что я к тебе так долго не писал, – отвечает он спустя почти три месяца, – Я никак не умею изъяснить, для чего ты написал ко мне последнее письмо своё. Есть ли оно только ко мне [здесь и далее курсив в подлиннике. – В. З.], то оно странно; есть ли же для того, чтобы его *показать*, то безрассудно. Ты ни в чём не замешан – это правда; но в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои. Это худой способ подружиться с правительством... Я ненавижу всё, что ты написал возмутительного для порядка и нравственности... Не просись в Петербург, ещё не время. Пиши Годунова и подобное; они отворят дверь свободы...

...Сейчас государь приспал у меня просить твоих стихов; у меня их не случилось. Но он велел просить у твоей жены экземпляр. Нехудо, когда и для государя, и для императрицы пришлешь по экземпляру, и скоро мне доставишь экземпляры. Ж." [23, 109-110].

...Словом, врагам России – масонам было за что ненавидеть А. С. Пушкина, особенно если учесть отношение к нему Николая I. Мнение объективных историков единодушно: "Для масонства нависла вполне реальная угроза, оно теряло свое влияние на русское общество, здоровый национализм Пушкина вливается благотворной струей в нездоровую, зараженную либерализмом и космополитизмом общественную атмосферу – *решение убрать, устранить Пушкина стало первоочередной задачей масонства* [курсив мой. – В. З.]" [18, 90]. Тщетно надеялся Пушкин "забыть о Вейсгаупте" и открытостью от вырожденков рода человеческого, они находили способы напоминать о себе, используя и его слабость – некоторое суеверие. Они подсылают к нему известную в Европе сатанистку, члена тайных обществ и "предсказательницу" Кирхгоф. Войдя в "транс" она таинственно поведала ему, что "...проживет он долго, если на 37-м году возраста не случится с

ним какой беды от белой лошади или белой головы, или белого человека... которых и должен он опасаться", о чём поэт и поведал махровому масону Соболевскому, которого искренне считал своим другом [24, 5-6]. Лишив, таким образом, поэта (насколько это было возможно) душевного покоя, масоны поручили и "брата" Соболевскому (которого Пушкин уважал) вежливо напомянуть ему о прежних "обязательствах" перед тайным обществом. А тут ещё и самому приснился, что называется, сон, который для суеверного человека может показаться и вещим. Он записал его в виде стихотворения:

«Чудный сон мне Бог послал –	Ныне грешник тот великий,
С длинной белой бородою	О котором предвещенье
В белой ризе предо мною	Слышал ты...
Старец некий предстоял...	Наконец к тебе придет
Он сказал мне – будь покоен,	Исповедывать себя.
Скоро, скоро удостоен	И наступит разрешенье
Будешь Царствия Небес.	И уснешь ты вечным сном...

[25, 360-361].

Скоро странствию земному
Твоему придет конец...

Эх, Александр Сергеевич! Перекрестился бы во время сна и, глядишь, исчез бы "старец". "От Бога"?! – разве можно это знать простому смертному? Ведь Слово Господа не ложно. А Он чётко предостерегает нас от доверия снам: "Я слышал, что говорят пророки, Моим именем пророчествующие ложь. Они говорят: "мне снилось, мне снилось"..." (Иер. 23, 25); "...и не слушайте снов ваших, которые вам снятся" (Иер. 29, 8)).

"Я как-то изъяснил свое удивление Пушкину, – с невинным видом повествует Соболевский, – о том, что он остранился от масонства [право же – тут есть чему удивляться, ибо любой масон знает, что за малейшее своеволие – смерть. – В. З.], в которое был принят... "Это все-таки вследствие предсказания о белой голке, – отвечал мне Пушкин. – Разве ты не знаешь, что все тайные общества, даже и самое масонство, получили от Адама Вейсгаупта направление... враждебное существующим порядкам? Как же мне было приставать к ним [ты же, знаешь, дескать, что я всегда был патриотом. – В. З.]? Weisskopf, Weisshaupt – одно и то же" [24, 6], – заключил Пушкин.

Сатанистку к поэту «братья» подослали тогда, когда подходящая "белая голова" была уже подыскана ими: "Убийца, – пишет историк масонства Борис Башилов, – уже давно был подыскан: это был гомосексуалист и светский вертопрах француз Дантес" [18, 107]. Что до гомо... так это для "братьев" не столько привычно, сколько незьемлемо и необходимо, причём, до сего дня – журнал американских масонов "Уан" ("One", Los Angeles, August 1958, page 9) прямо говорит: "При современной социальной и культурной системе гомосексуалист автоматически оказывается членом международного масонства" [26, 285]. Словом, андеграунд он и есть андеграунд, и тут нечего комментировать. И данный факт, наряду с якобы "случайными" качествами европейского киллера, как то – клакунский стрелок, скандалист-дуэлянт, рослый, смазливый, остроумный, не жадный, кутила... в глазах разражённого высшего света, а особенно дам из модных салонов, только лишь придавало ему "шарму", или как говорит сегодняшняя публика того же сорта, – "крутости". Важнее то, что "убийца Пушкина Дантес был крупным масоном" и действовал строго скоординированно с иными высокопоставленными нечестивцами. "Как показали научные исследования 20-х годов, – пишет проф. Платонов, – "Диплом роконосца", ставший одной из причин дуэли и гибели поэта, был составлен масоном князем П. Долгоруковым. Вывод этот подтверждается графологической экспертизой" [27, 9]. Заговор, повторяем, имел международный характер. "...Рекомендации и устройство его [Дантеса. – В. З.] на службу шли от масонов и через ма-

сонов", причём, высшего уровня: рекомендательное письмо Дантесу "дал сам принц Вильгельм Прусский, позднее Вильгельм, император Германский и король Прусский, масон, на имя графа Адлерберга, масона, приближенного к Николаю Павловичу и занимавшего в 1833 г. пост директора канцелярии военного министерства" [18, 107]. Во исполнение масонского приказа Адленберг не останавливается даже перед прямым нарушением собственной присяги Помазаннику Божию Царю, т. е. "обманывает Николая I" и тут же отчитывается перед Дантесом, что им, Адленбергом, "всё подстроено для того, чтобы» Дантес "выдержал экзамен на русского офицера", при этом не забывает похвастаться своим обманом: "Император меня спросил, знаете ли Вы русский язык? Я ответил удовлетворительно. Я очень посоветовал бы Вам взять учителя русского языка" [18, 107].

Однако, прав великий наш Ф. М. Достоевский – таким "человеческим качествам", как "подлость", "цинизм", "жестокость", "истеричность", "беспринципность", помимо "развращённости", сопутствует неизбежно и "трусость". То есть – несмотря ни на что Дантес боялся стреляться с Пушкиным. Де бы "изыскать способ избежать дуэли, не нарушив при этом приличий света", он обратился к признанному масонскому авторитету "престарелому графу Строганову". Но Строганов сам боялся масонской казни, потому "объявил Дантесу, что он непременно должен драться". Последний, однако, стоял на своем. Под угрозой потери своего сожителя-миньона, "приёмный отец" Дантеса барон Луи Геккерен впадает в истерику и "униженно, чуть не на коленях упрощивает Пушкина отсрочить поединок на две недели... За это время, – по предположению В. В. Вересаева, – Геккерен раздобыл для своего миньона нателную кольчугу, которая и была той "пуговицей", которая спасла Дантесу его подлую жизнь" [26, 206]. (Кстати, о "пуговице". Отличный стрелок Пушкин стрелял в Дантеса с 10 шагов, т. е. с 8 метров, для тогдашнего дуэльного пистолета, при попадании в грудь или живот – 100 %-я смерть. Но иудам! Сам Господь сказал: "ваш отец диавол... он лжец и отец лжи", отсюда и их "пуговица". Нашлись, однако, специалисты, которые разоблачили ложь. "Инженер М. З. Комар проделал в 1938 г. следующий расчет: зная диаметр пули, начальную скорость и пробивную силу при дистанции в 10 шагов, он пришел к выводу, что пуговица здесь не помогла бы. Из материалов военно-следственной комиссии после дуэли известно, что Дантес не только не представил судьям спасительную пуговицу, но не мог даже толком объяснить, в какую именно пуговицу пуля попала"; расчёты инженера М. З. Комара экспериментально подтвердил и другой учёный – судебный медик В. Сафонов и «тоже пришел к выводу, что, судя по характеру скрытого перелома ребра у Дантеса, его спасла не "пуговица", а кольчуга под кундиром. Но по уголовным законам того времени это означало не дуэль, а преднамеренное убийство" [26, 206]. В общем, замешательство международных заговорщиков было не долгим, выход – "стальная кольчуга", заказанная "в одной из северных столиц". С этого момента Пушкина ожидала не "дуэль", а циничное убийство).

...На какую бы тему не шла речь в связи с тайными обществами (которые, в общем, даже не против, чтобы их именовали масонами, т. е. "свободными каменщиками"), любой более или менее объективный исследователь неизбежно столкнется с главным и неотъемлемым для них – с их ложью, лицемерием, цинизмом и, конечно, жестокостью. И совершенно не важно в каком конце света – в Германии, в России, на другой стороне планеты – они везде одинаковы и имеют общий для всех "братьев" начальствующий "ареопаж", в особенности же нынче – в условиях процесса подчинения мира глобализационно-паразитическому Новому мировому порядку. Оно и понятно, ибо у них ведь просто нет выбора – дорога лжи не может быть иной, и напротив того – истина, свет и любовь не нуждаются, повторяем, ни в каких тайнах.

1. Бутми Н. А. Каббала, ереси и тайные общества под редакцией Г. В. Бутми. - СПб., 1914.
2. Платонов О. Терновый венец России. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против Христианской цивилизации. - М.: «Родник», 1998.
3. Цит. по: Лукин Ю. Н. Орден розенкрейцеров. - Харбин, 1938.
4. Финдель И. Г. История франк-масонства от возникновения его до настоящего времени. Пер. с немецкого. Т. 1. - М., 1872.
5. Масоны в Германии. Их учение и цели. Проф. Заттегаста. Бывшего Гроссмейстера «Великой Ложи – Royal logk». - СПб.: Издание типографии С. М. Проппера, 1907.
6. Чижов Н., Степанов В. Последнее искушение (еврейством). - М.: П-Свет, 2003.
7. Флавиан Бренье. Евреи и Талмуд. - Париж, 1928.
8. Корнеев Л. А. Классовая сущность сионизма. - Киев: Изд-во политической литературы Украины, 1982.
9. Селянинов А. Тайная сила масонства. - СПб., 1911.
10. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. № ДП ОО, оп. № 1905 г., ед. хр. № 12. Ч. 2, 1. "К руководству по масонству".
11. Васютинский А. М. Орден иллюминатов // Масонство в его прошлом и настоящем / Под ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. - М.: Издание "Задруги" и К. Ф. Некрасова, 1914. Т. 1.
12. Шустер Георг. Тайные общества, союзы и ордена. - СПб., 1905.
13. Перцев В. Н. Немецкое масонство в XVIII веке // Масонство в его прошлом и настоящем... - М., 1914. Т. 1.
14. Пыпин А. Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX века. - СПб., 1916.
15. Василич Г. Восшествие на Престол Императора Николая I. - М., 1909.
16. Воробьевский Ю., Соболева Е. Пятый ангел вострубил. Масонство в современной России. - М., 2002.
17. А. С. Пушкин. ПСС. Т. 5, кн. 2, - М. - Л., 1933.
18. Башилов Б. История Русского масонства. Вып. 14, 15. - М., 1995.
19. "Москва". Журнал русской культуры. - М., 1997. № 2.
20. Цит. по: Лоллий Замойский. Масонство и глобализм. Невидимая империя. - М., 2001.
21. Бакунина Т. А. Знаменитые русские масоны. - Париж, 1935.
22. А. С. Пушкин. ПСС., - Л., 1979. Т. 10.
23. Полное собрание сочинений В. А. Жуковского. В 12-и т. Т. 12, - СПб.: Издание А. Ф. Маркса, 1902.
24. А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. - М., 1974.
25. А. С. Пушкин. ПСС. Т. 2. М. - Л., 1931.
26. Климов Г. Протоколы советских мудрецов. - Сан-Франциско: Изд-во «Глобус», 1981.
27. Платонов О. Терновый венец России. Тайная история масонства. - М., 2000.

Бяюра А. Н. (г. Брест, БГТУ)

БЮДЖЕТ, БАНКИ И ФИНАНСЫ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ОККУПАЦИИ (1941 – 1944 гг.)

Готовясь к агрессивной войне против СССР, гитлеровское руководство разработало несколько планов. Кроме широко известных – военного плана «Барбаросса», целью которого было полное уничтожение Советского Союза как одного из главных препятствий на пути к установлению немецкого мирового господства, и генерального плана «Ост», который представлял программу колонизации оккупированных советских территорий, – фашистская верхушка составила еще и специальный экономический план «Ольденбург». В этом плане предусматривались различные аспекты экономического ограбления СССР, обеспечения германской во-

енной машины всем необходимым. не только путем открытых конфискации, контрибуций и других видов прямого грабежа оккупированных территорий, но и использование различных кредитно-денежных, финансовых и фискальных мероприятий.

Белорусская ССР одной из первых приняла на себя удар фашистских полчищ и уже к сентябрю 1941 года была полностью оккупирована. После захвата Беларуси ее территория была расчленена оккупантами на пять зон, где существовала различная административная подчиненность и действовали различные банковские и денежные системы:

1. Территория Витебской, Могилевской, большей части Гомельской и восточных районов Минской областей была включена в зону армейского тыла группы армий «Центр», где все административные функции выполняло военное командование.

2. Северо-западные районы Вилейской области отошли к генеральному округу «Литва», входившему в рейхскомиссариат «Остланд».

3. Северо-западные районы Брестской и Белостокская области составили особый округ «Белосток», присоединенный к Восточной Пруссии.

4. Барановичская область, часть Минской и Вилейской, северные районы Брестской, Пинской и Полесской областей составили генеральный округ «Белоруссия», включенный в рейхскомиссариат «Остланд».

5. Южные районы Брестской, Пинской, Полесской и Гомельской областей вошли в состав генеральных округов «Волынь-Подоллия» и «Житомир» рейхскомиссариата «Украина».

В данной статье речь будет вестись о налоговой, банковской и кредитно-финансовой системах, действовавших в годы немецко-фашистской оккупации в генеральном округе «Белоруссия». В административном отношении он был разделен на десять окружных комиссариатов: Барановичский, Борисовский, Вилейский, Ганцевичский, Глубокский, Лидский, Минский, Новогрудский, Слонимский и Слуцкий, которые в свою очередь делились на уезды, а уезды на волости.

При формировании бюджета генерального округа «Белоруссия» немцами захватчиками использовались различные поступления.

Одним из источников доходов местных бюджетов при фашистской оккупации стало ограбление населения Беларуси через различные налоги и штрафы, которые брались как в немецких оккупационных рейхсмарках, так и в советских рублях с обязательным переводом в рейхсмарку из расчета 10 рублей за 1 марку, что было почти в пять раз больше по сравнению с довоенным курсом имперской марки.

Основной статьей доходов бюджета при немцах на Белоруссии был подушный налог с населения. В 1942 году с каждой взрослой души оккупанты вносили по 100-150 рейхсмарок (далее – р. м.) [7, л. 3].

Вторым по величине был сельскохозяйственный (земельный) налог. С каждого крестьянского двора оккупанты вносили в среднем по 200-250 р. м. [7, л. 3].

Налог с оборота во время оккупации составлял 15% от стоимости реализованного товара, причем от него освобождались товары немецкого происхождения, которые при гитлеровцах преобладали.

Налог с эксплуатации ископаемых богатств (преимущественно с добычи торфа) оккупанты вносили только к белорусских организаций, а немецкие, хищнически разграблявшие природные ресурсы Беларуси, налогов не платили.

Отчисления от доходов предприятий и подоходный налог с ремесленников также были высокими. Так, промысловый налог составлял 81 % от чистого дохода предприятий и платился ежеквартально [4, л. 133]. С 1943 года все владельцы обрабатывающих предприятий платили своим уездным и городским управам ещё 10 % налога от общей суммы оборота, а владельцам мельниц, колбасных и мясных предприятий – 15 % и винокурен – 25 %. Из промышленных предприятий изымались амортизационные отчисления в раз-

мере 2-7 % от суммы основных капиталов. Определенные отчисления промышленные предприятия делали для уплаты страховки [5, лл. 15, 21].

Окупанты придумали и взимали с местного населения много других налогов, например, налог со строений (в среднем по 460 р. м. со двора) [6, л. 3], хотя страховки за сожженные постройки немцы никому не платили. Жители сельской местности платили так называемый «общественный налог», налог с нетоварных операций, налог с кино, земельную ренту.

Согласно инструкции немецких финансовых органов, 80 % поступившего в кассы налога с оборота, налога с зарплат рабочих и служащих, подушного налога, культурного сбора, налога на ремесленников и кустарей, отчислений от прибиблей и прочее шло в кассу немецкого генерального комиссариата и лишь 20 % – в уездные кассы [3, л. 15].

Своеобразными налогами окупантов с населения Беларуси была высокая плата за получение паспортов, различных справок, свидетельств, мет-лик и их копий в управах, полицейских участках, нотариальных конторах.

Распространёнными при окупантах были всевозможные штрафы. Например, по Смоленскому уезду, входившему при окупантах в Борисозский областной комиссариат, только за 1942 год в бюджет поступили следующие штрафы: взысканные уездной управой – 9 478 р. м., полицией – 2460 р. м., школами (за непосещение детьми школ) – 417 р. м., финансовыми органами – 5014 р. м. [5, л. 34].

Никаких культурно-бытовых, а тем более восстановительных и строительных работ в бюджете немецких окупантов не предусматривалось, хотя доходы уездных управ на 23,4 % превышали расходы. Выделенные по бюджету расходы, средства в банках выдавались нерегулярно даже на зарплату работников управ, учебных заведений, медицинских учреждений, так как банковская система при немецких окупантах работала неудовлетворительно.

Составной частью оккупационного административно-управленческого аппарата была банковская система, состоявшая из различных банков.

В первую очередь среди кредитных учреждений, действовавших на оккупированных территориях, необходимо назвать Имперские кредитные кассы. Согласно принятому 3 мая 1940 года закону об учреждении этих касс, на них возлагалась обязанность по регулированию денежного обращения в оккупированных странах. В Беларуси первая такая касса была открыта в оккупированном Минске.

Самыми распространёнными кредитными учреждениями были так называемые хозяйственные банки, образованные гитлеровцами из контор и отделений Государственного банка СССР. Уже в 1941 году такие банки были открыты в Барановичах, Бегомле, Вилейке, Койданово, Копыле, Логойске, Плещеницах, Слониме, Слуцке и Узде. В Минске такой банк в то время не создавали, полагая, что для совершения банковских операций достаточно имперской кредитной кассы [1, 40]. Однако во многих уездах открытие отделений банков задерживалось. Так, в 1942 году отсутствовали отделения банка в Городищенском, Мирском, Ново-Мышском и Столбцовском уездах Барановичского окружного комиссариата, в Воложинском, Сморгонском, Свислочьском, Ильянском, Кривицком, Мядельском и Радошковичском уездах Вилейского округа, в Логошском, Ленинском, Телеханском уездах Ганцевичского округа, в Дисненском, Докшицком, Дуниловичском, Мирском, Плисском, Шарковщизненском уездах Глубокского округа, в Заславльском уезде Минского округа, в Ивенском (Ивенецком) и Кореличском уездах Новогрудского округа, в Ивацевичском Слонимского округа, в Вызнянском, Гресском и Старобинском уездах Слуцкого округа [2, л. 15]. За получением денег на зарплату и другие нужды их уездов приходилось по бездорожью и в опасности ездить за 50-100 км.

Отделения бывшего Государственного банка, кстати; так и называвшиеся в первые месяцы оккупации, были сохранены во многом для того, чтобы организовать оборот советских денег, имевших законную платёжную силу. Через эти банки окупанты регули-

ровали потоки рублей, оставшихся на оккупированной территории и с их помощью под- держивали высокий курс, объявленный оккупационными немецкими властями.

Хозяйственные банки все свои операции проводили под непосредственным контро- лем окружных комиссариатов или военных комендатур. Размер банковских операций, учитывая условия военного времени, был ограничен. Например, сумма разового пла- тежного поручения не должна была превышать 100 тысяч рублей [1, 49].

С 1 июля 1942 года все хозяйственные банки в генеральном комиссариате «Белору- ссия» объединялись в еди-ную систему, во главе которой стоял Минский «Банк в Бело- руссии», выполнявший функции центрального банка. В окружных и уездных городах к этому времени действовало 33 банка [1, 50].

В конце 1941 года в Риге, являвшейся столицей рейхскомиссариата «Остланд», был учре- жден «Остланд-Банк» для кредитования немецкой торговли и промышленности. Филиал этого кредитного учреждения под названием «Минский банк» был открыт в 1942 году в Минске.

Большинство уездных банковских отделений были ограничены лишь местными опе- рациями и не имели текущих счетов в Минске, где была открыта имперская кредитная касса. Такие ограничения относились ко всем уездным отделениям банков в Баранович- ском, Глубокском, Лидском, Слонимском и Новогрудском округах, а также к Молодечен- скому отделению в Вилейском округе [7, л. 15]. Межрайонные банковские операции в та- ких уездах осуществлялись косвенно через банковские отделения своих окружных горо- дов, которым они были непосредственно подотчетны. В условиях военного времени это затрудняло прямые расчёты районных банков даже с центральным минским банком.

Банковские отделения уездного уровня, а нередко и окружного осуществляли преимуще- ственно бюджетные операции. Кредитование на хозяйственные нужды было небольшим, а процент, взимаемый за кредит, был достаточно высок – 4,5 %, что было в два раза больше, чем при советской власти. Размер ссуды ограничивался суммой в 10 тысяч рублей, а креди- ты на большую сумму предоставлялись только с разрешения комиссара генерального окру- га «Белоруссия» [1, 50]. Кредит предоставлялся в первую очередь филиалам немецких предприятий или предприятиям, находившимся под немецким руководством. Остальным заемщикам суда выдавагась только при наличии специального разрешения, выданного генеральным либо окружным комиссаром, либо городским бургомистром.

Однако и эти незначительные операции, осуществляемые банками, часто срывались из-за активной деятельности партизан и других советских патриотов. Например, в отчё- те третьего (экономического) отделения генерального комиссариата «Белоруссия» за период с 1.12.1942 по 31.01.1943 года отмечалось, что банковское дело в Беларуси по- страдало больше всего от действий партизан. Одно отделение банка было ограблено в размере 48 тысяч рейхсмарок. Заведующий другим отделением сам перешел к партиза- нам с суммой 43 500 рейхсмарок [2, л. 23]. По этим причинам во второй половине 1943 – первой половине 1944 года на территории генерального комиссариата не работала по- ловина уездных отделений банка.

Валютная политика оккупантов носила откровенно грабительский характер. Об этом свидетельствует постановление рейхскомиссара Г. Лозе от 29 ноября 1941 года о ва- лютном праве в «Остланде». Населению предписывалось до 15 января 1942 года пре- доставить в местные кредитные учреждения информацию о принадлежащих гражданам валютных ценностях: золоте, иностранной валюте, ценных бумагах, выданных за грани- цей. Постановление требовало продажи или передачи на хранение в местные кредит- ные кассы этих ценностей [1, 47].

Планируя развязывание войны за достижение мирового господства, заправили Третьего рейха рассчитывали на массовую эмиссию военных денег. С этой целью в Германии была создана широкая сеть специальных военно-финансовых учреждений – имперских кредитных касс, наделенных большими правами и полномочиями, в том чис-

ле правом выпуска военных денег – оккупационных марок. Формально они были обеспечены иностранной валютой, векселями, казначейскими обязательствами и иными ценными бумагами Третьего рейха, однако фактически это обеспечение было фиктивным, и дальше обмена в некоторых случаях оккупационных марок на собственно германские рейхсмарки (рейхсбанкноты) дело не шло. Главное управление имперских кредитных касс начало свою эмиссионную деятельность еще до начала войны, хотя закон об их учреждении был принят лишь 3 мая 1940 года и дополнен правительственным распоряжением от 15 мая того же года [8, 52].

Разработанная фашистами программа использования военных денег начала проводиться ими с самого начала второй мировой войны – уже 23 сентября 1939 года по приказу немецкого Верховного военного командования в Польше появились в обращении билеты имперских кредитных касс [8, 52]. В 1940 году эти военные деньги были принудительно введены в обращение в Бельгии, Голландии и Франции [9, 20]. Так что к моменту нападения на СССР гитлеровцы создали налаженную машину использования военных денег в оккупированных странах.

Эмиссионная политика гитлеровцев на захваченной территории Беларуси была полностью подчинена их грабительским целям. В первой, второй и четвертой зонах оккупированной Беларуси находились в обращении как билеты имперских кредитных касс, так и национальная валюта – советский рубль, сохранявший силу законного платежного средства. Официальный курс оккупационной марки, как уже отмечалось, был предельно завышен: 10 рублей за 1 марку.

Немецкие военные и гражданские власти расходовали оккупационные денежные знаки на выплату денежного содержания своим служащим, на закупочные и другие финансовые операции войсковых интендантских служб, использовали эти военные деньги для финансирования инвестиционных и иных хозяйственных затрат. В 1941-1942 годах на оккупированной территории СССР, в том числе и в Беларуси наблюдался повышенный спрос населения на немецкие оккупационные деньги – их обмен на рынке на советские рубли нередко проводился с лажем в 10-20 % в пользу марки [9, 27].

Однако по мере военных побед Красной Армии, особенно после сокрушительного поражения немцев и их союзников под Сталинградом, с весны 1943 года доверие населения к оккупационной марке резко пошатнулось. Хотя в расчетах формально соблюдался ранее установленный оккупационными властями курс марки, люди принимали её все более неохотно и старались поскорее обменять на рубли.

В генеральном комиссариате «Белоруссия» немцами использовались различные виды денег. Можно назвать такие деньги, как 1) советские рубли и копейки, 2) немецкие оккупационные марки и пфенниги, 3) немецкие рейхсмарки и пфенниги, 4) специальные «платежные средства довольствия для германских вооруженных сил» в марках и пфеннигах, 5) польские злотые и гроши. В наличном обращении должны были функционировать только первые два вида денег. Обращавшиеся на территории Германии кредитные и казначейские билеты и разменные монеты было запрещено обменивать на оккупационные, армейские или советские деньги, а предписывалось принимать их в платеж, но не использовать в местном обороте, а отправлять в Германию. Армейские так называемые «платежные средства» имели обращение только в специальных магазинах воинских частей, а в случае попадания в гражданский оборот подлежали обмену на оккупационные деньги. Польские деньги, оставшиеся у населения Западной Беларуси, запрещалось использовать в денежном обороте, а можно было сдавать в банк для обмена на оккупационные марки, но лишь в сумме до 10 марок на инкассо (сумма свыше 10 р. м. могла быть принята только в случае документального подтверждения того, что польские денежные знаки ввезены в Беларусь законным путем) [8, 61-63].

Особое внимание немецкие оккупационные власти уделили изъятию монет, содержащих драгоценные и цветные металлы. В обращении на белорусских землях первоначально находились советские, германские и польские монеты из золота, серебра, меди, никеля и иных сплавов. Монеты из драгметаллов сразу выпали из наличного оборота, а иные некоторое время использовались при реальных расчетах населения. Германские власти с 1940 года начали выпуск специально для оккупированных стран разменных монет из цинка номиналом в 1, 5, и 10 пфеннигов. Начиная с марта 1942 года оккупанты предпринимают меры к изъятию из оборота всех металлических денег, кроме монет из цинка.

Таким образом, рассмотрение валютно-финансовой, кредитно-денежной и налоговой политики немецких оккупационных властей в Беларуси позволяет сделать вывод о том, что эта политика была направлена на ограбление коренного населения и должна была способствовать утверждению фашистского «нового порядка» на белорусской земле.

1. Грузицкий Ю. Денежно-кредитная «политика» немецких оккупантов в Беларуси // Вестник Ассоциации белорусских банков. – 2003. – № 17-18. – С. 47-50.

2. Национальный архив Республики Беларусь (далее НА РБ). Ф. 391. Оп. 1. Д. 41.

3. НА РБ. Ф. 391. Оп. 1. Д. 154.

4. НА РБ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 17.

5. НА РБ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 301.

6. НА РБ. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 90.

7. НА РБ. Ф. 3500. Оп. 4. Д. 3.

8. Орлов А. Оккупационные деньги в Беларуси // Банковский вестник. – 2003. – № 31. – С. 52-66.

9. Сенилов Б. Н. Военные деньги второй мировой войны. – М.: Финансы и статистика, 1991. – 128 с. ил.

Пранник Т. А. (г. Минск, БГПУ им. М. Танка)

АВСТРИЙСКИЕ ЗЕМЛИ И ДВИЖЕНИЕ ЗА АНШЛЮС В 1920-1921 ГОДАХ

Вопрос аншлюса являлся одним из важнейших вопросов австрийской политики в 20-е годы XX столетия. Попытки его решения предпринимались неоднократно, особенно активно в первые годы существования Республики Австрия. Однако все официальные переговоры с Германией не достигли успеха, встретившись с активным сопротивлением стран Антанты.

По итогам Сен-Жерменского и Версальского мирного договоров Австрии было запрещено присоединение к Германии. Но именно из-за того, что страны-победительницы запретили аншлюс, он стал вдвойне привлекательным для населения обеих стран. Официально Австрия подчинилась решениям мирных договоров. Правительство Австрии вело себя очень осторожно, признавало запрет на аншлюс, что не нашло поддержки в провинциях, где к октябрю 1919 года началось новый виток выступления в пользу присоединения к Германии. А так как австрийское правительство не высказывалось по этому вопросу, то его политика была названа немецкой стороной как «двусмысленная». Специальный уполномоченный Бергер писал из Инсбрука в Берлин: «Сейчас в официальной политике защищается принцип независимости, но они держат нас под рукой, утверждая, что в Австрии по-прежнему хотят аншлюса несмотря ни на что. Они обманывают, таким образом, либо Антанту, либо нас. Если венское правительство обманывает нас, то мы должны сами укреплять свои позиции, оживить стремление к объединению в немецко-австрийском населении и поддерживать его до тех пор, пока не наступит подходящий момент и не появится более способное правительство, которое осуществит идею аншлюса. Стремление к аншлюсу может угаснуть. А так как австрийское правительство не может или не хочет сделать ничего, чтобы его поддержать, то мы должны сами позаботиться об этом. И в первую очередь мы должны проводить «земельную политику», т. е. агитацию в отдельных федеральных землях» [7; 140].

Безусловно, и австрийское и немецкое правительство не предпринимало активных действий, опасаясь реакции Антанты. Вильгельмштрассе рассчитывала обойти условия мирных договоров путем присоединения отдельных австрийских земель к Германии. Именно на этом сконцентрировалась немецкая политика в отношении Австрии до 1921 года. Первыми стали Тироль и Зальцбург. Но Высший совет Союзных и Объединенных Наций сразу наложил вето на попытки решения проблемы аншлюса таким путем. 16 декабря 1919 года они вынесли постановление "препятствовать любой попытке прямо или косвенно выступить против неприкосновенности австрийских областей, против договоренностей 88 статьи Сен-Жермена или против политической либо экономической свободы Австрии" [4; 106].

Однако движение в самих провинциях продолжало расти. Бавария стала активно развивать свои радикальные союзы в Австрии, такие как Огреш, Защитники границ Юга и др. На Востоке тоже создавались подобные союзы. 8 марта 1920 года Герман Хильтл основал в Вене так называемый "Фронт борьбы" – антисемитское, немецко-националистическое и антидемократическое объединение.

Если рассматривать движение за аншлюс в провинциях, особенно в Тироле и Зальцбурге, становится очевидным, что его мотивы совершенно иные, чем у движения, поднявшегося в Вене сразу после войны. Это были провинции с консервативным большинством, которые не имели ничего общего ни с венцами, ни с немецкими социалистами. В 1921 г. об аншлюсе под знаменем социализма уже почти не говорили: Германия не стала социалистической, а в Баварии Республика советов была лишь эпизодом; с тех пор главной идеей стала экономическая необходимость "объединения" с этой страной, а слова "аншлюс" стали избегать. В провинциях же хотели оторваться от "красной, наводненной евреями Вены". Там считали, что их ничто не связывает с этой "Республикой Австрией". Эти идеи очень ярко представлены в письме Рихарда Штайделя, влиятельного лидера тирольского хайматвера, бундесканцлера Мейеру от 25 мая 1921 г.: «Желание нашего народа состоит в том, чтобы, наконец, оторваться от ненавистной венской экономики, с которой люди не хотят иметь ничего общего. Эти настроения широко распространены в религиозных и национально-тирольских кругах, и я встречаю всё больше людей, которые разделяют подобную точку зрения». Штайдель заканчивает письмо словами: "Вообще-то, я не должен был говорить тебе всё это, но я сам не желаю ничего сильнее, чем чтобы это невозможное государство, наконец, развалилось, и Тироль освободился бы от Вены" [10; 109].

Однако позиция центральной власти была иной. Новый немецкий посол в Вене, Розенберг, сообщал 20 мая 1920 года о разговоре с госсекретарем Реннером, в котором тот выказал обеспокоенность сепаратизмом в альпийских провинциях: "Зальцбургцы поддерживают связь с определенными кругами в Виттельсбахе. Совсем недавно их представитель, который близок к правительству Зальцбурга, присутствовал на конфиденциальных переговорах в Баварии. В Верхней Австрии заметны такие же тенденции. Но аншлюс Австрии с Германией может быть проведен только целиком. Австрийское правительство уже объяснило, что в подходящее время оно обратится в Лигу Наций и подаст прошение об объединении всей Австрии с немецкой родиной. Преждевременный аншлюс отдельных земель приведет только к тому, что поставит немецких братьев в тех землях, которые не участвуют в аншлюсе, во вдвойне тяжелое положение. Этому австрийское правительство способствовать не хочет, и поэтому такие переговоры об аншлюсе отдельных земель не должны поощряться и со стороны Германии" [9; 91].

Вскоре Розенберг передал немецкому МИДу свое мнение по этому поводу. Он утверждал, что "достойным стремления может являться только присоединение ко всей Германии, а не только к Баварии. Инициатива обязательно должна исходить от Австрии, это не должно предоставить возможность говорить об аншлюсе, как об аннексии. Мы ни в коем случае не должны быть зачинателями этого процесса" [7; 24].

Таким образом, позиции центра не совпадали со стремлениями самих провинций. В Каринтии, Форальберге высказывались за присоединение. В Штирии было заявлено, что большин-

ство, по крайней мере, сельского населения, состоит в Хаймвере, который являлся ярким проводником данных идей. В Верхней Австрии практически все круги хотели аншлюса с Германией, все равно, в какой форме. В Нижней Австрии равным образом люди втягивались в Хаймвер, только Вена пока оставалась в стороне от этих процессов.

О положении в Австрии в начале октября 1920 года в Берлин докладывали: "Нужно учитывать тот важный психологический момент, что существующая в настоящее время в Австрии нужда является основной причиной стремления к аншлюсу с Германией, и что, по большому счету, как только дела в Австрии пойдут лучше, это стремление может упасть". Из этого сообщения видно, как хладнокровно анализировала немецкая сторона шансы осуществления аншлюса. А между строк можно увидеть и размышления о том, чтобы поддержать в Австрии искусственную нужду в осуществлении аншлюса.

И действительно, экономическая ситуация в стране была очень тяжелой. Существовала огромная инфляция. Вместо того, чтобы мобилизовать свои собственные средства, правительство оставалось пассивным и возложило все надежды на иностранные кредиты. Но иностранцы не хотели доверять свои капиталы стране, которая в себя не верила. Постоянно ухудшающееся экономическое положение имело обратное влияние на политику. Сомнение в жизнеспособности страны вело к идее присоединения к другим государствам. Снова заговорили о планах Дунайской федерации, т. е. аншлюс был запрещен.

1 октября 1920 года в Австрии была принята новая конституция. И хотя конституционные законы запрещали все постановления об аншлюсе, он играл большую роль в предвыборных программах всех партий, большую, чем в 1919 году. Наиболее радикально выражали свои взгляды немецко-националистические группировки. Примером может служить "Зальцбургская программа" Великогерманской народной партии, которая была принята в сентябре 1920 года: "Неизменной путеводной звездой нашей внешней политики является аншлюс Австрии с немецким государством... Унификация правовых, экономических и управленческих дел должна подготовить аншлюс и облегчить его" [5; 446].

10 сентября в предвыборном обращении христианских социалистов в Граце родился лозунг: "Цель и желание - возвращение в Германию!". Хотя именно в этой партии было большинство противников аншлюса, во главе с Зайпелем, Кунчаком и Фундером.

Социал-демократы также использовали все уже известные аргументы, чтобы представить себя как партию, которая до сих пор наиболее интенсивно боролась за аншлюс. Всё это выглядело так, что выборы в Национальное собрание были вотумом австрийского населения в вопросе аншлюса.

Победу на выборах одержали христианские социалисты, и это в определенной степени означало отказ от слишком форсированной политики аншлюса.

В 1920-21 гг. общая ситуация вокруг аншлюса характеризуется следующим.

- Официальные немецкие политики из интернациональных соображений твердо придерживаются своей линии поддерживать аншлюс, но оставить эту инициативу целиком на австрийцев. В тот же период возникает политика присоединения отдельных австрийских земель.

- Баварцы вели переговоры с отдельными австрийскими провинциями, целью которых было создание южно-немецкого центра обороны против марксизма путем присоединения Австрии.

- Австрийское правительство под руководством Майера было сдержано в вопросе об аншлюсе, чтобы не подвергать опасности получение ожидаемого кредита Лиги Наций. Но в западных и южных провинциях аншлюс-эйфория достигла в этот период своей высшей точки.

- Союзные силы были обозлены неспособностью австрийского правительства препятствовать пропаганде аншлюса.

В конце 1920 года Др. Хайм выдвинул идею создания большого католического государства Южная Германия, в которое должны были войти Тироль, Зальцбург и Верхняя

Австрия. Несмотря на официальную немецкую политику в конце 1920 года в Мюнхене и других городах Баварии прошли крупные выступления в пользу аншлюса при участии Огреш. В 1921 году произошли крупные выступления студентов [9; 98].

В конце января 1921 года, после того, как переговоры Германии по вопросам репараций закончились неудачей, немецкое отношение к вопросу об аншлюсе диктовалось крайней осторожностью. Министр иностранных дел Симон настаивал немецких дипломатов: "Пожалуйста, тщательно избегайте видимости того, что мы осуществляем аншлюс. Аншлюс не может быть запрещен по причине права на самоопределение. Но желание аншлюса должно исходить, по внутри- и внешнеполитическим причинам, от Австрии. Он является нашей целью и соответствует нашим интересам, но для этого мы должны поддерживать его активной пропагандой. Уже этим мы будем противостоять решениям мирной конференции. С другой стороны, мы также хотим избежать того, чтобы занимать позицию против движения за аншлюс и тем самым оттолкнуть сторонников аншлюса в Австрии" [7; 38-39]. Этими словами может быть метко охарактеризована дальнейшая официальная политика Германии по данному вопросу.

Что касается Австрии, то ухудшение экономической ситуации и недовольство политической центральной правительства вело к росту движения за аншлюс в провинциях. Ещё 1 апреля 1920 года в Вену ездил делегация Тирольского правительства для передачи представителям Антанты требования об экономическом слиянии с Германией. Представитель Великогерманской партии Стаффнер предложил провести референдум по вопросу присоединения к Германии. Но американские и британские представители отказались принять делегацию [2]. Когда рейхсканцлер Майер, принимая во внимание кредитную помощь Лиги Наций, отказался провести этот референдум в масштабах всей страны, Тироль, Зальцбург, Штирия продолжали на нем настаивать. А затем объявили, что сами проведут референдум, т. к. федеральное правительство ограничено в свободе действий. 11 марта 1921 года ландтаг Зальцбурга постановил, вслед за Тиродем, провести референдум по вопросу присоединения этой земли к Германии.

Однако это вызвало серьезное беспокойство со стороны Антанты, и прежде всего Франции, которая боялась усиления Германии. 14 апреля 1921 года французский поверенный в делах в Австрии заявил австрийскому канцлеру Мейеру: "В случае, если австрийское правительство не будет в состоянии парализовать существующие в Австрии интриги по её присоединению к Германской империи, французское правительство прекратит помощь Австрии" [1; 15]. Центральное правительство и правительства земель заявили протест. В Вене прошли демонстрации протеста перед французским посольством.

Первый референдум, проведенный в Тироле 24 апреля 1921 года, оказался успешным, несмотря на отрицательное отношение федерального правительства. При голосовании 9/10 населения проголосовало за аншлюс (145 302 голоса "за" и 1 805 – "против"). А вскоре были разобраны пограничные столбы возле Куфштайна и Шарница, а позднее и у Зальцбурга. Во Франции это сразу вызвало волну протеста. Французская пресса снова писала, что "если аншлюс будет достигнут, то Германия выиграет войну уже после её окончания" [6].

Австрийский посол во Франции Айшхов 29 апреля 1921 года отправил в Вену депешу, в которой писал, что Франция взбешена и что правительство должно прекратить это движение, иначе Австрия не получит никакой помощи и получит проблемы с репарациями. После этого 3 мая 1921 года австрийский бундесканцлер уведомил немецкого посла, что если и дальше потакает плебесцитам, то кредиты Лиги Наций будут под угрозой, а югославы грозят вторжением в Каринтию. Антанта же придерживается мнения, что все это движение за аншлюс инсценировано из Берлина [7; 44]. После этого отрицательное отношение к референдумам высказывали и в Германии. Статс-секретарь министерства иностранных дел Германии Хаймхаузен заявил, что плебисциты в отдельных провинциях Австрии были политической ошибкой. Он высказался за то, что их нельзя

поддерживать, т. к. выгода небольшая, а это восстановит против Германии все заинтересованные страны (воспримут этот шаг как попытку аннексии) [3; 298].

Однако, несмотря на эти заявления, в Зальцбурге прошел референдум с теми же результатами, что и в Штирии: 98 546 человек высказались "за" и только 877 – "против". Кабинет Майера ушел в отставку.

Антанта была настолько недовольна событиями в Австрии, что существовала даже угроза её раздела. Французский дипломат Перетти объяснял, что "в настоящий момент, т. к. в Тироле и Штирии началось движение за референдум о присоединении этих частей Австрии, то югославское правительство сделало предложение разделить Австрию. При этом Штирия должна была отойти к Югославии, Вена и Нижняя Австрия – к Чехословакии, Тироль переходил бы к Италии, а Верхняя Австрия с Зальцбургом – к Баварии [9; 104]. В самой Австрии центральное правительство оценило угрозу и сделало все возможное, чтобы исправить ситуацию. В конце концов, под его давлением Штирия отказалась от проведения народного референдума. Движение за аншлюс впоследствии потеряло динамику и реальность его осуществления стала очень низкой. "Борьба за аншлюс на данный момент проиграна", – так комментировали происходящее в Германии [8; 29f].

1. Аврамов К. П. Это не повторится. Из истории захвата Австрии гитлеровской Германией в 1938 г. - М., 1961.
2. Известия. 25 марта 1920.
3. Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918-1945. Ser. A. 1918-1925. Band VI. Göttingen, 1988.
4. Benoist-Mechin J. Griff ueber die Grenzen 1938. Oldenburg-Hamburg, 1966.
5. Brechtold K. Oesterreichische Parteiprogramme 1868-1966. Wien, 1967.
6. Neue Freie Presse. 27 April 1921.
7. Preradovich N. Die Wilhelmstraße und der Anschluss Oesterreiches 1918-1933. Bern-Frankfurt, 1971.
8. Ruehle G. Das Grossdeutsche Reich. Die Oesterreichischen Kaempffahre 1918-1938. Berlin, 1940.
9. Schausberger N. Der Griff nach Oesterreich. Der Anschluss. Muenchen, 1978.
10. Steiniger R. 12 November 1918 bis 13 März 1938: Stationen auf dem Weg zum "Anschluss" // Österreich im 20. Jahrhundert. Bd. 1. Wien, 1997.

Marcin Szczepański
(Białystok Politechnika Białostocka Wydział Zarządzania)

POLSKO-NIEMIECKIE POROZUMIENIA DELIMITUJĄCE ROZGRANICZENIE OBSZARÓW MORSKICH W ZATOCE POMORSKIEJ

Porozumienia zawierane między państwami jako suwerennymi jednostkami geopolitycznymi są podstawowym przejawem aktywności politycznej państwa na arenie międzynarodowej. Umowy międzynarodowe są jednym z podstawowych źródeł prawa międzynarodowego. W artykule analizuję historię porozumień w kwestii delimitacji obszarów morskich Zatoki Pomorskiej w okresie powojennym.

Porty ujścia Odry znalazły się w granicach Polski a mocy postanowień układu poczdamskiego z sierpnia 1945 r. Traktat ten określał powojenną zachodnią granicę państwa polskiego, jego postanowienia wymagały jednak doprecyzowania. Dodatkowo porozumienia dotyczące wspomnianej granicy Polska zawarła w latach 1945-51, najpierw z władzami radzieckiej strefy okupacyjnej Niemiec, a następnie państwem wschodnioniemieckim. Obradująca we wrześniu 1945r. polsko-radziecka komisja graniczna uznała się za niekompetentną do decydowania o morskim odcinku granicy [21, 338-339]. Ograniczono się wówczas do określenia przebiegu granicy w jej lądowym odcinku [22, 87].

Do czasu powstania Niemieckiej Republiki Demokratycznej, jako podmiotu prawa międzynarodowego, morski odcinek zachodniej granicy Polski nie został wytyczony i oznakowany w sposób przyjęty w stosunkach międzynarodowych. Granica ta była strzeżona przez jednostki Wojska Polskiego, które swe zadania realizowały przy współpracy i w porozumieniu z przedstawicielami jednostek radzieckich na okupowanym obszarze Niemiec. Często praktyka w tym zakresie wyprzedzała rozwiązania prawne [22, 88-89]. Jest dość prawdopodobne, że zawarte wówczas ustalenia, mające charakter prowizoryczny i zawierane przez osoby o niskich kwalifikacjach, uznane zostały z późniejszym okresem, pomimo mankamentów, którymi były obciążone, za obowiązujące. Porozumienia te mogły zostać następnie zaadaptowane do umowy o wykonaniu wytyczenia granicy Polski i NRD z 1951 r. W ten sposób należy chyba tłumaczyć fakt, iż niektóre zapisy wspomnianego traktatu nie miały pokrycia w rzeczywistości.

Porozumienie, o którym mowa, zawarte w oparciu o Układ Zgorzelecki, [2, 106] podpisane zostało 27 stycznia 1951 r. we Frankfurcie nad Odrą, stąd nosi ono nazwę Aktu Frankfurckiego [3, 346]. Strona niemiecka zgodziła się wówczas na odstąpienie od zasady mediany przy delimitacji wód terytorialnych. NRD uwzględniając interesy gospodarcze RP uznała, że tor żegludowy prowadzący do Świnoujścia oraz reda tego portu winny znajdować się na morzu terytorialnym Polski lub na morzu otwartym. Biorąc pod uwagę powyższe kryteria przyjęto, iż linia rozgraniczająca w Zatoce morza obu państw będzie odchylona na zachód w taki sposób, by nie przecinała osi toru wodnego prowadzącego do Świnoujścia, a morze terytorialne NRD było oddalone od osi tego toru o minimum 7 kabli (1296 m). Fakt ten uznać należy za niezwykle korzystny dla Polski precedens. Świadczył on o uznaniu przez NRD istnienia w Zatoce Pomorskiej szczególnych okoliczności, które należało brać pod uwagę przy delimitacji obszarów morskich. Strona niemiecka przyznawała, iż na akwenie tym ma miejsce asymetria interesów państw nadbrzeżnych. Przy czym dysproporcja ta występuje na korzyść Polski, której interesy w rejonie Zatoki, związane z istnieniem pobliskiego zespołu portów, można określić mianem żywotnych. Zachowanie NRD, poza uznaniem tego stanu rzeczy, pozwala domniemywać, iż państwo to wyraziło swą zgodę na zaspokojenie wspomnianych interesów.

Akt Frankfurcki zawierał jednak również istotne mankamenty, z których jeden miał okazać się w przyszłości dla Polski katastrofalny. Według opisu protokolarnego przebiegu linii granicy, końcowy punkt granicy morskiej stron, oznaczony symbolem A/13, miał leżeć 61Mm od brzegu (na mapie pkt nr 8). Stwierdzenie takie było, w świetle obowiązującego wówczas po żądku prawnego niezgodne z prawdą. Zarówno Polska, jak i NRD posiadały bowiem morza terytorialne o szerokości 3Mm. RP posiadała wprawdzie trzymiłową strefę przyległą, lecz wody tej strefy, nie były w rozumieniu prawa międzynarodowego morzem terytorialnym. Trudno stwierdzić, co było powodem obrania tego punktu, być może wchodzi tu w grę wspomniane wcześniej ustalenia polsko-radzieckie.

Kolejnym porozumieniem na temat delimitacji obszarów morskich Zatoki była podpisana w Berlinie 28 X 1968r umowa o rozgraniczeniu szelfu kontynentalnego [4, 106]. Traktat ten od momentu podpisania dotknięty był zasadniczymi wadami. Przedmiotem regulacji prawno-międzynarodowej odnośnie rozgraniczenia szelfu może być obszar wód, na którym ustaje pełna suwerenność państwa nadbrzeżnego. Delimitacja szelfu powinna zatem zostać przeprowadzona od zewnętrznej granicy morza terytorialnego. Tymczasem według porozumienia berlińskiego granica szelfów kontynentalnych PRL i NRD miała przebiegać od punktu styku granicy lądowej stron z morzem (pkt 1) i dalej poprzez odcinki proste łączące punkty 1-8-9-10-11-12-13-14-15. Przy istniejącej bocznej granicy mórz terytorialnych zbędne było przeprowadzenie linii rozgraniczającej szelf poprzez morze terytorialne stron (odc. 1-7). Prawdopodobnie strony postąpiły tak, nie chcąc zajmować się drażliwą kwestią końcowego punktu bocznej granicy morza terytorialnego. W świetle zapisów umowy granica szelfu pokrywała się z granicą wód terytorialnych i w dalszym ciągu przebiegała przez punkt A/13.

Poważnym błędem popełnionym przez stronę polską była zgoda na delimitację szelfu kontynentalnego według zasady mediany. W Zatoce istniały szczególne okoliczności uwa-

runkowane zaangażowaniem gospodarczym PRL w tym rejonie. Dawały one stronie polskiej podstawy do domagania się innego, korzystniejszego dla niej, podziału szelfu.

Od 1965 r. trwała zakrojona na szeroką skalę rozbudowa infrastruktury zespołu portowego Szczecin - Świnoujście. W ramach przeprowadzonych inwestycji powstało wówczas m.in. kotwicznisko nr 2 i głębokowodny tor północny. Poczynania Polski w tym rejonie implikowały pewne fakty dokonane. Zaawansowanie prac mogło być kapitalnym argumentem w negocjacjach z NRD. Należało powołać się również na korzystny precedens z 1951 r., odnośnie rozgraniczenia mórz terytorialnych. Istniała także ewentualność domagania się, w oparciu o prawo zwyczajowe, uznania kotwiczniska za część polskiego morza terytorialnego, bądź ogłoszenia ich wodami wewnętrznymi poprzez ustawodawstwo krajowe. Niestety strona Polska nie wykorzystała żadnego z posiadanych atutów i szelf został rozgraniczony według zasady mediany.

W wyniku podpisania umowy nad niemiecką częścią szelfu znalazło się 4/5 powierzchni kotwiczniska nr 2 oraz wszystkie tory wodne, w tym niemal cały tor północny wiodący ze Świnoujścia bezpośrednio na morze pełne. Znaczna część tych akwenów wymagała stałego pogłębiania i sondowania hydrograficznego. W zaistniałej sytuacji wszelkie tego typu działania wymagały każdorazowej zgody władz niemieckich. Nie udzielenie takiej zgody spowodowałoby, z czasem, znaczne spłylenie akwenów a w konsekwencji utrudnienie dostępu do Szczecina i Świnoujścia.

Półtora roku po podpisaniu z NRD umowy o rozgraniczeniu szelfu kontynentalnego 12 lutego 1970 r. Sejm PRL uchwalił ustawę o ustanowieniu polskiej strefy rybołówstwa morskiego [5, 14]. Strefa ta obejmowała pas wód morskich o szerokości 12 Mm, licząc od linii podstawowej morza terytorialnego PRL. Według ustawy granicą boczną strefy od strony zachodniej była linia prosta stanowiąca przedłużenie linii granicznej między morzami terytorialnymi Polski i NRD. Była to więc linia biegnąca od punktu 1 przez punkt 8 do punktu 25. Punkt ten znajdował się nad niemieckim szelfem kontynentalnym. Skutkiem wprowadzenia tej ustawy około 30 km² szelfu kontynentalnego NRD znalazło się pod polską strefą rybołówstwa morskiego.

W umowie, którą po ustanowieniu polskiej strefy rybołówstwa morskiego Polska zawarła z NRD 19 XII 1971 r., [6, 202] w sprawie przyznania statkom rybackim tego państwa prawa uprawiania rybołówstwa morskiego, strony powoływały się wyraźnie we wstępie na polską ustawę z 12 II 1970 r. Wynika z tego, że NRD pogodziła się z tym, że ustalona jednostronnie przez PRL granica polskiej strefy rybołówczej nie pokrywa się z dwustronnie ustaloną granicą szelfu kontynentalnego [14, 11-18].

17 grudnia 1977 Sejm PRL uchwalił ustawę o morzu terytorialnym PRL i zmienił ustawę o polskiej strefie rybołówstwa morskiego [7, 162-163] Akty te miały istotny wpływ na rozwój sytuacji w Zatoce Pomorskiej. Pierwszy zwiększał szerokość morza terytorialnego PRL do 12 Mm, ustalenie bocznych granic tego obszaru miało nastąpić w umowach z ZSRR i NRD. Ustawa o polskiej strefie rybołówstwa określała nowe granice tej strefy. Na interesującym nas obszarze granicę strefy miały stanowić odcinki proste łączące punkty 1-8-25-15. Skutkiem wejścia w życie ustawy ok. 87 km² szelfu kontynentalnego NRD znalazło się pod polską strefą rybołówczą. Takie określenie zasięgu strefy mogło rozdrażniać stronę niemiecką i usztywnić jej stanowisko w trakcie ewentualnych negocjacji. Błędna była już sama forma delimitacji - jednostronna decyzja. Dawała ona precedens do rozgraniczania obszarów morskich w Zatoce drogą aktów wewnętrznych, bez porozumienia z partnerem. NRD zakwestionowała polskie posunięcie i jednostronnie wyznaczyła wschodnią granicę własnej strefy rybołówczej, pokrywającą się z linią delimitującą szelf kontynentalny. Już w 1978 r. NRD zaczęła składać protesty przeciw połowom polskich rybaków na spornym akwenu. Rozpoczęte wówczas, trwające sześć lat, negocjacje nie doprowadziły do zbliżenia stanowisk i żadnej umowy nie zawarto.

1 maja 1982 r. weszła w życie ustawa o granicy państwowej NRD [9, 197]. Utrzymywała ona w mocy tradycyjną trzymiłową szerokość niemieckiego morza terytorialnego, upoważniała jednak Radę Ministrów do ewentualnej zmiany tej szerokości zgodnie z normami prawa międzynarodowego.

5 marca 1982 r. Rada Min. NRD rozporządzeniem określiła przebieg linii podstawowej, od której mierzy się szerokość morza terytorialnego. Zastosowano przy tym tzw. metodę kombi-

nowanych linii podstawowych. Część wyznaczono metodą prostych linii podstawowych, a część biegła wzdłuż wybrzeża. Na interesującym nas odcinku, w oparciu o istnienie niewielkiej niezamieszkałej wysepki Greifswalder Oie zastosowana została metoda prostych linii podstawowych. W tym miejscu, na wysokości kotwiczowiska nr 3 linia ta tworzyła charakterystyczne wyrzuczenie zawarte pomiędzy punktami 37-38-39 [14, 119].

1 stycznia 1985 r. weszło w życie rozporządzenie Rady Min. NRD regulujące szerokość niemieckiego morza terytorialnego [10, 441]. Była ona różna na różnych obszarach wód terytorialnych tego państwa. W Zatoce Pomorskiej była maksymalna i wynosiła 12 Mm. Rozporządzenie określało miejsce styku zewnętrznej granicy niemieckiego morza terytorialnego z analogicznym obszarem PRL w punkcie 41, który znajdował się dokładnie na przecięciu ustalonej w 1968 r. granicy szelfu kontynentalnego z zewnętrzną granicą dwunastomilowych wód terytorialnych PRL. Boczna granica mórz terytorialnych sąsiadów, od punktu 41 do punktu 8, miała być ustalona w drodze porozumienia z Polską. Natomiast odcinek łączący punkty 1 i 8 rozporządzenie nazywało granicą państwową między PRL i NRD. Rada Min. NRD, przy pozornym zachowaniu zasad prawa międzynarodowego, dokonała, zatem swego rodzaju inkorporacji ulomnych sformułowań Aktu Frankfurckiego do wydanego przez siebie rozporządzenia.

Na obszarze, do którego NRD zgłaszała pretensje znalazło się 3/4 toru [18,4 Mm] toru północnego, cały tor zachodni, 4/5 głębszego akwenu kotwiczowiska nr 2, całe głębokowodne kotwiczowisko nr 3, które nie było jeszcze wówczas oficjalnie ogłoszone, ale funkcjonowało już od 1976 r, oraz 30 km² polskiej strefy rybołówczej [20, 48]. Znaczna część wspomnianych akwenów została objęta przez morze terytorialne NRD, w wyniku istnienia wspomnianego wcześniej wyrzuczenia linii podstawowych. Zważywszy, iż dostęp do polskiego zespołu portowego możliwy był jedynie poprzez akwenu zawłaszczone przez NRD, gdyby kraj ten zechciał wykorzystać wszystkie uprawnienia przysługujące państwu nadbrzeżnemu na jego wodach terytorialnych i skrupulatnie je realizować, to połączenie Świnoujścia i Szczecina z morzem otwartym mogłoby zostać poważnie utrudnione a sprawne funkcjonowanie i dalszy rozwój tych portów byłoby praktycznie niemożliwe. Dodatkowym skutkiem niemieckiej decyzji było powstanie na styku dwunastomilowych wód terytorialnych PRL i NRD „klin” morza otwartego. Państwa te, bowiem ani wspólnie, ani poprzez akty jednostronne nie dokonały rozgraniczenia mórz terytorialnych między 6 a 12 milą (na mapie między punktami 8-9-41). Na obszarze „klin” obowiązywały wszystkie wolności morza pełnego, co pozwalało wszystkim państwom na pełną penetrację tego akwenu. Sytuacja ta pociągała za sobą uszczerbek obronności obu państw leżących nad Zatoką w tym głównie Polski. Zaistniałą sytuację można wprost nazwać sporem międzynarodowym. Toczył się on w latach 1985-89. Kończące go porozumienie stało się możliwe dzięki zmianie podejścia zaangażowanych stron do zagadnienia. Oba państwa zdecydowały się nie negocjować w oparciu o już wydane akty prawne i zawarte traktaty, ale dokonać powtórzonego rozgraniczenia wszystkich obszarów morskich tego akwenu.

Po intensywnych i trudnych rozmowach NRD przyjęła polską koncepcję rozwiązania sporu na zasadzie zrównoważenia interesów obu państw w tym rejonie. Przy czym interesy polskie dotyczyły swobodnego i bezpiecznego dostępu zespołu portów Szczecin-Świnoujście do morza pełnego, zaś interesy niemieckie miały głównie charakter gospodarczy, dotyczyły szelfu i strefy rybołówczej. Wynegocjowana umowa, po uzyskaniu aprobaty kierownictw politycznych obu państw, została paraflowana 22 kwietnia 1989 roku. Oficjalne podpisanie umowy nastąpiło w Berlinie 22 maja 1989 r. Dnia 13 czerwca tegoż roku układ wszedł w życie [8, 29].

W preambule do umowy strony powoływały się na Układ Zgorzelecki, Akt Frankfurcki oraz Układ o Przyjaźni Współpracy i Pomocy Wzajemnej z 1977 r. Porozumienie nie zawierało natomiast wzmianki na temat umowy o rozgraniczeniu szelfu kontynentalnego, która była jednym z głównych źródeł sporu. Umowa nie zawierała również wzmianki o Układzie Poczdamskim będącym podwaliną polskiej granicy zachodniej. Strony nie brały także pod uwagę wydanych wcześniej aktów jednostronnych. Prawdopodobnie pominięcia te były wynikiem kompromisu osiągniętego w trakcie negocjacji.

Umowa z 22 maja 1989 r. dokonywała rozgraniczenia mórz terytorialnych, szelfów kontynentalnych i stref wyłącznego rybołówstwa PRL i NRD. Rozgraniczenia dokonano z uwzględnieniem warunków istniejących w Zatoce Pomorskiej. Przy czym za warunki te należy uznać nie tylko szczególną sytuację żeglugową, lecz również dokonane już uprzednio rozgraniczenia trzymiłowych mórz terytorialnych oraz szelfów kontynentalnych [17, 376]. Jak wiadomo regulacje te przemawiały w czasie rokowań na niekorzyść Polski, wpłynęły, więc na ostateczny wynik negocjacji i konieczność pewnych ustępstw na rzecz NRD.

Skorygowana linia graniczna niemieckiego morza terytorialnego miała odtąd przebiegać poprzez odcinki łączące punkty 1-2-51-52-53. Umowa berlińska ustanawiała również krótki początkowy fragment morza terytorialnego PRL. Opisują go odcinki łączące punkty 54-25-41. Te zmiany graniczne dawały Polsce wymiennie korzyści. Strona niemiecka zgodziła się na cofnięcie w Zatoce Pomorskiej granicy swych wód terytorialnych w taki sposób, aby znalazły się poza nimi: tor północny na całej długości, kotwiczowisko nr 3 i zawłaszczona uprzednio część kotwiczowiska nr 2. Rozwiązanie takie pociągało za sobą rezygnację NRD z obszaru około 330 km² morza terytorialnego, do których uprzednio zgłaszała pretensje. Ustanowiona została wspólna boczna granica rozszerzonych mórz terytorialnych, tym samym skorygowano błąd popełniony w załączniku do Aktu Frankfurckiego. Polskie morze terytorialne zostało powiększone o obszar 75 km² [19, 6]. Wpisany jest on w figurę geometryczną powstałą z odcinków łączących punkty 7-8-9-41-25-54-7. Na terytorium Polski znalazł się wspomniany wcześniej „klin” morza otwartego. Tym samym obszar ten przestał być dostępny dla obcej penetracji. Polskie morze terytorialne objęło całe kotwiczowisko nr 2 i duży odcinek toru północnego (do punktu nr 47).

Na mocy porozumienia, leżąca poza polskimi wodami terytorialnymi część infrastruktury zewnętrznej zespołu portowego Szczecin-Świnoujście, została wyłączona z obszaru szelfu kontynentalnego strefy rybołwwej i ewentualnej wyłącznej strefy ekonomicznej NRD. Tym samym wykluczona została możliwość ustanowienia jakiegokolwiek formy niemieckiej jurysdykcji nad tym obszarem. Akwenu te stały się morzem otwartym dostępnym w pełni dla penetracji wszystkich państw. Błędem ze strony polskiej było nie zadbanie o umieszczenie w umowie zapisu sankcjonującego szczególną pozycję Polski w rejonie toru i kotwiczowiska. Ta uprzywilejowana pozycja Polski winna mieć charakter funkcjonalny, związany z faktem, iż przez te akwenu wiedzie jedyna droga do Świnoujścia i Szczecina, co pociąga za sobą prawo i obowiązek zapewnienia na tym szlaku swobodnej, nieskrępowanej żeglugi i dostępu do portów [18, 5].

Porozumienie z 1989 r. zmieniło także rozgraniczenie szelfu kontynentalnego i stref wyłącznego rybołówstwa obu państw.

Strony wyszły z ogólnego założenia, że NRD utrzyma dotychczasowy stan posiadania, jeśli chodzi o wielkość powierzchni szelfu. Miała ona być równa obszarowi szelfu przyznanemu temu państwu na mocy umowy z 1968 r. W związku z przyjętym rozgraniczeniem mórz terytorialnych oraz nowym statusem północnego toru podejściowego i kotwiczowiska nr 3 należało uzgodnić wymianę między stronami odpowiednich połaci szelfu. Według początkowych ustaleń powierzchnia szelfu podlegająca zrekompensowaniu NRD miała wynosić 184 km².

Strona niemiecka domagała się także, aby zasada pełnej rekompensaty jej dotychczasowego stanu posiadania dotyczyła również strefy rybołwwej. Problem ten okazał się szczególnie skomplikowany. Oba państwa różnie definiowały wielkość swoich stref rybołwwych, tradycyjnie obszary połowów i ich wydajność. Obszary stref częściowo się pokrywały, a ich granice zostały wyznaczone jednostronnie. Podczas negocjacji PRL, być może w charakterze rewanżu za niemieckie ustępstwa w kwestii zasięgu morza terytorialnego, zrezygnowała z roszczeń odnośnie leżącego nad szelfem kontynentalnym NRD spornego obszaru stref rybołwwych. Dalsze rokowania prowadzone były w oparciu o ustanowioną jednostronnie w 1978 r. granicę boczną niemieckiej strefy wyłącznego rybołówstwa. Granica ta pokrywała się z linią podziału szelfu z 1968r. co zmniejszało wymiar polskiego ustępstwa w tej sprawie. W rezultacie żmudnych dyskusji udało się stronom uzgodnić obszar strefy ry-

bołowczej, który powinien być zrekomensowany NRD. Wynosił on 140 km². Jednocześnie delegacja polska wystąpiła z propozycją, aby NRD zrezygnowała z prawa do tradycyjnych połowów na obszarze, który miał być przyłączony do morza terytorialnego PRL. W zamian oferowano stronie niemieckiej odpowiednie powiększenie zrekomensowanego obszaru strefy rybołowczej. Dążąc do osiągnięcia przejrzystego i całościowego uregulowania sprawy, negocjatorzy polscy zaproponowali również ustanowienie jednakowych, co do wielkości, zrekomensowanych obszarów szelfu i strefy rybołowczej, które miały się w pełni pokrywać. Projekty te zostały zaaprobowane. Po dokonaniu wszechstronnej analizy dna mórz pod względem zasobów mineralnych oraz wydajności obszarów rybołowczych delegacje obu państw uzgodniły kształt i położenie zrekomensowanego obszaru. Nową granicą szelfów i stref rybołowczych tworzyć miały odcinki łączące punkty 55-10-56-57-58.

W wyniku przedstawionych zmian NRD otrzymała 158 km² strefy wyłącznego rybołówstwa i szelfu kontynentalnego (por. na mapie figura utworzona przez odcinki łączące punkty 10-56-57-58-15-14-13-12-11-10). Potwierdzona również została przynależność do niemieckiej strefy rybołowczej dużej części (ok. 40 km²) leżącego nad szelfem kontynentalnym NRD spomego obszaru, który powstał w wyniku jednostronnych delimitacji stref rybołowczych dokonanych przez oba państwa w latach siedemdziesiątych.

Polska godząc się na nieznaczne zwiększenie niemieckiej strefy rybołowczej, uzyskała wyłączne prawo do połowów na bogatych łowiskach leżących na obszarze przyłączonym na mocy postanowień umowy do polskich wód terytorialnych. Do szelfu kontynentalnego i strefy rybołowczej PRL dołączono też obszar o powierzchni 26 km² (na mapie figura geometryczna zawarta między odcinkami łączącymi punkty 5 5-25-57-58-15-14-13-12-11-10).

Decyzje układu z 1989 r. Oznaczały w praktyce rewizję niekorzystnej dla Polski umowy o rozgraniczeniu szelfów z 1968 r. Porozumienie to pozostało wprawdzie formalnie w mocy, jednakże podstawy, na których się opierało, zwłaszcza zasada mediany, zostały faktycznie anulowane.

Umowa z 22 maja 1989 r. była rozwiązaniem kompromisowym, które osiągnięto przy ograniczonej swobodzie ruchów strony polskiej. Sytuacja byłaby zupełnie inna, gdyby nie popełniono błędów przy delimitacji trzymilowych mórz terytorialnych i szelfów kontynentalnych [17, 374]. Delegacji PRL stosunkowo małym kosztem udało się naprawić błędy przeszłości i osiągnąć postawione przed nią cele. Należy również pamiętać, iż samo rozwiązanie sporu, w którym Polska stała na gorszej pozycji, miało w sobie wymiary zysk polityczny.

Konkludując, mimo skazeń pewnymi niedociągnięciami, to ostatnie porozumienie w sprawie rozgraniczenia obszarów morskich Zatoki, które jak do tej pory nie zostało zrewidowane, należy ocenić pozytywnie.

1. Czaplinski W. The Polish – East German Dispute on the Delimitation of Maritime Areas In the Bay of Pomerania – an Appraisal. Polish Yearbook of International Law. Vol XVIII 1989-90.

2. Dz. U RP 1951 nr 14.

3. Dz. U RP 1952 nr 53.

4. Dz. U. 1969 nr 15.

5. Dz. U. 1970 nr 30.

6. Dz. U. 1974 nr 35.

7. Dz. U. 1977 nr 37 poz. 162-163.

8. Dz. U. 1989 nr 43.

9. Gesetzblatt Teil I Nr 11/82.

10. Gesetzblatt Teil I Nr 37/84.

11. Gilas J. Status prawnomiędzynarodowy Zatoki Pomorskiej. Technika i Gospodarka Morska nr 6/1987.

12. Góralczyk W. Obszary morskie i ich delimitacja. Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa 1993.

13. Ilnicki M. Rozgraniczenie wód morskich w Zatoce Pomorskiej. Geneza sporu. Liga Morska Oddział Warszawski Warszawa 1989.

14. Jasica R. Spór między Polską i Niemiecką Republiką Demokratyczną o wody zatoki pomorskiej. Zespół Badań E.Jropy Wschodniej [brak daty wydania].

15. Kalicki W. Awantura o rybnę. Gazeta Wyborcza 2-3 lipca 1994.

16. Knypl Z. Morze terytorialne NRD. Technika i Gospodarka Morska nr 12/1988.

17. Knypl Z. Rozgraniczenie obszarów morskich Polski i NRD. Technika i Gospodarka Morska nr 8-9/ 1989.

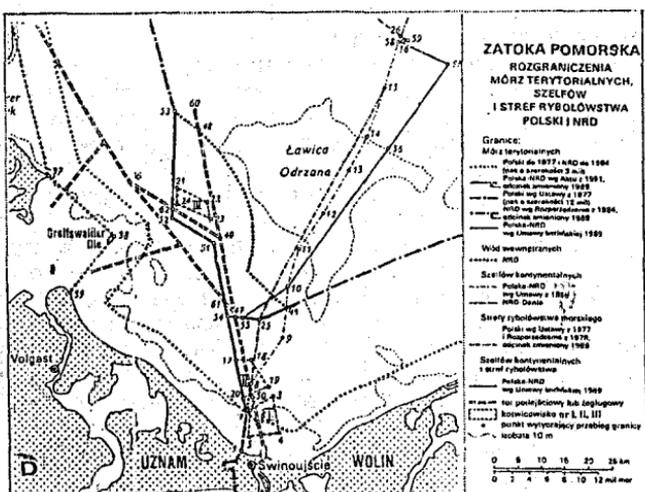
18. Knypl Z. Rozgraniczenie obszarów morskich Polski i Niemiec w Zatoce Pomorskiej w świetle nowego traktatu. Budownictwo Okrętowe i Gospodarka Morska nr 4/ 1991.

19. Porozumienie zgodne interesem Polski. Rozmowa z Władysławem Napieralem, dyrektorem Departamentu I w MSZ Rzeczpospolita 24-25 maja 1989.

20. Problemy morskich wód przybrzeżnych Polski pod red. Kazimierza Jaskota. Uniwersytet Szczeciński Oddział Wojewódzki Stowarzyszenia PAX w Szczecinie. Szczecin 1989.

21. Zaremba P. Walka o polski Szczecin. Wrocław 1986.

22. Staby T. Prawna i rzeczywista sytuacja wód Zatoki Pomorskiej. Uwagi de lege lata i de lege ferenda. Przegląd Stosunków Międzynarodowych. Opole nr 1-2/1990.

Mapa zaczerpnięta z publikacji prof. Romana Jasicy Spór między Polską i Niemiecką Republiką Demokratyczną o wody zatoki pomorskiej.

Ковалёва Н. Н. (г. Брест, УО «БГТУ»)

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ЦАРИЗМА В БЕЛАРУСИ И ЮНКЕРСКО-БУРЖУАЗНОГО ГЕРМАНСКОГО ГОСУДАРСТВА в к. XIX – нач. XX вв. (сравнительный анализ)

Отмена крепостного права, как в России, так и в Германии, произошла значительно позже, чем в других развитых европейских странах. Ликвидация крепостного права в обоих государствах осуществлялась «сверху», т. е. путем правительственных реформ, и освобождение сельского хозяйства от феодальных пережитков носило затяжной, половинчатый характер. Эти обстоятельства предопределяют некоторую схожесть процесса развития капитализма в сельском хозяйстве в обоих государствах и делают правомерным проведение сравнительного анализа политики их властей.

Процесс освобождения крестьян от крепостной зависимости в Германии был очень длительным и болезненным. Первым шагом в проведении аграрной реформы стал закон, принятый в Пруссии в 1807 году, отменявший личную зависимость крестьян от помещика, но сохранивший феодальные повинности, связанные с земельным наделом. Так называемый Прусский эдикт об аграрных отношениях 1816 года установил порядок выкупа (а отнюдь не отмены феодальных повинностей), обязав наследственных держателей земли уступить своему господину 1/3 часть обрабатываемой земли, а ненаследственных держателей – даже половину.

Характерно, что право выкупа предоставлялось только более крупным крестьянским дворам, и лишь в результате революционных событий 1848 года оно было (в 1850 г.) распространено на все категории крестьянства. При всем разнообразии аграрных законов в немецких государствах XIX века прусское законодательство служило прототипом для большинства из них. Поэтому тяжелый для крестьянства путь развития капитализма в сельском хозяйстве имел место не только в Пруссии, он наблюдался и в Мекленбурге, и в других землях. В результате проведенных реформ:

- доля помещичьего землевладения не только не сократилась, но и увеличилась. В Пруссии и Мекленбурге юнкерские хозяйства площадью более 100 га занимали от 1/3 до половины используемых земель [1, 356]. В конце XIX века владельцы помещичьих и кулацких хозяйств (свыше 20 га) в Германии держали в своих руках 54,4 % земли [2, 67];
- получив в процессе аграрных реформ значительные денежные суммы (крестьяне выплачивали помещику за надел сумму, равную двадцатипятикратному, а позже – восемнадцатикратному размеру ренты), юнкера смогли провести капиталистическую модернизацию хозяйства;
- крестьянское хозяйство, лишённое большей части земли и обременённое выкупными платежами, разорвалось. В конце XIX века 3/5 крестьянских хозяйств Германии относились к категории карликовых (до 2 га), на их долю приходилось всего 5,6 % обрабатываемой площади [2, 66];
- разорение крестьянства привело к сокращению сельского населения. Самодеятельное население в сельском хозяйстве в процентах ко всему населению страны сократилось между 1882 и 1907 гг. с 45 % до 36 % [3, 17];
- община в процессе аграрных реформ была практически ликвидирована, а общинные угодья стали собственностью крупных землевладельцев.

Таким образом, основу хозяйственного производства в Германии после аграрных реформ составили крупные юнкерские хозяйства, пользовавшиеся поддержкой государства. Политическое и экономическое могущество юнкерства держалось на сохранении сословного представительства юнкерства в органах местного самоуправления. Хотя рейхстаг и утверждал бюджет, но это не усиливало его позиций, потому что имперские доходы состояли из поступлений от пошлин и акцизов, а недостающее покрывали «земли» из своих бюджетов. Традиции финансовой поддержки государства помещиков сложились еще в XVIII веке, когда были организованы так называемые «ландшафен» (земства), имевшие права широкого субсидирования помещиков. После установления в Европе длительного периода низких цен на зерно (в Германии – с 1819 г.) субсидии юнкерству стали выдаваться даже из так называемого благотворительного фонда [3, 85]. Когда аграрный кризис конца XIX века привел к падению земельной ренты, государство предприняло усилия для сохранения ее высокого уровня путем введения значительных пошлин на зерно. Пока германские юнкеры экспортировали зерно, они были сторонниками свободы торговли. В условиях аграрного кризиса 70-х–80-х годов германское сельское хозяйство не смогло выдержать конкуренции дешевого заокеанского зерна, поэтому юнкеры выступили сторонниками протекционизма. Аграрный протекционизм в Германии, введенный в 1879 году, оказался тесно связанным с промышленным: охранительные

пошлины защищали как юнкеров, так и буржуазию. Накануне первой мировой войны пошлины на железные товары составляли 13 %, а пошлины на хлеб – 28 % стоимости [3, 13]. Таким образом, в Германии государственные мероприятия, направленные на создание условий для ускоренного развития высших форм капитализма, сочетались с консервацией феодальных пережитков и укреплением экономических позиций аграриев. Вместе с тем, процесс разорения крестьянства и связанный с этим рост городского населения дал рабочие руки германской промышленности.

В процессе аграрной реформы 1861 года в России помещичье землевладение также было сохранено. Однако в последующее время происходит сокращение доли помещичьего землевладения. Площадь дворянского сословного землевладения в 5-ти белорусских губерниях с 1882 года по 1902 год сократилась с 11,4 млн. десятин до 9,02 млн. десятин (на 20,7 %), а крестьянское землевладение выросло за 20 лет в 5,3 раза [4]. За счёт сокращения помещичьего землевладения сформировался фонд нового купеческого и мещанского землевладения. В Беларуси сокращение помещичьего землевладения и ослабление помещичьих хозяйств в пореформенный период объясняется, главным образом, причинами политического характера:

- высылкой из края многих крупных землевладельцев католического вероисповедания после восстания 1863-1864 годов;
- наложением секвестра на их имения и неудачной попыткой насаждения русского землевладения в крае, что привело к упадку многих хозяйств;
- введением значительного контрибуционного сбора с помещичьих имений, который для католиков был отменен только в 1897 году;
- лишением католических землевладельцев права закладывать имения в Дворянском банке и приобретать новые, а крестьян-католиков – права пользоваться льготами в Крестьянском банке [крестьяне-католики только по закону от 1-го мая 1905 г. получили право арендовать землю и приобретать её у поляков. – Н. К.];
- существованием исключительно невыгодного для белорусских производителей железнодорожного тарифа, благодаря которому хлеб из русских губерний был в Беларуси дешевле местного, и вывоз хлеба за границу из Москвы обходился дешевле, чем из Минска, что привело к подрыву белорусского зернового хозяйства и упадку многих помещичьих имений.

Политика национальной дискриминации в отношении католиков и отсутствие в крае до 80-х годов XIX века кредитных учреждений привели к тому, что до 90-х годов помещичье хозяйство в Беларуси было слабо организованным. Следует также иметь в виду, что наибольшую финансовую выгоду от продажи земли крестьянам получили не помещики, а государство. И только на рубеже XIX – XX веков отдельные помещичьи хозяйства смогли укрепить свои позиции. При абсолютном сокращении доли помещичьего землевладения можно говорить об относительном росте численности крупных латифундий, сравнимых с хозяйствами немецких юнкеров. Численность владений свыше 100 десятин увеличилась по Виленской губернии с 1 838 до 2 110, а по Гродненской губернии – с 1 148 до 1 646 (с 1877 до 1905 год) [5, 51].

Что касается крестьянских хозяйств, то более льготные условия освобождения крестьян в Беларуси, чем в России (перевод в 1863 года всех крестьян на выкуп и снижение на 20 % выкупных платежей, более низкий процент налогообложения белорусского крестьянства) привели, с одной стороны, к росту числа безземельных крестьян, а с другой стороны, дали возможность «крепким» хозяевам увеличить свои владения. Особенно заметен рост крестьянского землевладения по Виленской и Гродненской губерниям. К 1905 году по Гродненской губернии крестьянские дворы, имевшие от 5 до 10 десятин, составляли 10,4 %, свыше 10 – 85 %, по Виленской губернии соответственно – 31,5 % и 65,4 % [6, 25].

Повышение роли крестьянского хозяйства в экономике страны выразилось не только в росте крестьянского землевладения, но и в развитии капиталистической аренды. Если

учесть, что крестьяне получили наделной земли 5,5 млн. десятин [7], приобрели к началу XX века дополнительно 2,04 млн. десятин и арендовали к этому времени более 3,5 млн. десятин земли [4], то можно утверждать, что на больше́й части посевных земель Беларуси (11,4 млн. десятин) велось хозяйство крестьянского типа.

В пореформенный период правительство реализовало ряд мероприятий, направленных на ликвидацию пережитков феодализма и объективно содействовавших усилению мощности крестьянских хозяйств. Законом от 9.07 1886 г. ликвидировалось арендаторство на чиншевом праве: чиншевики переводились на обязательный выкуп, многие из них переходили к простой аренде (на срок от 6-ти до 12-ти лет) [8]. Решалась проблема ликвидации чересполосицы, возникшей в результате так называемой шнуровой системы формирования наделов при подворном землеустройстве, когда каждый хозяин имел столько полос земли, сколько усматривалось в крестьянском наделе видоизменений в качестве почвы, пахотных полей и покоев. В середине 80-х годов в Гродненской губернии чересполосица охватывала 42,1 % имений, в Виленской – 50,9 % [9, 98]. Дабы пресечь дальнейшее дробление крестьянских хозяйств и не усугублять проблему чересполосицы, Николай II в 1895 году согласился распространить на западные губернии действие «переселенческого» закона (закон от 13 июня 1889 года), разрешающего переселение в Сибирь. Однако правительство всячески давало понять местной администрации, что главным выходом из создавшегося положения следует считать не переселение избыточного населения, а распространение хуторской системы землепользования [10, 32]. Реализации задачи переселения крестьян на хутора долгое время препятствовали косность и бедность крестьянского населения и несовершенное законодательство, по которому для изменения порядка землепользования был необходим единогласно поставленный «приговор» о расселении из хутора (несогласие одного домохозяина могло стать непреодолимым препятствием на пути реализации мероприятия). В декабре 1897 года гродненский губернатор Д. Н. Батюшков предложил мировым посредникам при всяком удобном случае разъяснять пользу расселения. 30 мая 1898 года им было представлено министру внутренних дел ходатайство об отнесении расходов по составлению планов хуторных владений на страховый сбор, а также о разрешении выдавать беспроцентные ссуды на перенос построек и рытье колодцев [11, 7]. Ставший гродненским губернатором в 1902 году П. А. Столыпин считал переход к хуторской форме землепользования «главным фактором улучшения экономических условий вообще и сельского хозяйства, в частности» [11, 1]. Впоследствии именно он выступил инициатором известной аграрной реформы 1906 года. За 10 лет реализации реформы в западных губерниях было создано 130 тысяч хуторов и отрубков, что составляло 12 % общей численности крестьянских дворов [12]. Частично задача укрепления слоя сельской буржуазии и зажиточного крестьянства была решена. Это свидетельствует о том, что царское правительство не делало однозначно ставку только на помещичье хозяйство, а стремилось добиться повышения роли крестьянских хозяйств в экономике страны.

Что касается протекционистских мероприятий царского правительства, то протекционизм в России проводился не столь последовательно, как в Германии и объяснялся не столько стремлением государства защитить своего производителя, сколько стремлением увеличить доходы казны за счёт взимания высоких пошлин. Таможенная война 90-х годов с Германией [18] привела к сокращению количества немецких промышленных товаров на нашем рынке, что имело скорее негативные последствия в условиях дефицита сельхозтехники. А с другой стороны, стремление немцев защититься от русского хлеба ударило больше по производителям центральных российских губерний, чем по западным губерниям. Белорусский хлеб не был конкурентоспособным и на внутреннем российском рынке. Зерновое хозяйство на белорусских землях, в общем-то, никогда не было рентабельным. Чистая прибыль от производства ржи на одной десятине земли равнялась 8 руб 72 коп, ячменя – 11руб 47коп, картофеля – 57руб 90 коп [13, 46]. Себестоимость производства ржи в Беларуси составляла 54,1 коп за пуд, а в Туле – 25,1 коп за пуд [14, 43]. Отсутствие правительственных дотаций местным производителям хлеба и сложившаяся

ся политика железнодорожных тарифов вели к тому, что тульский хлеб на нашем рынке был дешевле местного. Начиная с 1884 года ввоз хлеба в Беларусь из России превышал вывоз.

В конце XIX века белорусское сельское хозяйство меняет свою специализацию, переориентировавшись на выращивание технических культур (картофеля, турнепса) и кормовых трав (клевера, вики и др.). В последнее десятилетие XIX века в сравнении с первым пореформенным десятилетием среднегодовой сбор картофеля в 5-ти западных губерниях возрос в 4,8 раза [15, 13]. По темпам роста травосеяния Западный регион занял первое место в европейской части страны, а по удельному весу кормовых трав в общей посевной площади – 3-е (после Прибалтики и Королевства Польского) [15, 15]. Если учесть, что в крестьянских хозяйствах до 43 % выращиваемого картофеля составляли столовые сорта (картофель шел в основном на нужды собственного потребления), [16, 139] а в дворянских хозяйствах 57,5 % выращиваемого картофеля составляли технические сорта (здесь картофель использовался на корм скоту и в целях промышленной переработки на винокуренных предприятиях) [9, 47], то говорить о возможности широкомасштабного вывоза картофеля из Беларуси не приходится. Действительно, в Беларуси ставка была сделана на развитие молочного животноводства, которое приобрело ярко выраженный торговый характер. И изменение структуры посевных площадей сыграло здесь немалую роль, так как и кормовые травы, и отходы винокуренного производства использовались для откорма скота.

В первой половине XIX века животноводство в Беларуси не играло значительной роли. Скот держали, главным образом, для навоза, и даже в помещичьих хозяйствах разведение скота на мясо считалось невыгодным из-за конкуренции со стороны Малороссии. К концу XIX века ситуация существенно изменилась благодаря реализации ряда правительственных мероприятий:

- строительству железных дорог;
- созданию скотопогонных трактов через территорию Беларуси;
- отмене 10-процентного сбора с дворян-католиков (это обстоятельство, также как и появление кредитных учреждений в крае позволили помещикам создать ряд «заводов» по разведению породистого скота и активизировать селекционную работу).

С 1856 по 1911 год стадо крупного рогатого скота в 5-ти западных губерниях возросло более чем в 2 раза [16, 148], причём проявилась тенденция приоритетного роста молочного скота. Если в 60-е – 70-е годы численность дойного скота составляла 1/3 часть от общего количества крупного рогатого скота, то к началу XX века – уже 50 % [16, 152]. Ставка на молочное животноводство объяснялась тем, что мясное животноводство, также как и зерновое хозяйство, подрывалось невыгодными железнодорожными тарифами, благодаря которым говядина, привезенная из степных районов России, была дешевле местной. В этих условиях белорусские города, в частности Брест, становились транзитными пунктами по вывозу на Запад продуктов российского животноводства.

В связи с расширением экспорта животноводческой продукции на правительственном и губернском уровнях пришлось решать ряд проблем, в частности, улучшения ветеринарного надзора, распространения сельскохозяйственных знаний и др. Отсутствие надлежащего ветеринарного надзора препятствовало вывозу скота за пределы империи. Германия использовала это как повод для прекращения ввоза скота из России, хотя многие болезни животных, например, ящур, распространились в Россию с Запада.

Проблема распространения сельскохозяйственных знаний долгое время решалась только благодаря усилиям сельскохозяйственных обществ, действовавших на общественных началах, которые занимались устройством публичных чтений, выставок, изданием различных сочинений по сельскому хозяйству [17, 92]. В крае хронически не хватало людей, которые занимались бы этим профессионально (агрономов, ветеринаров) по причине отсутствия здесь высших учебных заведений. Гродненский губернский комитет указывал на крайнюю необходимость того, чтобы иметь хотя бы по одному на губернию инструктору (по мо-

лочному хозяйству, по разработке торфа и т. д.) Действительно, должность инструктора становилась чрезвычайно необходимой для выполнения требований заграничного рынка (доброкачественность и известное однообразие товара), что могло быть достигнуто только при однообразии способа переработки сырья. Проблема создания в Беларуси соответствующих зоотехнических и агрономических служб помощи крестьянам была решена только в процессе реализации Столыпинской аграрной реформы.

Таким образом, своеобразие реализации аграрной реформы в России, значительное воздействие на развитие сельского хозяйства мер политического, а не экономического характера, постепенное повышение значения в экономике страны (по крайней мере, в Беларуси) крестьянского хозяйства позволяют говорить о существовании не только «прусского», но и русского пути развития капитализма.

1. История мировой экономики. Учебник для вузов / Под ред. Г. Б. Поляка, А. Н. Марковой. – М.: ЮНИТИ, 2001.
2. Всемирная история. Т. 7. – М., 1960.
3. Гольдштейн И., Левина Р. Германский империализм. – ОГИЗ, 1947.
4. Энциклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 1. – Мн., 1993 (арт. «Аграрны крызіс»).
5. Довнар-Запольский М. В. Народное хозяйство Белоруссии. – Мн.: Изд-во Госплана БССР, 1926.
6. Статистика землевладения. 1905 г. – СПб., 1906. Вып. 13.
7. Энциклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 6. Ч. 1. – Мн., 2001. (арт. «Сялянства»).
8. Энциклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 6. Ч. 2. – Мн., 2003. (арт. «Чыншавая рэформа 1886 г.»).
9. Панютчи В. П. Социально-экономическое развитие белорусской деревни в 1861 – 1900 гг. – Мн., 1990.
10. Верещагин П. Д. Крестьянское переселение из Белоруссии. – Мн., 1978.
11. Гродненская губерния. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. – СПб., 1903.
12. Энциклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 6. Ч. 1. – Мн., 2001. (арт. «Сельская гаспадарка»).
13. Сельское хозяйство России. – СПб., 1893.
14. Кожушков А. И. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Беларуси во второй половине XIX в. – Мн., 1963.
15. Проблемы аграрной истории Беларуси (XIX–30-е гг. XX в.). Ч. 2. – Мн., 1978.
16. Жытко А. П. Дваранства Беларусі перыяду капіталізму 1861-1914 гг. – Мн., 2003.
17. Солоневич Л. Краткий исторический очерк Гродненской губернии за 100 лет её существования (1802–1902 гг.). – Гродно, 1901.
18. См. подробнее: Ковалёва Н. Н. Германский капитал в экономике Беларуси в к. XIX – нач. XX вв. // Материалы международной конференции «Актуальные проблемы германской истории, политики, экономики, культуры». – Брест, 2003.

Малыхина Л. Ю. (г. Брест, БГТУ)

РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИЕ ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ТРАНСПОРТИРОВКИ ЧЕРЕЗ ЗАПАДНЫЕ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

В 60-70-е гг. XIX в. на передний план внешней торговли с Российской империей выдвинулась Германия, происходившая индустриализация в данной стране содействовала превращению её в крупную европейскую промышленную державу, нуждающуюся в сельскохозяйственном сырье и продуктах. Внешнеэкономические связи белорусских земель в пореформенный период (1861-1914 гг.) отображали собой процесс динамического включения российской экономики в международный капиталистический рынок. Интерес в этом процессе представляют использование и пути усовершенствования сухопутных и водных коммуникаций, а также других условий транспортировки товара через западно-белорусский регион.

Ведь именно тарификационная политика государства, скорость и качество перевозок в не-малой степени определяли выгодность торговых отношений.

К западной части белорусских земель, входивших в состав Российской империи, можно отнести относительно цельные в социально-политическом и экономическом плане территории Брестского, Волковысского, Гродненского, Кобринского, Пружанского, Слонимского уездов Гродненской губернии и Вилейского, Дисненского, Лидского, Ошмянского уездов Виленской губернии.

Расширение торговли с Германией привело к введению российским правительством новых таможенных тарифов, в основу которых легли фритредские начала. По тарифу 1857 г. для большинства товаров были значительно понижены как вывозные, так и ввозные пошлины. Царское правительство поощряло экспорт сельскохозяйственных товаров, чтобы поддержать активный баланс во внешней торговле. Но для России торговый баланс с Германией носил пассивный характер. Русский экспорт в Германию отставал от германского ввоза в Россию. В 1860 г. германский экспорт превысил российский на 45 %, в 1870-м – на 79 % [1, 39]. Через Германию шли важные транзитные пути, по которым российские сельскохозяйственные товары доставлялись во Францию, Англию и другие страны.

Пореформенная Беларусь располагала достаточным ресурсом внутренних водных путей, чтобы активно использовать его в экономических целях. И с ускорением перестройки помещичьего хозяйства на капиталистических началах, когда сбыт продукции увеличился, грузооборот речного транспорта значительно возрос. Наиболее существенное участие в товарообороте с Германией посредством водных путей принимали Виленская губерния – по размерам торгового оборота, и Гродненская – по количеству торговых сделок [4; 218]. Торговля в городах, где находились пристани, носила преимущественно «передаточный», транзитный характер. Направление грузов к устью Западной Двины и Немана из центральных и южных районов России давало возможность местным предпринимателям принимать участие в комиссионной торговле.

Основными предметами сбыта в Германию с помощью сплава по воде традиционно выступали строительный лес, хлеб, лён и шерсть. Древесина для продажи за границу сплавлялась по рекам Висла, Неман, Нарев, Буг, Западная Двина и по этим водным артериям достигала Мемеля и Данцига, откуда доставлялась немецкими торговцами преимущественно в Англию. Для сплава за границу брёвна, брусья, колоды свозились на берега сплавных и судоходных рек к пристаням или более удобным для спуска на воду пунктам. Затем сплачивались плоты различной величины, в зависимости от ширины фарватера рек [3, 407].

Большую значимость в деле экспорта леса имел бассейн Немана, лесная площадь которого охватывала 2689 тыс. десятин, из которых 34 % являлись государственными [4, 160]. Только в 1860 г. на пристанях Гродненской губернии грузилось и было отправлено за границу леса на сумму 191 935 руб. [3, 408]. Германские предприниматели, особенно кенигсбергское и данцигское купечество, проявляли повышенный интерес к торговле с Россией. Купечество из Кенигсберга неоднократно заявляло о необходимости улучшения водного пути по Неману и ещё в 1861 г. поставило вопрос перед русским правительством о строительстве железной дороги до Гродно, а также об учреждении консульств в Вильно, Бресте и других городах. Оно стремилось монополизировать неманскую торговлю и установить контроль над российским экспортом и импортом [1, 38].

Фаас, исследователь лесной торговли в России, отмечал: «Главной водной системой сплава леса в Германию является система Немана, соединяющаяся с бассейном Днепра посредством Огинского канала, а с другой стороны, – река Висла, соединяющаяся с тем же бассейном Днепровско-Бугским каналом [...] К бассейну Немана тяготеет в Виленской губернии 242 тыс. десятин казённого леса, а в Гродненской – 140 тысяч. Около 2/3 леса, сплавляемого по Висле, дают бассейны Немана и Днепра» [4, 161]. Согласитесь, достаточно веское доказательство того, что основным поставщиком древесины из России в Германию стал западно-

белорусский край. Кроме того, две главные водные артерии Гродненской губернии – устья рек польской Вислы и белорусского Немана – имели конечные гавани в пределах Пруссии, «по исторической случайности, отвести которую можно было бы соединением системы Немана с Виндавским портом. Но проект не двигался» [4, 161]. Постараемся доискаться до причин недовольства германо-российским торговым сотрудничеством, которое отчетливо проявлялось в публикациях изучаемого периода.

В первой половине 60-х гг. XIX в. некоторая часть гродненских купцов, которая завязала непосредственные торговые отношения с прусской страховой компанией, смогла за плату небольших премиальных совершать продажу товаров на месте – на пристанях городов Гродно, Мосты, Слоним. Следует признать, что уже тогда экономисты сетовали на невыгодные стороны завязавшегося сотрудничества с германской буржуазией: «Теперь наши купцы находятся в полной зависимости от прусских негодников в Данциге, Кенигсберге и Мемеле. Наши торговцы сделали агентами прусских капиталистов, которые продажей наших произведений другим иностранцам, извлекают для себя наибольшие выгоды. Вследствие посредничества прусских торговцев, наша заграничная торговля становится в невыгодное положение, ибо местные произведения, по прибытию водою в Балтийские порты – из Гродно, Бреста, Слонима и Пинска, не будучи запрошены ранее, в ожидании запроса, должны по необходимости лежать в прусских магазинах» [3, 371].

В начале XX в. усиливающаяся зависимость внешней торговли России от Германии стала очевидной. «Днепровско-Бугский и Огинский каналы давали системам Немана и Вислы огромный грузооборот белорусского леса. Германия, таким образом, являлась монополистом в деле покупки нашего леса. Этот громоздкий материал не выдерживал железнодорожных перевозок, да и железная дорога привела бы его кратчайшим путем в ту же Пруссию», – пишет профессор М. В. Довнар-Запольский [4, 161].

Царское правительство, гонясь за дешевизной лесного надзора, не считало нужным затрачивать капитал на вырубку леса или на устройство достаточного количества деревообрабатывающих предприятий, а предпочитало сдавать леса с публичного торга по краткосрочным контрактам. По данным прусской статистики, в предвоенные годы по Неману сплавлялось в Восточную Пруссию 87 % необработанного леса и только 13 % приходилось на тесный лес, клепку и пиленные материалы [4, 161]. В то время как на нижнем течении Немана и в Кенигсберге находился ряд заводов по переработке леса, белорусские крестьяне были лишены возможности заработка на изготовлении пиломатериалов. Только в 1908-1909 гг. район Кенигсберга получил 19 млн. т. сырого леса. Германские тарифы по русско-германским договорам поставили серьезные преграды ввозу в Германию поделочного леса: пиленный лес облагался налогом в размере 5,46 коп за 100 кг, кругляк – только в 0,91 коп. Балансы провозились в Германию беспошлинно [4, 162].

Ассортимент товаров, поступающих из Германии на пристани для местного употребления, отличался многообразием. К примеру, в 1861 г. предметами привоза на судах в Гродненскую губернию были сахар, различные сорта вин, ром, портер, перец, корица, изюм и другие, как их называли, «колониальные произведения», аптекарские материалы, стеклянная, фаянсовая и глиняная посуда, зеркала, различные чугунные и железные изделия, машины и хозяйственные инструменты, различного рода железо для паровозов и локомотивов [2, 148].

Развитие капиталистических отношений в промышленности и сельском хозяйстве, увеличение объемов внутренней торговли, расширение экономических связей с зарубежьем в пореформенный период настойчиво требовали ответного увеличения объема и снижения стоимости перевозок. Для решения этой задачи необходимо было модернизировать существующие пути сообщения и начать строительство более совершенных транспортных средств. Купечество, буржуазия на территории Беларуси хорошо понимали необходимость строительства железных дорог, прежде всего, для более успешной

торговли. Их поддерживало царское правительство, которое, кроме этого, руководствовалося военно-стратегическими целями. Направления железных дорог определялись главным образом старыми торговыми путями хлебных, лесных и других грузов из Центральной России в Западную Европу.

Первая железнодорожная артерия – Петербургско-Варшавская дорога, которая в 1862 г. пересекла белорусские земли, соединила четыре важнейших торгово-промышленных центра западного региона России: Вильно, Ковно, Гродно, Белосток, с одной стороны, с Петербургом, с другой стороны – с Берлином и Варшавой. Этой, так называемой Литовской, железной дорогой надеялись устранить потерю рабочей силы и времени, обеспечить бесперебойный сбыт товаров, ослабить влияние на торговлю прусского посредничества, обусловленного географическим расположением рек [3, 371].

Согласно статистическим сведениям, опубликованным И. С. Блюхом в монографии "Влияние железных дорог на экономическое состояние России" (СПб, 1874 г.), Гродненская и Виленская губернии составляли около трети территории пяти западных губерний – а это 71,5 тыс. кв. вёрст, обладали 41 % (943 версты) от длины эксплуатируемых железных дорог Беларуси [процентное исчисление здесь и ниже подсчитано по таблице. – Л. М.] [2, 166]. Шоссейные дороги как в Виленском крае, так и в уездах Гродненской губернии были развиты слабо. Долгое время особенностью Запада Беларуси как географического региона являлась большая значимость водных путей: в двух западных губерниях они составляли 1861 версту (31,5 %) [2, 164]. Принято считать, что упадок речного транспорта связан с ростом железных дорог. Но на белорусских реках такой упадок наметился ещё с 50-х гг. XIX в. Отчасти это объяснялось сведением лесов на берегах рек, что уменьшило возможности лесосплава. Одной из причин называют и снижение роли меридиональных транспортных путей при возрастании роли путей из Центральной России в зарубежные страны. Возможности технического прогресса на белорусских реках ограничивались их небольшими размерами и глубинами. Малая вместимость судов, низкие скорости, мели и перекаты, излучины и ледоставы на реках – все эти недостатки вместе с общим снижением внимания к речному транспорту привели к упадку его роли в хозяйственной жизни Гродненской и Виленской губерний к концу XIX в. В упадок приходили и каналы, с 1880-1890-х гг. прекратилось движение на Огинском канале, а затем и на Двинско-Березинской системе. Водные пути могли использоваться только при значительной их реконструкции, для которой не имелось ни капиталовложений, ни экономических предпосылок. Администрация западных губерний для оживления торговли по реке стремилась найти источник для финансирования очистных работ, укрепления берегов, ведь даже при уменьшении объёмов продажи хлеба за речными путями оставались две функции – сплав леса и перевоз громоздких строительных материалов.

Но более быстрый, не скованный географическими изломами и погодными условиями, железнодорожный транспорт в скором времени стал основным способом транзита через Беларусь. Если через Гродненский железнодорожный узел торговля осуществлялась в основном с Польшей и Литвой, то через Вильно – с Германией и Прибалтикой.

Углубление специализации районов привело к тому, что на Петербургско-Варшавской дороге в начале 1870-х гг. первое место занимала перевозка хлеба, на Московско-Брестской – главное место отводилось лесу и лесоматериалам [1, 33]. В 60-70-е гг. железные дороги Российской империи были соединены с Восточно-Прусской и Южной Восточно-Прусской железными дорогами, а это открыло сельскохозяйственным товарам широкий доступ к Кенигсбергу и Данцигу – крупнейшим торговым центрам Германии.

С 60-х гг. стали оформляться соглашения между Россией и странами Европы о прямом торговом сообщении, при этом устанавливались единые тарифы на доставку грузов из России. В частности, в 1864 г. были утверждены правила и тарифы товарного сообщения между отдельными станциями Петербургско-Варшавской и прусских железных дорог. Согласно тарифам

прямого сообщения товар мог следовать по двум или нескольким линиям без перегрузок и по тарифу в общей сумме стоимости провоза, значительно пониженному в сравнении с тарифом на однородный груз, установленным на каждой из этих линий. К некоторым станциям магистрали (Гродно, Динабург, Белосток), которые находились в прямом товарном сообщении с Гамбургом, Берлином, Штеттином, Вальденбургом, Бреславлем, Данцигом, Кенигсбергом, Инстербургом, грузы подвозились непосредственно из белорусских уездов. По сведениям Х. Ю. Бейлькина, в августе 1866 г. это прямое товарное сообщение было упразднено, а вместо него были учреждены три новые линии прямого сообщения. Первая – русско-силезская – охватывала железнодорожные связи российских станций со станциями Штеттин, Бреславль, Вальденбург. Второе сообщение – русско-восточно-немецкое – связывало со станциями Берлин, Горлиц, Рейбниц, Франкфурт-на-Одере, Крейц, Данциг, Эльбин, Кенигсберг, Инстербург. Третье сообщение касалось связей российских станций с Гамбургом. Кроме того, стало действовать русско-немецко-нидерландское сообщение, касающееся, в частности, станций Петербурго-Варшавской дороги и станций Амстердам, Роттердам, Кёльн, Рурорт, Дортмунд и др. [1, 34]. В апреле 1867 г. было открыто прямое сообщение между станциями Петербурго-Варшавской (Гродно), других дорог России и станциями Рейнских железных дорог: Дюрен, Ешвеймер, Штольберг, Кобленц, Бингербрюк и др. [1, 35]. Отправка грузов за границу со станций прямого сообщения обходилась значительно дешевле. Не случайно отправители сельскохозяйственных товаров возбуждали просьбы о приобщении их станций к прямому сообщению.

Появление на рынках Западной Европы дешёвого и высококачественного хлеба из Северной Америки, Аргентины, Австралии привело к падению цен на зерно. В связи с этим в 70-х гг. в Германии развернулись дискуссии по поводу повышения пошлин на российский сельскохозяйственные товары. Купечество Кенигсберга и Данцига в свою очередь заняло резко отрицательную позицию по вопросу увеличения пошлин на хлеб, лён, пеньку и скот. Но победили прусские помещики, требовавшие оградить германский рынок от иностранных сельскохозяйственных товаров. В 1879 г. последовали ограничительные меры на ввоз из России в Германию скота и хлеба [1, 39], и это стало одним из факторов, повлиявших на обострение аграрного кризиса в Беларуси.

Последствия переориентации сельского хозяйства можно проиллюстрировать на следующем примере. В рукописном отчёте гродненского уездного исправника Пехова от 28 января 1888 г. было сказано, что из 11 торговых местечек уезда только в одном из них – м. Лунна есть пункт продажи хлеба («хлебная пристань»), откуда зерно большими партиями поставлялось за границу по р. Неман. В остальных местечках хлебная торговля была незначительной и производилась по инициативе хлеботорговцев Лунны и Гродно, которым и отсылался закупленный хлеб. В Мостах также существовала несущественная пристань. Автор отмечал, что заграничная торговля хлебом приостановилась, вследствие установления Германией высоких пошлин, и в Лунне имеются запасы хлеба, которые по вскрытию Немана предполагалось перевозить на барках [2, 177]. С течением времени Неман потерял значение артерии, по которой хлеб вывозился в Пруссию. По этой реке проходил только хлеб, предназначенный для местного потребления [4, 229].

Итак, сельское хозяйство Российской империи в последней четверти XIX в. переживало кризис. Цены на рожь в западных губерниях понизились в 2-2,5 раза [9, 313]. В свою очередь, на железных дорогах страны был введён тариф, который стимулировал вывоз хлеба из чернозёмных губерний России в Западную Европу и окончательно сделал невыгодным на Беларуси производство зерна на рынок. С одной стороны, происходила переориентация на мясомолочное животноводство. С другой – в начале XX в. местные власти стремились повысить рентабельность перевозок зерновых культур по железной дороге, что выражалось в пересмотре политики тарификации железнодорожных перевозок.

Первоначально на железных дорогах тарифные ставки на различные грузы устанавливались в соответствии с существовавшей стоимостью перевозки. С развитием сети железных дорог, в особенности с появлением параллельных линий, с целью привлечения товара тарифные ставки снижались на те продукты, которые по месту производства или каким-нибудь другим причинам могли направляться по конкурирующей линии. Нередко случалось так, что грузы по льготным тарифам значительно дешевле было перевезти окружным путём. О необходимости устранения разнообразия в тарифных ставках шла речь в «Записке С. И. Пузыны о влиянии железнодорожных тарифов на сельскохозяйственную промышленность» гродненскому губернатору П. А. Столыпину в 1902 г. Как в ней отмечалось, до выкупа царским правительством железных дорог оно не могло разобраться в существующем хаосе. Впоследствии установка тарифов перешла в руки Министерства финансов – тарифная плата взималась «попудно, повагонно и повёрстно». Автор докладной записки утверждал, что существующая система дифференцированных железнодорожных тарифов нередко приносит вред сельскому хозяйству России. Скажем, Германия выхлопотала освобождение от пошлин на ценные для скотоводства отбросы мукомольного и маслобойного производства при вывозе из России, в то время как российские крестьяне были не в состоянии приобрести эти хозяйственные отходы для скота. Более того, предприимчивые немцы выделяли из российских безпошлинных отрубей около 5 % муки для продажи [5, 216-217]. В целях улучшения ситуации предлагалось «повысить от 25-30 % паровозные железнодорожные ставки для муки, противу зерна, уничтожить льготный перемолочный тариф, а также не допускать по отношению к муке применения тарифных льгот по завозу и уничтожить их по отношению к зерну» [5, 219]. Будучи связанным существующими германо-российскими обязательствами, региональное руководство не сумело в одностороннем порядке изменить условия поставок. И всё же Гродненский губернский комитет для улучшения условий перевозки товаров по железной дороге в 1902 г. предпринял следующие мероприятия:

- для срочной доставки груза на квитанции отправителю стали выписывать срок доставки на станцию назначения, рассчитанный повёрстно, а за задержку груза возлагали ответственность на железнодорожное управление. Существовали обстоятельства, снимающие ответственность за простой – такие как крушение поезда, снежный занос, порча железнодорожного пути и др;
- вводилось обязательное немедленное извещение со станции о прибытии товара, хотя бы за плату, по адресу получателя, указанному отправителем;
- занялись устройством в большем количестве «вагонов-ледников» для перевозки мяса и молочных продуктов и вагонов, защищающих от промерзания фрукты, овощи, консервы, вино и другие продукты;
- по мере надобности для некоторых поездов увеличивались отправочные пункты (платформы) между станциями [5, 460].

С течением времени г. Гродно как торгово-промышленный центр и важный железнодорожный узел стал играть важную роль в развитии внешней торговли. Значительное выдвигание перед I мировой войной г. Вильно как торгового партнёра Германии не только западной части Беларуси, но и России в целом, в немалой степени объяснялось географическим размещением: товарооборот между ними осуществлялся через р. Вилию в Нёман и напрямую по железной дороге.

Незадолго до военных столкновений, 20-24 марта 1914 г. в Вильно состоялся районный «Съезд Северо-Западного Края по вопросам экспорта в связи с пересмотром торгового договора с Германией». Собравшиеся на нём экономисты и политики поставили перед собой цель «освободить нашу торговлю и промышленность от того тяжёлого бремени преобладания Германии, которое наложено на нас существующим торговым договором» [8, 6]. На

съезде были чётко и конкретно выражены основные претензии к своему западному партнёру и представлены пути разрешения проблем. Принятие высказанных на съезде предложений в скором будущем сулило перемены к лучшему как для транспортной сети западной Беларуси, так и тарификационной политики России в целом.

Во-первых, несмотря на объективные сложности, были выработаны пути интенсификации речного транспорта. Сплавные реки, находящиеся прежде в ведении Министерства Путей Сообщения и Министерства Внутренних Дел, предлагалось передать в заведование МПС. И весьма обоснованно. К примеру, по отчёту на 1 января 1874 г. МПС подати были взысканы в полном объёме, а за МВД осталось недоимок на 45 815 руб. 50 ¼ коп. [11, 169-170]. Стабильное финансовое положение позволяло Министерству Путей Сообщения увеличить кредиты на разъезды штатных чинов судоходно-инспекторской службы, расширить число её вольнонаёмных агентов.

В целях развития деревообрабатывающей промышленности было решено создать портовые сооружения («убежища») для судов и хранения леса, сплаваемого по р. Вилии и Нёману, а для этого — устроить гавани в Вильно и Ковно. Было намечено провести телефонную сеть вдоль всего берега Западной Двины.

Далее. Вследствие обилия мелей на реке Нёман, изменчивости её фарватера собравшиеся проголосовали за составление проекта исправительных работ путём устройства (по примеру германской части Нёмана) «полузапруд». Высказались также за приведение в судоходное состояние реки Вилии, которая будет питать Нёман грузами, и урегулирование судоходства на Мухавце и Днепровско-Бугском канале.

И, наконец, в виду выяснившихся тяжёлых условий вывоза лесных грузов из бассейна р. Нёман и полной зависимости от немецких импортёров, с одной стороны, и невозможности сбыта пиленого леса, благодаря высоким тарифным ставкам немецких пошлин, с другой стороны, съезд постановил просить правительство о скорейшем утверждении проекта строительства Виндавского канала [8, 30-32].

Во-вторых, были коренным образом пересмотрены условия транспортировки товаров по железной дороге: При обсуждении вопроса об экспорте на основании материалов Комиссии Животноводства при Главном Управлении Земледелия и Землеустройства, пришли к выводу, что необходимо повысить вывозные тарифы на жмыхи и отруби [8, 6]. Ходатайствовали о беспроцентном ввозе из Германии и других государств топлива, не обработанного чугуна, всех сортов железа и стали [8, 41].

Ранее обсуждавшиеся в гродненской губернской администрации предложения об увеличении вагонов-холодильников, и вагонов, рассчитанных на перевозку «по железной дороге свежих фруктов, ягод, овощей, продуктов цветоводства и растениеводства и других скоропортящихся продуктов», не теряли своей актуальности и через десяток лет. Вдобавок к этому было решено обустроить холодильные склады на узловых передаточных станциях, а для детализации этих проектов собраться в Вильно осенью на съезде по холодильному делу с выставкой. Для улучшения перевозки живой птицы предлагалось поощрение откормочного промысла в приграничных с Германией пунктах.

Важным, как нам кажется, стало решение ввести на железной дороге региона регулярный ветеринарный надзор. В этих целях ходатайствовали о созыве в г. Вильно при местном отделении Российской Экономической Палаты особого совещания из ветеринарных врачей, представителей земств и сельскохозяйственных организаций шести губерний Северо-Западного края [8, 22]. Как свидетельствуют документы Ветеринарного отделения медицинского департамента МВД, не позже 1882 г. при перевозке скота на отдельных станциях Центральной России уже проводился его осмотр в присутствии жандармерии. Но Беларусь долгое время относили к числу благоприятных районов, где делать это было не обязательно [12, 20].

Приоритетная роль Виленской губернии в развитии внешней торговли со странами Западной Европы подчёркивалась учреждением в г. Вильно Северо-Западного отделения Российской Экспортной Палаты [8, 41]. К сожалению, множеству представленных на Ви-

ленском съезде проектов, внедрение которых могло послужить взаимовыгодному торговому обмену с Германией, так и не суждено было сбыться по причине начавшейся через полгода I мировой войны.

Таким образом, транспортная сеть Виленской и Гродненской губерний служила не просто способом передачи лесной и сельскохозяйственной продукции в Германию. Экономика западно-белорусского края, используя возможности речного судоходства, уже в 1860-е гг. явилась основным поставщиком леса на Запад. Усилению капиталистического характера экономики Беларуси способствовало бурное строительство железнодорожных магистралей: увеличился товарооборот, углубилась специализация экономики региона.

1. Бейлькин Х.Ю. Сельскохозяйственный рынок Белоруссии 1861-1914 гг. / Науч. ред. М. О. Бич. – Мн., 1989.
2. Белоруссия в эпоху капитализма: Сб-к док. и мат. в 3-х т. Т. 2. Развитие капитализма в промышленности, положение промышленных рабочих и рабочее движение в Белоруссии 1861-1900 / Сост. З. Е. Абезгауз, Н. Л. Рябцевич. – Мн., 1990.
3. Бобровский П. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния. Ч. 2. – СПб., 1863.
4. Довнар-Запольский М. В. Народное хозяйство Белоруссии: 1861-1914 гг. – Мн., 1926.
5. Гродненская губерния. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. – СПб., 1903.
6. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 3. Ч. 1. Литовское Полесье. Ч. 2. Белорусское Полесье. – СПб. – М., 1882.
7. Жучкевич В.А. Дороги и водные пути Белоруссии: Историческо-географические очерки. – Мн., 1977.
8. Моравский А.Ю. Итоги районного Съезда Северо-Западного края по вопросам экспорта в связи с пересмотром торгового договора с Германией. (20-24 марта 1914 г. Вильно). – Вильно, 1914.
9. Нарысы гісторыі Беларусі. У 2-х ч. Ч. 1 / Пад рэд. М. П. Касцюка. – Мн., 1994.
10. Эканамічная гісторыя Беларусі / Пад рэд. В. І. Галубовіча. – Мн., 1996.
11. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. Ф. 1. Оп. 23. Д. 477. Л. 169-170.
12. Там же. Ф. 23. Оп. 1. Д. 630. Л. 20.

Marcin Szczepański

(Białystok, Politechnika Białostocka Wydział Zarządzania)

NIKTÓRE ELEMENTY SYSTEMU PROPAGANDOWEGO NSDAP DO 1933r

W przeciwieństwie, do innych partii niemieckich okresu Republiki Weimarskiej, NSDAP była wolna od ograniczeń klasowych, w związku, z czym, starała się objąć swoimi wpływami jak największą część społeczeństwa. Ta ponadklasowość wymuszała jednak rozproszenie działań propagandowych. Pomimo rozbieżnych interesów poszczególnych części elektoratu, posiadały one pewne wspólne cechy, do których starała się apelować propaganda nazistowska. Było to przede wszystkim, załamanie dotychczasowej wizji rzeczywistości, zachwianie obowiązującego w okresie cesarstwa systemu wartości. Należało też zrekompensować poczucie klęski i poniżenia powszechne w Niemczech po pierwszej wojnie światowej. Naziści wskazywali winowajców złego stanu rzeczy: nieudolny rząd socjaldemokratyczny, rewolucję socjaldemokratyczną, międzynarodowy spisek żydowski przeciw narodowi niemieckiemu. Przyjęcie tego typu argumentacji pozwalało odbiorcom propagandy hitlerowskiej na uwolnienie się od odpowiedzialności za porażkę i wskazywało kozła ofiarnego, którego można byłoby obarczyć winą za narodową tragedię.

W celu prowadzenia bardziej efektywnej agitacji politycznej w 1925 roku w NSDAP utworzono specjalny wydział zajmujący się propagandą. Komórka ta zajmowała się między innymi szkoleniem kadr. Pod koniec lat dwudziestych, w związku z deficytem wykwalifikowanych agitatorów rozpoczęto organizować kursy doskonalenia mówców partyjnych. Kursy te zostały później przekształcone w ogólnoniemiecką Szkołę Mówców. Kształcenie w niej trwało dziewięć miesięcy a jej absolwenci po zdaniu stosownych egzaminów uzyskiwali tytuł „mówców Rzeszy”. Do stycznia 1933 roku szkołę ukończyło około 6 tys. osób [17, 54].

Ważnym celem propagandowym partii było zaznaczenie jej charakteru politycznego i oryginalności. Część tych celów osiągnięto dzięki ogłoszeniu i propagowaniu programu partii. Służyła temu również zmiana nazwy partii z DAP (Niemiecka Partia Robotnicza) na NSDAP (Narodowosocjalistyczna Partia Niemiec). Nowa nazwa podkreślała nacjonalistyczny charakter organizacji. Utworzono organizacje afiliowane przy partii: młodzieżową - Hitlerjugend i kobiecą NS-Frauenschaft.

Niezwykle istotnym elementem wizerunku partii politycznej jest jej symbolika. Dobrze trafiony symbol staje się skutecznym instrumentem integrowania mas. Daje możliwość bezbłędnej, nawet podświadomej identyfikacji z ruchem politycznym, jego ideologią [29, 28-29]. Już w 1921 r. Hitler nakazał używania flagi ze swastyką. Czerwony kolor flagi miał przyciągać wzrok, a jednocześnie był wyzwaniem dla lewicy komunistycznej, wprowadzać miał w błąd niewyrobioną politycznie część społeczeństwa niemieckiego. Podobny cel miało też dodanie do nazwy partii przymiotnika socjalistyczna. Swastyka - stary symbol hinduski symbolizuje ogień, bądź słońce i nie ma nic wspólnego z narodowym socjalizmem. Ma formę prostą i rzucającą się w oczy, jak udany znak fabryczny. Ta nieskomplikowana, łatwa do powtórzenia forma pozwalała powielać ją w tysiącach egzemplarzy i lokować za pomocą różnych technik plastycznych praktycznie wszędzie od flagi po płyty i ściany. Dawalo to możliwość wykorzystania swastyki, jako bodźca wywołującego określoną reakcję nerwową, swego rodzaju „odruch warunkowy”. Płomienne mowy Hitlera kojarzyły się z wielkimi swastykami w otoczeniu, których były wygłaszane, widok swastyki zaś stopniowo zaczynał przywodzić na myśl słowa Hitlera. Wszelchobecne swastyki nieustannie oddziaływały na masy, podsycały nastroje przychyłne dla nazistów, podtrzymywały efekt wywołany przez dramatyczne przemówienia [29, 30-33]. Swastykę uznać należy za jeden z najbardziej trafionych symboli politycznych XX wieku. Oficjalnie znak ten funkcjonował zaledwie ćwierć wieku, mimo tak krótkiego okresu legalnego rozpowszechniania, zapadł w świadomość ogółu społeczności świata zachodniego, do tego stopnia, że jest obecnie rozpoznawalny w równym stopniu, co krzyż łaciński, czerwona gwiazda, sierp i młot, a w większym niż np. Półksiężyc w społeczeństwach początku dwudziestego wieku prasa należała do najsilniejszych środków oddziaływania na opinię publiczną. Nowopowstałe radio nie miało tak silnego oddziaływania ze względu na szczupły krąg odbiorców. Zyskało ono duże znaczenie dopiero w latach trzydziestych. Z uwagi na ograniczenie objętościowe artykułu pomijam opis systemu prasowego NSDAP. Krótko przedstawię jedynie najciekawsze jego elementy. Charakter centralnego organu NSDAP miał wychodzący w Monachium dziennik „Völkischer Beobachter” oraz magazyn „Illustrierter Beobachter”. To ostatnie pismo redagowane według zasad komiksów, obliczone było na masowego czytelnika. Motywem przewodnim ilustracji, wiadomości i komentarzy były pokazywanie kolejnych sukcesów kroczącego do zwycięstwa ruchu narodowosocjalistycznego. Wiece, demonstracje, parady, wystąpienia Hitlera i innych działaczy NSDAP zajmowały w gazecie czołowe miejsce. Specyficznym piśmem w nazistowskim arsenale propagandy prasowej był wydawany w Norymberdze, brukowiec „Der Stürmer”. Tygodnik ten zasłynął ze szczególnie brutalnych metod propagandy antyżydowskiej podawanej często w formie półpompograficznej. Gazeta rola się od perwersyjnych opisów hańbienia rasy aryjskiej przez Żydów, przedstawianych jako lubieżnych i demonicznych uwodzicieli dybiących na cnotę niemieckich dziewcząt. Pismo zamieszczało też fantastyczne materiały o morderstwach rytualnych uprawianych przez Żydów, o światowym żydowskim spisku, ujawnionym w „Protokołach mędrców Syjonu”. W 1929, kiedy niewybredna propaganda „Stürmera” okazywała się

niewygodna dla NSDAP, z czołówki gazety zniknął oficjalny znak nazistowski, a pismo było wydawane jako prywatnie [7, 22-27].

Prasa nazistowska starała się objąć swym zasięgiem możliwie szeroki krąg odbiorców. Poszczególne tytuły były skierowane do różnych typów odbiorcy o bardzo zróżnicowanym poziomie i zapotrzebowaniach. Poza gazetami przeznaczonymi do powszechnego kolportażu istniały również tytuły adresowane do wybranego segmentu opinii publicznej np. bezrobotnych, będzie o tym jeszcze niżej mowa. Na łamach prasy nazistowskiej publikowano program NSDAP, prowadzono propagandę zapraszając na spotkania z przywódcami partii, wiece, manifestacje, defilady, zamieszczano artykuły na tematy bieżące przedstawiając je w sposób korzystny dla polityki partii, prowadzono spory z politycznymi przeciwnikami [11, 77].

Dziennikarze NSDAP wprowadzili szereg interesujących innowacji, nieznanych dotąd niemieckiej prasie burżuazyjnej czy lewicowej. Artykuły redakcyjne, tzw. czołówki umieszczone na pierwszej stronie pism hitlerowskich były krótkie, zredagowane dobitnie, obliczone na przyciągnięcie bezpośredniej uwagi. Ich treść uderzała raczej w emocje czytającego, niż pobudzała do refleksji. Hitlerowcy nie pozwalali sobie na długie, treściowo bogate, typowe dla pism burżuazyjnych, pełne medytacji artykuły wiodące. Unikali również, charakterystycznych dla prasy socjaldemokratycznej lewicy, dyskusji akademickich. Zamiast tego podawali informacje i komentarze w "pigulce" [16, 65].

Bardzo charakterystyczną cechą prasy i w ogóle całej propagandy nazistowskiej było kreowanie i wykorzystywanie przy każdej nadarzającej się sytuacji tzw. punktów ciężkości. W działaniach propagandowych przeciw adwersarzom politycznym stroniono od ogólników. NSDAP koncentrowała się na jakimś rzeczywistym przypadku czy konkretnym człowieku, przeciwko któremu rozpętywano kampanię propagandową. „Der Angriff” na przykład koncentrował przez pewien czas swoje ataki na osobie zastępcy dyrektora policji berlińskiej dr. Weisse, który prowadził dość aktywne działania przeciw bojówkom SA. Weiss był z pochodzenia Żydem, jego dziania przeciw SA, prowadzone w ramach obowiązków służbowych, miały być dowodem na istnienie antyniemieckiego spisku żydowskiego.

Specyficzna forma wyrazu odróżniała plakaty nazistowskie od innych, obecnych w życiu politycznym Niemiec. Na dalszy plan przesunięte zostały normy estetyczne. Najważniejsza miała być zawartość emocjonalna i dostosowanie treści plakatu, w jego ikonograficznej i tekstowej formie, do poziomu i możliwości percepcyjnych pospolitego odbiorcy. Plakaty miały oddziaływać barwą, rozmiarami i liczbą. Zalecano stosowanie dużej liczby plakatów w jednej akcji agitacyjnej. Duże plakaty były bardziej widoczne a zatem i skuteczne. Z barw na plakatach dominowały wszystkie odcienie czerwieni. Za najskuteczniejsze uchodziły plakaty bez tekstu, zawierające swoje przesłanie w warstwie ilustracyjnej, łatwo zrozumiałej, rzucającej się w oczy dzięki nietypowemu rysunkowi i oryginalnemu krojowi czcionki. Zarówno w prasie, jak i na plakatach często wykorzystywano karykaturę. Udana karykatura spełniała istotną funkcję polityczną, koncentrowała na wybranym obiekcie negatywne uczucia odbiorcy, przede wszystkim gniew, odrazę, nienawiść a także ośmieszała go [17, 56].

Elementem mającym odróżniać NSDAP od innych partii miała być jej dobra organizacja. Każde spotkanie czy wystąpienie było odpowiednio przemyślane. Porządku na zebraniach strzegły bojówki SA. Organizowano niezliczoną liczbę marszy ulicznych, demonstracji i defilad, które miały na celu wywołanie wrażenia wielkości i siły partii. Każda defilada czy demonstracja była perfekcyjnie wyreżyserowana. Każdy jej element - zawieszenie czy poświęcenie sztandaru, przemarsz przez miasto, wystąpienia mówców, były osobiście nadzorowane przez Hitlera. Hitler używał swojego talentu architektonicznego do najefektowniejszego zaprojektowania trasy pochodu czy jego konfiguracji przestrzennej. Właśnie te elementy wzbudzały w tłumie największe zainteresowanie. Przykładem perfekcyjnie zorganizowanej manifestacji może być demonstracja w Norymberdze, która odbyła się w 1929 roku podczas ogólnokrajowego święta

partyjnego. Był to pierwszy zjazd partii, na którym zapoczątkowano przemianę tradycyjnej uroczystości w masową demonstrację zaplanowaną na wzór wojskowy i przeprowadzoną wedle wszelkich reguł inscenizacyjnych i psychologicznych. Ponad 30 specjalnych pociągów przywoziło ze wszystkich stron Niemiec około 200 tysięcy zwolenników, których mundury, flagi i orkiestry opanowały scenę średniowiecznego miasta. W kończącej imprezę trzygodzinnej demonstracji 60 tysięcy SA-manów, jednolicie ubranych i w pełnym rynsztunku przedefilowało przed Hitlerem w rytm muzyki marszowej.

Aby pokazać zdyscyplinowanie członków partii, hitlerowscy specjaliści od propagandy świadomie naśladując metody lewicy wysyłali na ulice miast wypelnione po brzegi SA-manami ciężarówkami. W samochodach nie siedział jednak znieawidzony w mieszczańskich dzielnicach proletariat wygrażający przechodniom pięściami, ale zdyscyplinowani członkowie SA rekrutujący się spośród byłych żołnierzy. Od początku lutego 1921r. byli oni wykorzystywani do bezpośrednich działań agitacyjnych. Kilka samochodów ciężarowych udekorowanych flagami, plakatami i transparentami, załadowanych wyposażonymi w ulotki agitatorami partyjnymi, było kierowane w objazd po najbardziej ruchliwych ulicach. Nowy sposób agitacji, przejęty od komunistów, robił duże wrażenie na mieszkańcach Monachium i z czasem zaczęto stosować go poza granicami miasta. Ciężarówkami wyładowane SA-manami i agitatorami udawały się w objazd po miasteczkach i osiedlach Bawarii. Naziści organizowali tam zebrania, przemawiali, rozdawali broszury propagandowe zjednujące dla ruchu coraz to nowych zwolenników [2, 438-439]. Coraz częściej do działań propagandowych zaczęto używać głośników i megafonów. Budowano również makiety czołgów i wozów pancernych na podwoziu samochodowym lub o napędzie rowerowym, które reklamowały prasę partyjną [16, 82-83].

Do wzrostu popularności NSDAP wśród bezrobotnych robotników przyczyniły się akcje organizowane przez Departament Propagandy partii. W urzędach zapomogowych bezrobotni byli obowiązani stawić się dwa razy w tygodniu. Czekając na przyjęcie przez urzędników musieli stać w długich, wielogodzinnych kolejkach. Dawało to kapitalną okazję wykorzystania przez agitatorów NSDAP zgromadzeń już istniejących, w dodatku wyselekcjonowanej części elektoratu, do której łatwo było dopasować metody agitacji i jej treść. Przy tej okazji partyjne grupy agitacyjne rozdawały gazetę propagandową "Bezrobotny", zredagowaną stosownie do zmartwień i trosk tej grupy. Stających w kolejkach wciągano w długie dyskusje przekonując ich do idei propagowanych przez NSDAP. Wszystkie te zabiegi wpływały również na zmniejszenie uczucia osamotnienia i zębności ze strony bezrobotnych. W dzielnicach robotniczych organizowano wiecje, pochody z muzyką, agitację prowadzono nawet w domach. Dla bezrobotnych pozbawionych środków do życia oraz ludzi z marginesu społecznego zorganizowany został system świetlic, w których mogli otrzymać jedzenie, ubranie a nawet miejsce do spania. Świetlice te obsługiwane przez kobiety z NS-Frauenschaft, były doskonałym miejscem werbunku do SA, spełniały również rolę ośrodków szkoleniowych dla członków tej organizacji.

Pod koniec lat dwudziestych, naziści zaczęli ubiegać się o poparcie przedstawicieli prestiżowych zawodów. Na ich pozyskanie nakierowana była działalność takich organizacji, jak narodowosocjalistyczna Liga Niemieckich Prawników powołana w 1928 r., oraz narodowosocjalistyczna Liga Niemieckich Lekarzy, utworzona w 1929 r. Ekspansję wpływu nazistów w środowisku akademickim gwarantował sukces narodowosocjalistycznego Niemieckiego Związku Studentów. Około połowa ogólnej liczby studentów uniwersyteckich została nakłoniona do wstąpienia do partii. Przejęto też kontrolę nad studencką organizacją samorządową ASTA. [3, 223].

Nieco później na początku trzeciej dekady XX wieku propaganda NSDAP podjęła nawet działania ukierunkowane na elektorat kobiety. Wśród sloganów politycznych ostatniej kampanii wyborczej znalazło się adresowane do przeciętnej niemieckiej gospodyni domowej hasło „Kinder, Kirch“, „Küche“ [dzieci, kościół, kuchnia].

Ostatecznym celem NSDAP było przejęcie władzy. Etapami prowadzącymi do jego realizacji były kampanie wyborcze. Ich głównym organizatorem był Joseph Goebbels, któremu od początku 1931 r. powierzono Kierownictwo Propagandy na Rzeszę (RPL). Sprawował on pełną kontrolę nad kampaniami propagandowymi, doбором mówców i określaniem stanowiska partii wobec każdego problemu. Nadzorowany był osobiście przez Hitlera.

Cały kraj został podzielony na tzw. "gauy" - okręgi, z grubsza odpowiadające 34 okręgom wyborczym do Reichstagu. Przy czym każdy okręg musiał być szczegółowo rozpracowany przez aktywistów partyjnych. Na czele okręgu stał gauleiter odpowiadający bezpośrednio przed furerem. Po przejęciu RPL Goebbels wprowadził system comiesięcznych raportów na temat nastrojów wśród szeregowych członków partii. Żądał ich od gauleiterów, domagając się również, aby wysyłali agentów do różnych miejsc publicznych i tam dowiadywali się, co ludzie mówią, jakie są nastroje społeczne. Zebrane materiały Kierownictwo Propagandy wykorzystywało do opracowywania literatury propagandowej i planowania działań agitacyjnych [3, 232]. Największe wiece wyborcze odbywały się w Pałacu Sportowym w Berlinie, ogromnym gmachu, który mógł pomieścić około dwanaście tysięcy ludzi. Należy przyjąć go za swoją główną trybunę [3, 135].

NSDAP w latach 1928-1933 przeprowadziła sześć kampanii wyborczych. Miały one w zasadzie jeden schemat: objeżdżano wszystkie okręgi wyborcze, od największych miast do najmniejszych i najbardziej oddalonych wsi. Organizowano setki spotkań, wieców i przemówień, podczas których występowali najwybitniejsi mówcy ruchu, z Hitlerem na czele. Rozlepiano dziesiątki tysięcy plakatów i rozrzucono setki tysięcy ulotek. NSDAP jako pierwsza partia w Niemczech zaczęła stosować w propagandzie nowe zdobycze techniki. Przed kampanią wyborczą 1932 r. kręcono krótkie filmy propagandowe, na których Hitler i Goebbels naklaniali do głosowania na NSDAP. Filmy te były później wyświetlane pod gołym niebem w parkach i na placach większych miast. Płyty gramofonowe z nagraniami ważniejszych przemówień Hitlera odtwarzano równocześnie na wielu ulicach miast niemieckich przez megafony zainstalowane na ciężarówkach. 50 tysięcy takich płyt o niewielkich rozmiarach zostało rozesyłanych w kopertach listowych pocztą do wyborców. W ten sposób teksty przemówień Hitlera dotarły nawet do najbardziej odległych zakątków kraju [19, s.127]

Aby dostać się do najbardziej odległych miejscowości Hitler, poruszał się specjalnie wynajętym samolotem. Posiadając zaplecze logistyczne, w postaci Narodowosocjalistycznego Korpusu Lotniczego, Hitler był w stanie przemawiać kilka razy dziennie w różnych miastach zależnie od okoliczności. Mógł zwracać się do wielu ludzi w krótkim okresie czasu. Za sprawą tych „lotów propagandowych” w ciągu trzynastu miesięcy od 1 stycznia 1932 do 30 stycznia 1933 roku Hitler mógł agitować wyjątkowo intensywnie. Goebbels, z tego, zdawałoby się czysto technicznego, usprawnienia zdołał ukuć atrakcyjne hasło propagandowe, puścił w obieg slogan: „Hitler nad Niemcami”. Można go było rozumieć zarówno dosłownie, jak i w przenośni. Niekiedy przed lądowaniem samolot Hitlera dokonywał kilku okrążeń nad miejscem, gdzie zgromadzeni byli manifestanci. Na nocnym niebie unosił się jasno oświetlony samolot, a w ciemności stały cierpliwie tłumy ludzi, czekające na człowieka, który miał zstąpić ku nim z przestworzy i sięgnąć po władzę. Chwyty te służyły też budowaniu mitu fureru –nadczołowieka [19, 135].

Ciekawą taktykę zastosowano podczas kampanii przed wyborami parlamentarnymi 1932 roku. Aby zrobić silne wrażenie na opinii publicznej wszystkie siły partii zostały skierowane do walki politycznej w wyborach, które miały się odbyć w małym, liczącym 90 tys. wyborców landzie Lippe. Hitler i Goebbels odbyli wiele spotkań wyborczych wygłosili liczne przemówienia, a nawet zabiegali o głosy nawiedzając domy prywatne. Miał miejsce najazd na okolice tysięcy SA-manów, którzy skutecznie spacyfikowali działaczy przeciwników politycznych. Efektem był znaczący sukces NSDAP. W oparciu, o wyniki tych wyborów, prasa nazistowska twierdziła, że decyzja obywateli Lippe nie jest sprawą lokalną, że przekłada się ona na nastroje w całych Niemczech a partia ma w społeczeństwie ogromne poparcie. W okresie, kiedy nie było żadnego obiektywnego systemu badania

opinii publicznej, tego typu enuncjacje przyjęte zostały za dobrą monetę. Czas pokazał, iż oferta propagandowa w Lippe była doskonałym pomysłem a jej wynik rzutował na późniejsze decyzje niezdecydowanych wyborców [19, 129-130].

Prowadzono politykę ataku. Atak reprezentował siłę. Należało bezustannie deptać przeciwnikowi po piętach. W każdej sytuacji nawet najbardziej niesprzyjającej agresja była zasadą. Propaganda nazistowska miała charakter permanentny, była wszechobecna. Walka polityczna nie ustawała dla niej nigdy. Propagandę należało prowadzić bezustannie, tak, aby nie pozostawiać czasu na samodzielne myślenie tym, do których była adresowana. Przeciwnicy nazistów, natomiast, ożywiali się tylko w pewnych momentach i nawet w okresie wyborów często przerywali agitację np. w dni świąteczne. Członków NSDAP stale mobilizowano i kreowano nieprzyjaciół, by mieli, z kim walczyć.

Hitlerowcy potrafili elastycznie stosować, zarówno brutalny język wiecowy, jak i środki pośredniego oddziaływania w propagandzie wizualnej. Przykładem tego może być kampania prezydencka w 1932 r., kiedy propaganda nazistowska została subtelnie stonowana. Chodziło bowiem o przeforsowanie kandydatury Hitlera na stanowisko głowy państwa. Hasła propagandowe skupiały się wówczas na podkreśleniu "jedności narodowosocjalistycznego ruchu i interesów państwa". Mimo niezwykle zręcznej propagandy próba obsadzenia przez NSDAP fotela prezydenckiego nie powiodła się. Wówczas, przed drugą turą wyborów, akcenty partyjne w akcji propagandowej i ataki na rząd jeszcze bardziej wyciszono. Lansowano hasło: "fotel prezydencki dla Hitlera to dobrobyt i szczęśliwa przyszłość narodu niemieckiego". Głoszone dotąd skrajne postulaty NSDAP przedstawiano jako kłamstwa bez pokrycia i oszczerstwa rzucane na ruch narodowosocjalistyczny przez jego wrogów.

Nowatorski w propagandzie NSDAP był sposób przekazywania haseł politycznych. To emocje a nie rozumowanie i rezerstwo; łączenie z propagandą fizycznej przemocy i aktów gwałtu, zręczne wykorzystywanie bieżących wydarzeń i tematów chwili, podchwytywanie palących problemów gospodarczych i społecznych zdecydowały o sukcesach agitacyjnych nazistów. NSDAP jako jedyna partia w tym okresie wykorzystwała wielką siłę ekspresji barwnych emblematów, transparentów i symboli, oddziałujących bezpośrednio na zmysły odbiorcy i utrwalających się w jego podświadomości. Na tle powszechnej szarzyzny, jaka cechowała życie niemieckie w połowie lat dwudziestych, hitlerowskie kolorowe sztandary, godła, szturmówki działały jak chlapnięcie świeżą, jaskrawą farbą na szare, monotonne tło. Ten styl propagandowy wychodził naprzeciw zapotrzebowaniu potencjalnego odbiorcy. Był on dostosowany do psychiki i mentalności mas niemieckiego drobniomieszczastwa, niższych urzędników, podatnej na szowinistyczne hasła części robotników i chłopstwa. Przy całej swej prostocie i sloganowej zwięzłości hasła propagandowe NSDAP nie robiły wrażenia natrętnych, rzadko operowały również bezpośrednią inwektywą, oczemianiem politycznego przeciwnika. Oddziaływały natomiast silnie na wyobraźnię, tworząc i utrwalając pewne stereotypy odczuwania. Tekst słowny na plakatach i transparentach rzadko stawiając kropkę nad "i", pozostawiał pewien margines dla procesu psychicznego, który pod wpływem odebranych wrażeń wzrokowych, wywoływać miał zamierzone skojarzenia i wnioski.

Nazistowska szkoła propagandy w wyniku doświadczeń w walce o władzę wypracowała kilka zasad taktycznych, którymi kierowała się w następnych latach funkcjonowania, już jako oficjalna propaganda rządu.

Były to:

- dokładne planowanie i koordynacja oddziaływania wszystkich środków propagandowych, zwłaszcza wieców i mitingów;
- nadawanie cech prawdopodobieństwa świadomemu kłamstwu, ignorowanie rzeczywistości i fałszowanie jej, tak by zreformowane fakty miały pozór prawdy;
- wpływanie propagandy na działalność przeciwnika poprzez upowszechnianie treści mających wprowadzić go w błąd;

- atakowanie jednego konkretnego przeciwnika w określonym czasie (np Żydów, Polaków), przy czym ataki te były często personifikowane w myśl zasady lokalizacji agresji;
- staranne kalkulowanie czynnika czasu; usiłowano ubiec propagandę przeciwnika i dotrzeć wcześniej do odbiorcy, na którego nastawiony był przekaz propagandy;
- odwracanie uwagi własnych słuchaczy od niekorzystnych wydarzeń w ich szczytowym momencie np. poprzez tematy zastępcze;
- ukierunkowanie komunikatów perswazyjnych głównie na uczucia a nie na intelekt odbiorcy; [21, 23-23].

Reasumując zauważyć należy, iż sukces NSDAP był wypadkową jej skutecznych działań propagandowo-marketingowych, prowadzonych w sposób nowatorski, dopasowanych zarówno do elektoratu, jak i rzeczywistości politycznej, oraz sprzyjających okoliczności zewnętrznych. Na te ostatnie składały się ogólna sytuacja społeczno - polityczna w kraju i za granicą, oraz charakter systemu partyjnego republiki weimarskiej, brak spójnej politycznej reprezentacji interesów, poglądów i dążeń wszystkich części społeczeństwa - swego rodzaju luka polityczna, którą NSDAP udało się wypełnić.

1. Arendt H., Korzenie totalitaryzmu. Niezależna Oficyna Wydawnicza, Warszawa, 1993.
2. Banaszekiewicz J. Powstanie partii hitlerowskiej. Studium socjologiczne genezy faszyzmu niemieckiego. Instytut Zachodni, Poznań, 1968.
3. Bullock A. Hitler, i Stalin. Żywoty równoległe. Wyd. Bellona, Warszawa, 1994.
4. Bullock A., Hitler - studium tyranii. Czytelnik, Warszawa, 1975.
5. Chrostowski A. Kostera M. Strategia partii politycznych. Przegląd Organizacji. 2. 1993.
6. Cialdini R., Wywieranie wpływu na ludzi. Teoria i praktyka. Gdańskie Wydawnictwo Psychologiczne, Gdańsk, 1997.
7. Czarnik A., Prasa w trzeciej Rzeszy. Wydawnictwo Morskie, Gdańsk, 1976.
8. Czomajla L. Mielnikow D. Hitler. Studium zbrodni. Państwowy Instytut Wydawniczy, Warszawa, 1962.
9. Dobek-Ostrowska B., Frasz J., Ociepka B., Teoria i praktyka propagandy. Wydawn. Uniwersytetu Wrocławskiego. Wrocław, 1997.
10. Fest J. Hitler. Droga do władzy. Wyd. Michał Urbański, Warszawa 1995.
11. Grünberg K. Hitler. Biografia. Książka i Wiedza, Warszawa 1994.
12. Grzesiuk A., Marketing polityczny, w: "Marketing w Praktyce", Nr 5-6. 1997.
13. Hall E. T., Ukryty wymiar. Państwowy Instytut Wydawniczy, Warszawa, 1976.
14. Hitler A., Moja walka. Scripta Manent, Krosno, 1992.
15. Kopaliniński W. Słownik symboli. Wiedza Powszechna, Warszawa, 1990.
16. Kozaczuk W. Zatruta broń. Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, Warszawa, 1971.
17. Król E. Propaganda i indoktrynacja narodowego socjalizmu w Niemczech 1919-1945. Oficyna Wydawnicza „Rytm” Warszawa, 1999.
18. Łuczak Cz., Hermann Göring. PSO Sp. z o. o., Poznań, 1994.
19. Manvell R. Fraenkel H. Goebbels. Czytelnik, Warszawa, 1962.
20. Manvell R., Fraenkel H., Himmler. Czytelnik, Warszawa, 1971.
21. Mojsiewicz Czesław Szkice z dziejów propagandy. „Ars Nova” Poznań, 2000.
22. Pratkanis A. Aronson E. Wiek propagandy. Wydawnictwo Naukowe PWN Warszawa, 2003.
23. Reuth R. G. Goebbels: Iskry, Warszawa, 1996.
24. Ryszka F. U źródeł sukcesu i klęski. Czytelnik, Warszawa, 1972.
25. Seneszyn J. Szczukowski J. Marketing ideowo-komercyjny. Pieniądze i Więź. nr 1, 2000.
26. Socjotechnika. Funkcjonalność i dysfunkcjonalność instytucji., red. A. Podgórecki Książka i Wiedza, Warszawa, 1968.
27. Szafar T., Zaczęło się w Monachium. Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, Warszawa, 1968.
28. Thomson Oliver Historia propagandy. Książka i Wiedza, Warszawa, 2001.
29. Volkoff V. D ezinformacja oręż wojny. Orelikon, Warszawa, 1991.

РАЗДЕЛ II

ГЕРМАНИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Лихтей И. М. (г. Ужгород, УжНУ)

ГЕРМАНСКИЙ ИМПЕРАТОР ЛОТАРЬ II САКСОНСКИЙ (1125 – 1137) И ЧЕШСКИЙ КНЯЗЬ СОБЕСЛАВ I (1125 – 1140): ОТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

В конце XI – первой половине XII веков в политической жизни Чешского государства Пршемысловичей произошли существенные изменения. В стране постепенно развился династический кризис, явившийся основной причиной «феодалной раздробленности». Ещё в 1055 г. незадолго до своей смерти пражский князь Бржетислав I (1035-1055), предвидя многочисленные распри между своими пятью сыновьями, специальным «Законом о сеньорате» ввёл новый порядок наследования трона. При этом Бржетислав I исходил из так называемого принципа старшинства или сеньората. В соответствии с его положениями, княжеский престол в Праге всегда следовало передавать самому старшему представителю семейства Пршемысловичей. Остальные его члены подчинялись пражскому сеньору и получали в пользование удельные владения на территории Моравии, в частности, в Оломоуце, Брне и Знойме. Как видим, закон Бржетислава I был попыткой примирить неизбежное дробление государства с сохранением его целостности, а также преследовал цель путем урегулирования процедуры наследования верховной власти предотвратить княжеские междоусобицы, а следовательно – обеспечить преемственность династической линии.

Однако в конце XI века, после того как род Пршемысловичей сильно увеличился, устав Бржетислава I фактически перестал действовать, а не совсем удачный раздел Моравии оказался источником многочисленных интриг и распрей. Каждый верховный князь стремился, во что бы то ни стало сделать своим преемником сына или брата и поставить в вассальную зависимость моравских родственников [16; 3]. Как это не парадоксально, но первым нарушил «Закон о сеньорате» родной внук Бржетислава I – правящий чешский князь Бржетислав II (1092-1100). В 1099 г. он уговорил немецкого императора Генриха IV (1056-1106) передать власть в Чехии своему брату Борживою в качестве лена, прежде, чем тот будет выбран князем. Своими действиями Бржетислав II не только признал право цесаря вмешиваться в вопросы наследования пражского трона, но и проигнорировал годами установившиеся традиции. Ведь в соответствии со свидетельством Козьмы Пракского, «у чехов существовал такой порядок, когда престол на княжение должен был занимать князь старший по возрасту» [7; 148].

Такой немислимый в отношениях Богемии и империи шаг имел весьма отдаленные последствия, так как до этого момента последняя признавала чешским властителем только того, кто был избран членами правящей династии, вельможами и княжескими дружинниками

или с их помощью захватили власть в стране [3; 29]. Нарушение Бржетиславом II принципа сеньората усиливало зависимость Чехии от немецкой империи. Пренебрегая выборами на родине и правом Олдрижда Бернского (а после правящего князя самым старшим в семье оказывался именно он), Бржетислав II постарался исключить из числа претендентов на пражский трон моравских Пршемысловичей и закрепить престол только за потомками своего отца – первого чешского короля Вратислава II (1061-1092) [12; 126]. Стремление моравских удельных князей удовлетворить собственные претензии на престол, и попытки Праги исключить их из числа наследников, поставив в более тесную зависимость от центральной власти, повлекли за собой княжескую междоусобицу [2; 174].

Политический кризис продолжал развиваться и в первой четверти XII века, в то время как на пражском троне сменились Борживой II (1100–11-7, 1117-1120), Святополк (1107-1109) и Владислав I (1109-1125). Династические распри в Чехии, в первую очередь, способствовали усилению могущества крупных феодалов. Борьба за власть и бенефиции вынуждала вельмож объединяться вокруг отдельных Пршемысловичей, могущих обеспечить им необходимое существование, а именно титулы, должности и другие атрибуты благополучия. Поэтому противостояние внутри династии, как правило, сопровождалось соперничеством княжеских войск, так как победа их господина приносила им материальную и социальную выгоду [12, 128]. Беспорядок на территории Богемии способствовал вмешательству во внутренние дела страны немецких императоров. Последние при выделении лена Пршемысловичам нередко игнорировали тот факт, что некоторые из князей не имели реальной власти даже у себя дома. В результате независимая внешняя политика пражских правителей была парализована, что привело к падению авторитета Чешского государства на международной арене.

Сразу после смерти Владислава I (12 апреля 1125 г.) князем с «согласия всех чехов», стал его брат Собеслав I (1125-1140), самый младший сын короля Вратислава II. Уже 16 апреля, то есть всего через четыре дня после смерти Владислава, Собеслав был торжественно возведен на трон. Новый правитель оказался достойным и политически опытным государственным деятелем. Источники свидетельствуют, что Собеслав был щедрым, любим народом и аскетичным в личной жизни. В качестве исключительной добродетели хронист Козьма Пращский называет его сдержанное отношение к алкоголю [7; 193-197]. Поэтому большая часть населения страны восхождение Собеслава на вершину власти приняла весьма благосклонно. Кроме того, правление Собеслава I вселяло надежду на мирное сосуществование Чехии с соседями. Пражский властелин стремился соблюдать стабильность в отношениях с польским князем Болеславом III Кривоустым (1102-11389), при дворе которого когда-то пребывал в качестве изгнанника. В начале своего правления он сблизился также и с венгерским королем Иштваном II (1116-1131). Этому способствовал тот факт, что между Иштваном II и его кузеном Белой, братом Собеславовой жены Адлейты, утихли распри. Хоть со стороны Польши и Венгрии серьезных конфликтов не предвиделось, Собеслав принялся укреплять замки и возводить новые оборонные сооружения. В результате были переоборудованы крепости Пшимда, Кладско, Згоржелец, построен Тахов [5; 527-529].

Занятый внутренними делами, Собеслав I не спешил оформлять вассальные отношения с немецким императором Генрихом V (1106-1125). В то время, когда Собеслав вззошел на пражский престол, Генрих V был занят внутренней борьбой в западных областях своих владений, где 25 мая 1125 года скончался. Немецкая империя оказалась на распутье. После смерти бездетного Генриха немецкие князья в августе 1125 г. собрались в Майнце на выборы нового монарха. Мало кто из них сомневался, что корона достанется племяннику покойного короля – молодому Швабскому герцогу Фридриху Штауфену: ведь именно ему Генрих V поручил опеку над своей женой Матильдой и завещал имущество. Между тем, вопреки всем ожиданиям, королем стал Саксонский герцог Лотарь Супплинбургский (1112-1137), давно враждовавший с Генрихом V. В сравнении с

тридцатипятилетним Фридрихом Штауфеном, герцог Лотарь II Саксонский, которому шел шестой десяток, был стариком [1; 289]. Однако, невзирая на свой преклонный возраст, он сразу начал преследовать Штауфенов. По-видимому, князь Собеслав решил обождать с процедурой оформления Чехии в лен от империи, узнав об открытом противостоянии между Лотарем и Фридрихом.

Во всяком случае, значительно более важной для Собеслава оказалась поездка в Моравию, которая составляла неписанные обязательства пражского князя. К тому же, большую часть Моравии, в частности Оломоуцкими (а с марта 1123 г. также Брненскими) землями управлял его двоюродный брат, он же соперник-неудачник, удельный князь Ота II Черный. Зноемщину в марте 1123 г. получил на правах пользования Конрад II. Его отец, князь Литолт, также приходился Собеславу I кузенном. Тем временем окончательно возмужал самый старший сын Олдржиха Брненского княжич Вратислав, а поэтому пражскому князю следовало побеспокоиться об обеспечении его земельным наделом. Осенью 1125 г. Собеслав передал Вратиславу во владение Брненщину, отобранную у Оты II Черного [10; 99, 103]. Последний воспринял это как месть за выдвижение своей кандидатуры на чешский трон и решил не только вернуть себе утраченные территории, но и добиться верховной власти в стране.

В соответствии с позорной пршемысловской традицией последних десятилетий Ота II Черный отправился за помощью в империю. В ноябре 1125 г. на сейме в Регенсбурге Ота обратился к Лотарю II с просьбой передать ему чешский престол, которого он, вроде как, незаконно лишен. Уверенный в поддержке своих притязаний со стороны большинства чешских вельмож, оломоуцкий князь постарался убедить в этом немецкого короля, предложив ему за содействие немалую награду. Соблазненный большими деньгами и осознавая, насколько удачным является данный момент для усиления имперского влияния в Чехии, Лотарь II решил поддержать Оту II в борьбе против Собеслава, всё ещё не побеспокоившегося о лене. Королевские намерения не пошатнули даже суд императорских князей, настаивавший на определении Собеславу, оговоренного срока для оформления ленных отношений с империей, и посольство, отправленное Собеславом в Регенсбург. Активной агитацией, подношениями и обещаниями Ота II Черный привлёк к участию в боевых действиях саксонских магнатов, после чего Лотарь II объявил Собеславу войну.

Невзирая на наступление зимы, обе стороны начали военные приготовления. Подавляющее большинство солдат Лотарь II набрал из восточной части империи, в первую очередь – Саксонии. Со своими вооруженными силами к ним присоединился Ота II Черный. Собеслав получил достаточную поддержку дома, поскольку будущий конфликт воспринимался как угроза существованию чешской государственности. Под защитой покровителей чешских земель, символическим воплощением которых была хоругвь св. Войтеха, доставленная по приказу Собеслава из костела в Вербчанах и прикрепленная на копье св. Вацлава, изъятые из сокровищницы пражского епископского храма, чешское войско отправилось к земской бреме. Однако подъездные пути к этому природному приграничному рубежу оказались перегороженными [5; 530-531].

Военный поход немецкого правителя расстроили лютые морозы, которые наступили в первые месяцы 1126 г. Проход через Крушные горы усложнили глубокие снежные заносы и неожиданная оттепель, начавшаяся после и повлекшая за собой резкое таяние снегов. Невзирая на стихию, отряды Лотаря II преодолели заснеженные перевалы и 18 февраля 1126 г. оказались на территории Чехии. Князь Собеслав избрал замаскированные позиции недалеко от города Хлумец. Элита чешского войска сосредоточилась вокруг капеллана Вита, который по преданию держал в руках копье св. Вацлава с хоругвью св. Войтеха. Хорошо информированный о продвижении неприятеля, Собеслав подал знак для нападения. Его люди сумели неожиданно нанести удар и разбить авангард Лотарева войска. В кровавой боине polegло немало немецких вельмож и множество рядовых воинов. Остатки попали в плен. Погиб и главный зачинщик войны Ота II Черный [6; 203-204].

После известия о разгроме своего передового отряда Лотарь II отдал приказ готовиться к следующей битве и попробовал занять рубежи на высоте неподалеку. Однако и в этот раз он оказался в окружении чехов. Немецкому королю не оставалось ничего, как начать переговоры с Собеславом. Для их проведения Лотарь послал в чешский лагерь Генриха Гройчского. Князь Собеслав явно не желал углубления конфликта с империей и согласился на примирение. С небольшим войском он прибыл к Лотарию II и принял от него чешские земли в лен. Как знак доброй воли Собеслав отпустил пленных саксонцев без выкупа. Недавние противники разошлись по домам. Для многих немецких воинов поражение около городка Хлумец стало кошмаром на целые десятилетия [9; 104]. Чехи же славили победу и благодарили своего покровителя св. Вацлава. Некоторые участники начали распространять слухи, будто они видели, как св. Вацлав в белом плаще скакал на баском коне и своим копьем наносил удары по врагу [6; 204].

Мир с Лотарем II был подтвержден на рейхстаге в Мерзебурге 22 мая 1127 г. Чешский правитель прибыл туда в сопровождении многочисленного войска [5; 532]. Немецкий король понимал, что война с могущественным Фридрихом Штауфеном будет тяжелой, поэтому искал себе союзников. Он, в частности, добился дружественных отношений с могущественным родом баварских герцогов Вельфов: свою единственную дочь Гертруду он выдал замуж за их лидера Генриха Гордого. После этого Лотарь вместе с Генрихом Гордым взяли в осаду Нюрнберг, являвшийся важным форпостом Штауфенов [6; 243]. Именно сюда привел свои войска и князь Собеслав. Однако Лотарь так и не сумел завладеть городом. Чешское войско разграбило окружающие земли вплоть до Дуная, и через десять недель было распущено. Неудача Лотаря под Нюрнбергом активизировала оппозицию, которая 18 декабря 1127 г. провозгласила королем Конрада III (антикороль 1127–1135, король 1138–1152), брата Фридриха Штауфена [7; 532].

Хотя после победы возле города Хлумец престиж Собеслава у большей части населения Чехии заметно возрос, он не сумел избежать конфликтов с отдельными Пршемьсловичами. В свои года (а тогда ему исполнилось приблизительно 40 лет) Собеславу необходимо было подумать о наследнике. За небольшим исключением (правление Святополка на протяжении 1107 – 1109 гг.) власть в Чехии удерживали представители «королевской», то есть Вратиславовой династии. Князь Собеслав стремился закрепить трон непосредственно за своими сыновьями. Между тем существовали определенные трудности: его первенец Владислав появился на свет вероятно в 1125 г., а Собеслав, Олдржих и Вацлав – ещё позже. Поэтому Собеслав решил, в первую очередь, парализовать возможных соперников [17; 223]. В 1126 г. он приказал взять под стражу своего племянника Бржетислава. Напомним, что отцом последнего был старший брат Собеслава – Бржетислав II. Через два года против Собеслава выступили некоторые члены семейного клана и оппозиционные лидеры знати, добивавшиеся освобождения Бржетислава. В результате, удельный князь Конрад II Зноэмский и другие участники заговора были арестованы, а в 1129 г. Собеслав лишил власти и выгнал из страны и брненского князя Вратислава [13; 607–612].

Со времени примирения в Мерзебурге Собеслав поддерживал дружеские отношения с императором Лотарем. Они еще более окрепли после того, как в 1128 г. Лотарь стал крёстным отцом Собеславового сына. При этом Лотарь пообещал передать своему крёстнику все ленные владения Генриха Гройчского (Будишин и другие имения). При необходимости чешский князь обязывался оказывать Лотарию военную помощь, в первую очередь, в его конфликтах с Штауфенами и антикоролем Конрадом III. В том же 1128 г. Собеслав предоставил Лотарию вооруженную силу для участия в осаде города Шпеер. Между тем, чешские воины были возвращены домой, не успев достигнуть нужного населенного пункта. Их присутствие на поле боя оказалось лишним, так как Шпеер после упорного сопротивления все же таки покорился Лотарию. Через два года в распоряжение

немецкого правителя Собеслав лично привел к Регенсбургу своих солдат, которые на обратном пути разграбили имена Конрада III [14; 105].

В начале 1132 г. Собеслав посетил Лотаря в Бамберге, где состоялись длительные конфиденциальные переговоры. К сожалению, об их содержании источники умалчивают. Между тем, внимание хронистов привлек тот факт, что в это же время в соседнем помещении королевского дворца проломился пол, и многие были искалечены. В августе 1132 г. Собеслав в качестве сопровождения для поездки в Фим на царскую коронацию предоставил Лотарю триста всадников под командованием своего племянника. Коронацию осуществлял 4 июля 1133 года папа Иннокентий II (1130-1143). Обряд проходил в латеранской базилике, а не в соборе св. Петра, как было принято, потому что главным римским храмом владел антипапа Анаклет II (1130-1138). Наконец, в 1136 г. чешское войско приняло участие во втором походе Лотаря на Рим. На этот раз его возглавлял другой племянник Собеслава – Владислав [7; 548-549].

По истечению некоторого срока после Бржетислава ареста Собеслав начал мягче обходиться с родственниками. Об этом свидетельствует последовательное реституционное перераспределение моравских земель. Осенью 1130 г. Вратислав снова получил Брненцину. В 1134 г. в Зноймо возвратился Конрад II. Дольше всего Собеслав удерживал Оломоуц, и лишь в 1135 г. он отдал этот удел Лупольду, сыну Борживоя II (отпрыск Оты II Черного неизменно проживал в эмиграции) [11; 18]. Что касается моравских княжичей, то по отношению к ним Собеслав постоянно выступал в качестве протектора и даже устраивал им браки. Таким образом, моравские Пршемысловичи попадали в русло его политической ориентации, которая в начале 30-х годов приобрела антипольский характер и, рядом с основной привязанностью к императору, была ориентирована на юго-восток. Опираясь на чешские источники, историки допускают, что в 1132 г. Вратислав Брненский не без активного участия Собеслава женился на княжне из Киевской Руси – дочери тербовольского князя Василья Ростиславича, имя которой осталось неизвестным и которая «своей красотой превзошла греческую Елену» [9; 215]. (Имеется ввиду дочь Зевса и Леды, красивейшая из женщин и одна из популярнейших героинь древнегреческого эпоса).

По содействию Собеслава был заключён брак Конрада II Зноемского с Марией, дочерью сербского короля Уроша I (около 1115-1131) и сестрой венгерской королевы. Этот престижный союз возвысил Конрада II над другими членами семейства. Его сближение с Собеславом было не случайным. Ведь перед Конрадом II Зноемским, как самым старшим после Собеслава представителем династии Пршемысловичей, открывались достаточно хорошие возможности занять пражский трон. В результате бесперспективное будущее ожидало Собеславовых детей, очередь которых на царствование откладывалась до следующих поколений Пршемысловичей, так как перед ними оказывались потомки Владислава I и Борживоя II. На моравские уделы сыны Собеслава не имели никаких законных прав. Это хорошо понимал Собеслав, когда, вероятно, во время свадьбы в Знойме (июнь 1134 г.) заключил с Конрадом неофициальное соглашение. Он пообещал передать Конраду II престол, если тот во время своего правления не будет преследовать его сыновей, а потом поможет им прийти к власти [17; 223].

Поискам стабильности в Чехии способствовало усиление конфронтации в отношениях с Польшей. На эти взаимосвязи существенно влияли, с одной стороны, симпатии или антипатии Собеслава и Болеслава III Кривоустого в отношениях к Арпадовичам, которые находились в состоянии междоусобной войны, а с другой – настороженная тревога Лотаря и саксонских герцогов по поводу успешного покорения польскими правителями Поморья.

В 1131 г. умер, не оставив наследников, венгерский король Иштван II. Согласно более ранним договоренностям на трон взошел его двоюродный брат и Собеславов шурин Бела II Слепой (1131-1125). Между тем, свои претензии на венгерскую корону выдвинул и сын давно умершего короля Кальмана (1095-1116) Борис (1113-1154) [3; 31]. Матерью

последнего была княжна Евфимия, дочь великого киевского князя Владимира Мономаха (1113-1125). Она вышла замуж за Кальмана в 1112 г. и стала его второй женой. Однако вскоре Калман обвинил Евфимию в неверности и выгнал из страны. Беременная Евфимия вернулась к отцу в Киев, где родился Борис. Достигнув совершеннолетия, Борис начал борьбу за венгерский престол [5; 170], в которой на первых порах его активным союзником выступал польский князь Болеслав III Кривоустый.

Именно Болеслав III Кривоустый в 1132 г. во главе своей армии сопровождал Бориса в Венгрию. На помощь Беле пришел его кузен Альберт, сын маркграфа баварской западной марки Леопольда. За Бела II заступился и Собеслав, который 18 октября 1132 г. вторгся в Силезию, с целью вынудить Болеслава Кривоустого отступить. На протяжении нескольких следующих лет чехи, а особенно мораване, еще несколько раз опустошали силезские земли, захватывая богатую добычу.

Тем временем Бела пожаловался на Болеслава Кривоустого немецкому императору. Заручившись протекцией Собеслава, его посланец Петр – епископ столичного Велеграда – успешно выполнил свою дипломатическую миссию у Лотаря. Немецкий правитель пообещал Беле II решить польско-венгерскую проблему в соответствии с рекомендациями Собеслава. Чешский летописец не забыл упомянуть богатые подарки, которые прислал императору венгерский король. Среди них особое внимание хрониста, в первую очередь, привлекли два белых коня, седла которых оценивались в 26 гривен золота [9; 218]. Польский князь был вынужден покориться воле императора.

Венгерско-польское противостояние закончилось в августе 1135 г. на сейме в Мерзбурге. Под патронатом Лотаря сюда лично прибыли Собеслав I и Болеслав III Кривоустый. Венгерский король прислал своих послов. По требованию императора Болеслав III Кривоустый пообещал, что впредь не будет поддерживать Бориса и признал правящего венгерского короля. Кроме того, польский князь принял в лен от Лотаря свои земли Рудану и Западное Поморье, а также обязался выплатить ему двенадцатилетний долг в сумме 5 000 гривен [8; 124]. В знак смирения Болеславу III Кривоустому пришлось в роли мещеносца вышагивать перед императором, сопровождая последнего в костел. Польский правитель подписал перемирие и с Собеславом. Однако реальные приятельские отношения между ними были возобновлены в 1137 г. во время встречи в Кладске. Возвращение к дружеским отношениям скрепили кумовством: сын и будущий наследник Болеслава Кривоустого окрестил Собеслава-вского младенца Вацлава [3; 228].

Активная международная политика не отвлекала Собеслава от домашних дел. Он снова занялся расчетами касательно наследования трона. В 1137 г. Собеслав отстранил от власти своего племянника – удельного князя Лупольда, которому два года перед этим по собственному желанию передал Оломоуц. На его место он посадил своего первенца Владислава. Последнему едва-едва исполнилось тринадцать лет. При этом Собеслав снова обошел законного наследника Оту III Детлеба. Именно ему как сыну Оты II Черного согласно закону принадлежали наследственные права на оломоуцкие земли. Планы Собеслава не пошатнула даже смерть Лотаря II, которая наступила 4 декабря 1137 г. [7; 551].

Таким образом, в начале правления Собеслава его отношения с Лотарем были чрезвычайно напряженными. Собеслав пришел к власти вопреки воле Лотаря, который желал посадить на пражский трон оломоуцкого князя Оту II Черного. В сражении возле городка Хлумец Собеслав разгромил войско Лотаря, вторгшееся на территорию Чехии и вынудил императора сесть за стол переговоров. Несмотря на то, что Собеслав в полной мере владел ситуацией, он не пожелал усугублять конфликт с немецким властителем и добровольно принял чешские земли в лен. Такое дальновидное решение и дальнейшая поддержка Лотаря позволили избежать вмешательства империи во внутренние дела Чехии. После того, как в 1130 г. Собеслав раскрыл и беспощадно разгромил заговор вельмож, ему удалось избежать династического кризиса и стабилизировать княжескую власть. Соперничество между Прше-

мысловичами, облегчавшее выступление аристократии, сменилось сильной единоличной властью. Систематическое нарушение политического равновесия, которое в государственном механизме Чехии поддерживалось наличием моравских земельных уделов, и сосредоточение всей власти в руках Собеслава, естественно, бесполоило чешскую шляхту. Однако поддержка Лотаря позволяла Собеславу игнорировать ее мнение и принимать самостоятельные решения в вопросах внутренней политики Чешского государства.

1. Егер О. Средние века (Всемирная история, Т. 2). – СПб., 1997.
2. Жемличка И., Марсина Р. Возникновение и развитие раннефеодальных централизованных монархий в Центральной Европе (Чехия, Польша, Венгрия) // Ранне-феодальные государства и народности (южные и западные славяне. VI-XII вв.). – М., 1991.
3. История Венгрии: В 3 т. – М., 1971. – Т. I.
4. Краткая история Чехословакии. С древнейших времен до наших дней. – М, 1988.
5. Літопис руський / Пер. з давньорус. Л. С. Махновця. – К., 1989.
6. Рыжов К. В. Все монархи мира. Западная Европа. – М., 2001.
7. Bláhová M., Frolík J., Profantová N. Velké dějiny země Koruny české. – Praha-Litomyšl, 1999. – Svazek I, Do roku 1197.
8. Historia diplomacji Polskiej / Pod. red. Mariana Biskupa. –Warszawa, 1982. – Tom I. Połowa X w. – 1572.
9. Kanovník Vyšehradský // Fontes rerum Bohemicarum. Prameny dějin českých / Ed. J. Emler. – Praha, 1874. – Dil II. Kosmův letopis český s pokračovateli. – Svazek 1.
10. Kosmův letopis český // Fontes rerum Bohemicarum. Prameny dějin českých / Ed. J. Emler. – Praha, 1874. – Dil II. Kosmův letopis český s pokračovateli. – Svazek 1.
11. Krzemieńska B. Moravští Přemyslovci ve znojenské rotundě. – Ostrava, 1985.
12. Mních Sázavský // Fontes rerum Bohemicarum. Prameny dějin českých / Ed. J. Emler. – Praha, 1874. – Dil II. Kosmův letopis český s pokračovateli. – Svazek 1.
13. Novotný V. České dějiny. – Praha, 1913. – Dílu I. Část II. Od Břetislava I. do Přemysla I. (1034-1197).
14. Palacký F. Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě dle původních pramenů. – Praha, 1921.
15. Urban O. České a slovenské dějiny do roku 1918. Vydání druhé. – Praha, 2000.
16. Válka J. Věrnosti a zrady Moravanů // Dějiny a současnost. Kulturně historická revue. – 2003. – Ročník XXV. – № 3.
17. Zemlička J. Čechy v době knížecí (1034-1198). – Praha, 1997.

Иоффе Э. Г. (г. Минск, БГПУ им. М. Танка)

ГИТЛЕРОВСКОЕ РУКОВОДСТВО И ХОЛОКОСТ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

9 мая 2005 года народы всего мира будут отмечать 60-летие Великой Победы над германским нацизмом и фашизмом. Наш народ сохранил в своей памяти не только имена освободителей, но и представителей гитлеровского руководства, тех, кто виноват в огромных жертвах населения Беларуси, кто оставил свой кровавый след на белорусской земле, кто всячески способствовал реализации политики "окончательного решения еврейского вопроса" на территории Беларуси.

Кроме Адольфа Гитлера, я имею в виду руководителей СС Генриха Гиммлера и Рейнгарда Гейдриха, рейхсминистра Альфреда Розенберга, военачальников Вильгельма Кейтеля и Гюнтера фон Клюге.

Самой одиозной фигурой на политическом Олимпе нацистской Германии, человеком, создавшим зловещую империю СС – преступную организацию, безжалостно истреблявшую целые народы, был Генрих Гиммлер. Именно он являлся руководителем

карательного аппарата Германии, единственным в стране рейхсфюрером СС. Кроме того, Гиммлер был рейхслейтером, министром внутренних дел, главнокомандующим армией резерва и начальником вооружений сухопутных войск, командующим группой армий "Висла". После Гитлера Гиммлер был самой зловещей фигурой "Третьего рейха".

Уже с первых месяцев войны территорию Беларуси стали посещать многие руководители "Третьего рейха". Мало кому известно, что Гиммлер прилетал в Минск. Это произошло 14-15 августа 1941 года [4; 260]. Здесь рейхсфюрер СС посетил Артура Небе, командовавшего айзатцгруппой "В".

Незадолго до визита Гиммлера Небе сообщил рейхсфюреру СС о 37 810 казнённых. Группенфюрер СС Артур Небе встретил Гиммлера и сопровождавшего его начальника личного штаба рейхсфюрера СС – обергруппенфюрера СС Карла Вольфа в минском аэропорту и отвез их в свою штаб-квартиру, где их уже ждали офицеры айзатцгруппы [13; 324].

О чём точно говорилось на встрече Гиммлера и Небе, к сожалению, неизвестно, но, по словам Вольфа, визит проводился в рамках выполнения приказа Гитлера об усилении борьбы с партизанами. И ещё. По циркуляру Г. Гиммлера от 3 августа 1940 года на А. Небе было возложено руководство поимкой бежавших военнопленных. Фотограф запечатлел рейхсфюрера СС, посетившего лагерь военнопленных в Минске на улице Широкой.

Ещё раньше, узнав, что в Минск собирается приехать рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, гауляйтер "Белоруссии", Вильгельм Кубе решил порадовать высокого гостя красивым, захватывающим зрелищем и одновременно продемонстрировать хорошо отлаженную, чётко работающую систему уничтожения целых рас. Вместе с руководителем эсэсовской айзатцгруппы "В" бригадефюрером СС Артуром Небе он разработал подробный сценарий расстрела 100 евреев из Минского гетто. Поэт-драматург гауляйтер Кубе и ветеран СС, автор солидного учебника по криминалистике Небе, как говорится, "вложили душу" в разработку данного сценария.

К удовлетворению Кубе, главарь профессиональных убийц, эмблемой которых была мёртвая голова, охотно принял предложение да ещё пригласил с собою высшего руководителя СС и полиции в Центральной России обергруппенфюрера СС Эриха Юлиуса Эбергарда фон дер Бах-Зелевски, штаб-квартира которого тогда находилась в белорусском городе Могилеве.

В то же время сам рейхсфюрер СС хотел лично разобраться в методах массовых расправ, вызвавших в очередной раз жалобы армии. В ходе своей инспекционной поездки Гиммлер остановился в городе и решил поприсутствовать на очередной казни узников Минского гетто.

Гиммлер упивался эффектной картиной казни ставших ненужными, непригодными к работе узников гетто, любовался слаженными, до автоматизма отработанными действиями здоровенных эсэсовцев, настоящих арийцев.

В свою очередь Карл-Вольф утверждал, что всё получилось случайно: почти сразу после речи Гиммлера перед высшими офицерами айзатцгруппы "В" им сообщили о предстоящей казни "сотни еврейских шпионов и саботажников", и рейхсфюрер СС решил присутствовать на ней. "Хорошо, что я смогу хоть раз увидеть всё сам", – сказал он. По утверждению Вольфа, до этого дня Гиммлеру никогда не приходилось наблюдать, как убивают человека [13; 324].

Всё шло чётко, строго по сценарию. И никто, разумеется, не ожидал, что Гиммлер "оплошает": ему стало плохо от вида льющейся крови и от того, что две еврейки были только ранены, а не убиты сразу. Когда рейхсфюрер СС, по приказу которого производились эти массовые убийства, увидел, как падают несчастные, включая и женщин, как продолжают они шевелиться и слабыми голосами звать на помощь, Гиммлер утратил вдруг свою вошедшую в поговорку бесстрашность и пришел в полубоморочное состояние.

Он накричал на эсэсовцев, обвинил их в плохой стрельбе и, трясясь в истерике, чуть было не грохнулся на землю, но его ловко подхватил на руки начальник его личного штаба Карл Вольф. Он же помог своему шефу добраться до роскошного "хорха" с номером "СС-1", который в сопровождении охраны сразу же устремился к вокзалу, где Гимmlера ожидал личный бронепоезд.

Вскоре для уничтожения людей стали применять "газовые" машины (душегубки-автофургоны), в которые вмещались 60-70 человек и где людей умерщвляли выхлопными газами. В январе 1942 года в Минск уже прибыли две "душегубки", которые использовались ежедневно 4-5 раз.

Именно Генрих Гимmlер отдал приказ об уничтожении Пинского гетто. На Нюрнбергском процессе цитировался приказ Гимmlера от 27 октября 1942 года о ликвидации гетто в Пинске. В нём говорилось:

"Главному начальнику СС и полиции Украины обергруппенфюреру СС и генералу полиции Приюцману. Главный штаб вермахта доложил мне, что гиния Брест-Гомель всё ещё подвергается нападениям банд, что вызывает осложнения в снабжении фронтовых частей.

На основании имеющихся у меня донесений можно считать, что центральной базой бандитского движения в болотах Припяти является Пинское гетто.

В связи с этим приказываю вам, невзирая на соображения экономического характера, немедленно ликвидировать Пинское гетто..." [9; 2027].

21 июня 1943 года рейхсфюрер СС подписал совершенно секретный приказ о ликвидации всех гетто в рейхскомиссариате "Остланд". В нём говорилось:

1. Главному начальнику СС и полиции Остланда.

2. Начальнику главного хозяйственно-административного управления СС.

1) Приказываю, чтобы все евреи, еще оставшиеся в гетто, расположенных на территории Остланда, были собраны в концентрационные лагеря.

2) С 1 августа 1943 года запрещаю евреям работать за пределами концентрационных лагерей.

4) Жители гетто, в которых нет необходимости, подлежат эвакуации на Восток.

6) Дата реорганизации концентрационных лагерей – 1 августа 1943 года. Гимmlер" [9; 2003].

Среди самых одиозных фигур «Третьего рейха» был обергруппенфюрер СС и генерал полиции Рейнгард Тристан Ойген Гейдрих.

С апреля 1934 года он занял кресло шефа центральной службы гестапо, а с сентября 1940 года возглавил Главное управление имперской безопасности (РСХА) и стал правой рукой другого одиозного палача – рейхсфюрера СС Генриха Гимmlера. С сентября 1941 года Гейдрих был фактическим имперским протектором Богемии и Моравии, возглавив весь аппарат на территории протектората.

На его похоронах Адольф Гитлер возложил на могилу венок и сказал, что "Гейдрих был одним из величайших защитников нашего великого германского идеала, человек с железным сердцем".

Именно на Гейдриха лично Гитлером и Гимmlером было возложено задание истребить евреев во всей Европе и во всем мире – так называемое "окончательное решение еврейского вопроса". На специальной Ванзейской конференции 20 января 1942 года, созванной по его инициативе и проходившей под его председательством, было принято решение о срочном уничтожении 11 миллионов евреев всей Европы. Хотя Гейдрих и не говорил явно об умерщвлении евреев, а только о выселении их на восток; сам Эйхман признал, что речь шла о кодированном названии кампании физического истребления. Гимmlер увлекался такими обозначениями и выдумал пресловутое понятие "особое обращение", что на деле означало умерщвление. После конференции остались трое: Гейдрих, Мюллер и Эйхман, которые за бутылкой коньяка обсуждали вопрос о том, как действовать: расстреливать евреев или же отравлять газом.

В директиве Гейдриха начальникам СС и полиции на оккупированных территориях СССР от 2 июля 1941 года были такие строки:

"Совершенно секретно.

...4) Экзекуции

Все нижеследующие лица подлежат экзекуции:

- сотрудники Коминтерна, как и все профессиональные коммунистические деятели;
- сотрудники высшего и среднего ранга, а также наиболее активные сотрудники низшего ранга в партии, Центральном комитете, областных и районных комитетах;
- народные комиссары;
- евреи – члены партии и занятые на государственной службе, а также прочие радикальные элементы (диверсанты, саботажники, пропагандисты, снайперы, убийцы, поджигатели и т. п.)» [1; 1].

Вскоре после Ванзейской конференции Гейдрих решил посетить "генеральный округ Белоруссия", который возглавлял Вильгельм Кубе. Поездка держалась в строжайшем секрете и не нашла отражение в официальных документах. Именно поэтому до сих пор существуют разные сведения о точном времени его визита в Минск.

По мнению израильских историков – авторов книги "Минск – город и мать", Рейнгард Гейдрих посетил Минск 3 марта 1942 года [6], т. е. на следующий день после погрома 2 марта 1942 года в Минском гетто.

Авторитетный немецкий ученый-историк Кристиан Герлах в монографии "Калькуляция смерти" утверждает, что это произошло в конце марта - начале апреля 1942 года [3; 694].

Р. Гейдрих встречался в Минске с руководителем СС и полиции в Генеральном округе "Белоруссия", одним из организаторов нацистского террора на территории Беларуси, бригаденфюрером СС и генерал-майором полиции Карлом Ценнером и начальником управления полиции безопасности и службы безопасности (СД) доктором права, оберштурмбанфюрером СС Эдуардом Штраухом.

Разговор с ними шел о новых эшелонах с евреями из Западной и Центральной Европы, о территории смерти в Тростенце, главным образом, о расширении Тростенецкого лагеря смерти. Затрагивались также вопросы об обеспечении "Третьего рейха" оstarбайтерами ("восточными рабочими") и о наиболее "эффективных" методах борьбы с противниками нацистского режима на территории Беларуси.

После посещения Рейнгардом Гейдрихом Минска с мая 1942 года в этот город, а точнее – в Тростенецкий лагерь смерти потянулись новые эшелоны евреев из Германии, Австрии, Чехословакии и других европейских стран, которые нашли здесь свою смерть. "Заработала на полную мощность" территория смерти Тростенец, включающая деревни Большой и Малый Тростенец, урочища Благовщина и Шашковка.

Одним из главных нацистских военных преступников был Альфред Розенберг. Будучи одним из первых членов нацистской партии, а с 1923 года главным редактором её центрального органа – газеты "Фелькишер беобахтер", он долгие годы являлся одним из самых ближайших соратников Адольфа Гитлера. Один из идеологов германского фашизма А. Розенберг, автор печально знаменитой книги "Миф XX века" был рейхслейтером, обергруппенфюрером СА. Этот человек разрабатывал теорию "расы господ", проповедовал антикоммунизм, расизм и милитаризм.

17 июля 1941 года на основании указа Гитлера "О гражданском управлении в оккупированных восточных областях" под руководством Розенберга было сформировано Имперское министерство по делам оккупированных восточных территорий. Ему подчинялись рейхскомисариаты, в том числе "Остланд" и "Украина", куда входило большинство белорусских земель.

На Нюрнбергском процессе цитировался меморандум А. Розенберга "Указания к разрешению еврейского вопроса", относящийся к 1941 году. В нём говорилось:

"...Первой основной целью немецких мер, проводимых в этом вопросе, должно быть строжайшее отделение евреев от остального населения. При проведении этой меры, прежде всего, нужно проводить захват еврейского населения путем введения приказа о регистрации и подобных ей мер.

Все права на свободу должны быть отняты у евреев, они должны помещаться в гетто и в то же время должны быть разделены согласно полу. Наличие целых еврейских общин и поселений в Белоруссии и Украине делает это особенно простым. Более того, следует избирать места, где будет удобнее применять еврейскую рабочую силу в том случае, если будет потребность в ней. Эти гетто могут быть помещены под командование еврейского самоуправления, с еврейскими чиновниками. Однако охрана этих гетто и отделение их от остальной местности должны быть поручены полиции. Также в тех случаях, когда ещё нельзя создать гетто, следует проследить, чтобы были введены суровые меры, которые запрещали продолжение смешения крови между евреями и остальным населением" [11; 856].

О жизни и деятельности этого нацистского преступника написано немало. Но в данных работах почти ничего не говорится о пребывании Розенберга в Беларуси, а точнее – в Минске. Это произошло в мае 1942 года.

Дело в том, что "Министерство по делам оккупированных восточных территорий" решило провести земельную реформу на территории, которая принадлежала СССР до 17 сентября 1939 года. В декрете Розенберга от 15 февраля 1942 года на этот счёт предусматривалось преобразовать колхозы в совместные хозяйства, а позже поделить землю и инвентарь и создать индивидуальные хозяйства, которые бы объединялись в так называемые крестьянские кооперативы. Эта кампания была рассчитана не только на рост производительности труда и продовольственных поставок, но и на достижение приверженности крестьянства оккупационному режиму и поэтому имела важное политическое значение.

Главной целью визита А. Розенберга в Минск было ознакомление на месте с претворением в жизнь земельной реформы на территории генерального округа "Белоруссия", которым руководил Вильгельм Кубе. Одновременно с этим рейхсминистр интересовался ходом "окончательного решения еврейского вопроса" в генеральном округе "Белоруссия". По некоторым данным, он посетил Минское гетто.

В отчёте о боевой деятельности унтершарфюрера СС Арльта за период с мая по июль 1942 года есть такие строки: "30.5. – Рейхминистр Розенберг посетил Минск. Его безопасностью обеспечивали эсэсовцы" [5; 227-220].

Генерал-фельдмаршал Вильгельм Бодевин Иоганн Густав Кейтель был нацистским военным преступником, военным деятелем Германии, начальником штаба Верховного главнокомандования вермахта, ближайшим военным советником Гитлера. Сегодня уже не надо доказывать активную роль вермахта в проведении Холокоста.

В специальном распоряжении № 1 начальника штаба Верховного главнокомандования вермахта Вильгельма Кейтеля к директиве № 21 от 19 мая 1941 года говорилось:

"1. Большевизм является смертельным врагом немецкого национал-социализма, поэтому Германия должна бороться против этой разрушительной идеологии и её носителей.

2. Эта борьба требует строгих и решительных мер против большевистских агитаторов, партизан, саботажников и евреев, а также тотального подавления любого активного или пассивного сопротивления" [7; 153].

Совершенно секретный приказ Кейтеля от 12 сентября 1941 года гласил:

"Евреи на оккупированных восточных территориях»

...Борьба против большевизма требует принятия безжалостных и энергичных действий, в первую очередь, против евреев как главных носителей большевизма.

Таким образом, не может быть никакого сотрудничества между вермахтом и еврейским населением, которое занимает позицию, явно или скрыто враждебную Германии, и не может

быть никакого использования отдельных евреев с целью оказания вермахту каких-либо услуг. Военными органами ни при каких обстоятельствах не могут быть выданы евреям документы, удостоверяющие, что их владельцы заняты на работах для нужд вермахта.

Единственное исключение, которое может быть сделано – это использование евреев в специально организованных рабочих колоннах, которые будут работать только под немецким надзором.

Необходимо довести этот приказ до сведения армии" [10; 3292].

Мало кому известно, что Вильгельм Кейтель был в Беларуси, в городе Борисове. Это произошло 3-4 августа 1941 года, во время пребывания там Гитлера [12; 358-359]. Есть все основания полагать, что Кейтель одобрил активные действия вермахта в уничтожении белорусских евреев.

Довольно мрачную славу оставила о себе в июне-августе 1941 года на белорусской земле 4-я немецкая армия. С начала Великой Отечественной войны и до середины декабря 1941 года этой армией командовал генерал-фельдмаршал Ганс Гюнтер фон Клюге. После захвата Минска 28 июня 1941 года войсками 3-й и 2-й танковых групп Клюге разместил в столице Беларуси штаб своей армии. Мало кому известно, что именно по его распоряжению в начале июля 1941 года вблизи Минска, в Дроздах был создан один из первых концлагерей на территории Беларуси [2; 179]. За колючей проволокой под открытым небом почти без пищи и воды на площади, равной берлинскому Вильгельмплацу, содержалось 100 тысяч советских военнопленных и 40 тысяч гражданского населения. В эти 40 тысяч человек входило почти всё мужское население Минска (взрослые и подростки). Условия пребывания в этом лагере были самые ужасные, нечеловеческие. Охрану заключенных осуществляли два батальона 286-й охранной дивизии, которые по малейшему поводу стреляли и убивали узников лагеря в Дроздах. Кроме того, в лагере бесчинствовали служащие тайной полевой полиции и зондеркоманды 7а и 7б айнзатцгруппы "В", которые следовали за наступающими войсками вермахта. Только за короткий срок – до 13 июля 1941 года ими было выявлено и расстреляно 1 050 евреев Минска [8; 86].

Таким образом, представители гитлеровского руководства Гиммлер, Гейдрих, Розенберг, Кейтель и Клюге были не только идеологами "окончательного решения еврейского вопроса", но и практиками проведения Холокоста на территории Беларуси в 1941-1944 годах.

1. Архив Яд ва-Шем (Иерусалим). О - 4/53.
2. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. В 3-х т. Т. 1. - Мн., 1983. С. 179.
3. Gerlach Christian. Kalkulierte Morde: die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weissrussland 1941 his 1944. Hamburg, 1999.
4. Zimmermann Michael. Rassenutopie und Genozid. Die nationalsozialistische @Losung der Zidenerfrage@. Hamburg, 1996.
5. Kolh Paul. Ich wundere mich, da ich noch lebe. Guterloh, 1990. Перевод с немецкого.
6. Минск - город и мать. Т. 2. Иерусалим, 1985 (на иврите).
7. Muller Norbert. Deutsche Besetzungspolitik in der UdSSR. 1941-1944. Dokumente. Kolin, 1980.
8. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 948.
9. Национальный Институт Памяти жертв нацизма и героев Сопротивления Яд ва-Шем (Иерусалим). Документы, относящиеся к процессу над главными нацистским военными преступниками, проходившему в Нюрнберге. NO.
10. Там же. NOKW.
11. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. 1. М., 1954.
12. Откровения и признания нацистская верхушка о войне "третьего рейха" против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. Пер. с немецкого. Составитель и переводчик Г. Я. Рудой. Смоленск, 2000.
13. Пэдфилд П. Рейхсфюрер СС. Смоленск, 2002.

ПОЛИТИКА НЕМЕЦКИХ ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К УНИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

В период первой мировой войны немецкие власти не проводили сколько-нибудь выраженной политики по отношению к унии на белорусских землях, что во многом было связано с тем, что в этот период католическая церковь не вела активной миссионерской работы на этой территории. Известно, что в документах, выдаваемых немецкими властями в графу «вероисповедание», по желанию верующих, вписывалось «греко-католик».

В период второй мировой войны на территории Беларуси во время немецкой оккупации активизировала свою деятельность униатская церковь, центр которой находился в Львове. Немецкие власти были вынуждены выказать по этому поводу ту или иное отношение. Для раскрытия причин, обусловивших специфику политики немецких властей по отношению к унии, необходимо рассмотреть основные вехи организации и деятельности на белорусских землях униатской церкви во время второй мировой войны.

В 1940 г. Пий XII назначил священника Аьбертинского иезуитского новициата доктора Антона Неманцевича экзархом греко-католической церкви в Белоруссии [1; 57].

В течение 1941 г. Антон Неманцевич не проявлял активности как экзарх, и лишь 5 января 1942 г. обратился в Генеральный комиссариат Минска с просьбой легализовать его статус [2; 78]. Антон Неманцевич имел основания не опасаться отрицательного отношения со стороны оккупационных властей, ибо вскоре после вторжения немцев, экзарх в ожидании утверждения своих полномочий писал генеральному комиссару Белоруссии: «Как священнослужитель и белорус, выражаю свою признательность и благодарность Германии. Наше освобождение от большевизма оплачено кровью немецких солдат, их трудом и множеством жертв. В своих ежедневных молитвах я выражаю благодарность великой Германии и её солдатам. Каждый день в литургии я молюсь за погибших немецких солдат, чтобы бог вознаградил их за жертвы и труд (3. 1. 1942)» [1; 57].

4 марта 1942 г. немецкий генеральный комиссариат признал полномочия Антона Неманцевича [1; 57], а 16 марта 1942 г. выдал разрешение экзархату на легальную деятельность [3; 228].

Имея разрешение, прежде чем развернуть деятельность, экзарху необходимо было решить несколько деликатных вопросов. До этого времени восточно-католические приходы на белорусских землях были под юрисдикцией католических епископов латинского обряда. Экзарх лично обратился к каждому епископу с просьбой передать католиков восточного обряда в свою юрисдикцию. Антон Неманцевич начал эти попытки с Виленского митрополита, который передал восточно-католические приходы своей епархии в Белорусский экзархат без возражений. Пинский епископ Казимир Букраба в то время жил во Львове. Когда удалось завязать с ним контакт, он также без возражений передал все восточно-католические приходы своей епархии Белорусскому экзархату. Что касается Подляшской епархии, то после смерти епископа Генриха Пшездзецкого в 1939 г. новый епископ для этой епархии на тот момент так и не был назначен, поэтому судьба восточно-католических приходов в ней осталась нерешённой [4; 52].

5 апреля 1942 г. Антон Неманцевич издал пасторский лист с обращением к белорусскому народу.

Барановичская «Белорусская газета» дважды опубликовала извещение об экзархате. В начале мая 1942 г. появилась статья о создании «Белорусской Греко-Католической Церкви», а в конце мая сообщалось, что 2 мая 1942 г. была создана Рада Экзархата, а 3 мая – Духовный Суд. Газета отмечала, что в экзархате деловым языком и языком проповедей является исключительно белорусский язык. Сообщение об Экзархате появи-

лось и в «Берлинской газете», его потом перепечатала берлинская газета «Утро» в номерах 18 (82) и 23 (87) [4; 52].

Есть все основания предполагать, что первоначально немецкие власти относились благосклонно к деятельности униатской церкви на белорусских землях. Униатская церковь отвечала им взаимностью, действовала в русле социальной и национальной политики, проводимой оккупационными властями. Поскольку белорусский экзархат подчинялся Львовскому митрополиту Андрею Шептицкому, то на его территории были правомочны все документы, изданные последним. Львовский митрополит санкционировал труд на немцев не только в будни, но и в воскресенье. В мае 1942 г. руководством униатской церкви, вопреки канонам христианской религии, было издано распоряжение № 1903. В нём давалось «разрешение» работать в поле «в воскресенье после службы Божьей, отправленной раньше, например, в 8 часов» [5; 24]. Андрей Шептицкий чуть позже разрешает униатским священникам служить литургию не днём, а вечером, чтобы не отвлекать крестьян от работы на немцев [6; 29]. 1 августа 1942 г. Львовский митрополит обратился к пастве с новым посланием, в котором дал указание работать и в религиозные праздники Преображения Господня и Успения Пресвятой Богородицы. «Пользуясь этим случаем, – писал митрополит, – призываю духовенство и верующих усердно выполнять не противные Божьему Закону распоряжения властей..., с учётом потребностей полевого хозяйства работать в воскресенье и праздники». Далее митрополит в категорической форме потребовал от подчинённых ему священнослужителей «личным примером» и «советом», влиять на своих прихожан, чтобы они полностью выполнили требуемые немцами «обязательства о сдаче контингентов в установленные сроки» [5; 25].

С момента легализации Антон Неманцевич активизировал деятельность, сделал несколько попыток сотрудничества с католическими структурами латинского обряда. Например, он просил ежедневно молиться за экзархат сестёр скриток [4; 53]. На повестку дня в связи с началом работы встал ряд вопросов: организация духовной консистории, организация духовной семинарии, издание богослужебных книг, организация религиозной прессы и др. Большинство из них так и осталось нерешёнными. Из-за недостатка духовенства организационную работу выполнял сам экзарх. Это вынуждало его часто путешествовать, но как раз тогда для невоенных лиц перемещение было очень ограничено. Чаще всего приходилось пользоваться какими-либо надуманными поводами для поездок.

Во время своих путешествий Антон Неманцевич посещал белорусских деятелей, а в Альбертине был в постоянном контакте с местным белорусским активом и санкционированными оккупационными властями белорусскими организациями. Когда в Слониме появился отдел Белорусской Самопомощи, руководители отдела старались деятельно помогать экзарху в границах своих возможностей: пересылали его письма своими курьерами вместе со своей корреспонденцией, временами ходатайствовали перед немецкими властями о текущих делах экзархата [4; 52].

Частые поездки Антона Неманцевича не вызывали большого энтузиазма со стороны оккупационных властей. В результате доносов и интриг представителей конкурирующих религиозных организаций, гестапо начало следить за каждым шагом Антона Неманцевича. Экзарх хотел встретиться с Андреем Шептицким и делал попытки получить пропуск на путешествие во Львов поездом. Немецкая власть, вероятно, решила использовать это путешествие в своих целях, и вместо пропуска на железную дорогу, выдала экзарху разрешение на поездку во Львов и, якобы как проявление «благосклонности», машину с немецким шофёром. Отказываться было невозможно, так как это означало бы проявление недоверия, а результаты такого поведения были известными. Экзарх принял предложение о путешествии автомобилем и в июле 1942 г. отбыл.

Путешествие во Львов заняло без малого две недели, но большого значения не имело. Митрополит Андрей Шептицкий мог поделиться только вестями об антикатолических шагах нацистов. Украинский греко-католический экзарх был вынужден покинуть Киев, деятельность митрополита везде была ограничена.

Сразу после путешествия во Львов немецкое гестапо постановило уничтожить экзарха, однако, не имея никаких фактов для какого-либо, хотя бы фиктивного, обвинения, решило ликвидировать его скрытно. В начале августа 1942 г. перед воротами Альбертинского монастыря остановилась автомашина с гестаповцами. Они ворвались в монастырь и «попросили» Антона Неманцевича поехать с ними в Слоним. Ему не разрешили взять с собой никаких вещей, потому что «зачем брать, когда он быстро вернётся; это его зовут для какого-то быстрого пояснения». Однако, вместо быстрого возвращения в Альбертин, Антона Неманцевича спешно высылают в Минск, но в Минске он оставался недолго, потому что в тюрьме только один раз взяли посылку на его имя.

Вместо обещанного освобождения экзарха, немецкое гестапо в срочном порядке проводило полную ликвидацию экзархата. Когда в конце сентября 1942 г. в Альбертине появился один из заместителей экзарха, чтобы временно обслуживать местный приход, то в Слонимском гебитскомиссариате ему было приказано немедленно вернуться «туда, откуда приехал» [4; 53]. За невыполнение приказа ему угрожали недвусмысленной «строгой карой».

Через несколько недель после этого в Германию вывезли большую часть Альбертинских прихожан и учителей Альбертинской школы, а церковь закрыли [4; 54]. Альбертинский монастырь был разогнан, приход ликвидирован, а заместитель экзарха Лев Горошко вынужден был заняться педагогической деятельностью в медицинской школе в Барановичах [3; 229].

До конца пребывания немецкой армии на белорусских землях униатская церковь не действовала.

Чем же было обусловлено изменение отношения немецких оккупационных властей к униатской церкви? Ведь какого-либо изменения в её национальной, политической или социальной ориентации не произошло.

Однозначный ответ на этот вопрос могут дать только новые исследования.

1. Католицизм в Белоруссии: традиционализм и приспособление / Е. С. Прокошина, К. К. Койта, Т. П. Короткая и др. Под ред. А. С. Майхovichа, Е. С. Прокошиной. – Мн.: Наука и техника, 1987.
2. Туронак Ю. Міжваенная ўнія у Заходняй Беларусі // Спадчына. – 1992. – № 5.
3. Канфесія на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / В. В. Грыгор'ева, У. М. Завальнюк, У. І. Навіцкі, А. М. Філатава; навук. рэд. У. І. Навіцкі. – Мн.: ВП «Экаперспектыва», 1998.
4. Гарошка Л. Айцец Антон Неманцевіч // Божым шляхам. – 1956. – № 70-75.
5. Дмитрук К. Е. С крестом и трезубцем. – М.: Политиздат, 1979.
6. Галан Я. З крыжам ці з нажом. – Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва БССР, 1954.

Ярмусик Э. С. (Гродно, ГрГУ им. Янки Купалы)

ПОЛОЖЕНИЕ КАТОЛИЧЕСКОГО КОСТЁЛА В ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ БЕЛОРУССИИ ВО ВРЕМЯ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ (1941–1944 ГГ.)

К концу лета 1941 года территория Белоруссии была оккупирована немцами. «Новый порядок», который стал насаждаться с первых дней оккупации, коренным образом изменил религиозную жизнь и положение католического Костёла. Конфессиональная политика гитлеровских властей на оккупированных землях зависела от многих факторов – как общих установок национал-социалистов в отношении к религии и церкви, так и местных условий – политических, национальных, религиозных и других.

Сказывалось наличие и активность националистических группировок, которые стремились использовать религиозный фактор в своих интересах. В генеральном округе Белорутения, где до войны большевики уничтожили Костёл и духовенство, на религиозную жизнь – как православных, так и католиков – сильное влияние оказывала группа белорусских националистов. Стремясь ликвидировать польское влияние, они предпринимали попытки белорусизации Костёла и создания самостоятельной белорусской костельной администрации, окончившиеся, однако, безрезультатно [1, 07–128].

Иной была ситуация в западных областях Белоруссии. За межвоенный период (1921–1939 гг.) Костёл при поддержке польского правительства значительно укрепил свои позиции. Большевики не сумели за короткий срок (сентябрь 1939 – июнь 1941 года) его уничтожить, хотя Костёл и духовенство подвергались преследованиям [1, 34–64].

Эти просчеты советской власти первоначально были гитлеровцами использованы в своих целях. На первых порах, желая завоевать доверие местного населения, они разрешили открывать ранее закрытые большевиками костёлы, церкви, беспрепятственно проводить богослужения. В западных областях Белоруссии духовенство приступило к обучению детей и подростков религии, воспитанию их в религиозном духе.

Однако период свободы продолжался относительно недолго. Постепенно наступали ограничения, свидетельствующие об изменении отношения гитлеровцев к Костёлу.

Запрещалась благотворительная деятельность Костёла. Так, в Гродно в августе 1941 года был создан «Гражданский комитет помощи жертвам войны». Он оказывал материальную поддержку нуждающимся независимо от национальности и вероисповедания. Однако активность комитета стала беспокоить власти города, и в начале октября он был распуцен [2, л. 29].

За «укрытие продуктов питания и предметов потребления», которые тайно собирались ксендзами Гродненского деканата Антоном Яскельдом и Антоном Гридгордом из д. Рогозница, оба духовных лица в марте 1943 года были вывезены в концлагерь [3, лл. 36, 37, 44].

По сравнению с Православной Церковью, католический Костёл вызывал у гитлеровцев наибольшие опасения. Причин тому несколько. Во-первых, католические идеи противоречили духу и букве нацизма; во-вторых, центр католического Костёла – Ватикан оставался для гитлеровцев врагом № 4; в-третьих, в западных областях [бывшие польские области, как они нередко именовались в немецких документах – Э. Я.] сильным было польское движение Сопротивления, тесно связанное с Костёлом. Поэтому гитлеровцы считали, что «католическую церковь нужно сдерживать, а православной оказывать поддержку» [5, лл. 19–20]. В силу этого и католический Костёл, и его духовенство находились постоянно под пристальным вниманием гитлеровских оккупационных властей и их спецслужб.

В ноябре 1941 года церковнослужители всех конфессий проходили обязательную регистрацию в окружных комиссариатах. Разрешение на дальнейшую деятельность выдавалось гебитскомиссарами с санкции генерального комиссара только после проверки личности ходатайствующего и установления его происхождения и национальной принадлежности; а также лояльного отношения к немцам. В сопроводительных документах гебитскомиссары нередко делали приписку о нецелесообразности выдачи разрешения на богослужения ксендзам-полякам и просили отклонить ходатайства [6, л. 2].

19 июня 1942 года рейхскомиссар Остланда Генрих Лозе подписал постановление о правовом статусе религиозных организаций на оккупированной территории. Оно предусматривало условия и порядок обязательной регистрации существующих и создания новых религиозных обществ. В руководящий состав не могли входить лица, подозреваемые в политической неблагонадежности. Деятельность религиозных обществ ограничивалась исключительно выполнением религиозных задач [7, л. 40]. Постановление фактически ставило религиозные общества в разряд обычных организаций, которые находились под надзором оккупационных властей и подчинялись их предписаниям.

Гитлеровцы игнорировали исторически сложившееся административно-костельное деление, полагая, что оно должно совпасть с административно-территориальным, а духовные потребности населения «должны обслуживаться священниками родственной им национальности» [8, 001182-001186].

Проведенное гитлеровцами новое административно-территориальное деление привело к тому, что Виленский архидиоцез, в состав которого входили Костёлы и деканаты западнобелорусских областей, вошел в состав трех территориальных единиц: рейхско-миссариата Литва, округа Белосток и генерального округа Белорутения [9, л. 16].

Правовое положение Костёла в каждом из округов, на которые была разделена территория Белоруссии, зависело во многом от того, кто возглавлял округ, какие политические силы здесь группировались и в какой мере хотели использовать религию в своих интересах. В более тяжелой ситуации находился Костёл на Виленщине, где усилились националистические настроения среди части литовского населения, и, в частности, духовенства. Литовские ксендзы с амвонов костёлов призывали литовцев преследовать поляков, оскорбляли их национальные чувства. Много польского духовенства находилось в тюрьмах; многие были расстреляны [10, К122].

Местные органы власти добивались сужения сферы влияния религии, регламентировали богослужебную деятельность. Так, устанавливались праздники римско-католического Костёла – Новый год, три Короля, первый день Пасхи, Вознесение Христа, первый день Троицы, Петра и Павла, Вознесение (Успение) Пресвятой Девы Марии, Всех Святых, День Непорочной Девы Марии, первый день Рождества [1, 77]. Из всех рабочих помещений и заводов убирались церковные атрибуты (кресты, иконы) – это обосновывалось «гарантией нейтралитета по отношению ко всем вероисповеданиям» [4, л. 90].

Политика гитлеровских оккупантов в отношении Костёла ставила целью ликвидацию каких бы то ни было проявлений «польскости» в религиозной жизни, до полной ликвидации католического Костёла как польской организации и превращение его в официальный институт, лишённый какого бы то ни было права участия в общественной жизни и влияния на нее.

Гитлеровцы отчётливо понимали, что католический Костёл исторически был тесно связан с польским народом и Польшей. Поскольку последняя являлась одним из главных врагов Германии, то политика ограничения деятельности Костёла и репрессии против духовенства явились частью борьбы с польской элитой. Духовенство, по мнению оккупантов, подлежало ликвидации и как «носитель польского шовинизма» [16, 9-13].

Уже с первых дней оккупации запрещались богослужения на польском языке в костёлах округов Барановичи, Слониме и Новогрудке. Это было также и результатом деятельности белорусских националистических деятелей, которые стремились ликвидировать польское влияние в генеральной округе Белорутения и создать белорусскую костельную администрацию [11, К.11].

Сильным оставалось влияние поляков и на территориях, отошедших к рейхско-миссариату Украины – городах Брест-Литовск, Пинск, Кобрин и некоторых других населённых пунктах. Как и на других территориях, гитлеровцы считали идейным вдохновителем польских подпольных структур католическое духовенство [12, лл. 44-46].

Ксендзы становились жертвами гитлеровского террора. Их подвергали аресту, сажали в тюрьмы, отправляли в концлагеря, расстреливали. За каждым устанавливалась слежка немецкой спецслужб. В Белостокском округе, например, преследование духовенства шло с общей тенденцией уничтожения польской интеллигенции. Во время реколекций, торжественных месс иногда проводились облавы для вывоза на принудительные работы. Такие случаи имели место в Домброве, Ясенувце, Шидловичах, Сураже, Калиновце и других [13, 323-361]. Арестам гитлеровцев во время оккупации подвергались католические священнослужители Гродно [1, 143-144].

В конце июня – начале июля 1942 года гестаповцы арестовали 16 ксендзов Василишского, Вишневецкого, Лидского, Радунского деканатов Барановичской области. Некоторых взяли во время богослужения. Через некоторое время шестеро из них отпустили, а 10 марта 1943 года оставшихся расстреляли в окрестностях Лиды [14, К. 17].

1 августа 1943 года гестапо расстреляло настоятельницу Ордена Сестер Наисвятейшей Семьи из Назарета Марию-Стеллу и 10 сестер-назаретанок из Новогрудка. Сестры-монахини не были связаны с партизанами. Они стали жертвами террора лишь потому, что нацисты ненавидели католическую веру и Костёл [15].

Ксендзы расстреливались и за активную душпастьрскую деятельность, помощь евреям, связь с польскими партизанами. Не представляется возможным установить точное количество репрессированных духовных лиц. Практически каждый из них испытал на себе гитлеровский террор. В изданном в Польше в 1978 году «Martirologium duchowieństwa polskiego» приводятся краткие биографические и обобщенные сведения о репрессированных и уничтоженных духовных лицах, среди которых есть священнослужители и монашествующие из Белоруссии.

Репрессивные акции шли одновременно с ограничением всей деятельности Костёла, богослужений, разграблением и разрушением духовных святынь. Всего в границах современной Беларуси было уничтожено, сожжено или разрушено 77 костёлов, в том числе в Барановичской области – 15, Бжестской – 5, Гродненской – 13, Молодечненской – 11. [1, 150–155]. Однако гитлеровцам не удалось ликвидировать Костёл и идеи, которые, несмотря на тяжёлые времена оккупации, он нес сотням тысяч людей.

1. Ярумск Э.С. Католический Костёл в Белоруссии в годы второй мировой войны (1939–1945). – Гродно, 2002. – 240 с.
2. Государственный архив Гродненской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18.
3. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 167.
4. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 58.
5. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). Ф. 510. Оп. 1. Д. 52.
6. НАРБ. Ф. 391. Оп. 1. Д. 24.
7. Государственный архив Минской области. Ф. 623. Оп. 1. Д. 174.
8. НАРБ. М/ф. Арх. № 236. К. 001182–001186.
9. НАРБ. Ф. 384. Оп. 1. Д. 64.
10. Arhiwum Akt Nowych w Warszawie. Sygn. 202/1/30/ M/+2201/8 – II.
11. Arhiwum Akt Nowych w Warszawie. Sygn. 203/VII–34. M/+2388/4.
12. НАРБ. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 947.
13. Stopniak F. Archidiecezja wileńska w okresie II wojny Światowej // Studia teologiczne. Białystok. Drohiczyn. Łomża. – 1987/88.
14. Arhiwum Akt Nowych w Warszawie. Sygn. 202/III/132. M/+2267/3–II.
15. Стажинская Л. Одиннадцать мучениц. – Гродно. 1999. – 72 с.
16. Sziling I. Hitlerowska polityka wobec wyznawców religijnych w Polsce // Kierunki. – 1975. – N 42. – 19 października.

Кругленья А. В. (г. Брест, БГТУ)

ХРИСТИАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЮЗ ФРГ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ

Наиболее крупной христианско-демократической партией в Европе является Христианско-демократический союз ФРГ, который держит своеобразный рекорд по времени нахождения у власти в послевоенной Германии – более 30 лет. Несмотря на это, в настоящее время у Союза есть ряд проблем, которые в определенной степени обусловили поражение на выборах 1998 года. Что было причиной поражения ХДС? Какие перспективы ждут ХДС в будущем? От-

вет на эти вопросы может быть полезен не только непосредственно для Союза, но и для других партий как Германии, так и других стран, включая Беларусь, где, к сожалению, институт партии пока еще не получил должного развития.

В русле тенденции

ХДС – народная партия - развивается согласно общей эволюции политических партий, наступающий этап развития которой заключается в увеличении фрагментации партийных систем, расширении спектра партийно-политических альтернатив, усилении влияния новых социальных и экологических движений. Одним из признаков такой автономии стал неуклонный рост числа избирателей, называющих себя независимыми (см. табл.1), либо голосующих за кандидата не своей, а конкурирующей партии. Естественно, если меняется психология избирателя (в данном случае усложняется идентификация партий, размываются её отличительные черты, что создает для него (избирателя) дополнительные трудности), необходимо подстраиваться под изменившуюся внешнюю среду функционирования партии. Настоящая тенденция в эволюции политических институтов отражается и на численности членов ХДС (см. табл. 2). Прежде всего, отмечался рост недоверия к партиям (не только к ХДС), неудовлетворенность их деятельностью. Подчеркивалась высокая степень равнодушия электората к политическим объединениям, а место партийной политики все в большей степени занимает политика как таковая. Проблемой ХДС, как и других крупных партий, становится сохранение собственной идентичности. Именно на таком общем фоне ХДС предстоит в ближайшем будущем работать.

Табл. 1:

Доля независимых избирателей Германии

Год	1990	1991	1993	1994	1995	1996	1997	1998	2001
%	22	27	37	26	28	34	38	33	47

Источник: [1; 5].

Фаза консолидации и перехода на новые принципы

Какие перспективы ждут ХДС в будущем? Делать какие-либо долгосрочные прогнозы сложно, так как в последнее время происходили достаточно противоречивые события: тяжелое положение на выборах 1998 года, неожиданная победа на заключительных выборах в ландтаг, финансовая афера, новый подъем в начале 2002 года. Все указанные проявления современной жизни партии свидетельствуют о том, что ХДС определенно находится в стадии консолидации. Неудачи Хельмута Коля определили цели реформирования, так как существует необходимость в развитии имиджа партии канцлера, во время нахождения в оппозиции актуально реформирование личностной, программной и организационной составляющих партии. Только в этом случае может идти речь о возвращении в правительство. Если кроме всего прочего учитывать резкие колебания в приверженности электората, подобное долгосрочное обновление действительно необходимо.

Табл. 2

Динамика численности членов ХДС

год	число членов	годовой прирост	год	число членов	годовой прирост
1958	234 725		1983	734 555	2,2
1964	279 770		1984	730 395	-0,6
1967	285 804	0,2	1985	718 590	-1,6
1968	286 541	5,9	1986	714 089	-0,6
1969	303 532	8,4	1987	705 821	-1,2
1970	329 239	8,5	1988	676 747	-4,3
1971	355 745	8,0	1989	658 411	-2,7

Продолжение таблицы 2

1972	422 968	18,9	1990	789 609	19,9
1973	457 393	8,1	1991	751 163	-4,9
1974	530 500	16,0	1992	713 846	-5,0
1975	590 482	11,3	1993	685 343	-4,0
1976	652 010	10,4	1994	671 497	-2,0
1977	664 214	1,9	1995	657 643	-2,1
1978	675 289	1,7	1996	645 786	-1,8
1979	682 781	1,1	1997	631 700	-2,2
1980	693 320	1,5	1998	626 342	-0,8
1981	705 116	1,7	1999	638 056	1,9
1982	718 889	2,0	2000	616 722	-3,3

Источник [1; 34].

При реформировании начинать нужно с фундамента долгосрочной устойчивости партии, к которому можно отнести финансы, личные качества и харизму лидеров, организацию и программу партии. Последняя составляющая фундамента в данной статье не затрагивается, так как автор не считает реформы программной составляющей партии необходимыми.

Финансовая афера и финансы ХДС

Очень часто предпринимаются попытки оценить значимость финансов в функционировании партии. Финансовым средствам уделяется больше внимания при решении правовых вопросов партии и скандалах, но редко проводятся систематические исследования взаимозависимости между финансами и успехами партии, её развитием. История ХДС указывает на определенную зависимость между финансовым положением и политической силой партии. Так, обе фазы оппозиции 1969/98 и кризис 1989 сопровождались финансовыми проблемами. В период расцвета под руководством Аденауэра и Коля партия обладала значительным финансовым потенциалом. Это же можно заметить и по отношению к СДПГ: она, наоборот, обладала приличными финансовыми возможностями в конце 60-ых и 90-ых, что, возможно, и обусловило соответствующие расходы и успешную избирательную кампанию. После 1998 года имела место афера пожертвований, которая «подарила» ХДС финансовые проблемы. Неоднократно ХДС «обрастал» структурным дефицитом, что даже без учёта предписаний президента бундестага относительно штрафных санкций являлось для партии большой проблемой.

Кризис поступления доходов партии начал проявляться в 80-ых годах, объединение ФРГ и ГДР немного сгладило негативные тенденции в данном развитии (см. табл.3).

Табл. 3

Официальные доходы ХДС (в разрезе по статьям поступления), ХСС и СДПГ

	общая сумма доходов (процент) в миллионах ДМ			пожертвования, %	членские взносы и т. п., %	прямые государственные средства, %
	ХДС	ХСС	СДПГ			
1984	292,7	42,5	189,1	11,0	38,3	33,0
1985	176,6	39,5	193,7	12,6	46,0	31,3
1986	192,1	60,1	199,1	19,5	49,9	25,0
1987	193,0	48,2	214,0	16,0	45,3	31,0
1988	174,0	43,6	195,8	13,6	49,4	27,7

Продолжение таблицы 3

1989	198,2	57,1	241,2	21,6	42,3	25,0
1990	330,4	89,8	353,8	21,9	26,3	43,0
1991	212,8	51,7	339,6	18,1	43,8	24,8
1992	213,5	49,5	262,6	17,6	44,1	26,7
1993	225,8	56,0	280,7	19,5	42,4	27,2
1994	279,9	67,8	353,3	20,3	33,4	41,4
1995	218,3	52,8	285,1	16,5	45,3	33,7
1996	221,7	62,2	283,0	16,2	45,3	32,7
1997	218,2	56,0	280,9	15,5	46,1	33,6
1998	270,1	65,5	304,4	24,5	37,3	27,4
1999	258,9	63,7	306,0	25,2	40,7	29,6

Источник [1; 33]

По сравнению с социал-демократами ХДС приписал финансовый кризис всем трём источникам формирования доходов партии (для наглядности см. рис.1) одновременно, так как у него размеры членских взносов не были такими высокими, как у СДПГ (в 1998 году один член ХДС платил членский взнос в размере 160 ДМ, тогда как один социал-демократ – 203 ДМ). Так как членские взносы являются основным источником формирования финансов народной партии, существует опасение, что при увеличении размера членского взноса имидж союза может ухудшиться. Во-вторых, снижается преимущество членских взносов по сравнению с пожертвованиями от субъектов экономики. В-третьих, ХДС не использовал полностью все возможности государственного источника доходов. Причиной тому является не только поражение на выборах. Негативно повлиял и новый закон о партиях (Parteiengesetz).

Финансовый кризис являлся очевидным симптомом «заболевания» и свидетельствовал о необходимости проведения реформ. Начало некоторым реформам (изменения в статуте, финансовая организация партии, порядок внесения членского взноса, внутренний контроль финансов) было положено на съезде партии в Эссене (2000 г.). При этом увеличилось наблюдение со стороны генсека и федерального председателя. Был ужесточен контроль за всеми штатами партии, всеми финансовыми решениями и отчетностью, за денежными потоками. Контролю подвергается также казначей (со стороны генсека), который уже не ведет финансовые вопросы единолично. Кроме того, периодически все денежные потоки партии проверяются высшим должностным лицом, ответственным за финансы, который не связан никакими указаниями.

Рис. 1

Структура финансов основных партий Германии (состояние на 2000г.)

Источник [1; 74]

Для прироста доходов руководство партии было вынуждено увеличить размеры членских взносов. Аналогичную акцию предприняли и социал-демократы.

Относительно небольшой успех имел Союз с призывом к пожертвованиям, которые могли бы покрыть, по крайней мере, часть отчислений по штрафным санкциям (штрафные акции – последствия финансовой аферы, так как сокрытие в ежегодном финансовом отчете жертвований предполагает штрафы, и весьма солидные).

Одновременно проводится работа по увеличению пожертвований. Размер их при уплате наличными по законодательству мог достигать 3000 ДМ, на сумму более 1000 ДМ выписывается письменная квитанция. В отношении пожертвований существует определенная сложность, так как, безусловно, каждый, кто вносит определенную сумму денег, ожидает, как результат этого, получение определенных личных преимуществ. Из-за изменений рамочных условий, пожертвования со стороны общественных организаций ХДС должен был отклонить, равно как и перечисления из-за рубежа.

Руководство партии

В силу того, что партия является высоко комплексным, гетерогенным и организованным на свободе вступления/выхода образованием, нуждается она в символах интеграции. Личность лидера имеет при этом центральное значение. Ударная сила, сплоченность и общественный имидж партий зависят, прежде всего, от лидера. Соответственно позиция председателя – показатель, который может дать представление о том, в каком положении находится партия. Руководство партии, ее структура и политические рамки во многом друг друга взаимообуславливают.

Руководство ХДС после 1998 г. показало высокий потенциал к проведению реформ. По крайней мере, оно вызвало свои цели. Флуктуация, незначительная координация и диффузия в различные центры власти были признаком развития партии.

Во времена Коля союзом управляла служба канцлера. Федеральная канцелярия и в настоящий момент играет подчиненную роль. После Коля в партии возник организационный и персональный вакуум власти, который, как следствие, повлек за собой растерянность в партийных рядах. Наступила пора вопросов, тех вопросов, которыми задавался когда-то Валерий Яковлевич Брюсов:

В тревоге ждут, что будет впрддь,

И, может быть, иной отчаян:

Кто поведет? Кому гореть,

Путь к новой жизни намечая?

Партия стремилась заплнить образовавшийся вакуум власти, но в этом не добились успеха ни Rita Suessmuth, ни Peter Mueller, ни Klaus Escher. Не только влияние внутри, но и личная собранность и организованность стала решающей для того, чтобы задержаться на вершине. Именно отсутствие этих черт блокировало многочисленные партийные карьеры.

Образовались многочисленные новые центры власти. С приходом Вольфганга Шойбле руководство партии переместилось сначала во фракцию, потом в канцелярию. Благодаря заинтересованности со стороны нового генсека Меркель растет с 1999 года значение офиса Аденауэра, а благодаря успехам на выборах в ландтаг усиливаются позиции земельных центров власти. Шойбле предпринял попытку интегрировать партию. Как видно из таблицы 4, президиум и федеральные правления в последнее время гораздо чаще стали заседать, нежели это происходило прежде.

Появились некоторые отличительные черты в организации заседаний. Шойбле, который подготовил заседания правления предварительно по телефону, удалось, как и его предшественнику, установить гармонию в заседаниях партии. Он на заседаниях выдавал каждому лично домашнее задание. Этот стиль управления казался устрашающим, строгим. Шойбле обладал большими аналитическими способностями и не считался с человеческими слабо-

стями, как это делал Коль. Возможно, что благодаря этому ему удавалось сохранить удивительную сплоченность партии. Отсюда – быстрая победа в выборах в ландтаг.

После поражения 1998 года в партии некоторое время большое влияние имели Волькер Рюйе и Юрген Рютгерс.

Табл. 4.

Периодичность заседаний важнейших комитетов ХДС в 1967-2001 гг.
(абсолютное значение и из расчета на месяц)

рассматриваемый временной интервал	президиум	федеральное председательство	федеральный комитет	конференции руководителей земельных комитетов
11/1981-5/1983	31 (1,7)	21 (1,2)	3	14
-5/1984	12 (1,0)	9 (0,8)	2	9
-3/1985	13 (2,5)	9 (1,8)	1	7
-10/1986	22 (1,2)	14 (0,7)	2	14
-11/1987	16 (1,2)	12 (0,9)	1	12
-6/1988	14 (2,0)	6 (0,9)	1	5
-10/1989	11 (0,7)	12 (0,8)	4	9
-10/1990	16 (1,3)	14 (1,2)	2	2
-12/1991	13 (0,9)	17 (1,2)	1	5
-10/1992	9 (0,9)	5 (0,5)	1	5
-9/1993	13 (1,2)	7 (0,6)	1	6
-2/1994	5 (1,0)	4 (0,8)	-	3
-10/1995	9 (0,5)	9 (0,5)	-	4
-10/1996	14 (1,2)	11 (0,8)	-	4
-10/1997	18 (1,8)	13 (1,3)	-	4
-11/1998	26 (2,0)	20 (1,5)	-	3
-4/1999	10 (1,7)	6 (1,0)	-	2
-4/2000	29 (2,4)	20 (1,7)	1	3
-12/2001	40 (2,0)	26 (1,3)	2	5

Источник [1; 35].

Интересным представляется продвижение Ангелы Меркель. Вместе с ней в верхушке партии появилось неизвестное лицо, которое едва ли обладало политическим опытом. Ее успех является уникальным, так как впервые в истории Христианско-демократического союза эту ведущую в Германии партию возглавила женщина. Ангеле Меркель пришлось устранять последствия шумного скандала, связанного с незаконным финансированием ХДС. Именно Меркель первая призвала партию отмежеваться от погрязших в коррупции лидеров, что, вероятно, и способствовало ее продвижению.

Рост Ангелы возможно служит лишним поводом уделить внимание той части управленческого потенциала партии, который представляют собой женщины. Тем более, что женщины в политике – уже не такая редкость. Такими лозунгами в современном мире, наверно, никого не удивишь. Даже белорусский парламент по некоторым прогнозам в третьем сроке должен состоять на 40 % из слабой половины человечества.

Из таблицы 1 видно, что их значение в управлении партией на протяжении времени permanently возрастает. Например, в президиуме доля женщин увеличилась с 15,3 до 28,6 %. Кроме прочего, на форуме в декабре 2001 года указывалось, что ХДС и дальше будет стремиться к повышению женского участия в решении партийных дел и всех остальных политических вопросах.

Доля женщин в органах ХДС (в процентном соотношении)

	июль 1989	июль 1991	июль 1994	июль 1997	сентябрь 2001
президиум	15,3	17,6	26,7	28,6	28,6
правление союза	21,2	18,2	19,0	35,0	34,1
Министерства	22,2	20,0	20,0	20,0	-
фракции в бундстаге	7,7	13,8	13,8	13,9	18,4
председатель комитета	0	0	9,1	0	0
председатель земли	0	0	11,7	5,8	0
руководитель земельного уровня	0	0	0	5,9	13,3
руководитель районного уровня	17,2	17,2	24,5	24,6	27,5
председатель округа	2,3	3,3	5,2	8,0	9,7
местный председатель	-	10,1	11,8	11,9	13,3

Источник [1; 36].

Организационная реформа

Во второй оппозиции ХДС принял один достойный внимания документ, который называется «Lebendige Volkspartei. Reformprojekte der CDU Deutschlands fuer eine moderne, demokratische und interessante Parteilarbeit». Он предполагал следующие шаги по совершенствованию работы партии: больше опросов членов при выборе кандидатов и решении специальных вопросов, открытые для членов районные съезды, ограничение в сроках нахождения на определенных постах и т. д. Однако реформа после 1998 г., по мнению многих немецких экспертов, не дала ожидаемых результатов, по крайней мере, в отношении к краткосрочному периоду.

Удивительно, но правящая СДПГ за 3 года после смены власти осуществила по сравнению с ХДС больше организационных реформ, хотя для первой в обновлении организационной структуры и методов работы не было острой потребности.

Имеет Союз некоторые спорные моменты и по отношению к федеральной канцелярии, значительный рост сотрудников которой в период первой оппозиции – с 145 (1969 г.) до 191 (1972 г.) – имел в прошлом значительный эффект.

Современные условия (финансовый цейтнот, переезд в Берлин) брал своё, и уже в ноябре 2001 численность сотрудников сократилась на треть (117 чел.). Таково было положение в начале 70-ых. Однако это не было бы проблемой, если бы не отсутствовали талантливые личности, имеющие при этом и неплохой политический опыт.

Были у партии и некоторые проблемы с мотивацией, обусловленные финансовой аферой.

Говоря об организационной структуре и проблемах её функционирования, нужно подчеркнуть важность проблемы согласованности и эффективности работы аппарата управления в целом и отделов между собой, в частности.

Руководство партии осенью 2001 г. переименовало структурные подразделения, что не могло ни к чему привести, так как фундамент оргструктуры остался нетронутым. «Эльвангенский рабочий кружок» ХДС/ХСС, который создавался для того, «чтобы diskutieren в областях культуры, экономики, а также по вопросам федералистского формирования Германии» [5, 51], или объединение восточных и западных немцев едва ли соответствовали реалиям современного общества. Поэтому ХДС ещё предстоит модернизация организационной структуры в долгосрочном периоде, это просто необходимо для обеспечения эффективной работы с общественностью.

Резюме

Итак, к основным причинам поражения на переломных выборах 1998 года можно причислить как недовольство населения беспрецедентным в истории демократии 16-летним пребыванием у власти Хельмута Коля, так и потери компетенции ХДС в сфере политики,

экономики (о чем свидетельствуют многочисленные социологические опросы, проводимые в Германии), а также недостаточное внимание на то время к фактору СММ.

Много реформ ХДС уже провел, одной из самых значительных является финансовая. Много проблем еще осталось нерешенными. Однако фундаментом для партии будущего, по мнению автора, был за 1998-2004 гг. положен, не только финансовый, но и моральный.

1. Der Buerger im Staat / 52. Jahrgang Heft 1/2 2002.
2. <http://www.ed.spb.ru/grants/russian/48/kas.htm>.
3. <http://news.germany.ru/n/dwelle.html>.
4. Брюсов В. Я. Избранное / Сост., вступ. статья и прим. А. Козловского. – М.: Правда, 1982.
5. Стрелец М. В. Участие Христианско-социального союза ФРГ в разработке Основного Закона ФРГ // Вестник Брестского государственного технического университета. Гуманитарные науки. – № 96. – С. 50-54.

Толочко Д. М. (Гомель. ГТМУ)

К ВОПРОСУ О ЧИСЛЕННОСТИ БЕЖЕНЦЕВ, ПРИБЫВШИХ ИЗ ОККУПИРОВАННОЙ ГЕРМАНИЕЙ ПОЛЬШИ В ЗАПАДНУЮ БЕЛАРУСЬ ОСЕНЬЮ 1939 ГОДА

Сентябрь 1939 г. стал знаменательной вехой в истории белорусского народа. Именно тогда, более чем 60 лет назад, произошло его объединение в едином государстве. Запомним, однако, что, несмотря на всю значимость события, и по сей день в его исследовании остается ряд недостаточно изученных вопросов.

Одной из дискуссионных на сегодняшний день проблем, в рамках данной темы, является вопрос о численности беженцев, прибывших из оккупированной Германией Польши в Западную Беларусь к концу 1939 г. Необходимо напомнить, что в связи с вторжением 1 сентября 1939 г. войск фашистской Германии в Польшу, тысячи беженцев, в основном еврейской и польской национальности, двинулись из центральных и западных районов Польши на Восток страны (в том числе и на территорию Западной Украины и Западной Беларуси). 17 сентября 1939 г. началась операция Красной Армии в Польше. В этой связи большинство беженцев – поляков бросилось из Западной Украины и Западной Беларуси на территорию, занятую Германией, частично в Румынию, Литву. Однако и оставшихся в западном регионе Беларуси беженцев было достаточно для того, чтобы значительно увеличить численность городов Западной Украины и Западной Беларуси [2; л. 91].

Более того, беженцы большими группами продолжали прибывать в Западную Беларусь вплоть до конца сентября 1939 г., т. е. до установления окончательной границы между СССР и Германией. О масштабах этого явления можно судить, в частности, по свидетельствам очевидцев. Так, в письме беженки Я. Говорской отмечалось следующее: «Весь край был в походе на восток. В этом непрерывном потоке беженцев, бежавших от немцев, были и дети, и грудные младенцы, которые попросту умирали с голоду, так как ничего нельзя было купить» [3; л. 9]. Корреспондент газеты «Чырвоная змена» В. Ипьянков, побывавший в конце сентября 1939 г. в районе Белостока, был поражен количеством беженцев, идущих с немецкой территории [4]. В основной своей массе беженцы были представителями еврейской национальности, которые, опасаясь репрессий со стороны немецких властей, пытались найти убежище в СССР. В этой связи 6 октября 1939 г. в донесении начальника политуправления Белорусского фронта Иванова армейскому комиссару Л. Мехлису отмечалось следующее: «В городе Соколов и на дороге к реке Буг в течении 3-5 дней наблюдается непрерывный поток беженцев, едущих и идущих с детьми на территорию Западной Беларуси. Евреи – беднота со слезами на глазах говорят: «Только при Красной Армии с нами стали говорить как с людьми» [5; л. 22-25]. Данное обстоятельство было неудивительным. В докладной записке секретаря Брестского обкома КП(б)Б Н. Киселёва в ЦК КП(б)Б указывалось: «Немецкие военные власти издеваются над ев-

рейским населением, выгоняют из городов и местечек, старикам обрезают бороды, запрещают ходить по улицам и заниматься какой-либо торговлей. Кроме того, евреев используют на черновых работах по очистке города» [6; л. 3].

В сообщениях беженцев, прибывших с территории Польши, оккупированной Германией, приводятся факты такого рода: «...Почти все 100 % евреев безработные. С нового года евреям не будет выдаваться право на промышленные патенты. Евреев избивали, ловили и ежедневно направляли на работу... Из одного дома арестовали 53 еврея и всех расстреляли за то, что еврей-спекулянт из этого дома убил полицейского. В городке Гарболина приказали 30 евреям выкопать себе могилу, после чего их расстреляли» (письмо П. Варгафтер), г. Белосток). В письме бывшей политзаключенной П. Кварта читаем следующее: «В последнее время гитлеровцы вывезли из Калиша почти все еврейское население в закрытых вагонах в неизвестном направлении, разделяя жен от мужей, детей от родителей. Вид этих людей ужасающий... Все евреи Лодзи носят желтые заплатки на правом плече. За попытку избежать этого грозит смертная казнь, тяжелая тюрьма, денежный штраф. Ходить по улицам можно с восьми часов утра до пяти вечера. Чаще всего перед пятью часами ловят евреев, задерживают на всю ночь в комиссариате, а назавтра приказывают целый день без еды работать... Все евреи Варшавы от 12 лет под угрозой больших штрафов носят белые заплатки с голубым сионом в середине... Каждая лавка также должна иметь звезду». Необходимо отметить, что евреи подвергались гонениям не только со стороны немецких властей, но и со стороны поляков. Так, в упомянутом нами письме П. Варгафтер приводится следующий факт: «После прихода немцев в Варшаву сильно чувствовался антисемитизм среди польских рабочих. Они помогали немцам в угнетении евреев». Аналогичные примеры отмечали и другие беженцы [7; л. 1-13].

Начиная с октября 1939 г., поток беженцев с немецкой территории значительно сократился, т. к. советские пограничные части задерживали этих людей и, несмотря на слезные просьбы, выдворяли их обратно. Только 24 октября 1939 г. около 700 беженцев, в основном женщины и дети, с криками: «Бейте нас, но обратно мы не пойдём», пытались перейти советскую границу. 28 сентября 1939 г. аналогичную попытку предприняли 340 беженцев. Все эти попытки решительно пресекались советскими пограничными частями [8; л. 236, 239, 255].

Всего, по данным временных управлений городов Западной Беларуси, к 25 октября 1939 г. здесь насчитывалось 44 786 беженцев. Из них в Белостоке находилось 25 000 человек; в Бресте – 1 000; в Гродно – 1 900; в Барановичах – 1 240; в Пинске – 1 771; в Лиде – 975; в Молодечно – 1 700; в Слониме – 2 000 [2; л. 236].

Несмотря на принимаемые советскими пограничниками меры, беженцы продолжали нелегально прибывать на территорию Западной Беларуси вплоть до конца года, тем более что, как отмечали сами беженцы, сделать это было несложно [7; л. 2]. О массовости нарушения беженцами советско-германской границы свидетельствует такой факт. Начиная с 13 октября 1940 г., дислоцировавшимся в районе Бреста советским пограничным отрядом за нелегальный переход границы ежедневно задерживалось 100-120 беженцев [6; л. 3-4].

Одной из дискуссионных на сегодняшний день проблем является вопрос о численности беженцев, прибывших в Западную Беларусь к концу 1939 г. Так, в публикациях А. Хацкевича, К. Козака и других белорусских исследователей называются цифры в 100, 110 тысяч беженцев [1; л. 73-76]. Однако не все разделяют эту точку зрения. Известный отечественный историк Э. Иоффе утверждает, что численность беженцев в Западной Беларуси была значительно больше. В своей статье «3 Польшчы ў Беларусь (Яўрэйскія бежанцы з Польшчы на тэрыторыі Беларусі ў 1939-1941 гг.)» он цитирует работы американских и израильских исследователей, в которых численность беженцев, причем только еврейской национальности, варьируется от 200 до 500 тысяч. Однако следует отметить, что в данных цифрах отражается количество беженцев, прибывших не только в Западную Беларусь, но и в Украину [9; 327-328].

Большинство отечественных историков, которые дают цифру в 110 тысяч человек, ссылаются прежде всего на докладную записку «Об агентурно-оперативной и следственной работе по линии 3-го отдела УГБ НКВД БССР», датированную 16 января 1940 г. Документ был отправлен наркомом внутренних дел БССР Л. Цановой первому секретарю ЦК КП(б)Б П. Пономаренко. В записке утверждается, что на 1 января 1940 г. численность беженцев в БССР достигала порядка 110 тысяч человек. Из них: в Западной Беларуси насчитывалось 86 940, в восточных областях – около 23 тысяч человек [10; л. 95].

Однако необходимо отметить, что к этому времени значительная часть беженцев из Западной Беларуси уже была отправлена на Урал и в другие регионы СССР. Так, согласно докладной отдела труда Белостокского обкома КП(б)Б «О проделанной работе с октября 1939 г. по 1 января 1940 г...» к 1 января 1940 г. только из Белостока было отправлено 8 000 беженцев. Всего по области – 33 620 человек беженцев и часть местных безработных [11; л. 6]. К сожалению, в документе относительно последней цифры не конкретизируется количество беженцев. Некоторую ясность помогает внести статья «Нашы дасягненні за чатыры з паловай месяцы ў лічбах», опубликованная в Белостокской газете «Вольная праца». Здесь отмечается, что из отправленных на работу 33 720 человек, большинство являлись беженцами, что почти совпадает с сообщениями белостоцких властей [12].

Вместе с тем, были нередкими случаи уклонения беженцев от регистрации. Об этом факте сообщал, например, первый секретарь Белостокского обкома КП(б)Б С. Игаев П. Пономаренко: «В городе Белостоке многие [беженцы. – Д. Т.] не явились на регистрацию, особенно живущие на частных квартирах» [13; л. 10]. Однако не следует преувеличивать количество уклонявшихся от регистрации, такие факты были скорее исключением, чем правилом.

Таким образом, можно утверждать, что до конца 1939 г. в Западную Беларусь прибыло, по самым скромным подсчетам, не менее 120-125 тысяч человек беженцев. Некоторым подтверждением тому является докладная записка заместителя председателя СНК СССР А. Ванеева первому секретарю ЦК КП(б)Б П. Пономаренко и председателю СНК БССР К. Киселеву, где относительно численности беженцев приводится цифра в 120 тысяч человек [6; л. 91].

1. Хацкевіч А. Арышты, дэпартацыі ў заходніх абласцях Беларусі (1939-1941 гг.) // Беларускі гістарычны часопіс. - 1994. - № 2 и др.
2. Национальный архив Республики Беларусь (далее: НАРБ). Ф. 4. Оп. 21. Д. 1512.
3. Там же. Д. 1777.
4. Чырвоная змена. - 1939. - 28 верасня.
5. НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 1739.
6. Там же. Д. 1585.
7. Там же. Д. 1777.
8. Там же. Д. 1689.
9. Іофе Э. З Польшчы ў Беларусь (Яўрэйскія бежанцы з Польшчы на тэрыторыі Беларусі ў 1939-1941 гг.) // Польшчы. - 2002. - № 11-12.
10. НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 2075.
11. Государственный архив общественных объединений Гродненской области (далее: ГАООГО). Ф. 6195. Оп. 1. Д. 89.
12. Вольная праца. - 1940. - 10 лютага.
13. ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 7.

ПОЛИТИКА НЕМЕЦКИХ ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ В ОТНОШЕНИИ РЕЛИГИИ И КОСТЁЛА В СВЕТЕ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В Национальном архиве Республики Беларусь (НА РБ) хранится крупнейшая коллекция документов периода временной оккупации Белоруссии 1941–1944 годов. Значительная часть из них освещает национальную и конфессиональную политику гитлеровцев в округе Белорутения. Его территория по состоянию на 10 августа 1941 года составляла 68 тыс. кв. км, а с присоединением части Калининской и Смоленской областей и Орши 210 500 кв. км. Всего в генеральном округе проживало 2,5 млн. человек, т.е. менее 1/3 довоенного населения республики. Генеральный округ состоял из округов Барановичи, Минск, Могилёв, Витебск и Смоленск, которые, в свою очередь делились на 38 сельских и 5 самостоятельных городских районов, являющихся центрами главных округов [11, 208–209].

Значительное количество немецких документов по данной проблеме сосредоточены в фондах 370, описи 1,6; 391, опись 1; 411, опись 1; 510, опись 1; 853, опись 1, 845, опись 1; 3500, опись 2; 4683, опись 3 и других.

Абсолютное большинство из них на немецком языке. Некоторые напечатаны на тонкой папиросной бумаге. Не все хранящиеся документы являются первым экземпляром, часть из них микрофильмирована. Сохранность удовлетворительная.

В послевоенный период много документов было переведено на русский язык, что облегчает их изучение и использование. Несмотря на то, что они плохо систематизированы по тематическому и хронологическому принципу, что затрудняет поиск и выявление, абсолютное большинство из них представляет научную ценность для историков.

Следует учесть, что в восточной Белоруссии за годы Советской власти религия практически была уничтожена большевиками, костёлы, церкви и синагоги превращены в культпросветучреждения или хозяйственные помещения. Ряд немецких документов показывает, что этот фактор использовался в пропагандистских целях, для привлечения на свою сторону верующего населения.

Немецкие документы позволяют установить особенности конфессиональной политики гитлеровцев, связь её с национальными, культурными, экономическими, общественно-политическими факторами, а также условиями военного времени.

По своему характеру, содержанию, предназначению они весьма разнообразны. Часть из них – это руководящие документы, переписка, исходящие из Берлина, от рейхсминистра по занятым восточным областям, и Риги, рейхскомиссара Остланда. В основном они содержат указания по вопросам церковной политики, которые переводили идеи национал-социализма в практическую плоскость. Так, 21 февраля 1942 года рейхсминистр по занятым восточным областям издал «на основании указа фюрера § 8 «Об управлении вновь занятыми восточными областями» от 17 июля 1941 года» своё постановление о свободе вероисповеданий [3]. Однако 19 июня 1942 года вышло распоряжение генерального комиссара Остланда Генриха Лозе о правовых условиях религиозных организаций. Согласно ему, существующие религиозные организации становились полностью подконтрольными оккупационным властям. Генеральный комиссар при наличии нарушений мог прекратить их деятельность [1].

Особый интерес представляют оперативные сводки, отчёты о деятельности и положении оперативных групп полиции безопасности и СД в Советском Союзе, в том числе в Белоруссии. Они составляли и отсылали еженедельно в Берлин аналитическую информацию по различным вопросам – хозяйственного, военного, политического положения на занятых территориях. Сводки отличаются высокой степенью детализации. Немецкие аналитики пытались глубоко разобраться в сложившейся ситуации, выяснить её особенности. Содержатся интересные сведения о религиозной жизни. В частности, уже с первых месяцев оккупации гитлеров-

ские спецслужбы отмечали тесную связь польского движения сопротивления в западных областях и католического духовенства. Последнее характеризовалось высокой степенью религиозной активности, шовинистическими настроениями. Гитлеровцы считали ксендзов идеологами польского подполья [10, л. 322].

Значительное количество документов образовалось в результате деятельности органа, непосредственно занимающегося вопросами контроля религиозной жизни и реализации конфессиональной политики.

В Генеральном комиссариате Белорутения деятельность религиозных конфессий находилась в компетенции 5-го реферата «Конфессиональные общества» (Referat 5: Konfessionelle Verbände), который, в свою очередь, входил в отдел II «с» «Культурная политика» (Abteilung II c: Kulturpolitik), последний – в главный отдел II: Politik. Весь оккупационный период 5-й реферат возглавлял доктор Леопольд Юрда. Он регулярно информировал генерального комиссара Вильгельма фон Кубе, а с октября 1943 года – фон Готтберга, по всем вопросам религиозной жизни, получал их указания, контролировал всё, что относилось к сфере религиозных конфессий [12, 73].

Важное значение имеет переписка генерального комиссариата Белорутения с вышестоящими инстанциями. Уже в начале 1942 года, не без влияния обосновавшихся в Минске белорусских коллаборантов, в религиозном вопросе всё большее место занимал национальный фактор. Белорусские деятели стремились к белорусизации католического Костёла [12, 107–128]. Их устремления поддерживал фон Кубе. В переписке с Ригей и Берлином д-р Юрда, по поручению Кубе, настоятельно просил разрешить создание костельной администрации во главе с ксендзом Годлевским [4, д. 879, лл. 2, 3].

Ряд документов касается отношений с Виленской курией. Виленский митрополит Ромуальд Ялбжиковский пытался установить контакты с администрацией Генерального округа Белорутения с тем, чтобы сохранить влияние на отошедшую к округу часть Виленского архидиоцеза. Однако эти попытки закончились безуспешно. С весны 1942 года с согласия немецких властей во главе Виленского архидиоцеза стал Мечеслаос Рейнис.

Отдел издавал за подписью фон Кубе различные распоряжения, касающиеся регламентации религиозной жизни. Например, 12 декабря 1941 года гауляйтер распорядился «предоставить населению возможность отпраздновать Рождество по старым народным традициям», в связи с чем местным рабочим католикам предоставлялся двухдневный отпуск 25–26 декабря, а православным – 6–7 января [6, л. 13].

Ряд документов показывают, насколько жестким был контроль за деятельностью духовенства. Священнослужителям всех конфессий запрещалось касаться политических проблем и разрешалась исключительно богослужебная практика. С этой целью с осени 1941 года стала проводиться регистрация духовенства. Немногочисленные сохранившиеся анкеты служителей культа и другие документы, касающиеся регистрации, свидетельствуют, что гитлеровцы стремились под любыми предлогами отстранить от деятельности ксендзов польской национальности, и, наоборот, предоставить более благоприятные условия белорусам.

В генеральном округе Белорутения, как ни в одной другой административно-территориальной единице, сильным было влияние белорусских деятелей и их связь с оккупационной администрацией. При полной поддержке Вильгельма фон Кубе ими предпринимались попытки создания белорусского автокефального Костёла по образу призванной автокефальной Церкви. Сохранились многие документы – переписка с Кубе, мемориалы, протоколы заседаний Белорусской Народной Самопомощи, отдельные номера издаваемых в округе на белорусском языке газет и журналов и другие. Все они свидетельствуют, насколько важное значение придавалось религиозному фактору в решении национальных проблем, в частности, в развитии белорусской культуры, формировании национального самосознания белорусов, ликвидации польского влияния и других [2; 4, л. 2; 5, лл. 1–14; 8, лл. 10–14; 9, лл. 74–82].

Среди белорусских коллаборантов выделялась группа религиозных деятелей во главе с ксендзом Винцентом Годлевским. Его пророчили на должность генерального викария бело-

русского Костёла. Во многих документах упоминается его имя в ряду наиболее «нация-нальна съведамых беларусаў». Важное значение для понимания его роли имеют протоколы заседаний Рады БНС, на которых обсуждались и проблемы католического Костёла. На одном из них, 22 сентября 1942 года, кс. В. Годлевский высказался за создание белорусской митрополии, зависимой от Рима, «але якая стаяла бы на нацыянальным грунце, і адсюль распачаць аднаўленьне каталіцкага касцёлу» [5, лл. 1; 4, 12-14].

Дальнейшая судьба кс. В. Годлевского трагична. В имеющихся о нём публикациях утверждалось, что он погиб при неизвестных обстоятельствах в конце 1942 года. Однако в НА РБ хранятся переведенные на русский язык материалы процесса над нацистскими преступниками, состоявшегося в 1961-63 годах в городе Кобленце (ГДР). Они впервые проливают свет на убийство кс. В. Годлевского, совершенное в конце 1943 года начальником отдела IV управления полиции безопасности и СД города Минска оберштурм-фиурером СС Георгом Хойзером [7, лл. 112-119].

Документы НА РБ оккупационного периода, таким образом, являются ценным историческим источником. Однако подавляющее большинство еще слабо вводится в научный оборот. Их изучение поможет историкам в более детальном исследовании особенностей проявления и характера оккупационной политики гитлеровцев, в том числе конфессиональной.

1. Государственный архив Минской области. Ф. 623. Оп. 1. Д. 174.
2. Менская газета. – 1941. – 11 сьнежня.
3. НА РБ. Микрофильм. Архивный № 247. Кадры 000052–000053.
4. НА РБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 3; Д. 879.
5. НА РБ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 1.
6. НА РБ. Ф. 391. Оп. 1. Д. 24.
7. НА РБ. Ф. Ф. 510. Оп. 1. Д. 79.
8. НА РБ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 4.
9. НА РБ. Ф. 952. Оп. 2. Д. 2.
10. НА РБ. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 444.
11. Семиряга М. И. Кол-лаборационизм. Природа, типология и проявления в годы второй мировой войны. – Москва, РОССПЭН, 2000. – 863 с.
12. Ярмусик Э. С. Католический Костёл в Белоруссии в годы второй мировой войны. 1939–1945. – Гродно, 2002. – 240 с.

Стрелец М. В. (г. Брест, БГТУ)

ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ ХРИСТИАНСКО-СОЦИАЛЬНОГО СОЮЗА В БАВАРИИ (ФРГ) В ЭПОХУ ХОЛЮДНОЙ ВОЙНЫ: АКЦЕНТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ

Разработка концептуальных основ политики безопасности Христианско-социального союза прошла в своем развитии два этапа. Первый этап совпадает с холодной войной, расколом Германии и Европы. Второй этап хронологически охватывает 1990-е годы – начало XXI века. В рамках каждого этапа можно выделить временные промежутки, которые отличались специфическими моментами. Первый период первого этапа начинается со становления ХСС в качестве субъекта политических процессов и заканчивается моментом вступления ФРГ в НАТО, второй – совпадает со становлением бундесвера, третий – охватывает 1960-ые годы, четвертый – совпадает с разрядкой международной напряженности первой половины 1970-ых годов, пятый – с прохладной войной второй половины 1970-ых годов – первой половины 1980-ых годов, шестой – с кардинальной перестройкой международных военно-политических отношений во второй половине 1980-ых годов. В первые два периода концепции безопасности ХДС (Христианско-демократического Союза) и ХСС (Христианско-социального Союза) практически совпадали. Специфика концепции ХСС впервые стала прослеживаться в рамках третьего периода.

Выяснение места вопроса безопасности Германии в системе международных отношений ХСС считал «незаменимой предпосылкой для всех дальнейших целей германской внешней политики» [ACSP_DS 118/93]. Он последовательно ставил безопасность на первое место в шкале внешнеполитических приоритетов. Эта шкала имела следующий вид: 1) безопасность Федеративной Республики и мир в Европе; 2) национальное единство в свободе; 3) объединенная единая Европа как фактор мира на планете; 4) европейское воссоединение; 5) международное сотрудничество по способствованию миру и всеобщему благосостоянию; 6) восстановление германского места, влияния и авторитета в мире [1, 118/93].

Стремление к безопасности понималось при этом не как абстрактная норма, которая соответствовала бы исключительному национальному пути, а как конкретная ориентация в действиях в рамках Северо-Атлантического союза и одинаково связывающая европейское единство стратегия.

Социальные христиане с самого начала придавали военно-политической стратегии большее значение, чем военной, постоянно демонстрировали свою заинтересованность в локализации любых региональных конфликтов. В их концепциях безопасности неизменно превалировала невоенная составляющая, чётко прослеживалось понимание партий исторической ответственности ФРГ, постоянно отмечалось, что Боннская республика должна стремиться выдержать тест на гарантированность мирных намерений. Неотъемлемым элементом данных концепций была и остаётся постановка ХСС перед руководством НАТО вопроса об учёте геостратегического положения ФРГ в процессе разработки военных доктрин альянса. Партия одобрила натовские доктрины массированно, возмездия, гибкого реагирования, имевшую западногерманское авторство концепцию передовой обороны. Она предлагала свести до минимума количество сценариев, связанных с ведением боевых действий с использованием ядерного оружия [1, 119/23].

У ХСС, как и у других партий, несших правительственную ответственность на федеральном уровне в период холодной войны, господствовало мнение, что военные функции [НАТО. — М. С.] в первую очередь сводятся к обороне ФРГ, поскольку именно её территория, непосредственно примыкающая к линии разграничения между Востоком и Западом, представлялась наиболее уязвимой для угрозы извне. В такой ситуации роль гарантий для других партнеров рассматривалась как второстепенная. Впрочем, немцы в ФРГ [и, естественно, представители ХСС. — М. С.] всегда считали, что бундесвер может быть задействован только в том случае, если вооруженное нападение третьей стороны на одного из партнеров можно было бы расценить как угрозу нападения на федеральные земли [2; 136].

В последние годы пребывания на должности Конрада Аденауэра проявилась поляризация позиций по вопросу координации интересов политики безопасности и европейской политики, которая проходила также внутри политического лагеря в период правительства Эрхарда «так сказать, вдоль и поперек» [1, 124/29].

За возрастающей остротой ведущейся между «атлантистами» и «голлистами» дискуссии скрывались разногласия относительно оптации Германии по обеспечению своей безопасности и безопасности Европы. Представители атлантистского крыла в блоке ХДС/ХСС: Людвиг Эрхард, Герхард Шредер и Кай-Уве фон Хассель аргументировали, что осознание ответственности США по отношению к европейцам уменьшится, если они сами будут стремиться к большей военной способности и самостоятельности. Напротив, приверженцы, сильно учитывающих европейско-французский фактор вариантов, среди которых были Конрад Аденауэр, Франц Йозеф Штраус, барон Гуттенберг и Ойген Герстенмайер, требовали целеустремлённых усилий со стороны континентальных европейских для поддержания собственной безопасности. Штраус бичующе рассматривал позднее «как признак европейского, но в особенности европейского декадентства...», что

с нашей [европейской. — М. С.] стороны всегда прослеживалась склонность прятаться позади американского защитного зонтика» [1, 98/31]. В такого рода отношении он видел «очевидное противоречие с исторической ответственностью Европы, с численностью ее населения и с её экономическим потенциалом» [1, 98/32].

Хотя для Штрауса точно так же как для других ведущих деятелей ХСС значение Соединенных Штатов для обороны Европы в рамках союза «всегда стояло вне сомнения», он выступал за инициированный Шарлем де Голлем и Конрадом Аденауэром германо-французский союз. Вследствие этого, между ним и министром иностранных дел Шредером, который, как писал Штраус в мемуарах, «с недоверием противостоял возможной оси Бонн-Париж, отношениями дошли до фазы продолжительной напряженности и полемики» [1, 98/33].

Скепсис внешнеполитическим стратегам ХСС по отношению к эксклюзивному партнерству в области безопасности Германии с Америкой покоился на следующих убеждениях:

1. Зацикливание Бонна на Вашингтоне вело бы к постепенной изоляции Франции. Это противоречило бы замыслу собственной европейской политики, обострило бы кризис в западном альянсе и привело бы, наконец, к изоляции Германии.

2. С инаугурацией Джона Ф. Кеннеди, усилением Советского Союза как ядерной державы, ослаблением лидирующего экономического положения США и перемещением главного ориентира американской внешней политики в Азию было связано ожидание, будут ли в Вашингтоне постепенно релятивировать ценность, значимость обязательств по европейской безопасности. Гуттенберг определённо ссыпался на разъяснения президента Д. Кеннеди, который в своей речи в церкви святого Павла в июле 1963 г. выступил за создание единой и сильной Европы [1, 1/2].

3. По причине частично сбывающей с толку внутриамериканской дискуссии о стратегической доктрине возросло сомнение как в последовательном поддержании американского устрашения по отношению к советскому наступлению на Западную Европу, так и в решимости США, в случае провала стратегии устрашения защищать своих западноевропейских союзников размещенным на европейском континенте тактическим ядерным оружием. Генри Киссинджер признавал позднее в своих мемуарах, что подобного рода опасения безопасности были оправданы. Сомнения были дополнены также вследствие подготовки американо-советского договора о нераспространении ядерного оружия, с подписанием которого ассоциировалась линия раздела Ялты, а также уничтожения решающих предпосылок для создания европейских оборонительных сил... [1, 33/2]. Вне сомнения важную роль в этой связи играло то, что Штраус во время двойного кризиса 1956 г. (Суэц, Венгрия), как тогдашний министр обороны вынужден был осознать, что внутри системы принятия внешнеполитических решений США прослеживался возрастающий недостаток коммуникации и первоначально был полностью открыт вопрос, «смогут или нет Соединенные Штаты ответить массивной угрозой на угрозу Советского Союза, уничтожить Париж и Лондон ядерным оружием» [1, 33/98].

4. ХСС достойно оценивал с одной стороны, многосторонние способности НАТО в том, что Европа могла собрать под её защитным зонтиком оборонительные силы, с другой стороны, он всё же отклонял продолжение эксклюзивности Североатлантического Союза, как оборонительной инстанции Европы. Тем более, что с окончанием американской ядерной монополии, интересы европейских стран НАТО не соприкасались больше с интересами их американского партнера. Соединенные Штаты, как предчувствовал Штраус в 1966 г., вследствие того факта, что они впервые в своей истории столкнулись с технической возможностью уничтожения их собственной государственной области, всё сильнее концентрировались на том, чтобы достичь с Советским Союзом соглашения на основе status quo в Европе [1, 1/88].

По причине этой, в общем, скептической оценки ХСС потребовал вместо односторонней направленности на Америку дополняющую оборонительную концепцию НАТО собственную европейскую политику вооружений, экономики и обороны, которая держалась бы на трёх основах:

1. Обеспечить существование и дальнейшее развитие свободного общества;
2. Поддержать Соединенные Штаты в их мировых обязательствах и разгрузить их на их восточном фланге;
3. Не допустить, чтобы европейские народы снизились в цивилизационном смысле до статуса технического недоразвития [1, 2/91].

На основании этой аргументации, очевидно, что ХСС выступал за связь атлантической и европейской оборонительной концепции и, что имплицитное в ярлыке «голлистов» противопоставление ХСС Соединенным Штатам реально не существовало.

Точно так же нет никаких доказательств национально-ядерных амбиций Франца Йозефа Штрауса. Напротив, Штраус исходил из того, что ни находящиеся под американским контролем многонациональные ядерные силы (МЯС) или модифицированные атлантические ядерные силы (АЯС), ни чисто национальная политика не пригодны для обороны Европы. Вместо этого он выступал за самостоятельную в военном смысле Европу с арсеналом стратегических и тактических ядерных вооружений и «под контролем имеющего право распоряжаться европейского правительства, то есть политически ответственной инстанции единой Европы. Итак, ни МЯС или АЯС, а европейские ядерные силы, скоординированные с Соединенными Штатами в совместной ядерной стратегии. «Очевидно, — подчёркивал Штраус в этой связи, — что Германия в такой европейской системе не могла бы обладать никаким национальным контролем над ядерным оружием» [1, 30/21].

Адельберт Вайнштейн писал, что Штраус своевременно признал, что ядерное оружие, политическое оружие немислимо для ведения войны: «Так же мало, как историк, который полемизирует о сущности диктатуры, имеет в виду осуждение тирании, стратегический мыслитель Штраус имел всякий раз склонность вводить ядерное оружие как средство ведения войны в бундесвер» [1, 3/4].

Разработка социальными христианами концептуальных основ политики безопасности ФРГ на протяжении четвертого периода происходила в условиях, когда в подходе Бонна к данному направлению западногерманской политики заметно снизился удельный вес военно-политических аспектов, прослеживалось некоторое усиление её связи с Европолитикой. ХСС был удовлетворен тем, что обрела реальные очертания Еврогруппа НАТО, предпринимались попытки оживить деятельность Западноевропейского союза. В связи со вступлением ФРГ в 1973 г. в ООН видные деятели союза подчеркивали, что следует активно использовать возможности этой организации для достижения целей анализируемой политики. Начиная с четвертого периода, существенным элементом концепции безопасности социальных христиан становится выдвигание предложений для Венских переговоров о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе.

Старт пятого периода пришелся на время, когда осуществляло свои полномочия правительство Г. Шмидта — Г.-Д. Геншера. В своем подходе к проблемам политики безопасности социальные христиане имели больше точек соприкосновения с этим кабинетом, чем с исполнительной властью в зру Брандта. Обе стороны были озабочены европеизацией ядерного риска в связи с начавшимся в конце 70-х годов ракетным кризисом. Заметим, что после того как Г. Шмидт сделал доклад перед Лондонским институтом стратегических исследований 28 октября 1977 года, ХСС сразу же поддержал лейтмотив данного доклада: необходимость учёта ядерных средств средней дальности на переговорах об ОСВ-3. В связи с ракетным кризисом социальные христиане жестко ставили вопрос об укреплении американских ядерных гарантий по отношению к ФРГ, Западной Европе в целом [1, 13/31].

ХСС позитивно оценил тот факт, что Бонн и Вашингтон продемонстрировали четкое взаимопонимание в ходе разработки долгосрочной военной программы НАТО, рассчитанной на период до 1994 г. Эта беспрецедентная по своим масштабам программа была одобрена Вашингтонской сессией Совета НАТО (1978 г.). Государства – члены альянса согласились на существенное увеличение военных расходов, которое в среднем должно было составить на период с 1979 по 1984 гг. 3 % ежегодно в реальном выражении (т. е. с учётом инфляции) [3; 25-27].

Согласно долгосрочной военной программе НАТО, ФРГ обязывалась затратить до конца 1980-ых годов на приобретение вооружения 100 млрд. марок. Из 300 рекомендаций долгосрочной военной программы НАТО 186 затрагивали бундесвер [4; 51]. Значительная часть заказов выполнялась фирмами, руководимыми последователями ХСС.

Социальные христиане были удовлетворены реализацией ключевых положений военной реформы, разработанной в её правительство В. Брандта – В. Шеелера, отмечая, что «существенно повысилась ударная мощь и боеспособность бундесвера» [ACSP, DS 8/9].

После возвращения ХСС к правительственной ответственности на федеральном уровне партия стала участником западно-германских дискуссий на предмет отношения ФРГ к стратегической оборонной инициативе (СОИ), выдвинутой в 1983 г. тогдашним президентом США Р. Рейганом. ХСС, с одной стороны, поддерживал СОИ, с другой стороны, брал в расчёт геостратегическое положение ФРГ: «Подключение к СОИ не устроило западногерманских опасений в том, что, создав космический щит над Америкой, Вашингтон может пренебречь интересами безопасности Западной Европы. Эти опасения породили поиски западно-европейских аналогов СОИ, которые не только прикрыли бы Западную Европу и ФРГ в особенности, но и укрепили бы западно-германские позиции в отношениях с США. Одним из подобных аналогов стала «европейская оборонная инициатива», вдохновитель и сторонник которой Ф. Й. Штраус стремился «эффективно дополнить СОИ – создать космические объекты, направленные против ракет малой дальности и крылатых ракет» [10; 241].

Авторами идеи «европейской оборонной инициативы» были военные специалисты концерна «Мессершмитт -- Бёльков – Блом». Затем её подхватил и целеустремленно отстаивал единомышленник Штрауса, видный деятель ХДС, глава оборонного ведомства М. Вернер. Неоспоримая логика была заключена в утверждении председателя ХСС о том, что СОИ – это «защита головы», в то время как Западная Европа должна собственными усилиями обеспечить прикрытие от «ударов ниже пояса» [8; 51]. Вашингтон учёл подобные настроения. В конечном итоге США сконцентрировали свои усилия на системе ПРО, предназначенной для поражения межконтинентальных баллистических ракет, а западноевропейские страны стали возводить региональный противоракетный щит.

Кардинальные изменения в международных военно-политических отношениях на рубеже 90-х годов, ставшие возможными в значительной мере благодаря революционному прорыву в советском внешнеполитическом мышлении, привели к тому, что и СОИ, и её европейский аналог – ЕОИ потеряли свое практическое значение. Разумеется, работы в данном направлении были свернуты.

Вновь получив статус правительственных, христианские политические партии перестали с недоверием относиться к попыткам вашингтонских стратегов усилить конвенциональный уровень гибкого реагирования. И ХДС, и ХСС одобрили доктрину Роджерса, ставшую общеполитической. Её автор, Верховный главнокомандующий объединенными вооруженными силами альянса в Европе, стремился существенно повысить ядерный порог в потенциальной войне. Намечая новые акценты в военном строительстве, вытекающие из анализируемой доктрины, альянс полагал, что проектируемые мероприятия приведут в будущем к исключению ядерных вооружений из европейских арсеналов Организации Североатлантического Договора. Учёт геостратегического положения Федеративной Республики чётко прослеживался в предполагаемых изменени-

ях в сценарии гипотетического военного конфликта. По мысли разработчиков доктрины, войска НАТО в случае войны в Европе должны были сразу же перенести боевые действия на территорию стран Восточной Европы. Социальные христиане, заинтересованные в избежании ядерных взрывов западнее Эльбы, восприняли новое слово альянса как подход, более адекватный реалиям по сравнению с предыдущей концепцией. Они резко критиковали социал-демократов, которые, вырывая из контекста элемент данной доктрины, предполагавший удары в глубину, квалифицировали её как агрессивную. Эксперты ХСС отмечали, что их оппоненты противоречат сами себе. Обращая внимание на то, что Эссенский съезд СДПГ, проходивший в мае 1984 г., констатировал очевидное превосходство Востока в Центральной Европе в области обычных вооружений, они не понимали, почему тот же форум отверг доктрину Роджерса, предусматривавшую наращивание данного компонента оборонительной мощи [1, 18/82].

ХСС положительно расценил тот факт, что обрела реальные очертания перестройка бундесвера в соответствии с планом Роджерса, что влияние анализируемой доктрины чётко прослеживалось в новой долгосрочной программе развития бундесвера (1985–1997 гг.), принятой в 1984 г. [5; 78]. Этой программе суждено было стать последней в истории Боннской республики.

Важное место в концептуальных поисках ХСС в пятый период заняло участие в дискуссии о возможности партнерства во имя безопасности между Западом и Востоком. Исходя из реалий того времени, партия пришла к выводу, что постановка подобного вопроса никак не вытекает из логики советской политики, нужна Москве лишь для искусственных пропагандистских игр. Партия оценила как контрпродуктивную соответствующую идею в программных установках СДПГ [ACSP_DS 9/92].

Сложным и неоднозначным был для ХСС шестой период. Лидеры СвДП и СДПГ опередили и демохристиан, и социальных христиан в прогнозах на предмет изменений в советской политике. Только в конце шестого периода ХСС, как и его партнеры по правительственной коалиции, а также партии, представляющие парламентскую оппозицию, считал, что идею партнерства во имя безопасности между Западом и Востоком можно наполнить реальным содержанием. Согласие СССР на беспрецедентные шаги в области разоружения и контроля над вооружениями, транспарентность в военной области, инспекцию на местах подмывали аргументы адептов концепции передовой обороны, лишали почвы для сомнений у наиболее жёсткой из всех эстаблированных партий – партии социальных христиан. Убедительное доказательство поворота в подходах ХСС – принципиальная поддержка партией договора между объединенной Германией и СССР о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве от 9 ноября 1990 года. Это – первый в двусторонних отношениях договор, обладавший функцией договора о ненападении.

В партийных документах, которые принимались на протяжении шестого периода, отмечался прогресс в той части, которая касалась европейского аспекта политики безопасности ФРГ. Выделялись два момента: укрепление оси Бонн – Париж, принятие Гаагской сессией Совета Западноевропейского союза, проходившей в конце октября 1986 года, «Платформы принципов европейской безопасности», в которой были сформулированы конкретные основы будущего военного сотрудничества западноевропейских стран [6; 47]. ФРГ и Франция заложили правовую базу для появления принципиально новых совместных структур: совета обороны и безопасности, смешанной бригады. Глава французского государства объявил о готовности консультироваться с канцлером ФРГ по вопросам применения тактического ядерного оружия на территории Западной Германии [7; 147]. Вместе с тем деятели ХСС констатировали отсутствие очевидных подвижек на предмет военно-политического сотрудничества в рамках ЕЭС, безрезультатность скоординированных действий Бонна и Парижа, направленных на то, чтобы заработал механизм такого сотрудничества [1, 99/23].

Таким образом, политика безопасности Христианско-социального союза в Баварии в эпоху холодной войны была сбалансированной, отвечала национальным интересам

ФРГ, представляла собой серьезный вклад в формирование модели международной безопасности, адекватной мирным устремлениям народов планеты.

1. Archiv für Christlich – Soziale Politik (далее: ACSP), Druckschrift (далее: DS).
2. Якобсен Г. А. Бундесвер перед лицом новых задач. Преемственность и перемены // От стратегии обороны к политике мира. Германские вооруженные силы в период перемен. – М.: Наука, 1993. – С. 136.
3. NATO – Review, 1977. – № 3. – П. 25-27.
4. Marxistische Blatter – 1979. – Н. 2. – С. 51.
5. Павлов Н. В. Внешняя политика ФРГ: концепции и реалии 80-х годов. – М.: Международные отношения, 1989.
6. Бурдули Г. П. Возрождение Западноевропейского союза // Мировая экономика и международные отношения – 1989. – № 4. – С. 47.
7. Манжолла В. А. Ядерное оружие Франции и вопросы европейской безопасности. – Киев, 1984. – С. 147.
8. Григорьянц А. Черный шлейф "Торнадо". – М., 1987.
9. Глазунов Н. К. Бундесвер и НАТО. – М.: Воениздат, 1979.
10. Зиборова М. А. Бонн и Вашингтон, 70-80-е гг. – М., 1978.

Анисимова Н. И. (г. Москва, МГУ им. М. Ломоносова)

ФЕДЕРАТИВНАЯ РЕСПУБЛИКА ГЕРМАНИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Федеративная республика Германия – демократическое правовое государство, которое занимает важное место в мире. Она играет одну из ведущих ролей в мировой политике, экономике и социокультурных отношениях как среди держав Западной Европы, так и среди других государств.

В соответствии с общепризнанными нормами Германия открыта для контактов с мировым сообществом. Развитие гражданского общества в этой стране готово сотрудничать с иностранными государствами и международными организациями.

Это сотрудничество осуществляется как в правовых, так и в не правовых формах. Особый интерес представляют правовые аспекты международных отношений Федеративной республики с другими странами.

I. Прежде всего, Германия признаёт частью своей правовой системы международное право (ст. 25 Основного закона ФРГ). Государство выражает активную готовность соблюдать правила, выработанные в рамках европейского и мирового сообщества. Многосторонние международные договоры и иные акты международного права – это политические, экономические и другие соглашения различных стран, которые призваны урегулировать те отношения, которые наиболее важны и актуальны для всех народов. Любый акт такого рода должен быть результатом согласования воли всех участников договора.

Федеративная республика выполняет договоренности с отдельно взятыми странами. Двусторонние договоры Германии с другими государствами касаются отдельных вопросов их взаимоотношений – трудовых, экономических, таможенных, уголовно-процессуальных и др. Так, у Федеративной республики есть такие договоры с Россией (об избежании двойного налогообложения 1996 г.) [1], с Белоруссией (о защите инвестиций 1993 г.) [2] и с другими государствами.

II. Конституция Германии знает приоритет международно-правовых предписаний перед внутренним законодательством, особенно в сфере прав человека. Такой подход к соотношению международного и национального права является наиболее распространенным, но не единственным.

Как теоретическая проблема вопрос о соотношении внутригосударственного и международного права возник уже давно. Представители дуалистического направления (итальянский юрист Д. Анцилотти [3], английский юрист Л. Оппенгейм [4]) рассматривали международное и национальное право как самостоятельные правовые системы, относящиеся к различным правовым порядкам. Такой подход был характерен и для советской / постсоветской правовой доктрины.

Другая точка зрения – международное и внутригосударственное право являются частями единой правовой системы. Однако одни учёные придерживаются концепции приоритета национального права – они поддерживают позицию Гегеля, который считал, что "государство есть абсолютная власть на земле", а следовательно, эта власть вправе изменять по своей воле не только внутригосударственное, но и международное право [5, 349]. А другие (и их большинство) разделяют мнение о верховенстве международного права [6, 279].

Признание приоритета международного права перед правом национальным явилось необходимым требованием для всех государств после второй мировой войны. Государства-участники и другие страны договорились создать и соблюдать единый перечень основных прав и свобод человека ради сохранения народов мира. Множество документов и деклараций, подписанных различными государствами, стали обязательны для всех. Соблюдение этого принципа приобретает особое значение в современную эпоху, когда от выполнения предписаний норм международного права может зависеть судьба всего мира.

Федеративная Республика Германия выполняет свои обязательства перед всеми другими субъектами международного права на основе принципов равенства и обеспеченности. В исполнении предписаний международных договоров, конвенций и других обязательных международных норм все страны и народы имеют равные права и обязанности. Любые мероприятия, которые должны осуществляться в том или ином государстве, должны быть обеспечены организационно и материально.

III. Как демократическое и правовое государство, Федеративная республика закрепила в своём Основном законе принципы взаимоотношений с другими странами.

1. В соответствии со ст. 24 Основного закона Германия может передавать свои суверенные права посредством Федерального закона межгосударственным организациям. К таким организациям можно отнести Организацию Объединённых Наций, ЮНЕСКО и другие межгосударственные объединения, которые совместными усилиями охраняют и защищают жизненно важные интересы всего человечества. Федеративная республика Германия признаёт важность и необходимость интеграции и кооперирования различных государств в обеспечении общих интересов, что обуславливает и защиту интересов немецкого народа.

Так, ФРГ является членом ООН и её специализированных учреждений. Организация объединённых наций призвана поддерживать мир и безопасность, развивать дружеские отношения между нациями, осуществлять международное сотрудничество (Устав ООН 1945 г.). В рамках Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) осуществляется деятельность по достижению всеми народами "возможно высшего уровня здоровья" (Устав ВОЗ 1948 г.). Особо активно Германия выступает в Международной организации труда ООН (МОТ).

2. Субъекты федеративного государства (земли) могут передавать международным организациям права осуществления тех полномочий, за которые они отвечают. Требуется одобрение этих действий Федеральным правительством.

Германский законодатель наделил земли самостоятельностью, которая обеспечена механизмами ответственности региональных сообществ за выполнение возложенных на них задач. Ведь действия субъектов федерации влекут юридические последствия не только для регионов, но и отражаются на развитии всего государства в целом. Во многих других странах (например, в России) региональные сообщества лишены политической самостоятельности на международной арене. Федеративная республика Германия

позволяет землям содействовать развитию всей страны. Одобрение федеральной исполнительной властью – это своеобразная форма контроля.

3. Специально в Основном законе ФРГ закреплено право Федерации войти в международные союзы, целью которых является обеспечение безопасности и охраны мира (ч. 2 ст. 24 ОЗ). Пережив в своей истории немало войн и кровопролитий, немецкое государство с особой сознательностью относится к обеспечению личной неприкосновенности человека и свободы общества.

4. Наконец немаловажную роль во взаимоотношениях Германии с другими странами играют механизмы разрешения споров, возникающих по поводу создания и реализации международных норм и правил. Федеративная республика в ч. 3 ст. 24 Основного закона закрепила право рассмотрения таких споров независимым международным судом, закрепляя тем самым важнейшей правовой (и не только правовой) принцип: "никто не может быть судьёй в своём собственном деле". В этом лишний раз подчёркивается самосознание немецкого народа, как части мирового сообщества.

IV. В последнее время особую актуальность в системе международных отношений приобрёл вопрос, связанный с деятельностью Европейского Союза. Федеративная республика Германия является членом ЕС и активно содействует его развитию.

Уже более 50 лет европейские страны налаживают тесное и взаимовыгодное сотрудничество. Со временем оно переросло в политическое единство, которое мы называем сегодня "Европейским Союзом".

Первоначально в ЕС входили всего 15 государств Западной Европы; особую роль в его основании сыграла Германия. В 2004 году Евросоюз расширился до 25 стран-участников, включив в себя и государства Центральной и Восточной Европы, Прибалтику. Что изменилось в международных отношениях в связи с расширением ЕС?

Прежде всего, у каждого члена Союза, т. е. и у Германии, появились новые возможности для развития политических, экономических и социокультурных контактов с другими народами. Возникла в некотором роде дополнительная "сфера влияния" для государств-первоначальных членов ЕС на постсоветском пространстве.

Однако расширение Евросоюза имеет и другие стороны. Так, создание единого рынка и единого политико-культурного сообщества требует от каждого государства дополнительных усилий и особой внимательности во взаимоотношениях с соседями.

Республика Германия видит целью своей деятельности в рамках ЕС создание общества на основе принципов демократии, социальной справедливости, защиты прав человека (ст. 23 ОЗ). Только на таких условиях она готова передавать часть своих суверенных прав Европейскому союзу.

Важной гарантией демократии и права является закрепление в Основном законе механизмов участия федеральных земель в общеевропейских процессах. Они вправе действовать непосредственно и через Бундесрат, который одобряет закон о передаче суверенных прав. Федеральное правительство также принимает во внимание интересы Бундестага.

Итак, Федеративная республика Германия как государство с развитой демократией выражает активную готовность сотрудничать с другими странами и международными организациями. Принципы и методы такого сотрудничества являются хорошо разработанными. Они закреплены, прежде всего, в правовой форме – в различных правовых актах. Правовое обеспечение международных связей имеет большое значение.

1. Соглашение между Российской Федерацией и Федеративной Республикой Германия об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и имущество от 29 мая 1996 г.

2. Договор между республикой Беларусь и Федеративной республикой Германия о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций от 2 апреля 1993 г.
3. Анцилотти Д. Курс международного права. - М.: Инostr. лит., 1961. Т. 1.
4. Оппенгейм Л. Международное право. - М.: Инostr. лит., 1948. Т. 1.
5. Гегель. Соч. Т. 7. Л., 1934.
6. Курс международного права. Т. 1. - М., 1989.

Агеев В. В. (г. Калининград, КГТУ)

НЕМЕЦКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ В ФОКУСЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Федеративная Республика Германии долгое время среди государств-членов Европейского сообщества/ союза являлась единственной страной с федеральным устройством. Из этого обстоятельства вытекал ряд взаимосвязанных друг с другом проблем.

Федеральные земли с самого начала интеграции не выражали сомнения в её необходимости и поддерживали этот процесс. Признавая неизбежность европейского объединения и свою принадлежность к возникшей в Западной Европе межгосударственной группировке, они демонстрировали готовность идти на интеграцию во всех её сферах. Об этом свидетельствуют многочисленные официальные заявления политиков, документы, труды учёных (например, сборник рефератов и дискуссионных докладов симпозиума Немецкого объединения по парламентским вопросам 20/21 июня 1986 г. в г. Штутгарте. – Баден-Баден, 1986, 295 с.; Сборник рефератов Каппенбергской встречи 18 ноября 1991 г. в г. Магдебурге. – Кельн, 1992. 74 с.).

Примечательно в этом смысле заявление премьер-министра земли Банден-Вюртенберг В. Тойфелья, который при вступлении в должность председателя бундесрата сказал, что земли ФРГ говорят «да» Европе не только из-за верности федерализму, а из своего внутреннего убеждения. Далее В. Тойфель заявил: «Мы хотим и европейского объединения и гарантирования (Gewährleistung) федерального государства в Германии» [1;14]. Логично можно было бы предполагать ожидания землями адекватной реакции со стороны Сообщества, но реальные события развивались в ином политическом русле. Этот вопрос проясняет исторически важное событие, которое в политической литературе упоминается весьма редко. 7 июня 1951 г. федеральный канцлер Аденауэр направил председателю бундесрата и премьер-министру Баварии Эхарду принятый федеральным правительством «Проект закона, касающийся Договора об образовании Европейского сообщества угля и стали» (от 8 апреля 1951 г.). Данный акт означал собой начало самостоятельных действий федеральных земель на наднациональном уровне, однако он имел и другой, не менее важный результат с иным значением: выступивший на 61-м заседании бундесрата 27 июня 1951 г. премьер-министр земли Северный Рейн-Вестфалия К. Арнольд критически заявил, что земли, по замыслу Договора об образовании ЕОУС, исключаются от участия в интеграции и «превращаются в чисто административные единицы» (reine Verwaltungseinheiten). По его мнению, это выглядит парадоксально из-за того, что большинство переданных Сообществу полномочий поступили в него от федеральных земель. Унитаристские элементы Федерации, по словам К. Арнольда, в связи с этим неправомерно обогатятся за счет того, что ЕОУС отдадут то, что ему не принадлежит. Премьер-министр земли Северный Рейн-Вестфалия тогда потребовал от бундесрата обеспечения законного участия земель в делах сообщества. Значимость этих действий представителя земель ФРГ заключается, на наш взгляд, в том, что ими обозначилась ключевая проблема, которой многие годы вынуждены были заниматься западногерманские земли и Федерация. Содержание ее можно охарактеризовать как зрелище полномочий земель во внутрисоюзной сфере. Этот процесс М. Меринг называет обратной стороной медали прогрессирующей западно-европейской интеграции. Об ущемлении, сокращении, выхолащивании прав и полномочий земель в ходе интеграции на протяжении мно-

гих десятилетий говорят многие ученые, политики и государственные деятели ФРГ, однако, следует признать, что в данном вопросе отсутствует единство мнений. На данном же этапе зафиксировав, как федеральные земли буквально с первых шагов европейского объединительного процесса решительно заявляли о своих правах. Отметим и то, что действия земель не были безрезультатными. Впервые такой результат удалось достичь в Законе о ратификации учредительных договоров (27 июля 1957 г.), в котором появилась важная, с федеральной точки зрения, статья 2, где говорилось, что федеральное правительство должно информировать бундесрат о делах в Совете ЕЭС и в Совете Евратом.

Данное событие можно расценивать как первый значительный правовой жест, сигнализирующий о необходимости считаться с федеративной структурой государства-члена Европейского сообщества, но при этом его не следует и переоценивать, так как ряд наблюдателей рассматривают этот акт не более чем конкретизацию положения ст. 53 абзац 3 Основного закона («федеральное правительство обязано держать бундесрат в курсе текущих дел»). С этим нельзя не согласиться, но данное событие, несомненно, характеризуется и как правовой акт, свидетельствующий, с одной стороны, о необходимости считаться с федеральной структурой государства-члена ЕС ФРГ, с другой, о прямом воздействии немецкого федерализма на Римские договоры, а с ними и на процесс интеграции [2; 16].

Можно с уверенностью говорить, что из этого, поначалу небольшого положения, впоследствии сформировался самостоятельный метод, в основу которого была положена обязанность федерального правительства учитывать мнение бундесрата при решении вопросов на наднациональном уровне.

Имеется ещё одно важное обстоятельство, которое следует выделить в контексте изучения процесса взаимоотношений земель, Федерации и Европейских сообществ, оно касается позиции и действий федерального правительства. Политолог Р. Хрбек пишет о том, что уже на начальном этапе интеграции земли столкнулись с ограничительной позицией федерального правительства, не связанной с его партийно-политической ориентацией. В основу своих ограничительных действий по отношению к землям федеральное правительство положило конституционно-правовые и политические сообщества и аргументы. Оно, в частности, указывало на ст. 32 Основного закона (право федерации вести сношения с иностранными государствами), упоминало властные полномочия федерации в соответствии со ст. 24 абзац 1, делало ссылку на положения Преамбулы Основного закона и ст. 24 абзац 3, как на принятое решение в пользу европейской интеграции вплоть до готовности отказа от национального суверенитета.

С политической точки зрения, федеральное правительство мотивировало свои действия необходимостью ограничения интеграционно-политического и внешнеполитического пространства действий, которое якобы возникало как следствие усиления роли земель на уровне Сообщества. Кроме того, федеральное правительство предвещало возможное осложнение своей позиции на переговорах в институтах ЕС в тех случаях, когда земли, облаченные новыми правами по внесению возражений, смогли бы затягивать процесс принятия решений на внутригосударственном уровне.

Вместе с тем, было бы неправильно сводить позицию и действия федерального правительства к одним ограничениям. В целом федерация и её институт федеральное правительство с началом интеграционного процесса заявляли о своем понимании проблем, связанных с полномочиями земель, однако, как пишет Р. Хрбек, на начальных этапах федеральное правительство не было готово связывать свои интеграционно-политические действия с согласием бундесрата и тем более с согласием отдельных земель [3; 17].

Характерно, что в первые десятилетия членства ФРГ в Европейском сообществе федеральное правительство, представлявшее на наднациональном уровне федеральный центр, в соответствии со ст. 24 Основного закона и в духе взятых на себя интеграционных обязательств, всячески провозглашало власть Сообщества, не преминуя при этом подчеркивать свою верность принципам федерализма. Выстраивая свои отношения с

землями, оно ссылалось на особенности принятия решений в институтах Сообщества, на то, что рамки политического поля интеграционной группировки не позволяют нарушать их каким-либо императивным мандатом.

В целом необходимо отметить, что, несмотря на различие положения и понимания своих прав федерацией и её субъектами, в Федеральной Республике Германия со временем все же удалось найти, практиковать и развивать прагматические правила внутрисообщественного сотрудничества, в том числе и в вопросах, касающихся Сообщества/союза.

Мы можем также констатировать, опираясь на труды учёных, политические документы, публикации прессы, что проблема соучастия федеральных земель в политике ФРГ на европейском уровне в её современном виде возникла не сразу и не скоро обрела широкий политический резонанс. Как указывает Г. Ойрих, в политической сфере этой проблемой сначала занимался узкий круг специалистов, чаще профессиональные правоведы, т. е. признанные знатоки, кто непосредственно участвовал в принятии решений.

Анализируя деятельность всех действующих лиц от ФРГ на арене западноевропейской интеграции можно выявить следующее: в процессе прогрессирующего сотрудничества и объединения государств Западной Европы со стороны ФРГ прилагались усилия по двум основным направлениям. Во-первых, чтобы действия федерации не нарушали целостность федеративной структуры государства. В этом смысле непреодолимым барьером выступала ст. 79 абзац 3 Основного закона. Во-вторых, чтобы со стороны земель не было попыток блокирования или затруднения интегрирования Федеральной Республики Германия в Европейское сообщество. Залогом общих успешных действий федеральных земель и федерации провозглашалась верность федерализму (*Bundestreue*), следует отметить, что данный принцип соблюдался обеими сторонами [4; 248].

Углубленное изучение данной проблемы позволяет утверждать, что различные институциональные уровни в ФРГ по-разному оказались затронуты м перенесением полномочий в звене земли – федерация – Европейское сообщество.

Мы можем убедиться в том, что федерация, конкретно, её институт – федеральное правительство, представляющий государство – член ЕС в Брюсселе фактически получили прибавку полномочий в тех сферах, которые ранее для них оставались закрытыми из-за особенностей собственной конституции. Земли на этом политическом поле продолжительный период оставались ущемленными. Политолог Х. Кильпер считает такое положение естественным, бесспорным и относит его к природе вещей интеграционной группировки. Но юрист К. Томушат выражает своё мнение в том смысле, что данным фактом сказано не все, т. е. нет ясности, участвуют ли вообще, а если участвуют, то каким образом, земли в делах Европейского сообщества. По мнению этого учёного, «проигравшие» от участия в ЕС лишь тогда могут быть выявлены, когда будет подвергнут тщательному анализу метод, приведший к передаче полномочий Сообществу. Х. Кильпер в исследовании «Федерализм в Федеративной Республике Германия» (глава: «Перемещение полномочий в трехступенчатом федеративном государстве». – Опладен, 1996, стр. 212-215) детально освещает проблему, связанную с потерей полномочий землями и делает важные выводы: в экономической политике налицо утрата их полномочий, в сферах образования и культуры полномочия установленные за землями подменены маргинальными полномочиями сообщества, в сфере охраны окружающей среды в отдельных её секторах значительные правовые пространства остаются за землями.

Наряду с положенными оценками достижений земель, ряд специалистов в области политики делают и критические замечания относительно достигнутого с помощью ЕЕА. Так В. Ренш высказывает мнение, что правовая и политическая важность положений этого документа весьма спорна. В 1988 г. бывший председатель бундесрата Б. Энхольм заявил, что бундесрат посредством ЕЕА лишь достиг равноправия в европейских делах. Директор бундесрата Г. И. Ошатц и его помощник Г. Риссе назвали достигнутое бундесратом (в правовом аспекте) незначительным. Г. И. Глесснер считает, что не следует переоценивать изменения в действиях земель на уровне ЕС, вызванные Единым европейским актом.

В целом можно заключить, что в оценках значения ЕЕА нет единства мнений. В связи с этим нам представляется целесообразным разделить точку зрения тех ученых, которые считают, что в 1986-1987 гг. Федерация и земли нашли новое компромиссное решение, определяющее порядок их действий в европейском процессе. Этот акт можно рассматривать как определенный успех земель, усиление их влияния на европейскую политику [5; 217].

После Маастраханского договора (1992 г.), Амстердамского договора (1997 г.) эти оценки подтвердились.

1. Bundesrat und Europäische Union. – Bonn, 1996.
2. H. Thaysen. Begrüssung zur Eröffnung der Tagung // Dir deutschen Lander und Europäische Gemeinschaft. – Baden-Baden.
3. R. Hrbek. Doppelte Politikverflechtung: Deutscher Federalismus und Europäische Integration. – Baden-Baden, 1986.
4. H.-P. Ipsen. Als Bundesstaat in der Gemeinschaft // Probleme des europäischen Rechts. – Frankfurt am Main, 1966.
5. H. Kilper, R. Lhotta. Federalismus in der Bundesrepublik Deutschland. – Opladen, 1996.

Белоус Н. Ф. (г. Брест, БрГУ им. А. С. Пушкина)

Белоус С. Н. (г. Минск, БГУ)

О НЕКОТОРЫХ ЧЕРТАХ «НОВОГО ПОРЯДКА» НА ОККУПИРОВАННОЙ НЕМЦАМИ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1941 – 1944 гг.)

В ходе подготовки к войне немецкое политическое и военное руководство подготовило планы действий военных и полицейских сил на захваченных территориях СССР и хозяйственного использования местных ресурсов, промышленной структуры и рабочей силы. Конкретные директивы относительно ближайших экономических мероприятий в оккупированных районах были разработаны Восточным штабом экономического руководства и изданы под условным наименованием «Зеленая папка». Данный штаб возглавлял статс-секретарь Кернер, который был непосредственно подчинен имперскому министру авиации, главе правительства Пруссии, уполномоченному по осуществлению четырехлетнего плана развития Германии Г. Герингу. «Зеленая папка» предусматривала, прежде всего, полную реквизицию хлебных и продовольственных запасов, нефтепродуктов, лёгких металлов, транспортных средств, а также всех видов промышленного сырья, полуфабрикатов и готовой продукции [2; 237].

Три долгих года находилась под оккупацией белорусская земля. Что же реально происходило на оккупированных немцами советских территориях? Объективно ответить на этот сложный вопрос в значительной степени помогают недавно опубликованные, а ранее совершенно секретные, материалы Главного разведывательного управления (ГРУ) Красной Армии, хранившиеся более полувека в опечатанном свинцовой plombой красном пакете. Это обзор трофейных документов, иностранной печати и агентурных материалов для высшего партийно-государственного руководства СССР, раскрывающих деятельность германских властей на временно оккупированной территории Советского Союза с июня 1941 г. по март 1943 г. [2]. Здесь содержится значительный объём информации о положении в захваченной гитлеровцами Беларуси.

Оккупированная советская территория была разделена на главные рейхскомиссариаты «Остланд» и «Украина». В первый были включены территории трех прибалтийских советских республик и часть Белорусской ССР, на основе которых выделялись четыре генеральных округа: Литва, Латвия, Эстония и Белоруссия. Территория генерального округа Белоруссия составляла 90 000 кв. км. [2; 244]. В рейхскомиссариат «Украина» входила часть территории Украинской ССР, южные районы БССР и Крым.

На захваченных советских землях фашистские оккупанты стали насаждать «новый порядок». Что он собой представлял? Во-первых, одним из важнейших его элементов

являлась безжалостная эксплуатация фашистами русских, украинцев, белорусов и других народов СССР. Во-вторых, существенной чертой оккупационного режима стало физическое истребление десятков и сотен тысяч советских людей. В-третьих, «новый порядок» – это атмосфера страха, постоянного запугивания людей, это целенаправленное создание условий для массового голода на оккупированных землях как мощного средства повиновения. В-четвертых, наконец, «новый порядок» – это массовый насильственный вывоз гражданского населения России, Украины, Беларуси на принудительные работы в Германию, где они должны были трудиться как рабы.

В обзоре отмечается, что немцы после оккупации Прибалтики начали создавать здесь марионеточные органы «самоуправления». Однако в Белоруссии организация центрального органа «самоуправления» была отложена на неопределенное время. В документе даётся разъяснение, почему оккупанты не смогли решить эту задачу. Начальник культурно-политического отдела при генеральном комиссаре Белоруссии Юрды заявил, что только «немногие белорусы оказались пригодны для сотрудничества с немецкой администрацией». Авторы обзора приводят цитату из газеты «Локальнэцгейгер» от 21. 12. 1942 года, которая ясно определяет положение: «За неимением подходящих лиц в Белоруссии не удалось создать самоуправление по примеру стран Прибалтики» [2; 247]. Гитлеровцы отыскали в Праге и привезли в Минск д-ра Ивана Ермаченко, бывшего врангелевца. Однако он не сумел сыграть предназначавшейся для него роли местного «вождя» и главы белорусского «правительства». В июле 1942 года Ермаченко был попросту зачислен на штатную должность «референта по делам белорусского народа» при германском генеральном комиссаре. Он возглавил созданную немцами огромную организацию «Белорусская самопомощь», которая использовалась для борьбы с партизанами и для террора против мирного населения. Приводятся фамилии и других руководителей «Белорусской самопомощи»: ксендз В. Годлевский, архиепископ Филофей, У. Сакович, В. Ивановский и У. Козловский (редактор газеты «Минскер цейтунг»). Таким образом, центральное административное управление в Белоруссии осуществлялось непосредственно германским генеральным комиссаром [2; 247].

Заметим, что в июне 1943 года немцы объявили о создании «Рады доверия», совещательного органа, с которым германский наместник будто бы собирался консультироваться по местным делам. Однако белорусское население по-прежнему оставалось враждебным. В конце декабря 1943 года оккупанты снова пытались привлечь националистов к сотрудничеству и создали так называемую Белорусскую Центральную Раду во главе с Радославом Островским, жившим до войны в Польше. Он занимался главным образом формированием антипартизанских частей. Комсостав белорусских отрядов носил белые погоны с красным кантом и немецкие знаки различия [2; 266]. Накануне взятия Минска советскими войсками немцы создали «конгресс» белорусских националистов, которые объявили себя преемниками Белорусской Рады 1918 года. Но на этом деятельность конгресса закончилась, а его руководители поспешно бежали в Берлин, стремясь не попасть в руки наступающей Красной Армии.

Генеральный округ Белоруссия был разделён на десять окружных комиссариатов, возглавляемых германскими комиссарами. Окружные комиссариаты в свою очередь делились на районы, где главой гражданской администрации являлся начальник района, немец или белорус, из числа возвратившихся эмигрантов-националистов. Район делился на 15-20 волостей (гмин). Последние возглавлялись волостными бургомистрами, назначенными из числа местных жителей. Во главе отдельных населённых пунктов стояли бургомистры или солтусы. Таким образом, в Белоруссии была введена пятиступенчатая административно-территориальная система, в отличие от Прибалтики и Украины, где существовала четырёхступенчатая система. Авторы обзора объясняют введение дополнительных органов власти особыми трудностями управления, в связи с особой враждебностью населения к оккупантам, что неоднократно признавалось немцами устно и в печати [2; 251].

Как указывалось выше, немцы не создали в Белоруссии общей системы «самоуправления», однако в отдельных пунктах были созданы городские управы или магистраты во главе с предателями из местного населения. В документе приводятся конкретные примеры. Так, городской головой Минска состоял академик Гаусман, а позднее Ивановский, главой городской управы в Бресте – бывший инженер Днепро-Бугского канала Брониковский, гражданским комендантом г. Слонима – бывший коендз местного костёла, гражданским комендантом г. Слуцка – один из местных преподавателей немецкого языка, городским головой в местечке Кожан назначен Олесик А. М., сидевший в тюрьме за контрреволюционную деятельность и выпущенный немцами, гражданским комендантом г. Дрогичине был назначен поляк Крейдич, бывший землеустроитель райзо, бургомистром г. Петрикове – врач Рутковский, до Октябрьской революции участвовавший в эсеровских выступлениях [2; 251-252].

Подробно в обзоре рассматриваются роль и функциональные обязанности волостных бургомистров и сельских старост, подчёркивается их большое значение для оккупационных властей. Именно при их непосредственной помощи немцы вели борьбу со всеми антигерманскими элементами и выкачивали сельскохозяйственную продукцию. Они назначались германскими воинскими частями или комендатурами немедленно после оккупации. Староста давал письменное обязательство исполнять все распоряжения властей, всячески препятствовать каким бы то ни было антинемецким выступлениям и сообщать немецким органам о подготовке таких выступлений. Политическая благонадежность и преданность старосты проверялась жандармерией, тайной полевой полицией или непосредственно комендатурой, и в дальнейшем он находился под постоянным негласным наблюдением этих органов.

Весьма обширен перечень мероприятий, которые старосты обязаны были проводить самостоятельно или оказывать помощь при их осуществлении комендатурам, другим германским органам. Это:

- ❖ облавы и розыски скрывающихся военнослужащих РККА, парашютистов, партизан, членов ВКП(б), советских активистов и выявление лиц, дающих им убежище, пищу и т. д.;
- ❖ изъятия у населения оружия, боеприпасов, подрывных средств, советского военного обмундирования, радио- и фотоаппаратов, почтовых голубей;
- ❖ розыски продовольственных и военных складов, реквизиции сельскохозяйственных продуктов у населения; продолжение сельскохозяйственных работ;
- ❖ организация вспомогательной полиции из местных жителей, поддержание внешнего порядка; наблюдение за прекращением уличного движения после установленного часа;
- ❖ обеспечение светомаскировки, уборка улиц, погребение трупов и ликвидация других следов военных действий;
- ❖ учёт местного населения и выявление всех пришлых и подозрительных элементов; привлечение населения на военно-строительные и дорожные работы;
- ❖ проведение различных ограничений и репрессий, в частности против евреев.

Староста обязан был доводить до сведения населения распоряжения немецких властей. Все просьбы и ходатайства на имя германских властей могли подаваться жителями лишь через старосту.

Староста имел право наказывать жителей, но только за маловажные проступки, которые не носили характер антинемецких выступлений. Староста вправе был налагать денежный штраф до 1000 рублей, сажать под арест и отправлять на принудительные работы сроком до 14 дней.

В районах действий партизан старостам выдавались пистолет, винтовка или охотничье ружье. Они снабжались удостоверениями сроком на 1-2 месяца. За свою работу старосты получали плату. Так, в Кричевском и Чериковском районах Белоруссии они получали по 150 марок в месяц. Авторы обзора особо отмечали, что «среди старост

имеются и честные советские люди, в меру сил и возможностей старающихся облегчить положение населения... Но таких, конечно, мало» [2; 255-257].

Немцы в каждом населенном пункте поручали сельскому (старосте или бургомистру составить два списка местных жителей. В первый список заносились лица, прибывшие после начала войны (беженцы, сезонные рабочие и т.п.). В список заносились только те лица, которые имели исправные личные документы и за благонадежность которых бургомистр, староста ручались. Во втором списке регистрировались постоянные жители данной местности. В него заносились только те лица, которые не возбуждали каких-либо подозрений [2; 268-269].

В документе обращено внимание на то, что отмечено много случаев, когда бывшие кулаки, вернувшиеся после оккупации в свои деревни, выдавали немцам активных участников раскулачивания и коллективизации. В Давид-Городокском районе (БССР), например, немцы расстреляли председателя колхоза «Коммунар» Волнцеви́ча и председателя колхоза «1 мая» Курласевича за то, что они были организаторами колхозов [2; 271].

С первых дней оккупации началось массовое истребление евреев. В отдельном разделе материалов обзора подчеркнута, что особыми зверствами отличались части СС. Так, например, кавалерийская бригада СС, проводя с 27.07 по 12.08.41 «умиротворение и очистку местности» западнее Пинска, истребила, согласно отчёту командира бригады Фегелейна, 13 788 мирных жителей, в подавляющем большинстве евреев. Убийства сопровождались грабежами. В Минске было убито 86 тысяч евреев. В Пинске с 03.08 по 12.08.41 немцы расстреляли 15 тысяч человек евреев от 12 лет и старше. Предварительно у них отнимали все личные вещи и заставляли их рыть себе могилы. В г. Костюковичи некоторых евреев закапывали в землю живыми. В г. Слониме из 25 тысяч евреев осталось в живых 301 человек [2; 273].

Германские власти в период оккупации проводили ряд поборов непосредственно с населения. В конце 1941 года проводился первый сбор теплой одежды для германской армии. В Белоруссии, по сообщению газеты «Дейче Цейтунг ин Остланд», в 1941 г. было собрано 100 тысяч шуб и других меховых вещей [2; 276].

Во всех оккупированных областях немецкие власти с помощью местной полиции проводили реквизицию кроватей, постельных принадлежностей, посуды и мебели для военных госпиталей. Летом 1942 года немцы начали повсеместное изъятие домашней утвари и посуды из цветных металлов. У населения отбирались самовары, кружки, ложки, подсвечники, дверные ручки, оконные запоры и т. п. В Белоруссии немцы снимали церковные колокола, позолоту и медь с икон, отбирали металлические предметы церковного обихода. В Минске был издан приказ о том, что за сокрытие цветных металлов виновные подлежат публичной казни через повешение, а сдавшие наибольшее число медных вещей получают особые справки «об активном участии в борьбе против большевизма». Белорусский митрополит приказал сдать немцам всю металлическую церковную утварь и колокола [2; 277].

С населения оккупированных областей взыскивались различные денежные налоги. Поголовный сбор обязаны были уплачивать все жители в возрасте от 16 до 60 лет. Размеры этого и других налогов устанавливались местными оккупационными властями произвольно. От уплаты поголовного сбора освобождались только одинокие женщины, имеющие более двух детей в возрасте до 14 лет, и часть инвалидов. Подоходный налог – взыскивался с рабочих, служащих и кустарей ежемесячно в размере 10 % заработка [2; 278]. Зарплата была небольшой. Квалифицированные рабочие получали от 90 копеек до 1 рубля 20 копеек в час, неквалифицированные – от 70 копеек до 1 рубля, мастера – 2 рубля 50 копеек, ремесленники – от 1 рубля 40 копеек до 1 рубля 70 копеек в час [1; л. 6]. Поземельный налог взыскивался как с застроенных участков, так и с незастроенных. Сельские жители платили налог за землю в зависимости от ее качества от 10 до 100 рублей за гектар [1; л. 8]. Точные ставки налога с торгового оборота не известны.

В отдельных регионах был введен ряд местных налогов. Например, в западных областях Белоруссии налогом облагались даже кошки [2; 278].

1. Государственный архив Брестской области. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 8.
2. Обзор мероприятий германских властей на временно оккупированной территории, подготовленный на основе трофейных документов, иностранной печати и агентурных материалов, поступивших с июня 1941 г. по март 1943 г. // Неизвестная Россия. XX век. Кн. IV - М.: Московское городское объединение архивов, 1993. - С. 235 - 330.

Харытановіч С. С (г. Брэст, БГТУ)

ОСТАРЕАЙТЭРЫ З ПІНШЧЫНЫ: АХВЯРЫ ВАЙНЫ

Акупаваны нямецкімі вайскамі 5 ліпеня 1941 года горад Пінск і наваколле былі ўключаны ў генеральны округ "Вальвіль -- Падолія" (рэйхскамісарыят "Украіна") і атрымалі статус округа. У Пінску, які стаў цэнтрам округа, быў створаны акружны камісарыят (гэбіцкамісарыят) – орган, кантралюючы ўсё грамадзянскае краванне. На чале яго стаў акружны камісар Паўль Герхард Кляйн. Гебіцкамісарыят складаўся з шасці аддзелаў: адміністрацыйнага, фінансавога, гаспадарчага, харчовага, працоўнага і палітычнага. 6 ліпеня 1941 года акупацыйныя ўлады апераўна сфарміравалі орган грамадзянскай улады – "Пінское Городское Управление (магістрат)", кіраўніком якога быў пастаўлены бургамістр С. Кірылаў. Паралельна з грамадзянскай адміністрацыяй на тэрыторыі Пінскага округа дзейнічаў паліцэйскі і ваенны апарат.

Становішча на ўнутраным германскім працоўным фронце летам 1941 года было далёка не такім станоўчым, як на ваенным. Упраўленне ваеннай эканомікі і зброі паведамляла аб 800-тысячнай "дзірка" ў працоўным балансе адной толькі ваеннай эканомікі [9, 52]. 7 лістапада 1941 года адбылася нарада "Аб выкарыстанні рускай рабочай сілы" з удзелам Герынга [5, 639]. 19 снежня 1941 года дзяржаўны міністр для занятых усходніх абласцей выдае дырэктыву, па якой жыхары гэтых абласцей ва ўзросце ад 18 да 45 год падлягаюць "публічнай трудовай пазіцыі". Невыкананне гэтага распараджэння караецца арыштам або турмой. Справы падсудны асобным судам [1]. Спачатку меркавалася, што да насельніцтва ў так званых "новых абласцях", анэксаваных СССР у 1939 – 1940 гадах, трэба адносіцца больш-менш лаяльна. Былі прапановы не вербаваць, а як бы адкамандзіроўваць людзей з забяспачэннем харчавання, кішэнных грошаў і грашовай дапамогі для застаўшайся дома сям'і. Па такой схеме працаўладкаваліся каля 10-12 тысяч украінскіх гарнякоў у германскай горназдабычы. Але ў гэтым сэнсе паказальна дырэктыва ад 28 ліпеня 1941 года, у якой гаварылася, што генерал-фельдмаршал Кейтэль не задаволены тым, што ў наваколлі Львова мясцовым рабочым выплачваюць зарплату ў памеры 25 рублёў. "На рускай тэрыторыі павінны выкарыстоўвацца іншыя правілы, чым у Заходняй Еўропе" [9, 52].

31 снежня 1941 года гэбіцкамісарам г. Пінска і Пінскай акругі Кляйнам былі падпісаны "Временные правила для исчисления налогов на 1942 год". Гэтая сістэма павінна была ўпарадкаваць адміністрацыйнае і гаспадарчае жыццё. Адначасова мелася добрая магчымасць правесці рэгістрацыю ўсяго, у тым ліку і працаздольнага насельніцтва.

10 студзеня 1942 года з'явіліся два загады. Першы – Гітлера, які афіцыйна зафіксаваў пераход да канцэпцыі доўгатэрміновай вайны. Другі – Герынга, які паведамляў, што "в течение ближайших месяцев использование рабочей силы приобретает еще большее значение" [5, 639]. Ведальства па чатырохгадоваму плану выдала кантрольныя лічбы вярбоўкі рускіх грамадзянскіх асоб для патрэб Рэйха – 200 тысяч асоб. Прадугледжвалася "класічная", гэта значыць дэбрахвотная, вярбоўка [9; 52].

Для падрыхтоўкі і правядзення мабілізацыі насельніцтва міністэрства прапаганды выпусціла: 398 тысяч плакатаў, 7 невялікіх брашур тыражом 700 тысяч экзэмпляраў, лістовак – 120

1870 тысяч. Праводзілася каля 3 тысяч выстаў, былі падрыхтаваны два спецыяльных фільма, два другіх здымаліся [5, 774]. Выдаваўшаяся з 8 ліпеня 1942 года акупацыйнымі ўладамі на украінскай мове "Пінска газета" змяшчала прамыя заклікі да насельніцтва ехаць працаваць у Германію [7]. Дабраахвотная мабілізацыя праводзілася з размахам. Як сродак агітацыі выкарыстоўваліся публікацыі лістоў людзей, якія ўжо працавалі ў Германіі. Але разлікі на добраахвотнасць не апраўдаліся. Фрыц Заўкель – гаўляйтар Цюрэнгі, які 21 сакавіка 1942 года быў прызначаны генеральным улаўнаважаным па працоўным рэсурсам, прызнаваў, што "із 6 миллионів иностранных рабочих едва ли наберется 200 тысяч добровольно согласившихся ехать на работу в Германию" [5, 680].

21 снежня 1942 года Розенберг пісаў у лісце Заўкелю: "Отчёт, который я только что получил, показывает, что рост партизанской деятельности в оккупированных восточных районах объясняется, главным образом, тем фактом, что методы, которые применяются для добывания рабочей силы в этих районах, являются насильственными методами массового угона. Люди, таким образом, могут избежать своей судьбы только тем, что уходят в леса и вступают в партизанские отряды" [5, 710].

Згодна з архіўнымі дадзенымі, менавіта з вясны 1943 года пачынаецца масавы вываз насельніцтва Піншчыны на прымусовую працу ў Германію, прычым праводзіўся ён самымі вар'яцкімі метадамі. 19 сакавіка 1943 года ў загадзе па вайсках СС гаварылася: "Если есть необходимост, следует сжигать деревни, а всё население должно быть предоставлено в распоряжение начальника по набору рабочей силы" [5, 711].

Прычынамі такой змены палітыкі нямецкіх акупацыйных улад у адносінах да метадаў вярбоўкі насельніцтва на працу ў Германію вясной 1943 года з'яўляецца паражэнне нямецкіх войск пад Сталінаградом, недахоп таннай рабочай сілы і незфектыўнасць добраахвотнай працоўнай мабілізацыі. Трэба таксама мець на ўвазе, што ў гэты перыяд значна пашырыўся партызанскі рух на акупаванай тэрыторыі.

Захавалася форма загада, які распаўсюджвалі ў вёсках Пінскага раёна, жыхары якіх падлягалі перасяленню ў Германію для працы у сельскай гаспадарцы. Насельніцтву гаварылася, што "за оставленное имущество ручается Германское государство, которое возвратит его по окончании войны". Фактычна, за гэтым пунктам загада стаяла тое, што большасць вёсак спальвалі, каб маёмасць не засталася партызанам, а таксама, каб людзі не імкнуліся вяртацца і не супраціўляліся ад'езду.

Жыхарам Пінска, якія павінны былі ехаць на працу ў Германію, дасылаўся "прывізны приказ": "Вы должны явиться (дата) в 7 часов утра на приёмочный пункт по улице Театральной, 8 в связи с отбытием в Германии своей 2-летней трудовой повинности. Отбор и медицинский осмотр будет производиться в приёмочном пункте. Принести с собой: документы, рабочую одежду, крепкую обувь, бельё и продовольствие на 4 дня. В случае невыполнения этого приказа Вы и Ваша семья будут принудительным порядком доставлены в жандармерию" [2].

Нават у 1944 годзе, калі ваенная ініцыятыва канчаткова перайшла да СССР, калі да вызвалення Беларусі заставаліся лічаныя месяцы, вываз у рабства мясцовага насельніцтва не прыпыняўся.

Мемарандум ад 12 чэрвеня 1944 года, знойдзены ў паперах Розенберга, прадугледжваў: "Группа армий «Центр» намеревается захватить 40-50 тысяч подростков от 10 до 14 лет и направит их в рейх. Предполагается использовать их на немецких предприятиях в качестве подмастерьев и учеников. Эта мера направлена не только на предотвращение прямого пополнения численности армий противника, но на сокращение его биологического потенциала" [6, 337].

15 чэрвеня 1944 года выйшаў сакрэтны загад. Па Пінскай акрузе адказнасць за яго выкананне неслі акружное кіраўніцтва і працоўны аддзел горада Пінска. Загад прадугледжваў наступнае: "Истребление провести в боевом порядке с расчетом одновременного охвата двух,

трех деревень. Чтобы не допустить уход людей в леса, необходимо назначенные места под утро окружить и с наступлением дня провести истребление. Одновременно представители Рабочего Отдела и Окружного командования должны вручить повестки выделенным лицам и доставить их на сборные пункты Пинска и Янова. Работоспособной семьей считается та семья, где число работоспособных на 2 больше неработоспособных. Дети от 10 лет считаются работоспособными. До самой семьи принадлежат прадеды, деды, родители и дети, а также дяди, тетки и др., если работоспособны. Работоспособными считаются мужчины от 14 до 55 лет включительно и женщины от 14 до 50 лет... В районах, где находятся бандиты, работоспособные должны охраняться особыми частями. Целесообразно было бы, если бы комендантура приготовила транспорт для отправки людей на сборные пункты" [2].

У выніку за гады нямецка-фашысцкай акупацыі Піншчыны з чэрвеня 1941 па ліпень 1944 года ў нявольна было ўгнана 10 782 чалавека: з горада Пінска – 6 373 чалавека, у тым ліку мужчын – 2 734, жанчын – 3 639; з Пінскага раёна – 4 409 чалавек, у тым ліку мужчын – 1 973, жанчын – 2 436 [2]. За кожнай такой лічбай чалавечы лес. Да таго ж няма гарантыі, што яны поўныя. Апошні тэрмін вывазу насельніцтва на працу ў Германію, які аўтар знайшоў па апытальных лістах, 11 ліпеня 1944 года, гэта значыць за тры дні, да вызвалення г. Пінска ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў.

Транспарціроўка людзей на працу ў Германію, згодна з успамінамі сведкаў, адбывалася па наступнай схеме: пад канвоем іх накіроўвалі у лагер у г. Пінск, дзе рабілі медыцынскі агляд, затым грузілі у таварныя вагоны па 50 – 80 чалавек. Пад час руху вагоны зачыняліся на замок, да таго ж іх суправаджалі нямецкія салдаты. У суткі на аднаго чалавека выдавалася каля 200 грамаў хлеба і паўлітра вады. Праз пяць-шэсць дзён оstarбайтэры прыбывалі ў Германію. Далей адбывалася размеркаванне ў розныя галіны нямецкай эканомікі.

Тыя, хто працаваў у прамысловасці, жылі ў ахоўваемых арбайтлагерах за калючым дротам. Працавалі па 10-12 гадзін у суткі. У дзень атрымлівалі па 200 грамаў хлеба і 500 грамаў супу з бруквы. Зарплата вагалася ад 15-20 да 40 марак у месяц. Абутак на драўлянай калодцы і адзенне атрымлівалі за наўны разлік. Акрамя таго існавала сістэма штрафаў і пакаранняў ад біцця палкамі да карцэра і адпраўкі ў канцлагер. [2] З успамінаў оstarбайтэра: "...Из лагеря на завод направили как рабочего, снаряды делали, а за спиной надсмотрщик. Чуть резец запорешь – палкой по спине. Но вредили как могли, хотя и в концлагерь, на смерть могли отправить" [3 архіва аўтара. – С. X].

У чэрвені 1944 года міністр узбраення Шпеер скардзіўся Гітлеру, што з заводаў кожны месяц уцякаюць 30-40 тысяч імперскіх рабочых [4, 295]. Уцёкачоў змяшчалі ў канцлагера, каб выкарыстоўваць у якасці рабоў СС. Фактычна, з красавіка 1942 года стала ўжывацца тэорыя знішчэння працай. Прыбытак ад аднаго такога раба пры сярэдняй працягласці жыцця ў 9 месяцаў складаў прыкладна 1631 марку. У такіх жудасных падліках улічваліся нават выдаткі ад крэмацыі і дадатковы прыбытак ад выкарыстання касцей і пеплу [4, 296].

Яшчэ адной галіной нямецкай эканомікі, дзе шырока выкарыстоўвалася праца оstarбайтэраў, была сельская гаспадарка. Для атрымання работніка, работніцы або сям'і з Усходу баўэр павінен быў напісаць заяву на імя акружнага кіраўніка нацыянал-сацыялістыцкай партыі і заплаціць пэўную суму грошай, прыкладна 10-15 нямецкіх марак за чалавека. Працоўны дзень працягваўся 12 гадзін. За працу атрымлівалі 25-40 марак у месяц. Гэтыя грошы ішлі ў асноўным на набыццё адзення і абутку па спецыяльных картках. У дзень атрымлівалі па 200-300 грамаў хлеба, раніцай і ўвечары – суп з бруквы [2]. Але трэба зазначыць, што ўмовы, у якіх жылі оstarбайтэры, працоўны ў сельскай гаспадарцы, не былі аднолькавымі для ўсіх, а часта залежылі ад гаспадароў, да якіх трапілі людзі. Нават у апытальных лістах "для возвратившихся на родину из германской неволи" ў графе "краткое изложение фактов издевательства, насилия, истязаний, побоев" даволі часта можна сустрэць: "Не было". У асноўным гэта тычыцца людзей, якія працавалі, менавіта, у сельскай гаспадарцы.

Што ж да правоў остарбайтэраў, акрэсленых у афіцыйных расстараджэннях нямецкіх улад, то кожны рабочы з Усходу два разы ў месяц мог напісаць і адправіць ліст да родных. У раёнах з грамадзянскім кіраваннем – рэйхскамісарыяце Украіна і рэйхскамісарыяце Остлянд (Беларусь) – дазвалялася прымаць лісты і пакеты да 250 грамаў. Забараняліся малюнкi, скарачэнні, падкладкі. На кожным канверце або паштоўке трэба было ставіць сіні крыж. З 25 лістапада 1942 года дазвалялася дасылаць толькі паштоўкі з аплеманым адказам. Прыкладна з другой паловы 1943 года паток лістоў значна скараціўся. Остарбайтэрам забаранялася карыстацца чыгуначным, аўтамабільным і іншымі відамі грамадзянскага транспарту. Для іх не існавала паняцце "вольны час", забараняліся таксама шлюбныя адносіны. Такім чынам, становішча большасці остарбайтэраў можна параўнаць са становішчам нявольнікаў.

Згодна з абвінаваўчым актам Нюрнбергскага працэса, з тэрыторыі СССР германскія акупацыйныя ўлады прымусява вывезлі 4 978 735 чалавек грамадзянскага насельніцтва. З тэрыторыі Беларусі было вывезена каля 380 тысяч чалавек [9, 55].

"Славяне прызваны работаш на нас. Когда же мы перестанем в них нуждаться, они могут преспокойно умирать. Поэтому немецкая система здравоохранения, обязательные прививки для них излишни. Размножение славян нежелательно. Они могут пользоваться противозачаточными средствами или делать аборт. Чем больше, тем лучше. Образование опасно. Вполне достаточно, если они смогут считать до ста. Мы можем им оставить религию как средство отвлечения. Что касается пищи, то они не должны получать ничего сверх того, что абсолютно необходимо для поддержания жизни. Мы господа. Мы превыше всего" [6, 329]. Як бачым, словы Розенберга, міністра для занятых усходніх абласцей, ёміста адлюстроўваюць ту праграму мерапрыемстваў у адносінах да славянскага насельніцтва, якая была запланавана і праводзілася Трэцім рэйхам на справе. Але сітуацыя на фронце ўжо была не на карысць Германіі. Яе паражэнне ў вайне было толькі справай часу.

23 сакавіка 1945 года выйшаў загад аб сканцэнтраванні ўсяго насельніцтва разам з остарбайтэрамі і ваеннапалоннымі ў цэнтры рэйха. [9, с. 55] Магчыма, "остам" адводзілася яшчэ і роля жывёлага шчыта ад бомбавых удараў. Акрамя таго дзе-нідзе адбываліся і масавыя растрэлы людзей адступаючымі нямецкімі салдатамі. Так, 26 сакавіка 1945 года, за шэсць дзён да прыходу амерыканцаў, у лагеры Хірценхан былі растрэляны 81 жанчына ("остаўкі" і полькі) і шэсць мужчын [9, 54]. Такім чынам, остарбайтэрам у ліку іншых давялося спаўна зведаць усі жахі вайны.

Вяртанне на Радзіму пасля вызвалення для большасці былых інтэрніраваных савецкіх грамадзян праходзіла праз сетку спецыяльна створаных "сборно-пересыльных і проверочно-фильтрационных пунктов и лагерей НКВД".

Фактычна, дзяржава, зняўшы з сабе адказнасць за акупацыйска значнай часткі сваёй тэрыторыі нямецка-фашысцкімі захопнікамі, што дало магчымасць агішнім прымусява вывезці на працу ў Германію мільёны людзей, вялікую долю віны за гэта пераклала на рэпатрыянтаў. Яны яшчэ доўгія дзесяцігоддзі саромеліся ўспамінаць гэтую частку сваёй біяграфіі.

1. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці. Ф. 120. Оп. 1. Д. 8.
2. Філіял Дзяржаўнага архіва Брэсцкай вобласці ў г. Пінску. Ф. 118. Оп. 1. Д. 9, 34, 103, 120.
3. Безыменский Л. А. Разгаданные загадки третьего рейха: 1933-1941. - М., 1981. - 384 с.
4. Мельников Д. Е., Черня Л. Б. Империя смерти: Аппарат насилия в нацистской Германии: 1933-1945. - М.: Политиздат, 1989. - 457 с.
5. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сб. материалов в 7 т. Т. 3. - М., 1958. - 841 с.
6. Ширер У. Взлёт и падение третьего рейха. - М., 1991. Т. 2.
7. "Пінська газета" (орган окружного комісара в Пінську). 1943. № 26.
8. Земсков В. Н. К вопросу о репатриации советских граждан 1944-1951 гг. // История СССР. 1990. № 4.
9. Полян П. "ОСТы" – жертвы двух диктатур // Родина. 1994. № 2.

ИССЛЕДОВАНИЕ ХРИСТИАНСКО-СОЦИАЛЬНОГО СОЮЗА В БАВАРИИ (ФРГ) В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Советская историография

Анализ советской историографии целесообразно начать с показа условий, в которых работали германисты бывшего СССР. Они вынуждены были подчиняться жёсткому диктату идеологов КПСС. Последние навязывали исследовательскому корпусу следующую схему: а) у коммунистов и только у них есть единственно правильная концепция общественного устройства, единственно правильные стратегия и тактика по вопросам внутренней и внешней политики; б) идейно-политические позиции некоммунистических партий оцениваются только с точки зрения их соответствия программным, стратегическим, тактическим установкам коммунистического движения. Из этой схемы вытекали апологетика атеистического государства, жёсткое закливание на классовом подходе к анализу общественных явлений, полное игнорирование общечеловеческих, христианских ценностей, строгое следование тезисам об абсолютной несовместимости клевых интересов работодателей и работников на Западе, о принципиальной невозможности существования социального государства в капиталистических странах, отказ рассматривать политические партии как живой организм. На христианские партии, действовавшие вне социалистического лагеря, навешивался ярлык реакционных, считалось, что их место в политическом спектре справа от центра. Советская историография постоянно акцентировала внимание на изначальной несостоятельности заявлений лидеров христианских партий ФРГ, других стран Запада о том, что их партии являются народными. Прослеживалось, например, стремление доказать наличие резких противоречий между соответствующими программными установками ХДС и ХСС и внутризападногерманскими реалиями. Это стремление предопределило тупик, в который зашёл исследовательский корпус. Под давлением коммунистической номенклатуры советским германистам приходилось доказывать недоказуемое. Не давая научного объяснения феномена социального рыночного хозяйства, они не могли раскрыть механизм использования рычагов социального государства христианскими политическими партиями. В период существования Боннской республики эти рычаги во многих отношениях сработали эффективно, что делало небеспочвенным тезис о народном характере ХДС и ХСС. Кстати, ни один советский историк не отрицал, что именно христианским политическим партиям ФРГ, прежде всего ХДС, принадлежит авторство концепции социального рыночного хозяйства. Базирование исследовательского процесса на марксистско-ленинской методологии не позволяло дать вразумительный ответ на следующий вопрос: «Почему непримиримый оппонент ХДС и ХСС – Германская коммунистическая партия (ГКП), которой, по логике советской историографии, должна принадлежать монополия на истину, начиная с 1969 г. набирала на парламентских выборах в ФРГ считанные доли процента голосов избирателей?» Историография бывшего СССР умалчивала о том, что соратники ГКП по комдвижению – правящие партии в соцлагере по всем статьям проигрывали спор ХДС и ХСС. Главный продукт их политики – административно-командная система (КАС) – оказался не способным соревноваться с системой социального рыночного хозяйства. Конечно, существовало табу на связывание в исследовательском процессе антикоммунизма и антисоветизма ХДС и ХСС с изначальной несостоятельностью коммунистической доктрины, со стремлением лидеров христианских политических партий не допустить в ФРГ коммунистических экспериментов наподобие КАС.

В советской историографии сложились стереотипы в оценке как ХСС в целом, так и его германской политики. Считалось, что из всех парламентских партий ФРГ подход этой партии к решению германского вопроса был наиболее контрпродуктивным. В 1970-1980-е гг. ХСС однозначно оценивался как антиразрядочная партия. Не был предметом

специального исследования общий знаменатель позиций Христианско-социального союза и партий, образовавших социал-либеральную коалицию, по германскому вопросу.

Поддержка данной партией немцев, изгнанных с родины, активная защита баварским союзником ХДС их интересов приводились как доказательство реваншистской сущности ХСС.

Вопреки западногерманским реалиям выдвигался тезис о тесной связи лидеров данной партии с военно-промышленным комплексом ФРГ. Из этой связи выводилась незаинтересованность ХСС в разрядке международной напряженности.

На лидеров партии Йозефа Мюллера, Ганса Эхарда, Ганса Зайделя, Франца Йозефа Штрауса неизменно навешивались ярлыки ярых реваншистов, воинствующих милитаристов, подходивших к решению германского вопроса исключительно с позиции силы.

Советские учёные не занимались серьезными исследованием вопроса о правовой корректности инициатив ХСС, направленных на восстановление германского единства.

Идеологическая зашоренность явно прослеживалась в публикациях, анализирующих западный вектор внешней политики ХСС, его отношение к странам «третьего» мира. При обращении к соответствующим концепциям, разрабатываемым данной партией, советская историография строго придерживалась тезисов об агрессивности НАТО, реакционном характере западноевропейской интеграции, неокOLONиалистской сущности политики империализма в зоне государств, не принадлежавших ни к соцлагерю, ни к числу развитых капстран. Итак, историкам бывшего СССР были заданы весьма жёсткие идеологические рамки. Это обстоятельство следует, прежде всего, учитывать при беглом обзоре работ советских авторов.

Истории и политике ХСС посвятил ряд работ Л. Г. Истягин. Объект его исследований – Христианско-социальный союз в целом [1], концепции лидеров партии [2], проблемы отношений между ХДС и ХСС [3] место ХСС в партийной системе ФРГ [4]. Он соглашается с типичной для всей советской историографии оценкой ХСС как «баварского форпоста западноевропейской реакции» [5]. Несомненной заслугой Л. Г. Истягина является первое в германистике бывшего СССР систематизированное изложение взглядов Ф. И. Штрауса [6].

Место ХСС в партийной системе ФРГ, внешнеполитические концепции Ф. И. Штрауса, барона Гуттенберга, попытки партии влиять на общенациональный курс в международных делах нашли отражение в монографиях И. С. Кремера [7, 8].

Подход ХСС к военным и внешнеполитическим вопросам затрагивался в публикациях Восленского М. С. [9, 10], Глазунова Н. К. [11], Гулевича В. Н. [12, 13], Залётного А. Ф. [14], Николаева Н. [15], Поха А. С. [16].

Некоторые аспекты отношений канцлеров ФРГ к ХСС и его лидерам затрагивал в своей книге А. А. Фурман [17].

А. А. Григорьянц обратился к деятельности Ф. И. Штрауса посту федерального министра обороны, отношениям между ХСС и военно-промышленной элитой [18]. Он писал: «Штраус олицетворяет наиболее воинствующие силы ФРГ – военно-промышленные круги и обслуживающий их государственный и политический аппарат. Он воплощает в себе бесславные традиции, иррациональные цели германского империализма, который ещё надеется взять реванш за проигранные битвы XX века» [19].

Типичные для советской историографии оценки ХСС даны в монографии И. П. Ильинского [20].

Некоторые аспекты политики социальных христиан в отношении работников Иерусалимский [21].

Книга М. Г. Елисеева интересна сравнительным анализом концепций ХСС и СвДП в области восточной политики. Он прослеживает отношения между этими партиями в контексте формирования федеральных правительств в 1949-1987 гг.

Даны традиционные для советской германистики оценки идеологии и политики ХСС. Например, М. Т. Елисеев называл Штрауса одним из «столпов холодной войны» [22].

Эволюций взглядов Ф. Й. Штрауса по отношению к СССР прослеживает Анатолий Френкин [23].

Детальный анализ Европа – политики ХСС, позиций партии по вопросам германской восточной политики, по проблемам разоружения и контроля над вооружениями содержится в публикациях Н. В. Павлова. Учёный впервые в советской германистике дал подробную оценку мозговому тресту ХСС – системе исследовательских учреждений, действующих в рамках фонда Ганса Зайделя [24].

Отношение ХДС и ХСС затрагивает в своей монографии С. Л. Сокольский. Это единственная монография в советской историографии, полностью посвящённая ХДС [25].

В коллективном труде «Социал-демократический и буржуазный реформизм в системе государственно-монополистического капитализма» одна из глав посвящена ФРГ. В ней, в частности, сравнивается политика СДПГ и ХСС [26].

В работах советских историков нередко игнорировался надконфессиональный характер ХДС и ХСС. Так, А. А. Фурман называл их «католическими партиями» [27]. Часть историков бывшего СССР безосновательно характеризовала ХДС/ХСС как единую партию [28]. Имели место публикации, в которых ХСС определялся как «баварский филиал ХДС, фактически превратившийся в самостоятельную реакционную силу» [29]. Отрицая факт самостоятельного существования ХСС, П. А. Наумов допускал следующие выражения: «Франц Йозеф Штраус – идейный и организационный мотор... группы Аденауэра [в ХДС. – М. С.]», «Штраус – лидер «европейского крыла» в ХДС», «Барон Гуттенбергер – внешнеполитический эксперт христианских демократов» [30].

Некоторые подвиги в советской историографии стали прослеживаться в связи с горбачевской перестройкой, выдвиганием Москвой концепции нового политического мышления. Однако нет оснований утверждать, что в 1985 – 1991 гг. окончательно сформировалась детально разработанная принципиально новая концепция в германистике бывшего СССР. Стали очерчиваться лишь её контуры.

А сейчас подведём итоги. Конечно, нельзя не оценить положительно то, что советскими исследователями был привлечен богатый фактический материал, который можно использовать и сейчас, отбрасывая, разумеется, тенденциозность оценок. Наиболее удачно исследованы отношение ХСС к его союзникам, оппонентам из числа эстаблированных партий, участие лидеров социальных христиан в формировании боннских кабинетов, тактика данной партии в избирательных кампаниях. Обращаясь к этим сюжетам, историки бывшего СССР часто делали сбалансированные оценки межличностных отношений.

Вместе с тем при выборе сюжетов у советских исследователей наблюдался явный перекос в сторону федеральной политики ХСС. Абсолютное большинство публикаций посвящено германской, восточной военной политике социальных христиан.

Отсутствовал детальный анализ организационно-правового, концептуального, практического аспектов земельной политики ХСС, роли партии в осуществлении социального рыночного хозяйства в Баварии, индустриализации земли, превращении её в регион самых передовых технологий и высокой степени социальной защищённости. Вне исследовательского процесса оказалась участие ряда союзников ХСС в движении Сопротивления.

Постсоветская историография

Для абсолютного большинства постсоветских исследователей характерна ориентация на методологию и методы, на которых базируются консервативная и либеральная историография. В 90-е гг. XX в. – начале XXI в. получили логическое продолжение те новые подходы, которые стали обозначаться в период горбачевской перестройки. В условиях протекания сложных и противоречивых трансформационных процессов на постсоветском пространстве вполне очевидной становится практическая потребность в объективном исследовании политических партий стран Запада. В государствах, образовавшихся на территории бывшего СССР, явный дефицит партий, которые удовлетворяли

бы общепринятым критериям. Отсюда вытекает необходимость обращения к опыту политических партий, занимающих на протяжении многих лет влиятельные позиции в своих странах. На постсоветском пространстве накопилось немало публикаций, в которых история и политика ХСС рассматриваются без идеологической зашоренности, на значительно более широкой источниковой базе, чем в советский период. Есть все основания выделять постсоветский этап в качестве самостоятельного этапа в исследовании ХСС.

Интересную попытку обобщения политического опыта ХСС предпринял российский исследователь А. Андреев [31]. М. Я. Диманис (Россия) сбалансированно оценивал место данной партии в партийной системе ФРГ, ее программные установки, проследил тенденции в развитии социальной базы ХСС [32]. Для продуктивного исследования истории ХСС важное значение имела постановка российским учёным Н. В. Павловым целой серии вопросов, которые ранее находились вне исследовательского интереса. Речь идёт о серьёзном подходе к правовому аспекту внешнеполитической концепции ХСС, чётком отделении германской политики партии от её восточной политики, о том, что восточные договоры правительства В. Брандта — Шееля, в оппозиции которому находился ХСС, были прежде всего договорами об отказе от применения силы, о том, что скептически воспринятый ХСС Заключительный акт общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе не исключал возможности мирного изменения межгосударственных границ в Старом Свете. Этот учёный впервые в постсоветской германистике детально проанализировал концепцию коалиции реализма и разума, выдвинутую руководством ГДР в 1983 г. Именно в контексте данной концепции следует рассматривать встречи лидера ХСС Ф. И. Штрауса и лидера ГДР Эриха Хонеккера, неординарные ходы баварского премьера в отношении Восточного Берлина. Павловым Н. В. проделано пионерское исследование роли видного деятеля ХСС, федерального министра Фритца Шефера в разработке и осуществлении германской политики правительства ФРГ в 1955-1957 гг. [33, 34]. В. Дунаев (Россия) анализирует положение ХСС в начале XXI в. в контексте внутрибаварских и внутрифедеральных реалий [35]. Н. Корнелиус (Россия) обратилась к политике данной партии в отношении немцев, изгнанных с родины [36].

Таким образом, историки СССР и СНГ внесли серьёзный вклад в исследование Христианско-социального союза в Баварии. Вместе с тем остаётся ещё ряд неисследованных и малоисследованных сюжетов истории ХСС, которым ещё предстоит стать предметом глубокого исследования.

1. Истягин Л. Г. Баварский форпост западногерманской реакции // *Мировая экономика и международные отношения*. — 1975 — № 12.
2. Истягин Л. Г. Общественно-политическая борьба в ФРГ по вопросам мира и безопасности. 1949-1987. — М.: Наука, 1988.
3. Истягин Л. Г. ХДС/ХСС: по-прежнему в тупике // *Мировая экономика и международные отношения*. — 1982 — № 1.
4. Истягин Л. Г. Партийный механизм и политическая борьба в ФРГ // *Мировая экономика и международные отношения*. — 1971 — № 1.; он же. Партии и политическая борьба в ФРГ // *Мировая экономика и международные отношения*. — 1974 — № 4.; он же. Партийно-политический механизм ФРГ // *Экономика и политика страны современного капитализма. Федеративная Республика Германия*. Отв. ред. В. Н. Шенаев. — М.: Мысль, 1973; он же. Партийная система ФРГ в 70-е годы // *Партии в политическом механизме власти монополий*. — М.: ИМЭМО АН СССР, 1980; он же. Партийно-политический система ФРГ // *Современный монополистический капитализм. Федеративная Республика Германия*. Отв. ред. В. Н. Шенаев, — М. Шмидт (ГДР), Д. Е. Мельников. — М.: Мысль, 1983.
5. Истягин Л. Г. Баварский форпост западногерманской реакции // *Мировая экономика и международные отношения*. — 1975 — № 12.
6. Истягин Л. Г. Общественно-политические взгляды Ф. И. Штрауса. Научно-аналитический обзор. — М.: ИНИОН АН СССР, 1988.

7. Кремер И. С. ФРГ: внутрiполитическая борьба и внешняя ориентация. – М.: Мысль, 1977.
8. Кремер И. С. ФРГ: этапы «восточной» политики. – М.: Международные отношения, 1986.
9. Гулевич В. Н. Классы и политические партии ФРГ. – Киев, 1975. (На укр. языке).
10. Николаев Н. Атомная ставка Бонна. – М., 1969.
11. Залетный А. Ф. Милитаризация ФРГ. – М., 1969.
12. Восленский М. С. Внешняя политика и партии ФРГ. – М., 1961.
13. Восленский М. С. «Восточная» политика ФРГ. – М., 1967.
14. Глазунов Н. К. Бундесвер и НАТО. – М., 1979.
15. Гулевич В. Н. Миролюбні сили ФРН у боротьбі проти милитаризму та реваншизму. Киев, 1968.
16. Пох А. С. Военно-промышленный комплекс и его роль в политике ФРГ // Новая и новейшая история – 1984 – № 4.
17. Григорьянц А. А. Черный шлейф «Торнадо». – М.: Международные отношения, 1987.
18. Григорьянц А. А. Указ соч. С. 68.
19. Ильинский И. П. Партийная система ФРГ. – М., 1983.
20. Иерусалимский В. П. Рабочий класс ФРГ. Психология. Сознание. Сознательность. – М., 1986.
21. Елисеев М. Г. Между конфронтацией и разрядкой. СвДП в партийной системе ФРГ: проблемы «восточной» политики. – Мн.: Университетское, 1989. С. 121.
22. Frenkin Anatolij, Franz Josef Straus, – Von Munchen nach Moskau, in: Durch die Kreml – Brille, Weltpolitiker aus russischer Sicht, hrsg. v. Aleksander Sabov, Erlangen 1990. S. 49-61.
23. Павлов Н. В. Внешняя политика ФРГ: концепции и реалии 80-х годов. – М.: Международные отношения, 1989.
24. Сокольский С. Л. Христианско-демократический союз ФРГ: социология и политика. – М.: Наука, 1983.
25. Социал-демократический и буржуазный реформизм в системе государственно-монополитического капитализма. Отв. ред. А. С. Черняев и А. А. Галкин. – М., 1980.
26. Фурман А. А. О чём мечтают канцлеры. – Киев: Издательство политической литературы Украины, 1990. С. 265.
27. См., например, Леволгина Л. П. Федеративная Республика Германия. (1949-1969) – Владимир, 1990. С. 17.
28. Демин А. А. Лавров С. Б. ФРГ: мифы и действительность. – Ленинград, 1975. С. 32.
29. Наумов П. А. Бонн-сила и бессилие. – М.: Мысль, 1967, С. 359, 360.
30. Андреев А. Необходимость диалога (о политическом опыте ХСС, Германия) // Москва, 1999. – № 2. С. 146-151.
31. Диманис М. Я. Партийная система ФРГ. – М., 1998.
32. Павлов Н. В. Объединение или рассказ о решении германского вопроса с комментариями и отступлениями. – М., 1992.
33. Павлов Н. В. Германия на пути в третье тысячелетие. Пособие по страноведению. – М.: Высшая школа, 2001.
34. Дунаев В. Бавария осталась правой // Известия. – 2003, 24 сентября. С. 4.
35. Корнелиус Н. Премьер Баварии не на той женился. Судьба изгнанных после войны немцев угрожает единству Старого Света // Известия. – 2003, 25 сентября. С. 4.

РАЗДЕЛ III

ДОСТИЖЕНИЯ ГЕРМАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕЁ РОЛЬ В ДУХОВНОМ РАЗВИТИИ БЕЛАРУСИ

Шацкая Н. Н. (г. Брест, БрГУ им. А. С. Пушкина)

ПРИОРИТЕТЫ СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНИИ (90-е годы XX века – начало XXI века)

Определяющим вектором современной трансформации европейского общества является глобализация – объективный процесс, к наиболее значимым признакам которого относят усиление взаимозависимости стран и народов во всех сферах человеческой деятельности; образование всемирного рынка финансов, товаров и услуг; становление глобального информационного пространства; выход бизнеса за национальные рамки посредством формирования транснациональных корпораций; внедрение и доминирование в практике международных отношений внутриполитической жизни народов универсальных человеческих ценностей; превращение знания в основной элемент общественного богатства и многое другое.

Понятие «экономика, движимая знаниями» (knowledge-driven economy) или «экономика знаний» отражает реальный процесс усиления важности знаний как источника богатства в обществе. Сфера образования обладает достаточно высокой степенью воздействия на развитие глобализационных процессов, т. к. в ней сосредоточен национальный, культурный, этнический, конфессиональный и социально-экономический интерес каждого конкретного народа и человека. Существующий европейский опыт реформирования систем образования позволяет определить приоритеты образовательной политики для каждого государства, стремящегося к динамичному развитию, что в полной мере относится и к Германии.

Германия является активным участником европейской образовательной интеграции, которая осуществляется как на общеевропейском, так и на региональном уровне.

Начало *первого этапа интеграционной образовательной политики* относится к 1988 году, когда во время торжеств по случаю 900-летия Болонского университета – alma mater европейского высшего образования – ректоры 430 европейских университетов в присутствии общественности, правительства и духовенства подписали Великую Хартию университетов (Magna Charta Universitatum). В ней определялись фундаментальные принципы, которыми должны руководствоваться университеты, чтобы обеспечить развитие образования и инновационное движение в быстро меняющемся мире, закреплялась ведущая роль университетов, ответственных за все образовательные учреждения, формирующих будущее объединенной Европы. В 1999 году в Болонье 29 министров образования, в т. ч. федеральный министр образования Германии, подписали «Болонскую декларацию», тем самым согласовав общие требования, критерии и стандарты национальных систем, механизм создания единого образовательного и научного пространства до 2010 года.

Интеграция в науку и образовании, получившая название Болонский процесс, имеет две составляющие: формирование содружества ведущих европейских университетов и объединение национальных систем образования. Его главная цель – консолидация усилий научной общности и правительств как для повышения конкурентоспособности европейской системы науки и образования, так и для повышения роли этой системы в общественных преобразованиях, развитии академической мобильности и обеспечение трудоустройства вузовских выпускников на рынке труда. Вхождение в Болонский процесс обязывает федеральное и земельные министерства образования Германии создать двухциклическую систему высшего образования по форме 3+2 (бакалавр и магистр/доктор), создать систему академических кредитов в соответствии с европейской системой трансферта оценок (ECTS – European Credit Transfer System), обеспечить качество образования через сравнимые критерии и методы оценки, устранить препятствия на пути мобильности студентов и преподавателей в пределах определенного пространства, обеспечить трудоустройство выпускников. 18-19 сентября 2003 года в Берлине состоялся III саммит Болонского соглашения и принято Берлинское коммюнике, по которому стандарты распространялись на докторские степени (признание одной степени - «доктор философии» в соответствующих сферах знания).

Второй этап реформирования системы образования начался в Германии с принятием Плана 2010 – «Agenda-2010» – долгосрочной программы социальных реформ, развернутым по направлениям: экономика, профессиональное обучение, налогообложение, образование и исследование, рынок труда, здравоохранение, пенсии, помощь семьям [1].

Герхард Шредер, представляя Agenda-2010 на внеочередном съезде СДПГ (июнь 2003), определил цель реформ как мобилизацию творческого и экономического потенциала Германии, повышение социальной ответственности немецких граждан. Базис программы – концепция социального равноправия, механизмом которого будет новая политика налогообложения и социальных выплат. С конца 2001 года в экономике ФРГ происходит резкий спад, бюджетный дефицит составил 3,75 % ВВП, экономический рост в 2001 году составил 0,6 %, в 2002 году – 0,2 %, уровень безработицы превысил 4 млн человек, уровень инфляции возрос с 2,2 % в 2000 году до 2,5 в 2002 году [2].

Переживаемые трудности явились как следствием мировых финансовых кризисов, затрат на восстановление восточных земель, так и структурной неподготовленностью рынка труда (высокая стоимость социальных выплат, отсутствие мобильного рынка труда, недостаток инвестиций, демографические изменения и проч.). Экономические меры программы Agenda 2010, побуждающие граждан Германии искать и создавать работу, самореализовываться, интегрировать в рынок труда, а не надеяться на государственные бенефиции, поддерживаются созданием образовательных возможностей для поиска работы.

В соответствии с намеченными планами Agenda-2010 подготовлена программа «Zukunft Bildung und Betreuung» (Будущее образование и социальное обслуживание), цель которой – создание мобильного образования. Это самая крупная образовательная программа, которая когда-либо проводилась в Германии, на её осуществление в 2003-2007 гг. правительство выделило инвестиции в сумме 4 млрд. евро. Центральный пункт программы – создание системы «школ продленного дня» – Ganztagschulen, принятие каждой школой своей педагогической концепции, исходящей из региональных и индивидуальных интересов.

В программе «Zukunft Bildung» анализируется действующая система школ как «школы половины дня» – Halbtagschulen, в которых учащиеся находятся до часа дня и только 5 % школ открыты для учащихся после обеда до 16 часов. Такая структура не соответствует современным потребностям общества в подготовке «социально компетентных граждан». Международная студенческая экспертиза «PISA» в 2001 году провела тестирование знаний школьников из 32 стран. Немецкие школьники показали снижение качества знаний по чтению, математике и естественным наукам [3].

Единого образца новой "школы продленного дня" нет, они создаются в двух формах, но будут разными по структуре учебного дня, программам и занятиям.

Форма "открытая школа" ориентирована на структуру обычной школы, но после обеда у школьников свободная программа деятельности. Они могут не только изучать углубленные курсы по предметам, но и работать в школьном радио, играть в школьном оркестре, работать с партнерами из внешкольных и молодежных организаций, выполнять проекты с представителями фермерства, полиции, лечебных учреждений. Вторая форма – "связанная школа" – занятия в школе продолжаются целый учебный день, не обязательно по 45 минут, чередуются общеклассные и индивидуальные занятия, уроки и свободное время. Как отметила Николет Крессл (Kressl), председатель фракции бундестага от партии SPD, "продленный день" – это не просто занятия после обеда, это варианты сотрудничества и интеграции школы с обществом, различными производствами, сферами науки и искусства.

Педагогическая концепция школ продленного дня направлена на развитие индивидуальных возможностей учащихся; на социальное обучение (жить и работать в коллективе); на открытость школы обществу; на родительское участие в школьных делах; на расширение культуры обучения и объединение в одной школе различных форм занятий; на повышение квалификации персонала школы и внешкольных учреждений. В немецком обществе идут обсуждения эффективности инвестиций в реформу образования, девиз сомневающихся – "инвестиции в бетон?" Министр федерального министерства образования и исследования Эдельгарт Бульман (Bulmann) объясняет, что финансирование необходимо для строительства в школах классов для занятий трудом, столовых, библиотек, лабораторий, спортзалов, комнат отдыха, классов с медиа-оборудованием, для повышения квалификации педагогического персонала. Обновленная школа будет способствовать развитию у молодежи талантов, желания работать на свое благо и благо государства.

Кроме создания и развития "школ продленного дня" федеральное и земельные министерства образования приняли в 90-е годы программу, направленную на реализацию современных приоритетов образовательной политики. В неё вошли:

1) реформа немецкого языка – дискуссии на международном уровне идут с 1986 года, в 1996 году принята общая декларация (Германия, Австрия, Швейцария, Бельгия, Лихтенштейн, Венгрия, Румыния) о правилах правописания, время перехода 1998 – 2005 гг.;

2) подготовка стандартов школьного образования – для перехода на старшую ступень школы учащиеся должны сдать после 10 класса экзамены по немецкому и первому иностранному языку, математике. 12 мая 1995 году приняты экзаменационные стандарты для всех земель;

3) преподавание иностранного языка – в октябре 1994 года в Германии принято "Соглашение об основах концепции преподавания иностранного языка", по которому иностранный язык изучается в начальной школе с 3-4 класса (по игровой, развивающей методике, без оценивания). С 5 класса иностранный язык становится обязательным для изучения (это может быть английский, латинский, французский, испанский, русский). В 7-10 классах гимназии обязательны второй иностранный язык и – по выбору, с 9 класса – третий;

4) "он-лайн" школы или "школы по сетке" (Shulen ans Netz) – в апреле 1996 г. во всех землях на 3 года принят проект "Ассоциация он-лайновых школ", предполагающий соединение школ компьютерной сетью, создание новых материалов обучения и базы данных для тестирования и прочее;

5) определение продолжительности школьного обучения и гарантия его качества для получения высшего образования – в декабре 1995 года министры образования утвердили общие стандарты, дающие возможность получить высшее образование: базовые и продвинутые предметы, обязательные и по выбору, систему кредитов, и квалификацию;

6) *структурная реформа высшего образования* – с 1990 года земли координируют свою деятельность по определению стандартов вузовского образования, учебного времени, объему часов и кредитам и т. п.;

7) *усиление международной конкурентоспособности преподавания и исследования в высшей школе* – исследователи признают, что с 1995 года в Германии снизилось количество студентов по международному обмену, изучающих технические и экономические курсы. В этой связи необходимо исследовать потребности "знаниевого" рынка и добиться признания в Европе немецких сертификатов;

8) *признание принципа "обучение всю жизнь"* – в 1994 году земли приняли Третью рекомендацию министерства образования и культуры, по принципу "образование всю жизнь", в соответствии с которой необходимо помочь гражданам осознать глобальные международные зависимости, учить жить и работать с гражданами других стран, предложить свободный выбор видов обучения на основе спроса;

9) *межкультурное образование в школах* – с 1992 года конференция министров образования и культуры рекомендовала организовать в школах межкультурное образование. Его цель: познать культуру своего города, местности и научиться воспринимать культуру других народов;

10) *решение проблемы по соотношению общего и профессионального образования* - многие годы высшее образование презалирировало по ценности, поэтому сегодня необходима дополнительная помощь образованию профессиональному (дотации предприятию на ученика, подготовка специалистов для мелкого и среднего бизнеса и другое);

11) *создание центров дошкольного образования* – в 1994 году 64 % составили частные, церковные, общественные детсады и только 36 % были созданы местными органами власти. Акт о защите детей и молодежи обязывает земли создавать детские сады для детей с 3 лет;

12) *менеджмент и управление системой образования* – в 1969 году создано федеральное министерство образования, науки, исследования и технологии (BMBF – Bundesministerium für Bildung und Forschung), оно отвечает за общегосударственный уровень образования. Правительства земель создают общие комиссии (с общегосударственным министерством) по планированию образования и развитию исследований (BLK), научный совет, комитет по планированию вузов.

Таким образом, приоритеты современной образовательной политики Германии направлены на то, чтобы придать знаниям жизнеспособный статус, включить образование в концепцию социальной защиты, сформировать у граждан индивидуальную и общественную потребность в социальных компетенциях, превратить Германию в источник европейского развития.

1. www.german-embassy.org.uk/Agenda_2010_brochureengl.pdf. 8 сентября 2004.

2. Хугаева З. Финансовая сфера ФРГ: проблемы и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 10. С. 14-15.

3. www.dw-world.de/russian/0,7830. 10 сентября 2004.

Кривашэй Д. А. (г. Минск, Институт гісторыі НАН Беларусі)

ФЕДЭРАЛЬНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПАЛІТЫКА ГЕРМАНІІ: ВОПЫТ АПОШНЯГА ТРЫЦЦАЦІГОДДЗЯ

Федэратыўны характар дзяржаўнага ладу Германіі знаходзіць сваё адлюстраванне і ў культурнай палітыцы. Да сённяшняга дня ў краіне няма адзінага міністэрства культуры, а сфера культуры знаходзіцца пад апекай федэральных зямель. Выключэнне складаюць толькі асобныя пытанні, якія датычацца федэрацыі. У кампетэнцыю федэрацыі, напрыклад, уваходзіць правядзенне знешняй культурна палітыкі і ахова нямецкай культурнай

спадчыны. Пасрэдна федэрацыя ўплывае на сферу культуры таксама праз заканадаўчыя рашэнні. Усё большы ўплыў на федэральную культурную палітыку аказвае Еўрапейскі Саюз, які прымае законы, што ўскосна ўплываюць на яе законы. Прыкладам такога ўплыву можа быць пытанне рэгулявання коштаў на кнігі.

Самастойнае культурнае жыццё зямель прывяло да ўзнікнення і развіцця шматлікіх культурных цэнтраў. Разнастайнасць культурнага жыцця праяўляецца ў размеркаванні культурных устаноў і культурнай дзейнасці па рэгіёнах Германіі. Германская бібліятэка, федэральная ўстанова, знаходзіцца ва Франкфурце-на-Майне, Лейпцыгу і Берліне. Федэральны архіў са штаб-кватэрай ў Кобленцы мае, у прыватнасці, свае філіялы ў Берліне, Патсдаме, Фрайбургу і Байройце. Найбуйнейшая канцэнтрацыя СМІ назіраецца ў Гамбургу. Кёльн, Дзюсельдорф і Касэль – тры цэнтры сучаснага выяўленчага масатэатра. Больш ўсяго тэатраў ў Берліне. Самыя значныя музеі знаходзяцца ў Берліне, Дрэздэне, Хільдесхайме, Франкфурце-на-Майне, Кёльне, Мюнхене, Нюрнбергу і Штутгарце. Два важнейшых літаратурных архіваў знаходзяцца ў Марбаху і Веймары.

Па звестках еўрапейскага статыстычнага ведамства Eurostat, 2,7 % насельніцтва Германіі занята ў "творчых" прафесіях (для параўнання – 3,5 % у Фінляндыі і 1,4 % у Партугаліі і Славікіі), да якіх аднесены не толькі пісьменнікі, мастакі, музыканты, акцёры і г. д., але і бібліятэкары. Дыпламаваным спецыялістам з вышэйшай адукацыяй у Германіі з'яўляецца кожны трэці.

Культурна-палітычны дыскурс на тэму месца і ролі дзяржавы ў культуры і зместу культурнай палітыкі ў Германіі вядзецца з пачатку 70-х гадоў мінулага стагоддзя. Ён прайшоў у сваім развіцці некалькі фазаў:

– 70-я гады. У гэты перыяд у краіне назіраўся грамадска-палітычны ўздым. Вяліся дыскусіі адносна рэалізацыі прынцыпу "асмеліцца на большую дэмакратыю", які быў агучаны Вілі Брантам. У культуры гэты прынцып знайшоў сваё адлюстраванне ў лозунгу "культура для ўсіх і ад усіх". Аднак, якой бы моцнай у праграмных адносінах не была гэтая фраза, практычна было дасягнута мала. Галоўнай прычынай было непарушнасць і закасянеласць устойлівых структур.

– 80-я гады былі адзначаны больш дзейнымі крокамі на шляху данясення культуры да кожнага. У краіне пашырыўся Новы сацыяльны рух па інтарэсу. Камуны яшчэ мелі грошы для падтрымкі руху і ўкаранення асобных новаўвядзенняў. Пры гэтым новае не азначала перабудову існуючага. Папулярным стаў лозунг аб "новым кампрамісе ў культуры".

– 90-я гады. Цяжкі перыяд рэфармавання прывёў да адступлення ад правядзення адкрытай культурнай палітыкі. Значныя змены адбыліся ў культурным жыцці Германіі пасля аб'яднання краіны. Напрыклад, шмат якія рэгіянальныя тэатры ўсходняй Германіі вымушаны былі скараціць трупы ці аб'яднацца з суседнімі ўстановамі. Значны ўплыў на гэты працэс аказала скарачэнне дзяржаўных датацый. Тэатры шукалі пераходных рашэнняў. Рэгіянальны тэатр зямлі Саксонія – Ангальт у г. Айсleben, які з часу свайго заснавання ў 1953 г. меў тры трупы, па завяршэнню пераходнага перыяду быў вымушаны поўнасцю закрыць свой музычны тэатр. Рэгіянальны тэатр у г. Стэндаль ў сезон 1993/94 гадоў поўнасцю перабудаваў сваю структуру: музычная і балетная трупы былі распушчаны, затое была пашырана трупа тэатра юнага гледача. Падобныя з'явы актывізавалі бурныя дыскусіі аб рэфармаванні культуры, змене ролі дзяржавы, актыўнаму пошуку новых партнёраў. Сталі папулярнымі тэзісы аб "змяшчэнні стратэгічнага накірунку дзяржаўнай палітыкі ад дзяржавы

як галоўнай дзеючай асобы да дзяржавы як гаранта", "дэцэнтралізацыі адказнасці за рэсурсы", "новых формаў кіравання", "бюджэтанні" і інш. [1; 129-133].

У пошуку шляхоў выйсця з дадзенага стану прагучаў заклік Ульрыха Бека аб рэалізацыі культурнай палітыкі. Менавіта ў ёй ён бачыў адказ на выклікі глабалізацыі. Па яго меркаванню "толькі праз павышэнне каштоўнасці ніжэйшага ўзроўня дэмакратыі, камун і гарадоў, можна падтрымаць і пабудоваць "асабістую адказнасць грамадзянчай супольнасці". На гэта дзяржава ў стане накіраваць рэсурсы грамадства для барацьбы з растуцьым беспрацоўем і пашыраючымся ідэалагічным крызісам, калі яна абярэ арыентацыю на "нацыянальную дзяржаву па прыкладу інстытуцыяналізаванай палітыкі" [2; 28 ff, 30f].

Адпаведна Канстытуцыі, кіраванне мастацтвам і культураю адносіцца ў першую чаргу да кампетэнцыі зямель. Культурна-палітычныя мэты і мерапрыемствы Федэрацыі канцэнтруюцца ў рамках дзяржаўнай праграмы па наступных накірунках:

- паліпшэнне ўмоваў для развіцця мастацтва і культуры;
- стварэнне і садзейнічанне развіццю тых накірункаў ў сферы культуры, якія маюць агульнадзяржаўнае значэнне;
- экспертыза і абарона культурнай спадчыны.

Адпаведна арт. 35 Дамовы аб аб'яднанні Германіі па заканчэнні пераходнага перыяду ва ўсходнегерманскіх землях таксама дзейнічае прынцып кааператыўнага культурнага федэралізму. З прыходам у 1998 г. у Германіі да ўлады новай правячай кааліцыі быў уведзены пост Улаўнаважанага Федэральнага ўраду па культуры і сродкам масавай інфармацыі ў рангу дзяржміністра. Ён каардынуе ўсю дзейнасць федэрацыі ў галіне культуры, якая раней размяркоўвалася паміж рознымі федэральнымі міністэрствамі, і бачыць сябе ў якасці партнёра для кантактаў і генератара ідэй ў галіне культуры на федэральным узроўні, а таксама прадстаўніка інтарэсаў нямецкай культуры на міжнародным; асабліва на еўрапейскім узроўні. Акрамя гэтага, быў створаны Камітэт па культуры і сродкам масавай інфармацыі ў Германскім Бундэстагу з падкамітэтамі новых сродкаў масавай інфармацыі.

Адначасова не перастае існаваць Германскі Савет па справах культуры (ГССК), які быў заснаваны ў 1982 г. як палітычна незалежная працоўная супольнасць арганізацый і ўстановаў агульнанацыянальнага значэння, якія дзейнічаюць у рамках культуры і сродкаў масавай інфармацыі. З верасня 1995 г. ён мае статус грамадска-карыснай установы. Савет з'яўляецца культурна-палітычным форумам саюзаў, устаноў, экспертаў у галіне мастацтва і сродкаў масавай інфармацыі, камерцыйных культурных арганізацый, мастацтвазнаўцаў, прадстаўнікоў культрасвету і пасрэдніцкіх культурных устаноў. У першую чаргу ён разглядае сябе ў якасці кансультаўнага і пасрэдніцкага органа.

ГССК складаецца з 8 падраздзяленняў, якія ўваходзяць у яго на правах членаў, якія ў сваю чаргу аб'ядноўваюць звыш 190 самастойных саюзаў і устаноў: Германск музычны савет, Савет па пытаннях выяўленчага мастацтва, Рабочая супольнасць па пытаннях літаратуры, Савет па пытаннях мастацтва, Савет па пытаннях архітэктуры Секцыя па пытаннях дызайну, Секцыя па пытаннях кіно і аўдыёвізуальных сродкаў Савет па пытаннях сацыякультуры.

Федэральным урадам у рамках генеральнага накірунку дзейнасці «Інвестыцыі культурныя набыткі Усходніх Зямель, якія маюць агульнанацыянальнае значэнне» п пачатку XXI стагоддзя была распрацавана праграма, адпаведна якой прадугледжан

фінансаванне на суму звыш 6 млн. еўра. Пры гэтым, 50 % гэтай сумы будзе прыходзіцца на землі, камуны і іншых інвестараў.

Культурныя установы Германіі, як прыватныя, так і дзяржаўныя, існуюць з апораю на дзяржаўнае фінансаванне (якое ў большасці выпадкаў ідзе з бюджэтаў зямель і абшчын).

У 2000 г. выдаткі на культуру склалі 0,4 % федэральнага бюджэту. Пры гэтым 43,7 % іх накіроўвалася на культуру з бюджэтаў лакальных уладаў (абшчын), 47,5 % – з бюджэтаў зямель, 8,7 % – з цэнтральнага бюджэту. Аднак гэтая статыстыка неаднолькава у розных крыніцах. Іншыя падаюць наступны падзел: 94 % – абшчыны і землі і 5 % – федэральны ўрад.

Прыярытэтнымі сферамі ў Германіі з'яўляюцца: тэатр і музыка (найбольшы паказчык удзелу сярод усіх краін Заходняй Еўропы – 44,4 %), музеі (16,2 %) а таксама ахова нацыянальнай спадчыны (16,5 %) [3; 45]. Пры гэтым праграма падтрымкі творчасці на федэральным узроўні не з'яўляецца моцна развітай. Дапамога выдзяляецца толькі ў тым выпадку, калі праект ці дзейнасць установы носіць агульнанацыянальны ці міжнародны характар, а таксама калі можа дапамагчы ва ўзмацненні вобраза федэрацыі як нацыі з моцнай культурнай тоеснасцю.

Найбольш разнастайны характар мае падтрымка творчасці на ўзроўні зямель. Землі ствараюць фонды, куды паступаюць грошы ад правядзення разнастайных латарэй, якія арганізуюцца на карысць культуры. Гэтыя фонды аказваюць падтрымку культурнай дзейнасці, прызначаюць ўзнагароды (каля 2 500 у год), гранты (напрыклад, на падарожжы ці для артыстаў-дэбютантаў). У 2001 г. 30 % ўзнагарод было заснавана дзяржаўнымі ўладамі, 18 % – прыватнымі ўстановамі, 33 % – таварыствамі і фондамі, а астатнія 18 % – прыватна-дзяржаўнымі ўстановамі. У Германіі дзейнічае каля 1400 фондаў, значэнне якіх для культуры ў апошнія гады ўзрастае. Расце значэнне прыватных фондаў, якія ў асноўным дзейнічаюць пры банках, якія аказваюць падтрымку больш вялікім культурным акцыям.

Створана таксама сістэма страхавання для артыстаў, якія з'яўляюцца вольнымі майстрамі. Гэтую сістэму складаюць страхаванне здароўя а таксама пенсійнае забеспячэнне. У яго не ўваходзяць выплаты для беспрацоўных. Узносы ў гэтую сістэму на 50 % ідуць ад саміх дзеячаў мастацтва, 20 % – ад федэральных уладаў і 30 % – ад устаноў ці фірм, якія карыстаюцца паслугамі дзеячаў культуры (выдаўніцтвы, агенства public relations, прэса, вытворцы фільмаў і тэлебачанне). У 2000 г. з гэтай сістэмы скарысталася каля 112.200 дзеячаў мастацтва.

Адным з асноўных накірункаў культурнай палітыкі Германіі з'яўляецца яе знешні вектар. У задачы знешняй культурнай палітыкі ўваходзіць:

– давадзенне да іншых краін усеахопнага і самакрытычнага вобраза Федэратыўнай Рэспублікі Германіі, які адлюстроўвае ўсю разнастайнасць дэмакратычных меркаванняў і культурныя дасягненні краіны;

– садзейнічаць распаўсюджанню ведаў нямецкай мовы ва ўсім свеце,

– падтрымка на падставе супрацоўніцтва культурнага і навуковага абмену з іншымі дзяржавамі.

Германія заключыла культурныя пагадненні з 97 краінамі. Іх практычная рэалізацыя адываецца па даручэнню Міністэрства замежных спраў так званымі пасрэдніцкімі арганізацыямі. Найбольш значнымі з іх з'яўляюцца Інстытут імя Гётэ, Германская служба акадэмічных абменаў, Фонд імя А. Гумбальдта, Таварыства "ІНТЭР НАЦІОНЕС", Інстытут міжнародных культурных сувязей, Германа – амерыканская камісія Фулбрайта, Нямецкі гістарычны інстытут [4].

Аднак адмоўныя працэсы закрулі і гэты напрамак культурнай палітыкі. Пачынаючы з 1993 г. адбываецца пастаяннае зніжэнне сродкаў, якія выдзяляюцца на выкладанне нямецкай мовы і распаўсюджванне нямецкай культуры за мяжою. У 2003 г. на культурныя праекты за мяжою было выдаткавана 560 млн. еўра ці чвэрць бюджэту міністэрства замежных спраў. Сродкаў на правядзенне глабальнай міжнароднай культурнай палітыкі няма. Таму былі акрэслены тры буйных рэгіёна, на якіх будуць у далейшым сканцэнтраваны культурныя ініцыятывы знешняй палітыкі ФРГ. Гэта, па-першае, краіны Цэнтральнай і Усходняй Еўропы, частка з якіх толькі стала членамі Еўрасаюзу. Далей ідуць краіны Бліжняга і Сярэдняга Усходу і Усходняй Азіі. Пры агульным зніжэнні выдаткаў на правядзенне замежнай культурнай палітыкі, павялічыцца фінансаванне германскіх устаноў культуры ў ісламскіх краінах. Міністр замежных спраў Йошка Фішар у 2003 г. заяўляў, што "пашырэнне дыялогу з мусульманскім светам – задача некалькіх пакаленняў".

Часткай германскай сусветнай культурнай палітыкі вызначаны работы па аднаўленню Афганістану. Каля трэці сродкаў, якія МЗС выдзеліла для Афганістану, ідуць на адукацыю і культуру.

Змяншэнне фінансавання прымушае федэральны ўрад шукаць спонсараў і новыя ідэі. Інстытут імя Гётэ пашырае супрацоўніцтва з Брытанскім Саветам для арганізацыі і правядзення сумесных праектаў. Замест адкрыцця дорага каштуючых Інстытутаў імя Гётэ, за мяжою пачалі з'яўляцца больш кампактныя і гнуткія культурныя ўстановы. Прыкладам могуць быць прапановы такога кшталту для краін Цэнтральнай і Усходняй Еўропы, якія сыходзяць ад Фонду імя Роберта Боша [5].

Такім чынам, федэральная культурная палітыка Германіі за апошнія 30 гадоў прайшла шлях ад размоваў аб дэмакратызацыі культуры і пашырэння самастойнасці яе суб'ектаў да разумення неабходнасці больш жорсткай каардынацыі і большага ўмяшальніцтва дзяржавы ў сферу культуры. Аб гэтым сведчыць увядзенне ў 1998 г. паста Упаўнаважанага па культуры і СМІ, што фактычна азначае стварэнне федэральнага Міністэрства культуры. Пры гэтым культурная палітыка Германіі застаецца дэцэнтралізаванай.

Вопыт Германіі ў пабудове сістэмы супрацоўніцтва розных узроўняў улады на шляху выпрацоўкі агульнадзяржаўнай культурнай палітыкі карысны для Беларусі. Заслугоўвае ўвагі прынцып падзелу кампетэнцыі паміж федэральнымі ўладамі, уладамі зямель і абшчынаў, вопыт вырашэння праблемы па прыцягненню недзяржаўных сродкаў у культуру, распацоўка праграмы апекі і дапамогі творцаў.

1. Sievers Norbert-Kulturpolitik und Kulturverwaltungsreform-Empirische Befunde und kritische Anmerkungen // *Krise des Wohlfahrtsstaates – Zukunft der Kulturpolitik.* – Essen, 1997.
2. Beck Ulrich. *Kinder der Freiheit & Wider das Lamento über den Werteverfall // Kinder der Freiheit.* – Frankfurt am Main: Suhrkamp.
3. *Cultural Policies in Europe – a compendium of basic facts and trends.* – Council of Europe, Bonn: EricArts, 2000.
4. <http://emigration.russie.ru/information/germanyincommunity/germanyincommunity.htm> - 02.09.2004
5. http://www.dw-world.com/russian/0,3367,2230_A_1132521,00.html – 02.09.2004.

НЯМЕЦКАЯ ГОТЫКА: ЕўРАПЕЙСКИ ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНЫ ФЕНОМЕН

Готыка з'яўляецца адным з самабытных і ўнікальных дасягненняў нямецкай культуры. Многія яе прадстаўнікі праблему нацыянальнага варыянта гэтага стылю разглядалі як выключна нямецкую гісторыка-культурную з'яву. Так, напрыклад, пэст Гётэ выдаў у 1772 г. у Франкфурце працу пад назвай "Аб нямецкай архітэктуры", у якой выказаў меркаванне, што гатычнае дойлідства з'яўляецца вынаходніцтвам нямецкага творчага генія і найбольш дасканалым яго ўвасабленнем у мастацтве [13]. Пэўны час праца Гётэ, напісаная ў лірычнай манеры, карысталася поспехам. Адно ж з самых ранніх навуковых даследаванняў гатычнага мастацтва Германіі правёў Фрыдрых фон Шлегель. У 1804-1805 г. ён напісаў працу "Асновы гатычнай архітэктуры", у якой у звалючы гэтага стыля выдзеліў "познюю готыку" [16]. Памылковасць меркаванняў нямецкіх рамантыкаў даказаў у 1845 г. Фелікс дэ Вернэй. Яго аргументы адносна генезісу готыкі адразу прызналі многія нямецкія гісторыкі мастацтва (Іяган Веттер, Франц Мертэнс). У той жа час Франц Куглер, хаця і прытрымліваўся ў сваіх працах меркавання аб французскім паходжанні гэтага мастацтва, аднак пры гэтым называў готыку "германскай архітэктурай" [14]. Толькі ў 1845 г. Карл Шнаазе канчаткова пераканаў нямецкіх даследчыкаў у навуковай правамернасці тэрміна *gotik* у супрацьлегласць *goten* ці *gotanic* [1; 96-97]. У выніку давялося прызнаць яго канцэптualaнае сцвярджанне адносна генезісу готыкі, што Германія не з'яўляецца месцам яе зараджэння. Аднак пры гэтым стаў відавочным факт, што яе майстры ўнеслі вялікі ўклад у развіццё агульнаеўрапейскіх гатычных будаўнічых традыцый і эстэтычных узораў.

Гатычнаму мастацтву Германіі ўласціва поліцэнтрычнасць развіцця. У супрацьлегласць Францыі і Англіі, дзе ва ўмовах развіцця феадалізма пачалі складвацца цэнтралізаваныя манархіі, у нямецкіх землях працягвалася палітычная раздробленасць. Таму нямецкай готыцы ўласціва наяўнасць лакальных мастацкіх школ [13; 315-316].

У шэрагу помнікаў Германіі пачатку XIII ст. прасочваюцца ўплывы французскай архітэктуры, але ў цэлым нямецкая готыка ўжо ранняга перыяду ўяўляе сабой арыгінальны варыянт еўрапейскага мастацтва. Гэта праяўляецца у тым, што большасць нямецкіх храмаў адрозніваюцца ад французскіх узораў. Так, планы сабораў маюць больш простую форму, аркбутаны ўжываюцца вельмі рэдка, архітэктурныя аб'ёмы максімальна выцягнуты ў вышыню, у вонкавым вобліку і інтэр'еры помнікаў дамінуюць вертыкальныя лініі, вокны-ружы на галоўным фасадзе замяняюцца вокнамі спічастай формы.

Найбольш вядомым раннім помнікам нямецкай готыкі з'яўляецца касцёл Св. Елізаветы першай паловы XIII ст. у Марбургу. Уплывы французскіх прататыпаў яскрава бачны ў архітэктуры Кёльнскага сабора XIII ст. У адрозненне ад двухвежавых фасадаў гатычных сабораў Францыі ў нямецкім дойлідстве быў выпрацаваны архітэктанічны тып помніка з адной вежай на восі сіметрыі галоўнага фасада [9; 324]. Затым дадзены тып каталіцкага храмабудаўніцтва атрымаў распаўсюджванне ў гатычным дойлідстве Кароны Польскай, Прусіі, Лівоніі, а таксама Вялікага княства Літоўскага (далей ВКЛ) XV - пачатку XVI ст. (фара Вітаўта і касцёл Св. Гертруды ў Коўна, касцёл Св. Міхаіла ў Гнезна, касцёл Унебаўзяцця Дзевы Марыі ў Гродна і інш.).

У XIV ст. канструкцыйныя элементы нямецкай гатычнай архітэктуры губляюць функцыянальны і набываюць арнаментальны характар. У сярэдзіне гэтага стагоддзя

атрымалі распаўсюджванне так называемыя залавыя храмы. Дадзены тып сакральнай пабудовы быў выпрацаваны яшчэ ў XII-XIII стст., але ўпершыню вельмі шырока ужыты ў сакральным дойдстве швабскага горада Гмюндза. У хуткім часе аналагічнага тыпу храмы пачалі ўзводзіць у Баварыі, Франконіі. У сваю чаргу баварскія архітэктары Ганс Штэтхаймер, Конрад Рацырэр удасканалілі канструкцыйна-тэктанічныя прынцыпы ўзвядзення залавых пабудов [6; 218]. Дадзеная тэктанічная структура помнікаў была запазычана ў гэты час у архітэктару Вялікага княства Літоўскага (Троцкі касцёл у Ішкалдзі, Св. Мікалая ў Вільні, царквы Архангела Міхаіла ў Сынковічах, Св. Багародзіцы ў Мураванцы і інш.).

Выключную ролю ў спецыфіцы і самабытным характары нямецкай готыкі адыграла Паўночная Германія, дзе працякаў надзвычай творчы мастацкі працэс развіцця самабытных формаў "цаглянай готыкі". Адтуль зыходзілі творчыя імпульсы ў цаглянае дойдства Чэхіі, Прусіі, Ліўоніі, Кароны Польскай, а таксама ВКЛ. У нямецкіх гарадах узводзілі з цэглы гарадскія і кляштарныя саборы, прыхадскія касцёлы, ратушы, гандлёвыя рады, гарадскую жылую забудову.

Асноўнымі элементамі канструкцыйна-тэктанічнай структуры помнікаў цаглянай готыкі з'яўляюцца нервовыя скляпенні, апорныя слупы, контрфорсы, а таксама значнай таўшчыні сцены. Тарцавыя фасады завяршаліся франтонамі трохвугольнай формы альбо з прыступкавым абрысам ці іх вянчалі дэкаратыўныя слупы. Для змяншэння інертнай масы франтоны ўзводзілі танейшымі за сцены асноўнага аб'ёму. Часткова з гэтай мэтай у франтонах рабілі нішы, якія надавалі фасадам таксама пэўную дэкаратыўнасць. Інтэр'еры перакрывалі перажна крыжовымі, зорчатымі сотовымі скляпеннямі. Аднак у асобных помніках ужывалася замест скляпенняў драўлянае перакрыццё на бэльках.

Вялікую ролю ў працэсе распаўсюджвання здабыткаў паўночна-нямецкай готыкі адыграла з'яўленне ў беларускіх гарадах у XII ст. нямецкіх гандляроў. У XIII ст. Полацкая зямля ўжо мела развітыя гандлёвыя сувязі з ганзейскімі гарадамі: Рыгай, Гданьскам, Растокам, Любекам, Кельянам і іншымі факторыямі. Аднак купцы Полацкай зямлі, а таксама Смаленска, мелі свае прадстаўніцтвы ў Рызе значна раней, дзе ў 1212-1234 г. узнік рускі двор і была пабудавана царква Св. Мікалая, а таксама складскія памяшканні [3; 69]. У XIII ст. нямецкімі купцамі быў пастаўлены касцёл у Полацку. У адрозненне ад Ноўгарада тут яны жылі асела, наймаючы жылыя памяшканні ў палачан. Падобны лад жыцця не мог не прывесці да шчыльных культурных кантактаў з мясцовым насельніцтвам [2; 368]. У Віцебску таксама функцыянавала нямецкая гандлёвая кантора і быў, напэўна, пастаўлены каталіцкі храм [11; 17]. З канца XIV ст. купцы з Гародні, Бярэсця, Полацка свабодна наведвалі многія нямецкія гарады. У гэты час абшчыны немцаў існавалі ў Полацку, Вільні, Бярэсці, Гародні, а ў Рызе пастаянна альбо сезонна жылі шмат беларусаў, якія мелі тут сваю царкву, вуліцу, дамы. Да 1410 г. тысячы русінаў перамяшчаліся на жыхарства ў Прусію як палонныя. Шмат было таксама дабраахвотных перасяленцаў. З XV ст. у нямецкіх універсітэтах пачалі вучыцца студэнты з ВКЛ [10; 47]. Безумоўна, такія актыўныя і рознабаковыя культурныя кантакты садзейнічалі пранікненню архітэктурна-будаўнічых прыёмаў у дойдства гэтай балта-славянскай дзяржавы.

Адным з падцвярджэнняў гэтаму з'яўляецца ўзвядзенне тут абарончых умацаванняў тыпу *Bergfried* (*Burgfried*). Гэта была галоўная вежа германскіх замкаў, пазбаўленая ў адрозненне ад французскіх і англійскіх данжонаў жилой і рэзідэнцыйнальных функцый. *Бергфрыд* атачаўся абарончай сцяной, пад аховай якой каля яго падшвы размяшчаліся жылыя і гаспадарчыя пабудовы. Гэтыя вежы маглі быць драўлянымі ці

мураванымі, стаяць асобна ці ў канструкцыйнай сувязі з іншымі будынкамі і абарончымі сценамі [8; 57]. Шэраг такіх вежаў быў пабудаваны ў беларускіх землях у другой палове XIII ст. (Брэст, Гродна, Камянец, Тураў, Навагрудак).

Сведчаннем уплываў нямецкай архітэктуры на беларуска-літоўскае дойлідства з'яўляюцца замкі канца XIII - першай паловы XIV ст. у Медніках; Крэве, Лідзе. Яны падобныя кампазіцыйна да замкі тыпу "кастэль", якіх шмат было ўзведзена Ордэнам у Памор'і, Прусіі. Там у дойлідстве другой паловы XIII ст. ўладанню Тэўтонскага ордэна была выпрацавана разнавіднасць замка-кастэля, які прадстаўляе канвентхауз. У Лівоні атрымаў распаўсюджванне ў канцы XIII ст., калі канчаткова ў нямецкай архітэктуры распаўсюдзілася готыка. Такім помнікам у дойлідстве ВКЛ з'яўляецца Тракайскае замка на востраве возера Гальвэ.

Пад уплывам нямецкага гатычнага дойлідства ў гарадах ВКЛ (Віцебск) пачалі ўзводзіцца на мяжы XV-XVI ст. драўляныя пабудовы ў "чысты вугал" (у "лаг у"), якія атрымалі шырокае распаўсюджванне ў канцы XVI-XVII стст. Нямецкая познерманская і гатычная жылая архітэктура, асновай якой з'яўляецца не зрубная, а драўляна-мураваная (фахверкавая) канструкцыя ("прускі мур"), паўплывала на распаўсюджванне рамава-каркаснай канструкцыі пабудовы. Яны ўжываліся ў Вільні, Віцебску, Гродне, Мінску [5; 254].

У XIV-XV стст. у нямецкай готыцы аформіліся прынцыпы аздабы фасадаў і інтэр'ераў храмаў. У параўнанні з французскімі саборамі храмы германскага культурнага арэала больш сціпла ўпрыгожаны скульптурай. Пераважна пластычнае афармленне маюць парталы помнікаў.

Апагеям развіцця нямецкай гатычнай скульптуры XIV-XV стст. з'яўляюцца алтары рэтаблі. У гэты час адбыўся росквіт дадзенага віда мастацтва Германіі. Гэта скульптура пераважна была драўлянай, вылучалася паліхромнай расфарбоўкай і характарызуецца цеснай сувяззю з архітэктурай. У шэрагу нямецкіх гарадоў скульптары нават аб'ядноўваліся ў цэхі і стваралі ўласныя мастацкія школы. Яны выраблялі скульптуру не толькі для мясцовых касцёлаў, але і на продаж у суседнія краіны. Асабліва славіліся майстэрствам М. Эрхарт, Б. Нотке, Ф. Штос. Безумоўна, што некаторыя з іх прац упрыгожвалі інтэр'еры касцёлаў ВКЛ. Так, літоўскі даследчык Т. Адамоніс ліча, што вядомы твор гатычнай пластыкі канца XV – пачатку XVI ст. Літвы "Марыя з дзяцям і Св. Ганнай" належа да мастацкай майстэрні М. Эрхарта альбо Б. Нотке [12; 85-91].

Творы нямецкага дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва былі таўсама вядомыя далека за межамі Германіі. Іх вывозілі ў скандынаўскія краіны, Італію, Францыю, Англію. Найбольш значнымі цэнтрамі па іх вырабу былі Нюрнберг, Аугсбург, Гамбург, Любек. На мяжы XV-XVI стст. першыя два з гэтых гарадоў праславіліся вырабам сярэбраных бакілаў і кубкаў. Падобна, што такі бакал XV ст. кафедральнага касцёла Св. Станіслава ў Вільні быў выраблены ў Данцыгу.

Выраб гаршкападобнай кафлі быў запазычаны ў культуру ВКЛ у пачатку XIV ст. (Полацк) з Германіі праз ганзейскія гарады балтыйскага ўзбярэжжа. Аб гэтых уплывах сведчаць германізмы ў назве кафлі (kachel), цанінная (ад zinn - волаза, што ўваходзіла ў склад палівы), кунштоўная (kunst), гэзімсава (варыянт назвы карнізнай кафлі ад gesimse) [4; 344].

Такім чынам, нямецкія майстры ўдала адаптавалі готыку да мясцовай мастацкай традыцыі, што надало гэтаму стылю ў Германіі адметны характар ва ўсіх сферах духоўнай і мастацкай культуры.

1. Базен Ж. История истории искусства от Вазари до наших дней. - М., 1995.

2. Ганецкая І. У. Беларужская культура XI-XIII стст. у агульнаеўрапейскім кантэксце // Гуманітарныя і сацыяльныя навукі на зыходзе XX стагоддзя. - Мінск, 1993. - С. 367-369.
3. Гурын М. Ф., Бекцінеў Ш. І. Гандлёвыя сувязі Полацкай зямлі // Гістарычна-археалагічны зборнік. - 1998. - № 12. - С. 68-72.
4. Заяц Ю. А. Кафля і кафляныя печы // Археалогія Беларусі. Помнікі XIV-XVIII стст. - Мінск, 2001. - Т. 4. - С. 319-344.
5. Кушнярэвіч А. Да праблемы ўплываў нямецкай готыкі на архітэктурную Беларусь і Літвы // У зб.: *Castrum, urbis et bellum*. - Баранавічы, 2002. - С. 253-262.
6. Либман М. Искусство Германии XV и XVI веков. - М., 1964.
7. Либман М. А. Нямецкая скульптура 1350 -1550 гг. - М., 1980.
8. Макараў М. Да пытання пра выкарыстанне тэрміну "данжон" (donjon) у беларускай гістарычнай навуцы // Гістарычны альманах. - Гародня, 2001. - С. 59-67.
9. Несельштраус Ц. Г. Искусство Западной Европы в средние века. - М., 1964.
10. Сагановіч Г. Сярэднявечная Беларусь і немцы: сустрэча культур // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: стан і перспектывы развіцця / Матэрыялы II Усебеларускай канферэнцыі гісторыкаў. - Мінск, 1999. - С. 46-48.
11. Abraham W. Powstanie i organizacja kościoła Łacynskiego na Rusi. - Lwów, 1904.
12. Adamonis T. Lietuvos gotikos skulptūra // Dailėtura. - Vilnius, 1987. - № 2. - P. 81-94.
13. Goethe W. Von Deutscher Baukunst. - Frankfurt, 1772.
14. Kugler F. Handbuch der Kunstwissenschaft. - Stuttgart. 1842.
15. Pischel G. Histoire mondiale de l'art: peinture, sculpture, architecture, arts décoratifs. - Milan, 1976.
16. Schlegel F. Grundzüge der gotischen Baukunst. - Stuttgart, 1842.

Пичуков В. П. (г. Гомель, ГГУ им. Ф. Скорины)

НЕМЕЦКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ВОСТОЧНОГО ПОЛЕСЬЯ БЕЛАРУСИ В 20-30-е ГОДЫ XX В.: ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. из 7 075 немцев, проживавших в БССР (всего в СССР насчитывалось 1 238 549 человек немецкой национальности), около 4-х тысяч приходилось на территорию Восточного Полесья. При этом в Мозырском регионе проживало 3 356 немцев – 46,6 % всего немецкого населения БССР и абсолютное большинство сельских немцев – крестьян-колонистов республики [1].

Совокупность отдельных публикаций в республиканских газетах 20-х гг. позволяет составить общее представление о характере жизни местных немцев в общем контексте проводимых социокультурных преобразований. Так, в газете "Звезда" от 26 июля 1923 г. была напечатана статья "Немецкая колония (Каролинская вол., Мозырск. у.)". Её лейтмотив – "если в хозяйственном отношении немцы стоят выше окружающего населения, то в политическом – они намного отстали". Автор констатирует, что в силу обособленности местных немцев от остального населения, слабого знания ими русского языка, "не совсем еще изжитого национального антагонизма" немцы "не приобщены к культурной и политической работе", "в школе колонии [Анзельмовки. – В. П.] нет учителя, знакомого с немецким языком и преподавание ведется исключительно на русском языке. Вследствие этого, немцы неохотно посылают своих детей в школу, а предпочитают посылать их учиться "при кирхе", где их обучают только молитвам".

Примерно в это же время печатный орган Народного комиссариата просвещения БССР журнал "Асьвета" [1925. № 3] в рубрике "Праца сярод нацыянальных меншасцяў" информировал, что в Мозырском округе имеется единственная школа, где обучение ведется на немецком языке – "у нямецкай колёніі Алескае, дзе некалькі год таму ўзд некалькі нямецкіх сямействаў купілі зямлю ў памешчыка і пасяліліся там".

Ряд интересующих нас материалов был напечатан в окружной газете (г. Мозырь) "Савецкая вёска" [2]. В основном они были аграрной тематики и описывали поступательный ход кооперации немецкого населения в сфере переработки молока – производстве масла, сыра. О высокой и стабильной экономической конъюнктуре немецких хозяйств, специализировавшихся на животноводстве молочного направления, свидетельствует информация о деятельности молочных артелей (в Берёзовском немецком сельсовете, в Анзельмовке), работе курсов по подготовке мастеров-маслоделов и сыроваров (при Анзельмовской молочной артели), о животноводческих выставках с экспонированием элитных пород коров – красной и черной "немецкой" и т.п. В газете приводятся сведения и о национально-культурной работе среди немецкого населения: выписке газет на немецком языке, деятельности национальных немецких сельсоветов и т. д. [2; 1926. 25 июля, 16 сентября; 1927. 31 января, 9 февраля, 16 апреля, 16 июня].

В унисон с описанием высокого уровня хозяйствования немецких крестьян в местной газете звучали и материалы центральной "Беларуской вёскі". "Чыстата, ахайнасць, суровая дысцыпліна і самае шырокае ўжываньне машын" – впечатление от знакомства с сельским хозяйством в Германии [1927. 15 верасня]. "Нам трэба навучыцца ў немцаў шанаваць асьвету, ...культуру", – общий вывод описания жизни немецких крестьян-колонистов в Крыму [1926. 10 жніўня]. Общая тональность этих материалов проецировалась и на немцев Мозырщины, которые также представлялись примером для остального населения.

С 1926 г. в Москве издавалась газета "Deutsche Zentral Zeitung" ("Немецкая центральная газета") – орган Центрального бюро немецких секций ВКП(б). До конца 20-х гг. газета была крестьянской по характеру и предназначалась для немецких колонистов Поволжья, Крыма, Северного Кавказа [3]. В начале издания газеты её редакция изучала общую картину немецкого населения в СССР. В ответе Наркомпроса БССР в октябре 1926 г. на соответствующий запрос газеты отмечается, что в пределах БССР насчитывается 857 немецких хозяйств общей численностью около 6 тыс. человек. Подчеркивается, что основное количество немецкого населения (665 хозяйств) проживало в Мозырском округе, где имелись немецкие нацсельсоветы и 2 немецкие школы 4-х летки – по одной в Каролинском и Наровлянском районах [4; л. 1-2].

С конца 20-х гг. меняется характер освещения немецкой тематики в периодике. Стойкое противостояние немецкого населения БССР насильственной и сплошной коллективизации, гонениям на религию являлось предметом постоянной озабоченности властей. В постановлении ЦИК БССР от 5 декабря 1930 г. "По докладу о коллективизации бедняцко-средняцких хозяйств национальных меньшинств БССР" предлагалось обратить особое внимание на немецкие поселения [Савецкая Беларусь. 1930. 10 снежня]. "Калгаснае будаўніцтва ў нямецкіх сельсаветах сустрэла жорсткае супраціўленьне з боку кулацтва, рэлігійных элементаў. Рад савецкіх і грамадзкіх арганізацый недастаткова ўдзялілі ўвагі нямецкаму насельніцтву", – констатировало руководство БССР в 1931 г. И как результат – "У сельсавеце "Розы Люксембур" школа два гады зачынена, з немцаў вучыцца толькі 3 чалавека дзяцей. У Хаткаўскім сельсавеце, дзе 99 нямецкіх гаспадарак, школа зачынена і няма

настаўніка. У Бярозаўскім сельсавеце хата-чытальня зачынена, школа ў дрэнным становішчы, адзін настаўнік – былы царкоўны служка, а другі невядома, хто такі, – не высвятлілі яго твару, але не наш, – гэта значыць, не адданы цалкам савецкай уладзе. Школы напалову раскіданы, работа з беднатай не вядзецца. Ёсць праявы нямецкага шавінізму. Беларусаў называюць “серыя”, “лапатнікі”, “мужыкі” і інш. Немцы лічаць сябе многа вышэй за беларусаў, ніякай сувязі з беларусамі ня маюць, замкнутасць на нацыянальнай і рэлігійнай глебе і г. д. Вось вынікі той дрэннай работы якая вялася нашымі мясцовымі арганізацыямі сярод гэтай нацменьшасці” [Савецкая Беларусь. 1931. 23 жніўня].

О пассивности властей Каролинского района в работе с немецким населением, о “кулачком засилье” отмечала выездная бригада газеты “Беларуская вёска” в номере от 20 января 1931 г. (статья “Нацыянальна-апартуністычная сьлепата раённых адказных працаўнікоў”). В статье приводится несколько “ганебных фактаў абароны” і “мірнага ўрастаньня кулака ў сацыялізм”. “Кулак Штрайх – з вёскі Анзельманаўкі, Розы-Люксэмбургскага нацыянальнага нямецкага сельсавету, жыве фактычна ўвесь час з сынам, а юрыдычна на паперы падзяліўся. Кулак Штрайх мае 20 га зямлі (раней меў 40 га зямлі), сэпаратар, 6 дойных кароў, вырабляе масла і збывае на прыватны рынак. Індывідуальным падаткам не абкладзены. <...> Кулак Лангаз Эдуард, раней меў 40 га зямлі, зараз падзяліў яе паміж дзецьмі, – мае 4 каровы, 2 коняі. Індывідуальным падаткам не абкладзены. Кулак Лангаз лічыцца ў сельсавеце калдуном – лекарам, лечыць ня толькі сялян з гэтага сельсавету, але выяжджае і ў другія раёны”. Газета “Беларуская вёска” обвинила местное руководство в том, что “раённыя арганізацыі бяруць пад сваё “крылышка” абароны кулакаў Штрайхаў, Лангазаў”. При этом было отмечено фактическое признание местного руководства (председателя Каролинского РИК и секретаря РКП(б)Б) в своем бессилии проводить советскую работу среди немецкого населения: “Мы ня маем магчымасці наладзіць там працу. Мы нават ня маем тры гады ў гэтым сельсавеце настаўніка. Няма як і праз каго расплачаць працу”. В этих словах – констатация факта и недостачи необходимых кадровых работников в немецкой среде (в том числе со знанием немецкого языка), и стойкого неприятия местными немцами официального насилия.

Аналогичная картина сложного процесса советизации полесских немцев отмечалась этой же газетой (она сменила название на “Калгасьнік Беларусі”) и в следующем 1932 г. (номер газеты от 22 ноября): “У Ельскім раёне не зварачваецца ўвага на абслугоўваньне нямецкіх школ, амаль не разгорнута масавая культурна-выхаваўчая работа сярод працоўных немцаў”.

В качестве примера сдвига в приобщении немцев (и что особенно важно для власти – женщин) к новому социуму газета “Савецкая Беларусь” приводила 16 января 1931 г. следующий факт: “Калі летась у Бярозаўскім нямецкім сельсавеце з 362 жанчын на сход [по перевыборам местного совета. – В. П.] з’явілася 9-10, дык у зтым годзе мы маем там жа 52 % жанчын на сходзе”.

Власть придавала большое политическое значение освещению в печати советской работы, проводимой среди населения нацменьшинств, по возможности, на национальных языках. В 1930 г. секретариат ЦК КП(б)Б принял решение об издании однодневной газеты “За калектывізацыю” на латышском и немецком языках [5; л. 3]. К сожалению, у нас нет сведений о реализации этого решения. В 1931 г. секретариат постановил организовать в районной и низовой печати постоянные страницы на языках населения нац-

меньшинств – польском, еврейском, латышском, литовском. В Наровлянской районной газете “За калектывізацыю” предписывалось создать страницу на немецком языке “для обслуживания немецких сельсоветов Наровлянского и Каролинского районов” [6; л. 196].

В конечном итоге, состоявшаяся так называемая “немецкая страница” [10] представляла собой отдельные статьи и заметки на немецком языке. За время существования немецкой страницы (1934–1936 гг.) в газете “За калектывізацыю” их было напечатано несколько десятков, как правило, одна-две в отдельных газетных номерах. О характере этих материалов свидетельствуют их названия. Приведем некоторые из них в выправленном виде в соответствии с современными орфографическими нормами немецкого языка: “Das kollektivwirtschaftliche Pferd muss von allgemeiner Achtsamkeit umgeben sein” (“Колхозная лошадь должна быть окружена всеобщим вниманием”), “Das Erfolgfestigen” (“Закрепление успехов”), “Das neue Schülerkomitee führt im Kampf um gute Lernresultate” (“Новый ученический комитет лидирует в борьбе за хорошие результаты в учёбе”), “Die Wehrpflichtigen aus Berjosowka gehen zur Rotenarmee” (“Военнообязанные из Берёзовки идут в Красную Армию”), “Wie begegnet der Dorfrat zu Berozowka seinen proletarischen Feiertag” (“Как встречает сельсовет Березовки свой пролетарский праздник”), “Besser arbeiten als gestern” (“Лучше работать, чем вчера”), “Genosse Wittmeier sabotiert die politische Schulung der Kollektivisten” (“Товарищ Виттмайер саботирует политобразование колхозников”) [7; 1935. 1 мая, 7 листопада, 24 снежня; 1936. 15 лютага, 4 сакавіка, 30 верасня].

Среди прочего интересен фактический материал о немецких национальных колхозах: “Карл Либкнехт”, “Роза Люксембург”, “Красный колонист”, “Эрнст Тельман”, немецких школах в Берёзовке, в колонии [деревне. – В. П.] Хатки.

В меньшей степени “немецкая страница” освещала иную проблематику. Так, в заметке “Ein interessanter Fund” (“Интересная находка”) говорится о находке школьником топора каменного века, что свидетельствовало о проживании человека на этой территории с древних времен и должно было стимулировать познавательную деятельность учащихся [6; 1935. 28 листопада].

В целом, отмеченные материалы должны были являться действенным воспитательным средством “втягивания” немецкого населения в процесс социалистического переустройства деревни, реализации сталинского лозунга “Wir müssen alle Kollektivwirtschaften bolschewistisch und die Kollektivisten wohlhabend machen” (“Мы должны сделать колхозы большевистскими, а колхозников – зажиточными”).

При более гармоничных отношениях немецкого населения и власти “немецкая страница” в районной белорусско-язычной газете могла выглядеть как конкретное средство сохранить равновесие языков и закрепить одну из сфер использования языка (массовая коммуникация) за родным языком. Для носителей немецкого языка она могла в определенном смысле служить защитой этнического суверенитета языка. Однако двусторонняя связь между газетой и её немецким читателем (и возможным автором) не состоялась. Немцы не стремились писать в газету. Основное количество изученных нами немецкоязычных газетных материалов было написано Райнгольдом Циммерманном (R. Zimmermann) – немцем, политэмигрантом из Германии, директором Берёзовской немецкой школы, прибывшим из Минска, и Яковом Шлегелем (J. Schlegel) – немцем, учителем немецкой школы в Хатках, мобилизованным для работы среди местного немецкого населения из Республики немцев Поволжья. Ряд заметок был написан заведующим хатой-читальней в Берёзовке Шляфером – евреем по национальности, с переводом на немецкий язык Циммерманна. Власть, фактически потерпев фиаско в стремлении использовать агитационно-пропагандистские возможности “немецкой страницы”, в 1936 г. её ликвидировала.

Наряду с материалами немецкой страницы информация о местных немцах печаталась в газете "За калектывізацыю" в контексте хроникально-репортажного освещения жизни всего населения Наровлянского района. В основном освещались успехи и трудности колхозного строительства в Березовском сельсовете (председатель – Шиллер, члены сельсовета – Гафке, Шульц Л., Юзман Д., Тьдэ Г. и др.). К вышеназванным колхозам добавим "Новая Антоновка", "Новый Майдан", которые в 1938 г. были переименованы соответственно в "им. К. Маркса" и "им. Ф. Энгельса", колхоз "Красная Красиловка". Председатели колхозов – Мильке Эрнст, Ас-тартак, Циглярский, Блох, Кроль Юлиус, зав. МТФ – Шульц, бригадиры – Вольф Август, Зай-ферт, кладовщик – Мартин Август, колхозные кузнецы – Домке, Ябс, работник мельницы – Крон Эвальд. Акцентировалось внимание на участии населения в различных общественно-политических кампаниях (делегат VII районного Съезда Советов от Березовского сельсовета Гертер Павел), обеспечении поставок сельскохозяйственной продукции государству. При этом приводились случаи "кулацкой практики", "кулацкого саботажа" (Шат Адольф – "кулацкий агент", Расоль Рудольф, Витлер Эдуард – "под влиянием кулаков", Шмидт Герман, Лемке Фридрих – не выполнили плана сева, отданы под суд, Ванер Адзля – "спекулянтка", Мильке Ида, Лемке Эрн – "лодыри") и одновременно – имена колхозников-ударников (Витмайер, Шамуль, Шульц Фридрих).

Значительное внимание газета уделяла культурному строительству в немецкой деревне – школам (учителя – Циммерман, Гердт, Меер, Файненштилль, Бауэр, Лир, Ильяс), культмассовой работе (руководитель драмкружка – Миллер Эмма, музыкального кружка – Крон). В совокупности представлялась довольно оптимистическая картина социалистической трансформации всего комплекса жизни немцев-крестьян.

Однако в действительности все обстояло не так благополучно. На страницах газеты не отражалось государственное насилие над немецким населением в рамках "антикулацкой" кампании, гонений на руководство местных лютеранско-евангелических общин, умалчивалось о массовых политических репрессиях в отношении немецкого населения. Как исключение из практики умалчивания нужно отметить ряд публикаций в связи с репрессиями власти в отношении инициаторов получения в условиях голода 1932-34 гг. материальной помощи от германских диппредставительств в Москве и Киеве [8]. Общественное мнение направлялось в русло осуждения данного явления, "вскрывался" его "антисоветский, профашистский" характер (заметки и статьи: "Мы пратэстуем супроць наглай фашыскай правакацыі", "Ніякай літасці класавым ворагам" и т. п.). Активисты кампании обращения за помощью назывались "активными агентами фашизма", которых "граждане Березовского немецкого сельсовета" просили, обращаясь к власти, жестоко покарать [7; 1934. 22 ліпеня; 21, 22, 23 снежня; 1935. 5 студзеня].

В целом газеты не являлись эффективным средством налаживания диалога власти с немецким населением. Неумение взрослых немцев читать по-русски и по-белорусски, эволюция их отношения к советской власти от индифферентного к неприязненному обусловили игнорирование ими периодики. "Русских газет почти никто не читает, то же и с белорусскими", – отмечал инструктор Нацкомиссии ЦИК БССР, обследовавший немецкие сельсоветы в 1931 г. Количество выписываемых газет было незначительным, например, в 1931 г. на более чем 300 немецких хозяйств Наровлянского района – 20 экземпляров. В 1931 г. в Роза-Люксембургском сельсовете выписывалось 7 экземпляров газет, до этого – 20. К тому же в подвале преобладали немецкоязычные газеты. В 1930 г. в Роза-Люксембургском сельсовете выписывалось 12 экземпляров "Немецкой центральной газеты" и 6 – "Харьковской немецкой газеты" [11]. Однако понятные в языковом отношении и эти официальные газеты не принимались немецким населением. "В газеты не пишем, т. к. правду не пропускают, не читаем газет, т. к. они всегда врут" – коллективное мнение немецких крестьян с. Антоновка Березовского сельсовета (1932 г.) [12; л. 252].

В целом характер немецкого материала в периодике БССР 1920-30-х гг. отражает эволюцию общественно-политической жизни в республике -- от либерализма 20-х гг. к усилению тоталитарных тенденций в 30-е гг. Фактографический аспект этого типа первоисточников важен в этнологическом смысле, также в возможности изучения эмоциональной составляющей публицистики.

1. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. X. БССР. Отдел 1. - М., 1928. С. 8-9, 11-12, 220-221; Национальная политика ВКП(б) в цифрах. - М., 1930. С. 36; Пичуков В. П. Статистика немецкого населения Восточного Полесья в 1920-е гг. // Традиції матеріальної і духовної культури Усходняга Полесья. Мат. міжнар. навук. канф. (Гомель, 20-21 мая 2004 г.). У 2-х ч. Ч. I. - Гомель, 2004. С. 116-119.
2. «Савецкая вёска» (Орган Мозырского окружного комитета КП(б)Б). Выходила с 1925 г. по 1928 г.
3. Смирнова Т. М. Немецкая печать в Санкт-Петербурге // Немцы в России. Петербургские немцы. - СПб., 1999. С. 429.
4. Национальный архив Республики Беларусь (далее -- НАРБ). Ф. 42. Оп. 1. Д. 336.
5. НАРБ Ф. 4. Оп. 4. Д. 20.
6. Государственный архив общественных объединений Гомельской области. Ф. 3609. Оп. 2а. Д. 11.
7. «За калектывізацыю» (Орган Наровлянского РК КП(б)Б и Наровлянского РИКа). Выходила с 1932 г. С 27 июля 1938 г. газета называлась «За большэвіцкія перамогі».
8. Об этом см: Пичуков В. П. К вопросу о политических репрессиях в БССР в 1930-е гг. в связи с немецкой благотворительной помощью // Германский и славянский миры: взаимодействие, конфликты, диалог культур. Витебск, 2001. С. 103-105.
9. Государственный зональный архив в г. Мозыре.
10. Пичуков В. П., Каховская Л. Ф. «Немецкая страница» в Наровлянской газете «За калектывізацыю» 1930-х гг.: историко-лингвистический аспект // Славянскі свет: мінулае і сучаснае. Матэр. рэспуб. навук. канф. 26 сакавіка 2004 г. Ч. 2. - Мн., 2004. С. 93-98.
11. НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 109. Л. 12; Д. 102. Л. 20; 8, Ф. 60. Оп.1. Д. 723. Л. 15.
12. Государственный архив общественных объединений Гомельской области. Ф. 4286. Оп. 1а. Д. 234.

Букина Т. В. (г. Минск, ИИЭФ им. К. Крапивы НАН Б)

АНТИСЕМИТСКАЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА КАК ЧАСТЬ НАЦИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1941-1944 гг.

Интерес к документам, освещающим события второй мировой войны, сегодня повсеместен и огромен. В силу демократических преобразований в нашей стране в последнее время появилась возможность обратиться к документам, ранее не доступным исследователям, которые дают возможность апеллировать к фактам, явлениям, долгое время причисляемым к разряду «неудобных». Именно к таким документам истории можно отнести иллюстрированные пропагандистские материалы, распространяемые на территории Беларуси оккупационными властями в 1941-1944 гг., позволяющие наглядно представить трагические события тех лет.

В настоящий момент в искусствоведении республики отсутствуют исследования по изобразительной пропаганде оккупационных властей на территории Беларуси в названный период вообще, а уж тем более по антисемитской направленности, в частности. А между тем, назрела необходимость избавиться от пресловутых «белых» пятен в нашей истории, продиктованная как духом времени, так и памятью погибших в те страшные годы людей. Автор статьи впервые в истории отечественного искусствоведения делает попытку

рассмотреть, опираясь на архивные материалы, основные темы в антисемитской изобразительной пропаганде, существовавшей на территории Беларуси в 1941-1944 гг, даёт анализ характерных графических произведений тех лет с новым взглядом, лишённым устоявшихся штампов и стереотипов.

Антисемитизм, достигнув своей кульминации во времена Третьего рейха, обусловил появление одного из наиболее значимых исторических и социальных феноменов XX века» [1; 11] – Холокоста. «Впервые в истории решение о геноциде еврейского народа было принято на государственном уровне и стало элементом государственной политики» [2] нацистской Германии, итогом которой стало уничтожение около 6 млн. евреев, главным образом в построенных для этой цели «лагерях смерти», как на территории самой Германии, так и в странах, оккупированных ею. Пропагандистские материалы: листовки, плакаты, газеты, журналы, брошюры, радиопередачи, кинофильмы, конечно, никогда не рассказывали о массовых казнях и газовых камерах (это было запрещено), но они постоянно подчёркивали, что евреев заставляют платить за войну, которую Гитлер считал войной мирового «еврейства» против национал-социалистической Германии, их собственными жизнями.

Антисемитская пропаганда использовалась нацистами постоянно: начиная с рождения партии в 20-х годах и до падения Третьего рейха в 1945 году. Так, Грегор Штрассер, один из лидеров НСДАП, «...в 1924 г. выпустил плакаты, на которых, тощие и измождённые труженики-немцы изображались беспомощными марионетками, дёргающимися на нитках по прихоти жирного бездельника-еврея» [3; 30]. Разжигание ненависти к евреям заняло одно из центральных мест в планомерной, последовательной пропаганде на оккупированных гитлеровцами территориях. Причём, антисемитская тема умело сочеталась с антибольшевистской, зачастую переходя одна в другую, так как, согласно нацистской доктрине, еврейство отождествлялось с коммунизмом. Проанализировав архивные материалы по антисемитской пропаганде на территории Беларуси в 1941-1944 гг., можно выделить две основные темы: политическая карикатура, как правило, на руководителей СССР, а также представление красноармейцев, партизан в виде бандитов с «сообщением», изображающее гипертрофированно-характерные семитские черты – это свойственно для иллюстративного ряда листовок, плакатов, газет, журналов, брошюр.

Оккупационными властями был востребован широкий круг художников, как любителей, так и профессионалов, что и обусловило разный уровень графических работ пропагандистского характера, которые в подавляющем большинстве анонимны. Также на качество данных материалов влияло место их издания: листовки, плакаты, газеты, журналы, брошюры, ввозимые на территорию Беларуси, всегда отличал высокий художественный уровень и качество полиграфии.

Главным героем политических карикатур антисемитской направленности является Сталин, так как «с началом войны с СССР... (он) [4] становится собирательным образом врага и, сливается в данной роли с еврейским населением» [5; 202]. Так, в ряде карикатур, выполненных в технике ксилографии, на страницах газеты «Новый путь» неизвестный художник представляет «вождя всех времён и народов» в разных амплуа: «безумный мясник» [6; 3], патефон, крутящий «постоянную пластинку советской лжи» [7; 3], безобразных сиамских близнецов со сросшимися головами [8; 3]. Есть основание предполагать, что автором этих политических карикатур является самодельный художник, так как для изобразительного языка работ свойственно доминирование повествовательности, образности над техничностью исполнения: излишняя заострённость, напряжённость «проволочных» линий, раздробленность композиции, что обуславливает недостаточно выразительный контур форм и не способствует восприятию произведения целиком. Но, несмотря на отмеченные типичные

особенности, характерные работам художников, не получивших профессиональную подготовку, рисунки впечатляют не только замыслом, но и сходством с «портретируемым».

Политическая карикатура антисемитской направленности помещалась в пропагандистских материалах не только как самостоятельный рисунок, но и как иллюстрация к стихам, частушкам, фельетонам, причём не обязательно сохраняя сходство с объектом изображения. Так, в одном из развлекательных изданий оккупационных властей, имеется сатирический рисунок к песне на мелодию «Катюши» «Сталин-лёкай жыда-капіталу» [9; 5], в котором представлены фигуры-символы руководителей Англии, США, СССР:

Усяго съвету жыды сабраліся,
Каб пабіць сусветны капітал,
Запраўды-ж яны ўсе спрагліся
І забралі Сталіна ў кагал [10].

Неизвестный художник, создавая в карикатурной форме художественный образ политических лидеров стран антигитлеровской коалиции, используя для характеристики объектов изображения чередование ахроматических пятен, для узнавания, кто есть кто, нарисовал на головных уборах (цилиндрах) фрагменты государственных флагов.

Поражает воображение то разнообразие сюжетов, их изощрённость, с помощью которых художники-коллорационисты обыгрывают в своих композициях тему отождествления красноармейцев, партизан с бандитами-евреями в иллюстрированных пропагандистских материалах. Так, в листовке «Пам'ятайце заўсёды...» [11; 64], изданной предположительно в 1943 году, неизвестный художник создал изображение-«перевёртыш»: лицо командира Красной Армии, нарисованное в профиль, при повороте его на 180° плавно переходит в изображение человека с гипертрофированно-характерными семитскими чертами лица. Рисунок вписан в круг, по которому идёт надпись: «Жыд заўсёды будзе жыдам! Як яго не павяртай, ён заўсёды будзе намагацца замаскавацца». На оборотной стороне листовки помещён текст под заголовком: «Ці ведама Вам?», в котором приводится процентное соотношение евреев среди населения СССР, в руководстве коммунистической партии, а также в составе политического управления Красной Армии. Чуть ниже – это же сообщение на русском языке.

Изобразительный язык композиции убедительно говорит о том, что её автор – это художник-профессионал: уверенная, «живая» линия, умело сочетающаяся с пятном, лаконичность – отсутствие излишних деталей, ахроматическая цветовая гамма, определяют оригинально найденный художественный образ «врага-перевёртыша».

В нацистской пропаганде усиленно муссировались методы, которыми пользовалось руководство СССР перед войной, а также в годы войны, с тем, чтобы расставить акценты в понятии «кто есть враг?». В этой связи показательной является листовка «Уставайце ўсе!!! Вы нам вельмі патрэбны. Ваша забойства было толькі памылкай!» [12; 65]. Композиционным центром листовки, выпущенной, предположительно, типографским способом в двух вариантах: чёрно-белом и красно-белом, является нарисованная крупным планом мужская фигура, обращённая к зрителю в пол-оборота (с тем, чтобы были видны гипертрофированно-заострённые семитские черты лица), на спине которой написано: «ГПУ» (эта надпись зачёркнута), а чуть ниже – «НКВД». Для усиления негативных зрительских эмоций от данного образа врага, художник увеличено показывает изображение пистолета, торчащего из кармана. Главный герой листовки обращает свою речь к ...черепам, разбросанным по полю. Композиция (использование сложного ракурса, уравновешенность составных частей), грамотное использование выразительных средств – линии и пятна, позволяют сделать вывод, что автор работы – профессиональный художник.

В нацистской изобразительной пропаганде один из главных героев – немецкий солдат-«освободитель» от «еврейско-большевистского заговора» на оккупированных гитле-

ровцами территориях. Так, в брошюре «Лёс беларускага селяніна», есть рисунок «Мы нясем Вам вызвалены!» [13; 119]. Неизвестный художник представляет идеализированный образ немецкого солдата в полной амуниции, стоящего одной ногой на поверженном враге – «красном» комиссаре с характерно заострёнными семитскими чертами лица. «Освободитель» пожимает руку, с разорванной на ней цепью, белорусскому крестьянину. Язык этого произведения тяготеет к плакату: монументальная общённость образов, гармоничная взаимосвязь текста-лозунга и изображения, предельно лаконичная композиция, выстроенная по классическим законам (вписана в круг). В данном источнике иллюстрация представлена в чёрно-белом варианте, в котором варьируются сочетания ахроматически пятен и линии, разнообразной по своей характеристике.

Художники-коллаборационисты, также как и художники-антифашисты, в изобразительном ряде пропагандистских материалов, распространяемых на территории Беларуси в 1941-1944 гг., обращались к славянской истории русского оружия, но с разным подтекстом. Так, в листовке «1812-1942: Красные партизаны – обманутые предатели» [14], композиция построена по принципу «зеркального противопоставления» частей: партизан «образца 1812 года партизанам 1942 года. Неизвестный художник, помимо сообщения гипертрофированно-заострённых семитских черт в изображении партизан 1942 года, активно пользуется символикой – на мундире гусара крест, крест также нарисован и на знамёнах партизан 1812 года, а на потрёпанных знамёнах и фуражке «главаря бандитов» – звезда Давида, которая отождествлялась нацистами с пятиконечной звездой.

По характеру изображения, можно сделать предположение, что листовка тиражировалась типографским способом. Конкретизирует изобразительный ряд надпись на обратной стороне: «Не верьте лживой большевистской пропаганде, сравнивающей сталинских бандитов с партизанами 1812 г.

В 1812 году Наполеон хотел захватить нашу родину.

В 1812 году Наполеон превратил московские храмы в конюшни.

В 1812 году народный герой фельдмаршал Кутузов вел русские войска на борьбу против Наполеона.

Победа над Наполеоном была победой всего народа.

Теперь Адольф Гитлер освобождает народы Советского Союза от жидо-большевистского гнёта.

Теперь на освобождённой земле германские войска возвращают верующим храмы, превращённые большевиками в склады или антирелигиозные музеи.

Теперь профессиональный бандит Сталин ради интересов мирового жидовства гонит на верную смерть миллионы русских людей; он посылает обманутых предателей – красных партизан уничтожать народное добро, грабить и убивать мирных жителей и бесстыдно называет их «народными героями».

Теперь победа Красной Армии означала бы восстановление кровавой советской власти, а с нею кровавого террора НКВД, колхозного рабства, стахановщины и, прежде всего, жидовского произвола.

Таким образом, в антибольшевистской изобразительной пропаганде на территории Беларуси в 1941-1944 гг. одна из главных тем – антисемитская, получившая широкое распространение в Германии, а также в странах, оккупированных немецкими войсками в годы второй мировой войны. Исходя из того, «что пропаганда – искусство, которое тем эффективнее, чем меньше люди догадываются, что их обрабатывают» [15; 382], министр народного просвещения и пропаганды д-р Пауль Йозеф Геббельс «подчинил своей власти все сферы идеологического воздействия на сознание масс – прессу, радиовещание, литературу, музыку, кинематографию, театр, изобразительное искусство,

коммерческую деятельность, туризм» [16]. Результат такой обработки немецкого народа – принятие антиеврейских законов внутри страны и массовые убийства евреев как в самом рейхе, так и за его пределами. Нацистам была необходима идеология, чтобы оправдать свои преступления, проводником которой в жизнь и выступала пропаганда. В условиях информационной монополии гитлеровцы манипулировали общественным мнением, представляя в иллюстративном ряде листовок, плакатов, газет, журналов, брошюр политических лидеров стран антигитлеровской коалиции, а так же красноармейцев, партизан в виде бандитов с гипертрофированно-заострёнными семитскими чертами лица, активно используя в своих рисунках соответствующую символику – звезду Давида, зачастую отождествляющуюся нацистами с пятиконечной звездой.

На основании анализа антисемитской изобразительной пропаганды, распространявшейся на территории Беларуси в 1941-1944 гг., можно сделать вывод о том, что к сотрудничеству с оккупантами был привлечён широкий круг художников, как профессионалов, так и любителей, оформлявших листовки, плакаты, газеты и журналы. Их графические произведения, несмотря на разный художественный уровень, зачастую, отличались образностью, оригинальностью замысла и доходчивостью, что могло делать эти материалы востребованными в разных слоях общества для разжигания межнациональной розни.

1. Мінскае гета 1941-1944 гг.: Трагедыя. Гераізм. Памяць // Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі 24 кастрычніка 2003 года. - Мн., 2003.

2. Там жа.

3. Коваль В. С. Путь к Бабьему яру (Германский антисемитизм: история, теория, политика). - Киев, 1991.

4. Примечание автора.

5. Олехнович Д. "Сталин-еврей". Карикатуры в газете "Двинский Вестник". 1942-1944 гг. // Материалы XI ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. Тезисы. - М., 2002.

6. Новый путь (Витебск). 28.04.1942, № 30(81).

7. Там же. 1.04.1942, № 23(74).

8. Там же. 25.04.1942, № 29(80).

9. ГАВО. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 93.

10. Там же.

11. НАРБ. Ф. 385. Оп. 2. Д. 45.

12. Там же.

13. НАРБ. Ф. 385. Оп. 2. Д. 45.

14. ГАВО. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 95.

15. Энциклопедия Третьего рейха. М., 1996.

16. Там же.

Літвіновіч А. Ф. (г. Мінск, БДУ)

ГУДЫ І НЕМЦЫ Ў НАРОДНАЙ СВДОМАСЦІ І ФАЛЬКЛОРЫ БЕЛАРУСАЎ

Перад тым, як перайсці да асвятлення данай праблемы, трэба патлумачыць, каго ж мы разумеем пад найменнем гуды. Адны даследчыкі (П. Шафарык) лічылі, што тапонімы з каранем "гуд" пакінулі на тэрыторыі Літвы, у прыватнасці, Жамойці готы [1, 142]. У той жа час П. Шафарык і Э. Ахманьскі заўважалі, што падобнымі "аўтографамі" на беларускай і літоўскай тэрыторыі былі пазначаны паселішчы ўсходніх славян (русінаў або пананёных русінаў у XIII – XIV стст.) [1, 142]; [2, 126].

М. Я. Грынблат жа, даследуючы розныя этнонімы, якія маглі мець сувязь з яцвягамі, заўважыў блізкасць паміж назвамі "судаваы" – "зудус" – "жудва" – "готвезі" і "гудаі", "гудас". Асноўваючыся на шматлікіх навуковых фактах, этнограф зрабіў вывад, што "этнонім "gudai" быў адным са старажытных найменняў яцвягаў" [3, 162]. Аднак пад найменнем гуды асабліва ў першыя стагоддзі н. э., хутчэй за ўсё, выступалі гуды-гуты-готы [4, 247]. І, верагодна, ніхто іншы, як яны пакінулі свае "аўтографы" тыпу этноніма гідуны (гедуны) на Палессі і геаграфічных назваў Гуды, Гудоўшчына, Гудава і інш. на астатняй тэрыторыі Беларусі. Праўда, ў пэўны гістарычны перыяд пад назвай гуды маглі выступаць іншыя этнічныя супольнасці. Не выключана, што блізкія да папярэдніх гідронімы і тапонімы тыпу Судата [5], Судзені, Судзішкі, Судзелі, Судуйкі і да т. п. паходзяць ад караня гуд.

Продкі сучасных беларусаў найменні гуды, судаваы, судаўляне ўжывалі і адносна яцвягаў. Пра гэта сведчаць гідронімы і тапонімы, размешчаныя ў раёнах яцвяжскай археалагічнай культуры. Махліва, ў этнагенезе балтаў, у прыватнасці яцвягаў, прымалі ўдзел прадстаўнікі германскіх народаў.

Нашы продкі са старажытнасці ведалі, што існуюць такія народы, як гуды-готы і яцвягі-гуды, а таксама немцы.

Першым з германскіх народаў, з якім сутыкнуліся продкі сучасных беларусаў і літоўцаў, былі гуды-готы, – найбольш з іх шматлікі, жыццяздольны, ваяўнічы і развіты. Продкі цяперашніх літоўцаў і беларусаў знаходзіліся ў пастаянным кантакце з гудамі-готамі і, трэба думаць, былі пэўны час пад уладай [6], моўным і культурным уплывам астатніх або знаходзіліся ў вярхоўных ці мірных адносінах з імі. Зразумела, чаму нашы продкі не імкнуліся і не змаглі пазбегнуць кантакта са згаданым вышэй этнічнай супольнасцю. Бо гуды-готы аказалі вялікі ўплыў на гісторыю і культуру як Усходняй, так і Заходняй Еўропы [7, 255]. Таму і не дзіўна, што як у аднаго (продкаў сучасных літоўцаў), так і другога (продкаў цяперашніх беларусаў), як нам здаецца, народаў гэты ў сваёй аснове германскі этнас называўся аднолькава: гуды. Праўда, даны народ нашы продкі, верагодна, называлі яшчэ готамі і гутамі, бо пра гэта сведчаць геаграфічныя назвы, напрыклад, Гоцкі і інш.

Гудскі (гоцкі) і нямецкі народы адыгралі вялікую ролю ў гісторыі і культуры Беларусі. Але калі другі этнас пакінуў нам сляды ў выглядзе пэўных тапонімаў, то першы не толькі пазначыў нашу тэрыторыю сваімі этнонімам Гідуны (Палессе) і тапонімамі (Гуды, Гудоўшчына і інш.), але нават пакінуў нам і нашай краіне сваю назву: гуды (Gudai) і Гудзія (Gudija), – так у літоўскай мове называюць беларусаў і Беларусь, акрамя, безумоўна, найменняў балтарусаў і Балтарусія.

Калі аб немцах і ўзаемазвязях з імі нашых продкаў мы ведаем параўнальна шмат (гістарычныя, летапісныя, літаратурныя крыніцы), то аб гудах-готах і яцвягах-гудах, ўзаемаадносінах іх з нашымі продкамі нам мала што вядома. І ўсё ж, дзякуючы асобным гістарычным, моўным і фальклорным творам, выразам, што захаваліся ў беларускай і іншых мовах, мы можам меркаваць, якімі былі гэтыя кантакты або маглі быць.

Штосці нам можа расказаць аб ўзаемаадносінах паміж дулебамі-дрыгавічамі і гудамі, хутчэй за ўсё, яцвягамі, верш "Сцяты камень" [8], напісаны К. Каганцом па матывах старажытнага падання. У ім распавядаецца пра напад гудаў (г. зн. у аснове сваёй яцвягаў) на дулебаў.

Каб зберагчы сваіх людзей, дулебскі князь Кумар выходзіць на паядынак з непрыяцельскім князем Гудам.

У мечы тнуць,
Іскры б'юць...
Ой, заўзяты бой вядуць,
Князям рукі ўжо памлелі,
Сабе спуску не даюць,
Хоць з туду саўсім счарнелі.

Кожны з князёў мае свае мэты. У гудскага князя галоўнае захапіць у дулебаў здабычу, а ў дулебскага – абараніць сваю маёмасць і люд.

Славы траціць Гуд не хоча,
З нічым да хаты ад'язджаць,
За другіх Кумар баіцца,
Каб іх у палон не аддаць.

Бой цягнецца вельмі доўга. Урэшце, Гуд перамагае. Але здарылася нечаканае.

З заўзятасці абодвы
Зысі з места не маглі, –
Пазастылі бо князі
Як першы, так другі.
І Кумар
Ды і Гуд
Разам скамянелі.

Дулебы-дрыгавічы, як сведчыць паданне, пастаянна падвяргаліся нападам гудаў. Апошнія, верагодна, не давалі спакою дулебскім вёскам, разаралі і знішчалі іх. Зусім нездарма князь Гуд «не хоча з нічым да хаты ад'язджаць», а Кумар «за другіх баіцца, каб іх у палон не аддаць». Можна згадзіцца з думкай А. Рогалева, што словы верша «бой цягнецца вельмі доўга» сведчыць пра працягласць нападаў гудаў [8].

Падзея, аб якой гаворыцца ў паданні, магла адбыцца нейдзе ў VIII – першай палове IX ст. і сведчыць аб нападах ваяўнічых гудаў на дулебаў-дрыгавічоў. Гуды ў той час уяўлялі сабой ваеннадружыннае міжплемянное аб'яднанне (на гэта ўказвае адзінае для ўсіх іх імя), якое знаходзілася прыкладна на тэрыторыі сучаснага беларуска-літоўскага памежжа.

Калі яцвягі-гуды, як нам думаецца, рэзка адрозніваліся ад нашых продкаў тэмпераментам, характарам, знешнім выглядам, адзеннем, то уды-готы і асабліва немцы [9], верагодна, такога рэзкага адрознення ад іх не мелі, таму ў беларускім фальклоры пра гэтыя два апошнія этнасы захавалася не так шмат твораў і выразаў. Можна меркаваць, што творы, у якіх бы згадваліся ўказаныя вышэй народы, не дайшлі да нас. Яно і зразумела, таму што актыўна пачалі збіраць вусна-пазтычную творчасць на Беларусі толькі ў XIX ст.

У сувязі з тым, што нашы продкі (або іх толькі частка) маглі пэўны час знаходзіцца пад уладай гудаў-готаў або часта падвргацца іх нападам (ці нападам яцвягаў-гудаў), знаходзіцца пад іх культурным і моўным ціскам, уплывам, у свядомасці нашых продкаў сфарміраваліся негатывныя ўспаміны аб гудах-готах або яцвягах-гудах. Мы лічым, што тыя моўныя і фальклорныя творы або выразы, у якіх згадваецца карань 'гуд', з'яўляюцца водгаласамі даўнейшых адносін славян з гудамі-готамі, а то, можа, і яцвягамі-гудамі. І ўсё ж беларускія словы з каранем гуд паходзяць, хутчэй за ўсё, ад этноніма гуды-гуты-готы. У нашай мове і фальклоры ёсць словы і пэўная колькасць выразаў, у якіх сустракаюцца гэты карань: гудзіць, адгудзіць, гуджаны, адгуджаны, разгудніца і інш., "Усе дзеўку гудзілі, а яна й добрая" [10]. "Калі Бог судзіць, то і чорт не разгудзіць", "Гудзьмо, удзьмо, дай і тут будзьмо" у знач. "Ганім, ганім, але тут будзем"[так гаварыла дваровая служба. – А. Л.], "Не гудзі, не будзеш гуджаны", "Не судзі – не будзеш суджаны, не гудзі – не будзеш гуджаны", "Суджана – не разгуджана", "Не суджана, калі разгуджана", "Што суджана, то ні разгуджана", "Калі суджана, дык не разгуджана", "Гудзіці – людзей судзіці" [11], "Гудзілі, гудзілі, узялі ды спрудзілі" (у знач. "Ганілі, ганілі, узялі ды з'елі") [12].

Продкі цяперашніх беларусаў у свой час называлі сваіх паўночных і паўночна-заходніх суседзяў яцвягамі, ядзвінгамі, гудамі, судаўлянам, судаўскімі, і верагодна, іншымі найменнямі. Яцвягі згадваюцца ў наступных параўнаннях: "Ліцвін, як лін, яцвеж, як ёж, палавец – акунец" [13, 241], "Выгляда, як ядвінга" [14 83]. У першым народным выразе ўказваецца на характар кожнага са згаданых народаў. Калі ліцвіны былі спізкімі,

г. зн. хітрымі па сваёй прыродзе, а яцвягі, наадварот, вельмі жорсткімі, то полаўцы сумяшчалі ў сабе рысы адных і другіх, г.зн. былі як слізкімі, так і жорсткімі адначасова, бо нагадвалі сабой, па народным уяўленні, той гатунак рыбы, якой уласцівы слізкая луска і шыпы. Тое ж пра характар племені гаворыць і наступнае: "Выгляда, як ядзвінга", г. зн. глядзіць з-за вугла як разбойнік. Аўтар цікавай публікацыі піша, што з імем яцвяг "злучылі паняцце драпежнік, рабаўнік, разбойнік" [14, 83].

Даследчыкі мяркуюць, што басейны Нёмана і Віліі і суседніх з імі рэк ў старажытнасці належалі балтам (яцвягам). Пра гэта сведчаць археалагічныя помнікі [15, 36-51]. На тое ж указваюць гідранімічныя і тапанімічныя назвы не толькі тыпу Дайнава, Дэйнова, Дэйнішкі, Дайноўка, але, хутчэй за ўсё, Ёды, Ёдакі, Ёданцы, Ёдзіна, Ёдзенікі, Ёдзішкі, Юдзеўшчына, Чорная Ганьча [16], Чорная Рэчка, Чорны Ручэй, Чорнае Балота, Чорная Крыніца, Чорная Лужа, Чорная Зямля, Чарналесце, Чорны Бор, Чорны Ельнік, Чорны Луг, Чорнапаляны, Чарнатропка, Чорная Гара, Чорны, Чорнакавалі, Чарняўшчына, Чарнілаўшчына і інш. [17], а таксама, верагодна, Жукі, Жучкі [18].

Такім чынам, як быццам усё гаворыць за тое, што жыхары, якія насялялі ў даўнейшыя часы цяперашняе беларуска-літоўскае памежжа, належалі да балтаў (яцвягаў). Але як растлумачыць той факт, што чатыры этнасы (прусы, продкі сучасных немцаў, літоўцаў, беларусаў), хутчэй за ўсё, у VIII-IX і, верагодна, пазней у X-XIII стст. называлі данае (між)этычнае аб'яднанне гудамі, судавамі, судзінамі, судаўлянамі і інш. падобнымі да гэтых найменнямі (апошнія тры маюць у сваёй аснове карань 'гуд'). Сама назва гэтага аб'яднання "Гуды" (і блізкія да яе найменні "Судаваы-Судзіны-Судаўляне") намякаюць на яго германскі карань.

Гэта ж вядомы даследчык П. Шафарык ўказаў, што на Жамойці населеныя пукты з каранем 'гуд' атрымалі сваю назву ад готаў [19]. А найменне *Gudas* у літоўскай мове адносна рускіх, у тым ліку беларусаў, Драшкоўскі выводзіць ад імя гот (Guth) [20].

Як мы адзначалі, беларусы з немцамі падтрымлівалі даволі цесныя ўзаемаадносіны ў шматлікіх галінах чалавечай дзейнасці. Немцы з'явіліся на Беларусі ў якасці каланістаў. Нягледзячы на тое, што прадстаўнікі гэтага народа даволі хутка паддаліся асіміляцыі, усё-такі асабліва на першым этапе ўяўлялі сабой чужы элемент. Ад тутэйшага народа немцы адрозніваліся касцюмам, культурай, мовай, нярэдка веравызнаннем (пратэстантызм), наогул усім сваім укладам жыцця. Усё чужое выклікала ў беларуса недавер, неахвоту яго пераймаць, і вылівалася ў жартах і кліках над прадстаўнікамі іншага этнаса. Можна падаць некалькі народна-паэтычных выразаў, якія сведчаць аб характары адносін першых і другіх.

Трэба заўважыць, што народна-паэтычных выразаў, у якіх згадваюцца немцы, больш запісана на заходняй частцы беларускай этнічнай тэрыторыі. Яно і зразумела, бо выхадцаў з нямецкіх зямель тут можна было часцей сустрэць, чым на іншай тэрыторыі Беларусі. Нашы продкі прыкмычалі ў немцаў станоўчыя якасці і рысы характару (працавітасць, клопат аб сабе, сваім здароўі): "У немца ўтэды пост, як мяса німа, а ўтэды свята, як німа работы", (пра афісіяналізм, шчырыя адносіны да працы): "нямецкая штука", г. зн. рэч, прадмет, зробленыя з майстэрствам.

Часам тыя ці іншыя словы (прыметкі і інш.) у вусна-паэтычных выразах беларусаў, якія указваюць на сувязь з немцамі, фактычна наўпростых адносін да іх не маюць: "Гаварыў бы панямецкі, да язык з грэчкі" (мірная надзея) [21, 203], пар., напр.: "Гаварыў бы каток, да язык караток", "Па-нямецкі нэці, а г-а-польскі ночвы" (калі так і гэтак няпраўда).

А вось наступныя параўнанні: "Баіцца холоду, як прусак" (пар. "Баіцца холоду, як француз") "Змёрз, як прусак" [21], верагодна, звязаны з напалеонаўскай кампаніяй 1812 г., у якой прымалі ўдзел значная колькасць немцаў. Нямецкія вайсковыя адзінкі ў складзе напалеонаўскай арміі, якія адступала з Расіі, шмат страцілі людзей, а воіны, якія засталіся, перанеслі голад, холад, хваробы.

Значыць, беларусы бачылі ў немцаў шмат чаго станоўчага. Безумоўна, не ўсё магло падабацца беларусам і ў гэтага, здавалася б, у нечым блізкага нам народа. У беларускім фальклоры, піша М. Чурак, немец прадстаўлены як чалавек занадта практычны [22, 70]. І гэта пазітыўная рыса, зазначае даследчыца, была высмеена ў яе крайніх праявах у пародыях на нямецкія казанні. У іх пастыр гаворыць, што з авечкі ёсць большая карысць, чым з чалавека, бо ўсё можна ўжыць: воўну, скуру, мяса, лой і нават кішкі, а з чалавека, калі памрэ, няма ніякай карысці [22, 71].

Беларус і немец – ашчадныя людзі, але ў вачах беларуса немец (як і заходне-еўрапеец увогуле) выглядаў яшчэ больш ашчадным, у яго ашчаднасць набывала сваю крайнасць. Таму на Беларусі (Случчыне) можна было пачуць такія параўнанні: “Скупы, як немец” [21, 203] або “Скупы, як той чужаземец” [23, 428].

Такім чынам, калі ў пачатку н. э. продкі сучасных літоўцаў (і , магчыма, продкі цяперашніх беларусаў) гудамі называлі готаў, то пазней, напрыклад, у VIII–IX, і мажліва, у X–XIII стст. у – аснове сваёй яцвягаў. Даўней назва гуды адносілася да беларусаў, некаторых груп палякаў і літоўцаў. Аднак гэты экзатэнізм ужывалі літоўцы толькі да тых беларусаў, якія пражывалі на сучаснай беларуска-літоўскім памежжы, да тых палякаў і літоўцаў, якія займалі былую прускую этнічную тэрыторыю (Калінінградская вобласць Расійскай Федэрацыі, паўночная частка мазавецкіх зямель Польшчы). Найменне Гудзія ў мове балтаў (літоўцаў) пачало распаўсюджвацца, на нашу думку, з паўднёвага (Піншчына) і паўночнага захаду Беларусі на яе астатнюю тэрыторыю. Пасля асіміляцыі яцвягаў назва гуды ў літоўскай мове ў асноўным пачала азначаць беларусаў. У цяперашні час гудамі літоўцы называюць пераважна беларусаў. Чаму найменне гуды замацавалася за беларусамі, могуць быць дзве прычыны. Першая: продкі сучасных беларусаў знаходзіліся пад ўладай гудаў-готаў [24, 692]. Другая: значная колькасць гудаў у даўнія часы асіміляваў у славян (патомкаў беларусаў).

Глыбокая і ўсебаковая распрацоўка праблемы гудаў-готаў і яцвягаў-гудаў на Беларусі можа прывесці не толькі да пашырэння нашых ведаў пра іх гістарычнае і культурнае мінулае, узаемадзеянне з мясцовым насельніцтвам, але і дасць штуршок да павышэння цікавасці беларусаў і прадстаўнікоў германскай і балцкай моўнай сям’і да беларускай гісторыі і культуры, развіцця ў нашага народа гістарычнай і нацыянальнай свядомасці. Наш даклад не прэтэндуе на поўнае асвятленне дадзенай праблемы. Яна патрабуе далейшага свайго вывучэння.

1. На думку П. Шафарыка, назвы населеных пунктаў у Жамойці тыпу *Gudy, Gudiszki, Gudajcie, Gudirwie* і інш. паходзяць ад готаў. Гл.: Шафарик П. И. Славянские древности. - М., 1838.
2. П. Шафарык лічыць, што паселішчы ў Жамойці тыпу *Гуды, Гудзішкі, Гудайце* былі названыя так ад паланёных русінаў у 14 стагоддзі. Гл. Указ. сач.; Охманський Е. Иноземные поселения в Литве XIII-XIV вв. в свете этнонимических местных названий // Балто-славянские исследования 1980. М., 1981. Польскі даследчык звяртае ўвагу на тое, што этнонімы тыпу *Gudeliai, Rusinai*, нават *Maskoliskiai* “не толькі найбольш шматлікія, але і найбольш разнастайныя з пункту гледжання іх характару і храналогіі” ў Літве і сканцэнтраваныя прыблізна ў адной пэўнай зоне. Гл.: Охманський Е. Указ. соч. С. 115. Цікава, што са старажытных часоў, у прыватнасці ў апошняй чверці I тысячагоддзя, славяне пражывалі на тэрыторыі сучаснай Літвы (асабліва яе паўднёва-усходняй частцы), пра што сведчаць гідронімы і археалагічныя матэрыялы. Гл.: Седов В. В. Литва и кривичи // *Lietuvos archeologija*. Т. 21. С. 85-86.
3. Гринблат М. Я. Белорусы. Очерки происхождения и этнической истории. - Мн., 1968.
4. На думку шэрага вучоных, готы называлі самі сябе іменем *ghudas, ghudos*. Гл.: Gielżyński W. *Jasiegi są wśród nas*. Warszawa, 2001. S. 247. Зразумела, што гудамі готаў маглі называць тыя народы, якія былі ў цесным кантакце з імі.

5. А. Непакупны лічыць, што прусам і літоўцам была вядомая назва яцвягаў тыпу лацінскай формы sudowite, sudi. Гл.: Непокупный А. П. Sudawskie, Sudowiany и еще одно старобелорусское название ятвягов // Балто-славянские исследования 1980. - М., 1981. С. 192.
6. Гл.: Браун Ф. Готы // Энциклопедический словарь. - СПб., 442. На думку Э. Фрэнкеля, літоўцы называлі прусаў і беларусаў [г.зн. першапачаткова жыхароў Піншчыны - А. Л.] гудамі, бо знаходзіліся пад уладай готаў. Vide: Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. - S. 174.
7. Браун Ф. Разыскания в области гото-славянских отношений. - СПб., 1899.
8. Гл.: Роголеў А. Дулебы і гуды // Голас Радзімы. 1993. № 35, 2 верас. С. 4.
9. М. Федароўскі пісаў, што "сярод сярдне - і ўсходнеславянскіх народаў беларус найбольш нагадвае шваба [немца. - А. Л.] (маецца на ўвазе, хутчэй за ўсё, тэмперамент, здольнасць, характар, ментальнасць, некаторыя з'явы ў традыцыйнай народнай і прафесійнай культуры і інш.) (Vide: Federowski M. Witebsk i Witebszczyzna // Ziemia. 1912. Т. 3. № 41. S. 661). Куды часцей сустракаюцца ў беларускім фальклору, напрыклад, вобразы цыгана, яўрэя, нават рускага і паляка, чым немца.
10. Мы запісалі гэтыя словы ў в. Любань Вілейскага р-на ад маці Літвіновіч А. М. (1920-1997).
11. Tyszkiewicz J. Opisanie powiatu Borysowskiego.- Wilno, 1847. S. 419; Federowski M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Warszawa, 1935. Т. 4. S. 120, 293. Наконт выразу "Калі суджана, дык не разгуджана" А. Варлыга піша: "Вера ў людзі лёс: калі суджана з кім ажаніцца, ці за каго замуж выйсьці, дык ганячы аднаму другога ня ўдасца намовіць, каб не жаніліся". Гл.: Варлыга А. Прыказкі й асаблівыя выказы з Лагойшчыны ў Меншчыне // Запісы. - Мюнхэн. 1963. Кн. 2. С. 171. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. - Мн., 1979, Т. 1. С. 497. Гл.: Аксамітаў А. Прыказкі і прымаўкі: Тлумач. слоўн. бел. прыказак і прымавак з арх., кафедр. збораў, рэд. выд. XIX і XX стст. 2-е выд., дапр. - Мн., 2002. С. 95.
12. Гэты выраз запісаны намі ад маці Літвіновіч А. М.
13. Гл.: Татур Г. Х. Очерк археологических памятников на пространстве Минской губернии и ее археологическое значение. - Мн., 1892. С. 241.
14. Гл.: Этнографический сборник. Вып. III-IV. СПб., 1858. С. 83.
15. Седов В. В. Курганы ятвягов // Советская археология. 1964. № 4. С. 36-51; Гл. карту на с. 26-27 у кн.: Квятковская А. В. Ятвяжские могильники Беларуси (к. XI-XVII вв.). Vilnius, 1998.
16. Менавіта назоўнікі жук, жучка (жучко - рус.) асацыяваліся раней з чорным колерам. Дарэчы, у народзе шырока ўжываецца параўнанне: чорны як жук. Янкоўскі Ф. Беларускія народныя параўнанні. - Мн., 1973. С. 192. Гл.: Виленская губерния. Вильна, 1905. С. 35, 46, 50, 60-61, 66, 68, 73-74, 85, 100, 126, 128, 107, 194, 222, 228, 232, 241, 247, 252, 255, 263, 267, 270, 272-273, 275, 293, 295, 298, 304, 309, 312, 316, 336.
17. Гл.: Катэргі А. Чорная Русь не "Літоўская" // Голас Радзімы. 1991. № 50, 12 снеж. С. 6.
18. Праўда, са старажытных часоў, у прыватнасці ў апошняй чвэрці І тысячагоддзя, славяне пражывалі на тэрыторыі сучаснай Літвы (асабліва яе паўднёва-ўсходняй частцы), пра што сведчаць гідронімы і археалагічныя матэрыялы Седов В. В. Литва и кривичи // Lietuvos archeologija. Т. 21. С. 85-86.
19. Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971. С. 150. І ўсё ж, нягледзячы на пэўныя этнаграфічныя звесткі XIX ст. аб тым, што быццам бы яцвягам уласцівыя чорны колер валасоў і, магчыма, смуглатварасць, а таксама чорнае адзенне (гл.: П. Шафарык піша, што ў Свідзельскай акрузе, на левым баку рэк Пялясы і Котры, у часы Т. Нарбута яшчэ жылі патомкі яцвягаў, якіх суседзі-літоўцы называлі Ёдвезаямі (Jodweżay), г.зн. чорнымі ракамі. Гл.: Шафарык П. И. Указ. соч. С. 291), мы павінны заўважыць: чорны колер валасоў або адзення не можа

- сведчыць на карысьць пражывання на беларуска-літоўскім памежжы толькі балцкага, а не іншага, напр., германскага або паўднёвага (сармацкага) насельніцтва.
20. На думку П. Шафарыка, назвы населеных пунктаў у Жамойці тыпу Gudy, Gudiszki, Gudajcie, Gudirwie і інш. паходзяць ад готаў. П. Шафарык выказаў думку, што прусы і літоўцы замест імя "варэг" выкарыстоўвалі больш вядомае і звычайнае для іх "gudas". Гл.: Шафарык П. И. Указ. соч. С. 142.
 21. Драшкoўскі Н. піша: "Видимо, в бессознательном воспоминании народном оба эти имени являются синонимами, обозначающими один и тот враждебный литовцам воинственный народ готов – норманнов – варягов – русь". Гл.: Драшковский Н. К лингвистическому анализу имен, связанных с корнем „Рус“ // Записки Сев.- Зап. Отд. Имп. Рус. Геогр. общ.-ва. – Вильна, 1912. Кн. 3. С. 345.
 22. Federowski M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej... s. 203. Пар., напр.: "Скупы, як той чужаземец". Гл.: Беларускія прыказкі, прымаўкі і фразеалогізмы. Склаў Ф. Янкоўскі. – Мн., 1962. С. 428.
 23. Czurak M. Komizm w białoruskiej prozie ludowej. – Wrocław etc., 1984. S. 70.
 24. Беларускія прыказкі, прымаўкі і фразеалогізмы. Скл. Ф. Янкоўскі. Выд. др., дап. – Мн., 1962.
 25. Найменнем гуды ў стражытнасці балты называлі готаў і, на думку К. Бугі, "пражываючых пад гоцкай уладай славян". Vide: Lietuvių kalbos zodynas. T. 3.

Потолков Ю. В. (г. Брест, БрГУ им. А. С. Пушкина)

ИСПЫТАНИЕ «НЕМЕЦКИМ ЭЛЕМЕНТОМ»: ГЕРМАНСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

Россия и Германия в XX веке выступили как два потрясающих «персонажа истории», противоречия между которыми проявились в этот период не только в геополитической ситуации, но и нравственно-философской области. События второй мировой войны своеобразная «кульминация» обсуждаемого конфликта) воспринимаются сегодня как результат среди прочего духовного несовпадения «немецкого элемента» человеческой природы (рационализма) с «русским духом» (приоритетом чувства в мировосприятии). Характерно следующее наблюдение по этому поводу:

«Мужественно-волевой колорит германской саги и женственно-пластичный характер русской народной сказки, жестокий рационализм немецкой философии и религиозно-этический спиритуализм отечественной мысли, наконец, общеизвестные образы немца и русского в наших пословицах и в нашей классической литературе – всё это указывает на диаметрально различность архетипов русского и германства. Наиболее глубокие мыслители опознали в германском духе квинтэссенцию новоевропейской расхристанности и эгоистичности. Ибо дух германства сконцентрировал и заостренно выразил ту общую внутреннюю стихию европейского человечества, которая, по словам С. Н. Булгакова, определилась в своём отрыве от Церкви, в рационализации и механизации жизни, во внерелигиозном гуманизме и иссушившем христианство протестантизме. По мысли Вл. Эрн, теоретическое богоубийство, совершённое Кантом от лица классической немецкой философии, неизбежно привело к культуре пососторонней силы и власти, к мечте о завоевании немцами всех царств земных. Пушкин Крупна, заключал Эрн, – материальное выражение кантовской философии» [1, 7]. Расовое учение, разгул вульгарного национализма в Германии 20-30-х годов XX века имели своим результатом произошедшее от этого государства инициирование мировой войны. Человекобод, рождённый гениальной мыслью Фридриха Ницше, сумел привлечь к себе симпатии не только немцев. Марксистское учение о классовой борьбе рождено не славянским менталитетом, да и сама Октябрьская революция 1917 года во многом была идейно связана с влиянием «немецкого элемента».

Тема идеологических взаимосвязей большевизма с рационалистической философией Запада сегодня достаточно подробно изучается, однако не она являет собою предмет нашего сообщения. Мы в данном случае обращаем внимание на моральные аспекты феномена, нашедшие своё отражение в художественной литературе.

В произведениях русского словесного искусства XX века, имеющих отношение к германской проблематике, уже нет тех индивидуализированных персонажей, которые XIX веке выражали особенности немецкого менталитета. Политизация социума привела писателей при разработке или темы «Россия и Германия» к отказу от деликатной углублённости в душу отдельной личности, от постоянной неповторимости состояния природы, духовного своеобразия того или иного эпизода в истории. Пришло время, когда предметом изображения стала гуманистическая позиция индивидуума как таковая, представленная в самом трагизме события. Примером такого эстетического решения может служить картина Пабло Пикассо «Герника» (1937 г.). На ней представлен мир, существующий в обстановке насилия (не только военного, но и духовного).

26 апреля 1937 г. древний испанский город Герника варварски разрушила германская авиация. Был использован метод, который позднее, во время войны США во Вьетнаме, назвали ковровым бомбометанием. Искусство восприняло произошедшее как реализацию односторонне механистического мышления в боевом действии. То есть само событие выступило актуальной для всего человечества персонификацией этико-философской драмы. Нам представляется знаменательным, что полотно Пикассо «Герника» размещено в одном из залов здания ООН в Нью-Йорке. Отметим, что само название «Организация Объединённых Наций» воплощает в себе мировоззренческое явление, непредставимое в предшествующие столетия.

Военные выступления Германии в XX веке давали повод для того, чтобы видеть особую роковую смысл в строке из стихотворения А. Блока «Скифы» (1918 г.):

И сумрачный германский гений.

«Сумрачность» проявлений «немецкого элемента» в новейшей истории порождала в русской литературе остро полемические мотивы. Бесчинства гитлеровских завоевателей на советской земле показывали, что одностороннее гиперболизирование логического начала в человеческой натуре приводит к искажению представлений индивида о понятиях чести и совести, к принижению личностью роли культуры в бытии, к криминализации общественного сознания. Собственно, в результате подобной мировоззренческой позиции личность исчезает как таковая. В одной из статей И. Эренбурга (от 20 сентября 1941 г.) представлен некий гитлеровский ефрейтор Беккер. О его духовном мире сказано: «Он никогда не слышал имени Гейне. Он говорит, что Гёте и Шиллер «чересчур трудны» для чтения. Читает он, по его собственным словам, только бульварные романы, добавляет: «Книги очень утомительная штука. Потом не интересно, когда другие врут». В его карманах нашли коллекцию порнографических открыток и словарь непристойных слов на французском языке».

XX век жил в условиях, когда предшествующие предчувствия, столкновения между двумя мировоззрениями воплотились в реальность мировых войн. Поэтому литература, касаясь обсуждаемой нами проблемы, действует масштабно, обсуждает явление глобально, старается увидеть в каждом из описываемых предметов архетипические истоки. В частности, прослеживает основные архетипы: матери, дитяти, мудрого старца. Все эти архетипы мы можем наблюдать в поэме П. Антокольского «Сын» (1942 г.).

Сюжетно поэма представляет собою риторическое обращение отца погибшего в бою советского воина к отцу немецкого парня, возможно, тоже павшего в этом бою. Отцы воплощают родительскую ипостась человеческой природы; они – осиротевшие мудрые старцы; погибшие сыновья – воплощение архетипического дитяти. П. Антокольский, можно сказать, поэмы не писал. Он, отец младшего лейтенанта Владимира Антоколь-

ского, павшего смертью храбрых 6 июля 1942 г., выплакивал свое горе. Позднее оказалось, что в этом плаче выразились чувства всего народа.

Обе стороны конфликта – два отца – выступают носителями кардинально противоположных мировоззрений: естественного и противоестественного. Владимир Антокольский до войны един с жизнью, с природой, с правдой бытия:

И мальчик рос. Ему ерошил кудри
Весенний ветер, зимний – щеки жёг.
И он летел на лыжах в снежной пудре
И плавал в море – бедный мой дружок.
Он музыку любил, её широкий
Скрипичный вихорь, боевую медь (...)

Богатство чувств, проникновение в созидательные энергии природы, ощущение своей слитности с духовной сутью бытия – естественное состояние личности, именуемое счастьем. Всего этого нет в мире, где вульгаризированно понята рациональность подавляет любые проявления духовности. О предвоенном Берлине сказано:

Гигантский город видел я когда-то
В зелёных вспышках мертвенных реклам.
Он был набит тщеславием, как ватой,
И смешан с маргарином пополам.
В том городе дрались и целовались,
Рожали или гибли ни за что,

И пели «Deutschland, Deutschland über alles!»

Всё это было лаком залито.

Свои художественные наблюдения поэт завершает образной дефиницией, подводящей нравственно-этический итог изображаемому:

Мой сын был комсомольцем.
Твой – фашистом.
Мой мальчик – человек.
А твой – палач.

Итак, историческое развитие двух типов мирозерцания пришло к окончательному нравственному разделению: в годы войны противостоящие стороны разделились на людей и палачей.

С высоты нашей сегодняшней фактографической осведомлённости можно легко доказать историческую ограниченность обобщений, высказанных в поэме «Сын». Но сама попытка такого доказательства, как нам представляется, недопустима в нравственном смысле и контрпродуктивна по своему научному посылу. Естественно, к драме, которая постигла немецкую нацию в годы правления Гитлера, мы должны относиться с милосердным сочувствием. Именно этим чувством пронизана и поэма П. Антокольского. Сам приём условного разговора с неким страдающим от горя отцом немецкого солдата – тому свидетельство. Советский поэт, оплакивая гибель собственного сына, поднимается до высот апостольского служения всему человечеству.

Поэма «Сын» – выражение тоски XX века по общеспасительным моральным дефинициям, которые сумели бы гармонически соединить в себе рациональное и чувствительное, победительное и покаянное, неэластичное и пластичное. «Немецкий элемент» и «русский дух» из сферы образных фольклорных и литературных моделей перешли тогда в практику жестокой военной реальности. Эта практика отвела на второй план интонации аксиологического свойства. Встал вопрос не о взаимоотношении менталитетов, а о нравственных возможностях человечества вообще. Появляются произведения, где советские воины и фашистские захватчики

выступают с одинаковых нравственных позиций. Примером такого произведения может служить рассказ Вл. Тендрякова «Люди или нелюди» (1976 г.).

В рассказе утверждается, что один и тот же человек, вне зависимости от своих политических или гражданственных убеждений, вне связи с менталитетом, может в разных жизненных ситуациях выступать воплощением как добра, так и зла. Восемнадцатилетний немецкий новобранец Вилли с кухонным термосом по ошибке попал в расположение советских войск. К пленному юнцу солдаты отнеслись отечески, не увидели в нём врага. Но в определённый момент ситуация меняется. Освободив посёлок, участники сюжета наблюдают страшное: уходя, фашисты раздели донага советских разведчиков, облили их на морозе водой, создав, таким образом, трагические «колокола». Потрясённые солдаты предаются такой же смерти ничего не понимающего доверчивого Вилли. Предсмертный крик парнишки всю жизнь преследует рассказчика.

Описанный эпизод – не единственный в рассказе. Идёт речь о многих непонятных и необъяснимых проявлениях жестокости в человеке и человечестве. Например, осмысливается моральная атмосфера китайской культурной революции. Как мог этой древний и мудрый народ в одночасье превратиться в банду, громящую своих же интеллектуалов, свои же памятники старины? Так люди мы или нелюди? Несомненно, вопрос такого рода прозвучал в необходимое время и по серьёзному поводу. Творчество Василя Быкова освещено этим же вопросом. Об этом же пишет Чингиз Айтматов.

Факт, что две ужасающие войны, потрясшие XX век, были мировыми, как бы отодвинул локальную проблему германского и славянского менталитетов на второй план. А может быть, перевёл эту проблему на качественно новый, глобальный уровень. Обе сражающиеся стороны в литературных сюжетах оказываются перед необходимостью разрешать единую нравственную проблему жизни и смерти. Так, в повести В. Кондратьева «Сашка» (1979 г.) представлены духовные взаимоотношения между советским солдатом – рядовым Сашкой – и «языком» – пленённым немцем. Сашка ведёт фашиста в расположение части и при этом даёт немцу листовку, в которой сказано, что пленных в советской армии не расстреливают. Пленный не верит: «Пропагандэн...» Приведя гитлеровца, к комбату, Сашка вдруг получает приказ: «В расход!».

Внутренне поведение комбата понять можно: только что от немецкого снаряда погибла любимая женщина командира – военврач. Человек переживает горе потери. Сашке приказ выполнить необходимо. Ну а как же листовка? Есть приказ начальника, но есть и слово совети. К какому из голосов прислушиваться? Писатель спасает своего героя: через некоторое время появляется комбат, сумевший взять себя в руки, и отменяет приказ.

Таким образом, русская литература XX века от проблем менталитета, то есть от гуманистических истоков идет к осмыслению их нравственных результатов. Сашке представилась возможность оказаться либо человеком, либо палачом. Пленный немец ощутил, что его жизнь зависит от множества явлений, впрямую с происходящим эпизодом не связанных. Почувствовал, что может быть расстрелян не только лично он, но и та идея, которая привела его (такого же «ефрейтора Беккера», о котором поведал И. Эренбург) на чужую для него землю.

В данном случае имеет смысл вернуться к рассказу Вл. Тендрякова «Люди или нелюди». Выводы, звучащие в этом произведении, во многом объясняют и то, о чём повествует В. Кондратьев в «Сашке». Рассказчик в «Люди или нелюди» замечает: «Благие призывы моралистов ко мне: совершенствуйся! Они давно доказали своё бессилие.

Мы все едино связаны друг с другом, жизненно зависимы друг от друга – в одиночку не существуем, а потому самоусовершенствование каждого лежит не внутри нас: мое – в тебе, твое – во мне!

Не отсюда ли должна начинаться мысль, меняющая наше бытие?»

Применительно к теме, обсуждаемой в нашем сообщении, приведенные слова из рассказа Вл. Тендрякова можно перефразировать следующим образом: самоусовершенствование человечества лежит не в каждом отдельном мировоззрении: «немецкий элемент» спасается «славянским духом» и наоборот. Заметим, кстати, что сама немецкая философия отстаивает подобные же мысли. Один из пронзительнейших германских философов XX века Освальд Шпенглер (1880-1936) в книге «Годы решения» видит ошибку фашистов в мировоззренческом изоляционизме: «Национал-социалисты считают, будто они в состоянии соорудить свои воздушные замки без остального мира и вопреки ему».

Идея о том, что человечество может выжить, только ощущая себя духовным единством (пусть даже единством мучительно противоречивым), всё более овладевает общественным мнением и соответственно, тематическим содержанием современной литературы. Подобная идея очевидна в романе Георгия Владимова «Генерал и его армия» (1994 г.). События этого произведения относятся к периоду Великой Отечественной войны. В один из моментов сюжета представлен гитлеровский генерал Хайнц Гудериан – командир 2-й танковой армии, которому предстоит совершить окончательный бросок на столицу СССР. Известно, что армия Гудериана под Москвой в декабре 1941 года потерпела поражение, за что генерал позднее был снят с должности и зачислен в резерв.

Г. Владимов высказывает свою версию поведения гитлеровского военачальника в этот момент. Пробует объяснить его причинами нравственно-психологического свойства. Командир 2-й танковой армии представлен в Ясной Поляне, сидящим за письменным столом Льва Толстого и читающим роман «Война и мир». Вникая в сюжет романа, захватчик начинает понимать, что причиной победы над Наполеоном в 1812 году стал не только полководческий гений М. И. Кутузова: разгрому противника содействовала среди прочих «сумасбродная графинечка» Наташа Ростова.

Гудериана потряс эпизод, в котором Наташа распорядилась сбросить с подвод домашний скарб с тем, чтоб освободившиеся телеги предоставить раненым русским офицерам. Генерал понимает: девушка поступает неразумно: ведь на подводах находились вещи, которые, по всей видимости, составляли приданое Наташи. Героиня романа, выходит, имеет какие-то иные, непривычные Гудериану, понятия о том, что в жизни разумно, а что – нет. Фашистский полководец понимает народ, столь близко принимающий к сердцу судьбу Отечества, непобедим. Перед генералом проходят образы старостихи Василисы, партизан Платова и Давыдова, Платона Каратаева, многих других персонажей «Войны и мира».

Гудериан о Наташе Ростовской и Наполеоне думает так: «А между тем, она объявила ему свою войну – и не легче войны Кутузова и Барклая». Поняв немецкий генерал, что после слов Сталина «Братья и сестры» Германии «противостояла уже не Совдепия с её усилением классовой борьбы, противостояла Россия». Размышления фашистского военачальника над романом «Война и мир» привели его к убеждению: Россия непобедима, и поэтому совершать бросок 2-й танковой армии на Москву бессмысленно.

Версия, предложенная Г. Владимовым, вовсе не претендует на логически доказуемую историческую достоверность. Упрощенно понятая фактография вообще никогда не была интересна художественной литературе. И тем не менее версия правдива и единственно возможна (если иметь в виду ее нравственно-философский смысл). Исторически очевидно, что «русский дух» проявлял себя всегда, когда над народом нависала угроза порабощения. Против захватчиков всегда выступала не только армия. Поднимался на борьбу весь народ.

Тему противостояния двух мировоззрений Г. Владимов продолжает и в других эпизодах романа. В сюжете действует советский генерал Фотий Иванович Кобрисов. Он тоже представлен читающим. Предмет его чтения – сатирический философский роман французского писателя Мари Франсуа Вольтера (1694-1778) «Кандид или Оптимизм». Важен факт, что означенная книга создавалась в полемике Вольтера с рационалистической философией германского мыслителя Готфрида Вильгельма Лейбница (1646-1716),

который считал зло неотъемлемой частью мировой гармонии. Лейбниц создал концепцию теодицеи. Суть концепции – в оправдании любого зла, поскольку всё сущее – творение Божье. Свободолюбивый Вольтер, идеи которого во многом подготовили французскую революцию конца 18 века, отстаивает мысль о необходимости противостоять злу: «растить свой сад» в этом мире.

Про генерала Кобрисова в романе Г. Владимова сказано: «Он читал «Кандида» «неторопливо, вдумчиво и всё же не понял, почему из многочисленных злоключений героя следует вывод, что «всё к лучшему в этом лучшем из миров». Но венчающая фраза – «Нужно возделывать свой сад» – ему понравилась». «Всё к лучшему...» – мысль Лейбница; идея сада принадлежит Вольтеру,

Таким образом, в романе «Генерал и его армия» немецкий и русский «элементы» выступают как символы двух состояний духа: свободы и несвободы. Эти символы по своему нравственно-философскому смыслу выходят за рамки этнических менталитетов (недаром своеобразным «участником» мыслительного действия становится представитель иной, кроме двух национальных обсуждаемых культур, гениальный ум Франци). Подобное писательское решение случайным не представляется: проблема «Россия и Германия» сама по себе выступает знаком единства духовного пути человечества. Рациональное и чувствительное начала в общеземном менталитете присутствуют объективно и изначально. Дело человеческого сообщества – находить всё новые и новые формы гармонии между этими началами.

1. Булычев и. Ю. Метафизика войны и русская история // Москва. № 5. 1995. С. 7.

Соботковская О. Н. (г. Брест, БГТУ)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОПСИХОЛОГИИ: ИСТОКИ НЕМЕЦКОГО ХАРАКТЕРА

«Истинный грек нам представляется оборотистым, турок – физически сильным. Англичане нередко упрекаются в своекорыстии и эгоизме, а немцы рисуются внушающими опасения своей дисциплиной и организованностью, трудолюбием и агрессивностью. К американцу француз испытывает двойственное чувство – уважает его энергию и упорство, завидует деловой хватке и богатству, но посмеивается над безнадежно провинциальной инфантильностью. В русских французы ценят то, чего не хватает иной раз им самим, – размах и широту сердечности и щедрость, выдержку и стойкость...».

Эти зарисовки представителей различных народов, лишь в определенной мере характеризующие их некоторые психологические черты и специфику отношений друг к другу, почерпнутые из рассуждений известного писателя И. Эренбурга, с одной стороны, интересны и поучительны, а с другой, – являются стереотипами, сложившимися в представлениях людей в результате общения и взаимоотношений с нами в тех или иных обстоятельствах.

Очень часто эти стереотипы не всегда точно соответствуют, а иногда и искажают действительность, поскольку в них отражаются чувства и отношения тех людей, которые воспринимают представителей других народов. Но во всех случаях они – результат межнациональных отношений, т. е. контактов и связей между представителями различных этнических общностей, без которых не может существовать человечество.

Психологию представителей различных этнических общностей изучают многие науки. Очень часто они допускают слишком вольное или просто неточное толкование собственно психологических феноменов. Кроме того, национальная психика людей должна изучаться и осмысливаться на основе психологических, а не каких-то других закономерностей.

Правильно понять и адекватно интерпретировать межнациональные различия и отношения помогает этнопсихология — наука, предметом которой является изучение своеобразия проявления и функционирования психики представителей различных общностей.

Структура этнопсихологических явлений при наполнении ее конкретным содержанием до сих пор испытывает влияние двух тенденций. Первая состоит в том, что в систему элементов этой структуры включаются компоненты, представления о которых заимствованы из общей и социальной психологии: характер, темперамент, чувства, воля и т. д. представителей той или иной нации [1; 4]. Вторая тенденция предполагает изучение определенных общих и особенных черт национальной психики, национального характера людей, составляющих содержание и формы проявления этнопсихологических феноменов.

Обе тенденции заслуживают серьезного отношения и должны приниматься во внимание. Вместе с тем, они еще недостаточно осмыслены и как бы существуют независимо друг от друга. На самом же деле их можно заставить «работать» в интересах общего дела, так как они не отрицают реально существующих, проявляющихся и осознаваемых человеком национально-психологических особенностей.

Сделать это можно, если объединить в единое целое уже имеющиеся представления. Действительно, в рамках первой тенденции главным образом констатируется наличие системообразующих элементов психологии представителей этнических общностей, таких как национальный характер, национальный темперамент и других. Функционирование последних само по себе предполагает присутствие внутри них конкретных составляющих — подсистем: черт национального характера и темперамента, определенных национальных чувств. Общие характеристики национальной психологии, по которым делается упор во второй тенденции, теперь уже с определенными оговорками укладываются в рамки подсистемных элементов первой тенденции. Другое дело, что их очень сложно классифицировать по единому основанию, так как в обоих случаях названия заимствованы из арсенала обобщающих понятий о психологических явлениях общей психологии, ориентирующих на проявление многообразных, составляющих их, компонентов: эмоциональных, познавательных, волевых и т. д. Все подобные противоречия снимаются, если ввести в научный оборот базовую категорию для этнической психологии — национально-психологические особенности, что позволяет, с одной стороны, сами эти особенности в последующем идентифицировать в зависимости от того класса психологических феноменов, который их порождает. Можно говорить, например, о мотивационно-фоновых, интеллектуально-познавательных, эмоциональных, волевых и коммуникативных национально-психологических особенностях.

В число системообразующих компонентов психологии нации представители многих наук обычно включают национальный характер, национальный темперамент, национальный склад ума, национальные чувства и настроения, национальные традиции и привычки.

Национальный характер, по мнению этнологов и социологов, — это исторически сложившаяся совокупность устойчивых психологических черт представителей той или иной нации, определяющих привычную манеру их поведения и типичный образ действий и проявляющихся в их отношении к социально-бытовой среде, окружающему миру, труду, своей и другим этническим общностям.

В отношении к социально-бытовому окружению в национальном характере особенно тесно переплетаются элементы идеологии и общественной психологии, в том числе национальной и классовой. Отношение к окружающему определяют направленность национального сознания людей. К данной группе черт национального характера относятся консерватизм, религиозность, оптимизм, пессимизм и др.

Отношение к труду проявляется в национальном характере в форме таких качеств, как деловитость, практичность, аккуратность, пунктуальность, обязательность, предприимчивость, пассивность, неорганизованность и т. д. У представителей различных наций эти черты имеют разное проявление. Отношение к своей и чужой этническим общно-

стям также довольно специфичны по своему содержанию у представителей различных этнических общностей.

Национальный темперамент, по мнению большинства учёных, предопределяет эмоционально-экспрессивную специфику поведения и поступков людей как представителей определенной этнической общности, характеризует своеобразие их поведенческой активности. Понятие «национальный темперамент» заимствовано из общей психологии. Оно практически не поддается анализу, поскольку зависимости в системе «физиологическое-национальное» ещё слабо изучены. В этнической психологии понятие «темперамент» имеет иной смысл. Национальный темперамент не есть темперамент личности. Различия в реактивности и эмоциональности представителей различных этнических общностей объясняется в первую очередь не тем, что в одной из них больше холериков, а в другой – меланхоликов и т. д., а в том, что выработанные на протяжении веков традиционные формы поведения, реагирования усваиваются каждым новым поколением и служат руководством к действию.

Национальный склад ума, по представлению прежде всего философов и социологов, – это особенности мышления большинства представителей той или иной нации. Механизм мыслительной деятельности однотипен у представителей различных народов. Этот механизм подчиняется одним биологическим законам, но имеет национальную специфику, которая определяется историческими и социально-экономическими условиями развития этнической общности. Не только отдельные люди, но и целые народы по-своему воспринимают и оценивают окружающий их мир и других людей. Формы взаимодействия с природой, нормы общения между людьми у каждого народа особые. Они то и составляют его ментальную неповторимость. Национальные особенности мышления проявляются даже в построении философских систем, в написании книг, статей, в разговоре, общении и т. д.

Национальные чувства и настроения – это эмоционально окрашенное отношение людей как к своей этнической общности, её интересам, ценностям и формам жизни, так и к другим народам. Национальные чувства долговечны и живучи, формируются в течение многих столетий на основе жизненных условий и исторического опыта народов. Они могут иметь как позитивный, так и негативный оттенки. Положительный выражается в таких чувствах, как чувство национальной гордости, патриотизм, любовь к своему народу, чувство дружбы и братства по отношению к другим народам; негативный проявляется в национализме и шовинизме, даже вражде, национальных и расовых предрассудках, в состоянии отчужденности по отношению к другим народам.

Национальные традиции и привычки – это сложившиеся на основе длительного опыта жизнедеятельности нации и прочно укоренившиеся в повседневной жизни, передающиеся новым членам этнической общности правила, нормы и стереотипы поведения, формы общения людей, соблюдение которых стало общественной потребностью каждого.

Исторический опыт показывает, что недостаточное знание национальных традиций, обычаев, привычек, вкусов нередко ведет к серьезным осложнениям в общении с представителями других этнических общностей. Необходимо иметь в виду, что люди, как правило, весьма чувствительны к своим традициям, обычаям, вкусам, поэтому их лучше не нарушать. Национальные традиции, привычки проявляются не только в поступках, делах, одежде, стиле общения и т. д., но и в движениях, жестах и других еле заметных проявлениях психологии людей. У каждого человека есть бессознательный механизм, который фиксирует ситуацию «своей» – «чужой» по едва уловимым проявлениям психики.

Мотивационно-фоновые национально-психологические особенности – это такие характеристики, которые определяют своеобразие побудительных сил в жизни и деятельности представителей конкретной этнической общности, указывают на специфику их мотивации и поведения. К мотивационно-фоновым особенностям относятся, например, такие качества, как работоспособность, деловитость, осмотрительность, степень усердия, инициативности, настойчивости.

Кроме того, мотивацией поведения и деятельности представителей определенных этнических общностей могут выступать национальные чувства и настроения (например, чувство любви к родине, ненависть к её захватчикам), уходящие глубокими корнями в прошлое историческое развитие, а также национальные ценности и интересы, закрепленные в общественном сознании народа. В этом случае мотивационно-фоневые национально-психологические особенности проявляются и функционируют очень активно, мобилизуя людей только на очень эффективные во всех отношениях действия и поступки.

Интеллектуально-познавательные национально-психологические особенности выражают своеобразие восприятия и мышления представителей конкретной этнической общности, проявляющееся в специфическом сочетании познавательных и интеллектуальных качеств, отличных от аналогичных у представителей других народов и дающих возможность по-особому воспринимать окружающую действительность, оценивать её, строить и корректировать планы деятельности, реализовывать способы достижения её результатов.

Особое сочетание таких показателей, как степень приверженности логике, широта и глубина абстрагирования, скорость мыслительных операций, специфика организации мыслительной деятельности и др., обуславливает своеобразные параметры интеллектуальной активности.

Соотношение разных по силе, глубине, целостности, активности и избирательности восприятий, полноте и оперативности представлений, яркости и живости воображения и т. д., порождают специфические познавательные характеристики мыслительной деятельности представителей разных народов.

Эмоционально-волевые национально-психологические особенности отражают своеобразие функционирования у конкретного народа чётко выраженных эмоциональных и волевых качеств, от которых во многом зависит результативность деятельности. Различия в проявлениях воли и чувств у представителей различных наций объясняется, конечно же, не тем, что в некоторых из них больше холериков, а в других меланхоликов и т. д., а в том, что выработанные на протяжении веков формы эмоционального и волевого поведения, реагирования усваиваются каждым новым поколением. У представителей наций с неустойчивым и экспрессивным проявлением чувств и воли быстро возникает воодушевление, прилив эмоций, активизация настроений, но также быстро может наступать и спад подобных реакций, особенно в сложной обстановке.

Коммуникативно-поведенческие национально-психологические особенности характеризуют своеобразие взаимодействия, общения и взаимоотношения представителей различных этнических общностей и групп. Они находят свое проявление во взглядах и внешних формах поведения, в специфических приемах и способах передачи и обмена информацией и т. д.

Функционирование и развитие коммуникативно-поведенческих национально-психологических особенностей неразрывно связано с процессом формирования национального самосознания этноса, в содержании которого зафиксировано своеобразие национальных черт характера.

В контексте вышесказанного рассмотрим национально-психологические особенности немцев. Современные немцы пользуются репутацией нации с хорошим характером. Им присущи честность и домовитость. Аккуратность, практичность, добросовестность, предусмотрительность, пунктуальность, точность, трудолюбие – эти лучшие национальные качества известны всему миру: Они наделены техническим складом ума, любят спорт, музыку, набожны. Они исповедуют и поощряют нравственность в семейной жизни и быту [6].

Характерная черта немцев в обиходе – скромность. Они больше, чем другие народы, изучают иностранные языки. В науках часто являются первооткрывателями. Их результаты позже нередко с шумом исползуют другие. У немцев нет ярко выраженной национальной гордости. Негативная сторона характера немцев – склонность к подражанию, невысокое мнение о своей оригинальности, страсть к методичности, педантичности.

Мышление немцев отличается способностью к отвлеченным построениям, глубиной абстрагирования, философской широтой. В известном смысле эта их национально-психологическая особенность явилась следствием ухода от немецкой действительности с её мелочной ограниченностью, традиционным гнѐтом строгого порядка и отсутствием стремления познать внутренний мир других людей. Как показывают психологические исследования, с одной стороны, гибкость, сметливость, рациональность мышления в известной мере чужды немцу, а с другой — по умению планировать свои будущие действия немцы превосходят представителей многих других этнических общностей [3].

Они наделены и здравым умом, который не мешает им в то же время быть впечатлительными и сравнительно легко подвергаться внушению.

По темпераменту немцев можно отнести к флегматикам. Им присуща холодная рассудительность и выдержка в достижении поставленных целей, а также способность переносить связанные с этим трудности и лишения. Из всех цивилизованных наций немцы легче и дольше всего способны подчиняться правительству, под властью которых они живут, больше всего далеки от жажды перемен и сопротивления существующим порядкам.

Централизация страны, жесткий режим правления и строгая регламентация всех сторон жизни в государстве, мелочный надзор и придирчивое вмешательство во все области политической, хозяйственной и частной жизни Германии породили в немецком национальном характере педантизм и приверженность к системе. В этом и сила и недостаток немцев, так как приверженность к системе порождает любовь к шаблону, глушит инициативу.

Немцы дисциплинированы, пунктуальны. В этих качествах заключено и положительное, и слабое. Малейшее нарушение в каких-либо звеньях плана ведет к сбою всей системы, к смятению и дезорганизации их деятельности.

Немец всегда сосредоточенно молчалив, важно степенен или по крайней мере меланхоличен и суров. Если обстоятельство заставит вас сблизиться с немцами, вас более всего поразит в них недостаток гостеприимства. В манере жителя Германии держать себя в обществе мало задушевности. Поведение немцев всёгда грубоватое. Ловкость, умение сдерживаться на людях, утонченная деликатность и вежливость с другими совсем не в их характере. Они имеют манеру говорить громко, крикливо, беспорядочно. Немец выполнит вашу просьбу, если вы сумели показаться ему человеком деловым, но обычно с иностранцами остается в холодно-вежливых отношениях, не выказывает им ни малейшей предупредительности. Зато его услужливость доходит до рыцарства, если он знает, что вы в затруднительном положении.

Ни один народ не действует так сообща, не любит так двигаться массами, как немцы. Это свойство нации можно наблюдать везде и во всем. Немцы с большим успехом работают сообща в поле, на предприятиях и выполняют всякую работу быстрее, чем французы или итальянцы. При этом немецкие работники одинаково аккуратно трудятся как в начале, так и в конце работы [5].

У немцев нет страстной привязанности к родине, и они легко переселяются в другие места. В чужих землях, где они в итоге оказываются, немцы превращаются в переселенцев, которые под началом властей при спокойном и справедливом управлении выгодно отличаются от других народов прилежанием, чистоплотностью и бережливостью.

Немцы проявляют исключительную дотошность в определении «допустимых» и «недопустимых» расстояний в общении. Если спросить немца, на каком наименьшем расстоянии должен находиться человек, чтобы его приближение к двум беседующим могло рассматриваться как вторжение в их круг, то он без раздумий даст ответ: 2,3 — 2,4 метра. Представители же других наций при попытке ответить на подобный вопрос будут испытывать явное затруднение.

Стремление немцев закрыть от посторонних глаз свое жизненное пространство оказало влияние на немецкую архитектуру: немецкие дома с балконами сооружаются так, чтобы обеспечивать уединение для их хозяев.

В наше время значительно расширяется контингент людей, посещающих зарубежные государства в качестве гостей, туристов или деловых партнеров. В международный бизнес активно включается всё большее число людей, и хотя участники международного общения придерживаются в общем-то сходных этических норм и правил, тем не менее национальные и культурные особенности могут быть весьма значимыми при межличностных и деловых связях.

Обычно при совпадении интересов сторон различия национального характера, манер поведения и образа мышления заметно не проявляются. Однако стоит только возникнуть разногласиям или конфликтам, как эти различия начинают играть важную роль. Таким образом, необходимо быть готовым к непредвиденным действиям, поступкам, решениям со стороны иностранных коллег и заблаговременно выработать оптимальную тактику и стратегию во взаимоотношениях с ними. А для этого надо знать особенности их национального характера, специфику образа жизни и манеры поведения.

1. Андреева Г. М. Социальная психология. – М., 1980.
2. Крысько В. Г. Социальная психология: Учебник для вузов. – М., 2002.
3. Крысько В. Г. Этнопсихология и межнациональные отношения. – М., 2002.
4. Лебон Г. Психология народов и масс. – М., 1996.
5. Сухарев В. А., Сухарев М. В. Европейцы и американцы глазами психолога. – Мн., 2000.
6. Шейнов В. П. Как управлять другими, как управлять собой. – Мн., 1996.

*Крюков В. М., Коклюхин В. В., Шаш С. Д.
(г. Брест, БрГУ им. А.С. Пушкина)*

ФИЛОСОФИЯ ИЛИ ФИЛОСОФИИ: ЕДИНСТВО И РАЗЛИЧИЕ ПРЕДМЕТНОЙ ОПРЕДЕЛЁННОСТИ

*Быть может, необходимое
и не необходимое
суть начала бытия или небытия всего,
а остальное должно рассматриваться
как следствия из них.*

Аристотель

Великий немецкий философ Иммануил Кант, 200-летие со дня смерти которого исполнилось в этом году, по признанию В. Н. Кузнецова, был одним из тех философов периода Просвещения, которые хорошо сознавали значение своих радикальных новаций в философской мысли. Кант полагал, что преодолевая господствующую в Германии лейбнице-вольфианскую «метафизику», он совершает «коперниканскую революцию» во всей предшествующей философии.

Не в меньшей мере оценивали смысл и значение своих идей для философии И. Фихте, Г.-В. Ф. Гегель, Л. Фейербах и др. Так Фихте был убежден, что его философское «наукоучение» равнозначно значению Великой французской революции для социально-политической истории человечества. Как отмечает В. Н. Кузнецов, «согласно Гегелю, в созданной им системе «абсолютного идеализма» человеческая мысль впервые навсегда обрела абсолютную истину». По мнению Фейербаха, возмещаема им «антропология», революционно «перевертывающая» гегелизм, означает в то же время глобальный конец философии в прежнем её понимании» [2, 9-10].

Приведённые оценки немецкими мыслителями отношения разрабатываемых ими философских систем к ранее существовавшим и существующим, свидетельствуют не только о глубоком осознании ими динамики, подвижности, изменчивости содержания и направ-

ленности философской мысли вообще, но и об осознании ими проблемы предметного самоопределения философии как особой сферы знания, свидетельствуют об осознании ими проблемы, которая будет неоднократно возникать позже и возникает ныне.

Об этом красноречиво свидетельствует следующее высказывание немецкого мыслителя 19-го века Ф. Шлегеля: «не существует ещё одной – единственной философии, не существует ещё и одного – единственного философского языка, но каждая философия имеет собственный» [5, 88]. Стоит также напомнить о позиции радикальной непримлемости всей предшествующей «метафизической» философии, характерной для позитивизма, утверждавшего науку в качестве подлинного предмета философской мысли для себя, и резервирующего в 19-20 столетии науку в качестве единственно истинного предмета для философии вообще. Со специфических, а именно, идеологических позиций, в бывшем социалистическом лагере в качестве единственно истинной принималась марксистская трактовка предмета и метода философии, при этом всякая иная философия отвергалась как ненаучная.

В своё время вопрос о динамике развития философии, её предмета и функций от зарождения философии до наших дней рассматривался нами в ряде публикаций [1]. В этих работах проводилась мысль о возможности проследить определённую закономерность в изменении предмета философии и способа философствования, связанную с изменением, сменой мировоззренческих констант (идея о мировоззренческих константах принадлежит С. Д. Шашу).

Авторами, в частности, отмечалось, что в истории философской мысли можно выделить периоды подъёма и периоды спада интереса философов к тем или иным, ранее составлявшим предмет их пристального внимания аспектам действительности. В такие периоды философское мышление как бы теряло само себя. Множество различных школ, направлений, течений в философии в таких случаях свидетельствовало не столько о росте, богатстве идей, сколько о растерянности, о невозможности адекватно выразить актуальную, включающую в себя самого субъекта познания (философа) действительность.

Эта невозможность обуславливалась не только кардинальным изменением условий жизни людей, на что указывают обычно те историки философии, которые жестко детерминируют развитие духовной жизни общественно-экономическими, или, в более широком плане, социо-культурными факторами (условиями), но и исчерпанием потенциала, применяемого в конкретный исторический период способа философствования, имеющего свою гносеологическую и онтологическую составляющие. В такие периоды происходит «исчерпание гносеологических полей», исчерпание, питавшей ранее философский поиск, проблематики – онтологической, логической, социальной и т. д. в её соответствующих определённым для данного периода, мировоззренческим константам, формам.

Заметим, что возникновение новых гносеологических полей, новой проблематики познания, влекущей становление нового предмета и способа философствования нередко трактуется как разрушение прежней философии, прежней, ранее господствующей философской системы. Фихте, например, писал, «какую кто философию выберет, зависит от того какой кто человек... Философом – если идеализм должен оказаться единственной истинной философией, – философском нужно родиться, нужно быть к тому воспитанным и самого себя воспитать» [4, 424].

Оставаясь на указанных выше позициях в понимании направленности и характера изменения предмета философии, а также способа философствования в целом, нельзя, в частности, не обратить внимания и не оценить соответствующим образом, наблюдаемую в последние постперестроечные годы тенденцию в функционировании философской мысли. Суть последней можно было бы определить как дисперсию предмета философий на социокультурном пространстве жизнедеятельности современного человека, широко простирающемся в самых различных измерениях: биологическом, экономиче-

ском, нравственном, экологическом, правовом, политическом, религиозном, психическом, семиологическом и других.

Указанная дисперсия предмета философии, подтверждая, что развитие философской мысли в наши дни отнюдь не сняло проблемы существования одной философии с одним предметом или многих философий с их собственными предметами, связана, на наш взгляд с тем, что универсализм, присущий изначально философии и ведущий к постоянному расширению её проблемного поля, имплицитно содержит возможность противопоставления, конкуренции «кристаллизующихся», вырастающих на решении отдельных философских проблем систем философского знания, претендующих на самостоятельность, на обладание собственным предметом исследования, претендующих порою не только на статус быть скромным философским осмыслением проблемы, явления, процесса и т. д., но быть, в конечном счете, истинной, последней философией вообще, быть воплощенной воочию мудростью человека.

Возникает вполне правомерный вопрос: не утрачивается ли в условиях такого рода дисперсии предмета философии функциональный её статус как формы мировоззрения? Ведь мировоззренческая, ориентационная, методологическая и иные функции присущи философии и эффективны в их практической реализации лишь в условиях системной структурированности, организованности философского знания как единого целого, как одной философии, что в действительности не наблюдается. В действительности наблюдается стремление философов выйти в такие предметные области, в свете изучения которых предшествующее философское знание меркло бы как устаревшее и отжившее.

Появление бесчисленного множества философий имеет и вполне понятные причины, являясь во многом следствием дифференциации научного знания, из условий которой философия выступает специфическим способом легитимации интереса исследовательской мысли к социо-культурным феноменам, так или иначе проявившим себя в общественной практике и невяно, но все же достаточно ощутимо означивших свою претензию на включение их в арсенал познавательной деятельности в качестве необходимых средств, оснований, предпосылок и т. д. движения мысли к новому знанию о мире, природе, обществе, человеке.

В науке подобная ситуация ничуть не ведёт к разрушению её целостности, поскольку функции и критерии науки, понятие которой является, как известно, несобирательным, распространяются без каких бы то ни было изъятий на любую отрасль научного знания: физика - столь же наука, сколь наукой являются математика, биология, геология, химия, социология и т. д. В отношении философии этого не скажешь. Тогда как наука стремится стать единой системой знания, строящейся на единых основаниях (достаточно указать здесь на непрекращающиеся попытки физиков построить единую теорию физического знания, а также на имевшую место в сравнительно недавнем прошлом попытку математиков свести всё математическое знание к логике), в самой специфике философского знания содержится нечто, заставляющее её противоречиво стремиться к тому, чтобы быть одновременно единым, целостным и в то же время активно независимым от единого, быть отдельным. Принадлежать единой философии и в то же время своим отдельным, отозненным от единого, целостного бытия философии бытием стремиться исчерпать всю философию.

Характеризуя поставленную проблему, мы намерены не столько дать здесь её готовое решение, сколько высказать некоторые предварительные замечания по поводу её существования.

Так, во-первых, на наш взгляд, расширение области определения предметной деятельности философии можно трактовать сегодня как своеобразное признание роли философского мышления в исследовании проблем и явлений, относительно которых не может быть применен, пока, ныне существующий арсенал научных средств познания. Вместе с тем нельзя исключать того, что именно в силу определенного отличия философии и науки как форм общественного сознания, парадигмальный феномен, выражающийся в том, что отдельные проблемы, представляющие особый интерес для философов, способны стать

главным структурирующим элементом всей системы философского знания, сможет оказаться решающим для изменения предмета философии в целом.

Во-вторых, в различных своих проявлениях, будучи применённой к самым необычным сферам, сторонам действительности, философия не обязана утрачивать её атрибутивные качества и, прежде всего, качества быть метазнанием, быть знанием о знании; реализующим сущностную интенцию: познать в единичном общее и всеобщее, вывести единичное из общего; будь этим единичным, или, иначе, будь этим предметом философского осмысления язык, понимание, текст, жизнь; ризома, свобода, воля, элемент, монада, роза, безопасность, и т. д.

В-третьих, в поисках определённости, отвечающей потребностям и вызовам современного этапа развития мирового сообщества, становящегося все более коммуникативным, мобильным в обмене, переработке, и наращивании информации, философия вынуждена лавировать между необоснованно навязываемыми ей стереотипами: быть средоточием абсолютной мудрости, последним её оплотом и авторитетом и, быть одним из унаследованных от предыдущих поколений предрассудков мышления, девальвирующим тем быстрее и основательнее, чем неординарнее и претенциознее будут попытки философов найти новую парадигму предмета философии, например, в постмодернистском шизоанализе или в постмодернистской же установке, обозначаемой как «смерть субъекта», задающей возможность формирования ризоморфных художественных сред.

В-четвертых, дело здесь, конечно, не столько в стремлении философов найти оригинальный ракурс видения и исследования действительности, что само по себе и оправданно и необходимо. Ибо, как писал, В. В. Зеньковский «в строгом смысле, оригинальность; как полная новизна идей до такой степени редка, что если бы в сферу изучения попадали лишь оригинальные построения в строгом смысле слова, то не нашлось бы и десятка параграфов в изложении истории философии» [2, 17].

Дело, на наш взгляд, в ином, в том именно, что представление о хаосе, рождающем порядок, столь значимо вошедшее в философское мышление во второй половине 20-го века, не является исчерпывающим. Не менее философски и методологически важным является иное представление: хаос не рождает порядок (или: порядок не рождается из хаоса, как и не рождает хаос) поскольку порядок столь же всегда наличествует в хаосе; сколь всегда хаос присутствует в порядке.

Сказанное можно пояснить следующим образом. Процессы, отношения, комбинации, корреляции, когеренции и т. д. и т. п. бесконечного многообразия бесчисленного же множества элементов, составляющих универсальное бытие, являют собой действительное и возможное наложение, пересечение, взаимодействие, закономерностей, необходимостей разного рода (линейных и нелинейных; дальнедействующих и близкодействующих; повсеместных и локальных; долговременных и мгновенных; сильных и слабых; прерывных и непрерывных и т. д.) здесь и сейчас, точно также как всюду и всегда.

Мысль человека не в состоянии «схватить» всю картину в её целостности, полноте («видеть всё, значит, не видеть ничего», конкретности. Наше видение действительности, наше осмысление её избирательно, и потому мы видим всё либо в крайностях (или мир есть логос, порядок – или мир есть хаос, неопределенность, беспорядок), либо в абстрактной диалектике перехода, преобразования, превращения одного в другое: хаоса вообще в порядок вообще, и, наоборот, порядка вообще в хаос вообще.

Внедренность исторически развивающегося философского сознания в универсальное Бытие позволяет, тем не менее, ему не только задуматься, но и додуматься до того, что не дано сознанию в явном виде, что лишь промышляется им в виде отдельных закономерностей и случайностей наличного бытия. В стремлении выйти к целостному, интегральному знанию о мире человек посредством философского мышления «пробует, испытывает различные точки зрения» на мир, пытается увидеть целостность объекта (Бытия) через его предметную еди-

ничную явленность. Выстраивая при этом с различных предметных точек зрения все новые и новые концепции (философии) действительности, философия, в конечном счете, устремлена к отысканию, построению такой теоретической модели, которая бы в противопоставление лейбницеvскому признанию действительного мира в качестве наилучшего из возможных, представила бы наилучший из действительно возможных миров.

Лапласу для того, чтобы перевернуть мир, нужна была одна точка опоры. Философия, чтобы усмотреть в хаосе бытия действительно возможный наилучший порядок, вынуждена стремиться увидеть мир с самых необычных точек зрения, идя по пути бесконечного умножения предмета своего непосредственного внимания.

Вряд ли будет ошибочным, в связи с этим, утверждение о том, что философский разум, априорирующий всякий раз новое, подходящее к тому основание (предмет философского мышления) может додуматься до сколь угодно совершенного порядка вещей, вполне практически реализуемого именно потому, что существует бесчисленное множество возможных, допустимых бытием, но не раскрытых ещё разумом порядков.

В движении к этой цели разум рождает, рождает и будет рождать новые философии со своими, соответствующими им предметами и способами философствования как необходимые средства мировоззренческой ориентации человека в универсуме здесь и сейчас, всегда и всюду.

1. Акинчиц И. И., Крюков В. М., Шаш С. Д. О природе философского догматизма и формулировке предмета философии // Казимир Лыщинский и современность. Сборн. научн. трудов. - Брест, 1993.
2. Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 1.
3. Кузнецов В. Н. Немецкая классическая философия второй половины 18 – начала 19 века. - М., 1989.
4. Фихте И. Г. Первое введение в наукоучение // Избр. соч. - М., 1916. Т. 1. С. 424.
5. Шлегель Ф. История европейской литературы // Эстетика. Философия. Критика. Т. 2. - М., 1983.

Ставский В. Н. (г. Могилев, МГУ им. А. А. Кулешова)

ПРОБЛЕМА РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА В ТЕОРИИ РАЛЬФА ДАРЕНДОРФА

Ральф Дарендорф – известный немецкий социолог и политолог, получивший широкую известность с конца 50-х годов как автор теории социального конфликта. Он внёс большой вклад в развитие конфликтологического направления в социологии. В своих основных трудах «Социальные классы и классовый конфликт в индустриальном обществе», «Общество и свобода», «Тропы из утопии», «Современный социальный конфликт» он рассматривает социальный конфликт как движущую силу истории. На формирование теории Р. Дарендорфа оказали влияние труды К. Маркса, М. Вебера, Т. Парсонса, а также та социальная и политическая действительность, которая сложилась в Европе и мире после второй мировой войны.

Р. Дарендорф известен также как политик и государственный деятель ФРГ. В своё время, занимая пост директора Лондонской экономической школы, он сотрудничал с лейбористским премьер-министром Великобритании Дж. Каллогеном.

В своей теории Р. Дарендорф рассматривает конфликт как источник изменений форма совершенствования общественных отношений. Им была предложена конфликтная модель общества, которая включает четыре положения:

- Каждое общество находится в состоянии изменения.

- В каждом обществе всегда существуют элементы несогласия, которые ведут к общим конфликтам.
- Каждый элемент общества может способствовать его интеграции и изменению.
- Любое общество базируется на насилии одних членов общества (или групп) над другими, которые всегда будут бороться против своего унетенного положения [1; 250].

Для изучения и понимания процессов, связанных с регулированием социального конфликта, является важным определение причин его возникновения. К. Маркс рассматривал процесс социальных изменений через призму классовой борьбы, в основе которой лежат отношения собственности на средства производства. Именно классовая борьба как наивысшая форма социальных противоречий должна была привести к ликвидации частной собственности, а вместе с ней и классов. Тем самым устранялись бы причины социального конфликта. Р. Дарендорф считает, что трактовать с точки зрения марксизма проблемы возникновения социальных конфликтов в современном обществе не представляется возможным.

Причиной возникновения социального конфликта, согласно его теории, являются власть и господство. Социальный конфликт группы, в свою очередь, обусловлен структурой социальных позиций и ролей. В любом обществе имеются группы, обладающие авторитетом и осуществляющие господство. Им же противостоят группы, исключенные из обладания властью, недовольные существующим положением и стремящиеся его изменить. Между ними и происходит конфликт. Собственность на средства производства рассматривается Р. Дарендорфом лишь как историческая форма осуществления господства. Конечно, причины конкретного социального конфликта различны и зависят от ряда факторов. Но при всем разнообразии конфликтов, всегда в них присутствует борьба за власть.

Характер развития социального конфликта во многом зависит от общества, где он возникает и происходит. Социальные конфликты вырастают из структуры обществ, в такой степени, в которой они являются объединениями господства [2; 37]. Напряженность социального конфликта, классовых отношений снижается по мере роста материального благосостояния общества, а также по мере развития демократии.

В современном обществе не нашли свое подтверждение взгляды К. Маркса на классовую борьбу. Как пишет Р. Дарендорф, Маркс уже в данном случае не в силах нам помочь, поскольку классы, которые он расценивал в качестве главных действующих лиц социального конфликта, сейчас имеют гораздо больше общего, чем разъединяющего их [3; 118].

Но даже экономические, политические и социальные изменения, которые произошли на Западе, не смогли устранить социальный конфликт как явление. Он будет существовать, пока существует человечество.

Важнейшей задачей теории социального конфликта, согласно Р. Дарендорфа, является не только установление причин возникновения конфликтов, но и нахождение способов и механизмов их регулирования. Такой подход к проблеме социального конфликта служит выработке механизмов экономической, политической, социальной стабильности общества.

При регулировании социального конфликта. Считает Р. Дарендорф, было бы ошибочно подавлять его, что может лишь в дальнейшем привести к обострению конфликта. Регулируя конфликт, необходимо установить предмет спора, а также корни конфликта. Также необходимо учитывать и то, что можно ликвидировать следствия конфликта, а не его причину, так как многие конфликты вытекают из социальной несправедливости и системы господства. По Дарендорфу не возможно существование общества, где бы не было социальной несправедливости. Так, например, можно легко ликвидировать такие конфликты, как: споры о тарифах, рабочем времени, отпуске и другие вопросы, но не основополагающие причины этих конфликтов, которые лежат в сфере законов развития рыночной экономики. Единственным возможным, согласно Р. Дарендорфу, для того чтобы сделать конфликт полезным для общественного развития, является его регулирование.

При регулировании социальных конфликтов необходимо учитывать следующие условия:

- предметы спора конфликтующих сторон должны быть признаны и интересны;
- можно урегулировать формы конфликта, но не его причины;
- регулирование конфликта, тогда является успешным, когда он институционализирован и тогда участвующие в нем представляют партии, профсоюзы, зарегистрированные объединения.

Необходимым является также выработка четких правил игры, по которым играют противники. Только тогда можно решить те вопросы, которые представляют предмет конфликта. Но в то же время, считает Р. Дарендорф, даже эффективное регулирование конфликта не может привести к его полному устранению. Ещё раз необходимо подчеркнуть, что посредством регулирования конфликты не исчезают. Где имеется общество, имеются также конфликты. Формы регулирования имеют все-таки влияние (воздействие) на насильственный элемент конфликтов. Регулируемый конфликт смягчен в определенной мере: хотя существует неизменным и может быть чрезвычайно интенсивным, он проходит в формах, которые уживаются с непрерывно изменяющейся социальной структурой [4; 43].

Регулирование конфликта служит разработке механизмов экономической, политической, социальной стабилизации общества. По мнению Р. Дарендорфа в развитом обществе, где реально оценивают политическую, экономическую обстановку, правящий класс способен адекватно реагировать на требование масс, что, в конечном счете, способствует разрешению конфликта. Стабилизирующими факторами являются рост экономики, который влечет за собой повышение материального благосостояния населения, расширение возможностей участия в политической жизни общества (выборы различных уровней, референдумы, опросы населения и т. п.). Все эти факторы в совокупности не приводят к исчезновению социального конфликта, но всё же являются механизмами регулирования конфликта и служат предотвращению его эскалации. В таком случае конфликты выполняют функцию интеграции, они как бы регулируют интересы разных общественных групп. Там имеются социальные противоречия, которые ведут к политическим конфликтам. Вместо того, чтобы становиться более насильственными и разрушительными, эти конфликты ограничены организациями и институтами, через которые они могут найти выражение внутри конституционного порядка [5; 162].

1. Социология. Учебное пособие / Под ред. А. Н. Елсукова. – Мн., 1998.
2. Dahrendorf R. Konflikt und Freiheit. – München, 1972.
3. Дарендорф Р. Справедливость без оков зависимости // Коммунист. 1989. № 6.
4. Dahrendorf R. Konflikt und Freiheit. – München, 1972.
5. Dahrendorf R. Der moderne soziale Konflikt. – Stuttgart, 1992.

Шебанова И. А. (г. Брест, БГТУ)

ГЕРМАНИЯ В АСПЕКТЕ СОЗДАНИЯ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

14 октября 1986 г. был сделан первый серьезный шаг на пути формирования единого европейского пространства высшего образования – подписана Великая хартия университетов в Болонье.

Главной целью документа было определение основной задачи университетов в сохранении традиций и укреплении связей между европейскими университетами, и отмечено, что будущее зависит от культурного и научно-технического развития, которое формируется в научных университетах, цель которых – служить всему обществу.

Данный документ не имеет правительственный статус, но он послужил основой для принятия последующих важных решений.

Последние десятилетия мы являемся свидетелями одинаковых политических и экономических изменений, происходящих во всех странах ЕС. Подобные изменения происходят и в сфере образования. Принятие Сорбонской и Болонской деклараций (1999) оказывает существенное влияние на формирование общеевропейского образовательного пространства, целями которого являются:

- обеспечение конкурентоспособности европейской системы высшего образования;
- признание квалификаций;
- сближение высшего образования в сферах управления и контроля, учебных программ, поступления и обучения;
- развитие академической мобильности и обеспечение трудоустройства вузовских выпускников на рынке европейского пространства.

В Великой хартии университетов были сформулированы и провозглашены четыре основополагающих принципа деятельности университетов.

Один из них обозначил университет как автономный институт, «который критически осмысливает и распространяет культуру путём исследований и преподавания. Чтобы отвечать требованиям современного мира, в своей исследовательской и преподавательской деятельности он должен иметь моральную и научную независимость от политической и экономической власти» [1].

В настоящее время система высшего образования Германии включает около 280 высших учебных заведений: университеты и т. н. специализированные вузы (Fachhochschule). Немецкий университет – автономная организация с университетскими и факультетскими органами самоуправления. Они сами определяют учебную, персональную, организационную, хозяйственную и т. п. политику университета, выдают документ о высшем образовании и учёной степени. Фактически университет в Германии независим от государства во всех вопросах, входящих в круг его компетенции.

Самоуправление в университетах Германии сложилось в 19 веке, когда профессора официально являлись единственными носителями самоуправления. В настоящее время это официально закреплённый в уставе университета принцип, согласно которому за всеми важными решениями стоит абсолютное большинство корпорации профессоров вуза. Во главе факультета стоит декан, избираемый из числа профессоров факультета, во главе университета – ректор, которого избирает сенат университета.

В новой редакции Закона Республики Беларусь «Об образовании в Республике Беларусь» также законодательно зафиксирован принцип университетской автономии [2].

В вышеозначенной великой Хартии университетов одним из основных средств реализации выдвинутого принципа автономии является то требование, что высшие руководители университета должны выдвигаться на их посты самим академическим сообществом, даже если формальное назначение на должность проводится после этого правительством.

Ещё в одном из сформулированных Великой хартией университетов принципов сказано следующее: «Являясь хранителем традиций европейского гуманизма..., университет преодолевает политические и географические границы и утверждает настоятельную необходимость взаимного познания и взаимодействия различных культур». В этом диалектическом утверждении предполагается сохранение национальных культур, традиций, достижений в условиях всё расширяющегося глобализационного процесса. Противоречие между национальным, региональным и глобальным стирается уважением и сохранением национальных традиций и особенностей при открытости Европы для всех культур и знаний.

Несмотря на указанное в Болонье средство дальнейшего развития системы университетского образования в Европе – взаимный обмен информацией и документацией, увеличение совместных научных проектов, стимулирование мобильности преподавателей и студентов – редкий белорусский университет имеет сегодня тесное взаимодействие с партнерами внутри страны и за рубежом. Отсутствие сильного лидерства и общей цели не может пока способствовать созданию междвузовских программ фундаментальных исследований либо совместных учебных курсов, что, безусловно, позволило бы обогатить содержание образования.

Сегодня цивилизация развивается такими темпами, что высшим учебным заведениям необходимо быстро и правильно сориентироваться в ситуации и выбрать наиболее приемлемый путь. В последнее время в высказываниях часто можно услышать опасение потерять выработанные собственным многолетним опытом традиции и корни университетского образования. Опасения эти оправданы, когда речь идет о слепой кальке, подражанию американскому образованию. Такой некритический общий перенос может кризисно сказаться на системе образования. Нельзя также забывать, что последние три президента США говорили о кризисе высшего образования в их стране, и косвенным свидетельством неблагоприятности в этой сфере служит тот факт, что только выпускников Московского физико-технического института в Америке около двух тысяч.

Но современные процессы таковы, что просто необходимо создавать новые условия для строительства общего образовательного пространства. Студенты должны иметь возможность обменов, сравнения результатов, взаимное признание дипломов.

Тенденции таковы, что высшее образование в европейских странах перестало быть элитарным. Люди заканчивают свое образование на разных этапах жизни или продолжают повышать свой образовательный уровень на протяжении всей жизни. Мотивы для этого разные: карьерный рост, профессиональная переориентация, личный интерес к какой-то области знаний и т. д. Поэтому реформирование образования в европейских странах старается учитывать изменившиеся реалии с учётом возможностей системы высшего образования.

С одной стороны, явно прослеживается демократизация доступа к образованию. Этому способствуют появившиеся в последнее время новые формы образования, получившие различные названия: дистанционные, открытые, виртуальные. Высшее образование становится массовым, что способствует повышению культурного уровня и подготовке квалифицированной рабочей силы, конкурентоспособной на глобальном рынке.

Однако, структура немецких университетов, сложившаяся в основном в 19 веке, рассчитана на «подготовленного» студента, а не на «массового», порой имеющего пробелы в базовом образовании и общем культурном уровне.

С другой стороны, многие вузы отмечают катастрофическую переполненность. Структура классического немецкого вуза рассчитана на индивидуальную работу со студентом, а не на поточную. Для поточной работы остро ощущается нехватка кадров и подготовленных программ. Около 25 % студентов, которые не могут самостоятельно организовывать своё обучение, вынуждены прерывать его. В сложившейся ситуации реформа высшего образования в Германии видит выход в переходе на двухступенчатую систему образования. Диплом бакалавра в состоянии получить та часть студентов, которая прерывает учёбу, остальные продолжают обучение до получения степени магистра. Данная система имеет свои скрытые стороны, которые могут проявиться в будущем. Одним из аспектов является риск бакалавров оказаться в положении выпускников второго сорта.

Организация обучения в рамках двух ступеней до сих пор вызывает дискуссии, и в рамках этой статьи этот вопрос оставим в стороне. Но все едины во мнении, что подготовка врача должна быть неделимой.

Сокращению количества случайных студентов (почти во все германские вузы принимают без вступительных экзаменов) послужит введение платы за обучение в университете. (Как известно, в американских вузах высшая ступень университетского образования полностью является платной и не ложится на плечи государственного финансирования.) Но так как большинство немецких студентов сами финансируют своё обучение за счёт параллельной работы, это ведёт к снижению их успехов и увеличению числа недоквалифицированных бакалавров.

Одним из путей решения проблем, возникших в сложившейся ситуации, может послужить использование современных коммуникационных технологий для получения образования. Вряд ли «обучение на расстоянии», общение с помощью Интернета сможет когда-то полностью заменить сложившуюся и проверенную многолетним опытом систему высшего образования. Но, преимущества, которые предоставляют современные

электронные средства информации и связи, нельзя не учитывать, и игнорировать их было бы крайне нерационально.

Явные достоинства дистанционного обучения в следующем:

- доступ к высшему образованию всех тех, кто обладает достаточными знаниями и желанием учиться без дискриминации по полу, возрасту, социальному происхождению, расово-национальному признаку и т. п.;
- обучение студентов из географически удаленных регионов;
- обучение на расстоянии дешевле для обучаемого, не требует транспортных расходов;
- возможность повышения новой квалификации в стенах университета, продолжения своего образования после получения диплома;
- современные технологии в состоянии интенсифицировать и ускорить коммуникацию между преподавателями и учащимися;
- доступность студентам-заочникам дорогостоящих естественнонаучных или технических экспериментов может стать только благодаря современным технологиям компьютерной симуляции;
- дистанционное обучение позволяет расширить потенциальный контингент студентов и слушателей: руководители предприятий и организаций, руководители среднего и нижнего звена, специалисты отделов и служб, предприниматели и фермеры, квалифицированные рабочие и служащие, студенты, имеющие неполное высшее образование, безработные и частично безработные;
- дистанционное образование позволяет вовлечь дополнительно в процесс обучения людей, которым ранее было практически невозможно получить образование: офицеров, сержантов и солдат, служащих в рядах Вооруженных сил и демобилизованных; домохозяйек; лиц с ограниченной возможностью передвижения (инвалидов); лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

Крупнейшим ведущим вузом в Германии, осуществляющим дистанционное обучение, является Хагенский заочный университет. Он существует с 1974 г., учрежден федеральной землей Северной Рейн-Вестфалия.

В настоящее время университет насчитывает 6 факультетов: электроники, социальных и гуманитарных наук, информатики, математики, права и экономики. В нем обучается более 55 000 человек, из которых 7 % – иностранцы.

Основной контингент учащихся (80 %) – люди, получающие образование без отрыва от производства, остальные (20 %) – инвалиды, матери, имеющие малолетних детей, заключенные, лица, находящиеся на срочной или альтернативной службе.

Весь процесс обучения осуществляется при помощи методических пособий, в том числе персональных технических инструментов.

В настоящее время идет активная деятельность по превращению Хагенского заочного университета в виртуальный университет. Учебный процесс будет строиться в форме службы в режиме on-line на мощных серверах. Любой иностранный студент может записаться в университет, получить необходимую информацию, учебный материал и общаться с преподавателями и студентами посредством электронной сети.

Многочисленные инициативы в Германии направлены на то, что с помощью Интернета создать условия для сотрудничества университетов внутри страны. «Новое заключается в том, что теперь вузы сотрудничают и в сфере образования, а не только в области научных исследований», – говорит Клаудия Бремер, эксперт по виртуальному обучению из университета во Франкфурте-на-Майне [3].

Устойчивость развития – это естественно складывающееся соединение традиции и модернизации. Любая попытка отбросить традиции и безоглядно заниматься одними лишь нововведениями, изначально обречена на провал. Равно неприемлемо и искусственное раздувание традиций.

Болонскую Декларацию подписали представители 29 европейских государств, но даже уже на существующих в Европе условиях потребуется не менее 10 лет на претворение в жизнь её решений.

Немецкий университет имеет огромный интеллектуальный потенциал и развитые научные и культурные традиции: основополагающие из них – ответственное отношение преподавательского состава и самодисциплина студенчества. Исходя из сложившейся ситуации, сейчас в Германии не говорят о необходимости «революционного» реформирования высшей школы, а скорее об «эволюционном» пути развития: унификации дипломов, ясной регламентации учебного плана, консультационного сопровождения студентов и т. п.

Подробно не останавливаясь на особенностях трансформационного периода современной Беларуси, хочется надеяться, что переход к массовому высшему образованию в нашей стране (который собственно уже состоялся) не будет сопровождаться отставанием от процессов в Европе, реализующих решения Болонской декларации. Национальная высшая школа, безусловно, выиграет, если будет использовать положительный зарубежный опыт и не останется в стороне от создающегося общеевропейского пространства.

1. <http://www2.unibo.it/avl/charta/charta.htm>

2. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2002 г. № 37, 2/844.

3. По материалам журнала «Deutschland» 2001-2002 гг.

Коновод Л. М. (г. Брест, БрГУ им. А. С. Пушкина)

НЕМЕЦКОЯЗЫЧНАЯ КОНКРЕТНАЯ ПОЭЗИЯ Э. ЯНДЛЯ

В 50 гг. XX ст. в Западной Германии и Австрии прошло этап становления и развития такое явление литературы неоавангарда, как конкретная поэзия. О. Гомрингер, Х. Хайсенбюттель, М. Бензе, Ф. Мон, а также Г. Рюм и Э. Яндль – молодые литераторы-конкретисты – очень остро восприняли ситуацию, в которую попало на современном этапе человеческое сознание, «в которой впечатления и внутренние импульсы не покрываются больше системой синтаксических и грамматических связей, каковую представляет собой исторически сложившийся язык» [2, 84]. Выходом из инерционной, дискриминировавшей себя системы ценностей, «старого» образа мыслей, по мнению представителей конкретной поэзии, может стать своеобразный поворот к слову. Наиболее адекватное выражение действительность, как социальная, так и метафизическая, получает в процессе функционирования языка, а проблемы современного состояния мира находят свое выражение посредством решения проблем речи. Такой подход находится во многом в русле аналитической философии Б. Рассела, М. Шлика, Ч. Морриса, Л. Витгенштейна, получившей широкое распространение на современном этапе.

Для эстетики конкретной поэзии характерно разрушение условной немотивированной связи между внешними формами выражения и передаваемым внутренним содержанием. В текстах конкретистов наблюдаются процессы, в которых те или иные формы и способы передачи информации открывают мотивированные пути к различным компонентам внутреннего языкового содержания и мышления.

Достаточно оригинально выглядит манера письма конкретизма, нашедшая выражение в творчестве Э. Яндля, одного из самых ярких представителей этого литературного явления. Эта своеобразная манера может быть охарактеризована постмодернистской концепцией «смерти автора», не натуралистским упразднением авторской оценки, а лишением поэзии сакральности, «высоты», метафизичности и, одновременно, герметичности авторского мира. «Шуточные стихи (каламбуры, языковые сюрпризы) это сегодня лучше, чем заумные или сентиментальные. Во всяком случае, пока символ проявляется как пустая форма», – писал Х. Хайсенбюттель [3, Bd.1, 301]. Поэтому тексты Э. Яндля зачастую напоминают книгу беспафосных регистраций, наблюдений, «поэзию саму по себе», без автора:

через	сугробы
сугробы	через
через	

Используя для создания другого стихотворения этот же принцип конкретистской регистрационности, автор добивается внепоэтическими недискредитированными традиционностью средствами выражения поэтической субъективности:

Процвета ...	
воздух	мышка
процвета кукушка	в подвале
бабочка	дрожащая
	бледна
тремющие	веселый
трубы	дятел
	в сердце

Хотя стихотворение состоит только из калейдоскопа регистраций наличия того или иного предмета, лирическая оценка прорастает сама собой. Конкретисты отказываются от модернистской веры автора в собственную значимость и исключительность, отказываются от попыток творить мир. Мир поэзии Э. Яндля состоит из констатаций и, при кажущейся простоте чтения произведений, стихи требуют интенции читателя. Каждое из произведений австрийского литератора децентрализовано, развёрнуто к живому читателю. Децентрализация касается как метода самоустранения автора, так и языкового фокуса письма. Конкретизм взял за основу функциональное слово, которое зависит от контекста, ситуации коммуникации, речевых особенностей говорящего, всей языковой парадигмы. Письмо традиционным языком, а не "живым" словом невозможно на современном этапе, Х. Хайсенбюттель отмечает: "Не говорящий решает, что он говорит, а объективное состояние языка, который использует говорящий, создает сказанное" [3, Bd.1, 84]. Для преодоления этой порочной традиции Э. Яндль обращается к народной речи, диалектам, заплетаящемуся косноязычию малобразованных, но думающих людей:

мать и сын	
йаы	мыйсе
хучу	мый
мыться	сын

Голоса провинциальной улицы слышатся в другом стихотворении Э. Яндля. Здесь автор использует и звукопись, воссоздающую "фон", шумы улицы, потревоженной проспешеством, и манеру говорения глубинки:

Бэээ	вулицца
Дааа	изобью
Вулицца	драной мальчышка
Вэээ	изобью (...)
дааа	

Ойген Гомрингер, составитель антологии конкретной поэзии и практик направления отмечает: "Вопреки ожиданию во многих случаях диалектные стихи являются не только звуковыми стихами, но и, по сути, визуальными" [4, 156]. На самом деле, взгляд читателя "цепляется" за диалектные шероховатости, останавливается на них, давая возможность восприятию додумать ситуацию, по-новому увидеть знакомую картинку, привычное слово. В русле диалектных стихов Э. Яндль делает ещё одно поэтическое открытие в живой речи – это речь гастарбайтеров, иностранцев, пользующихся неродным языком. Причем корректность автора выражается и в том, что иностранцем в его произведениях может стать как представитель "не-немецкой" национальности в немецком окружении, так и немецкоязычный герой в иной стране:

я was not yet	да в бразилии
в бразилии	вуд я лайк ту го (...)

Герой средствами неродного языка, который он знает, очевидно, слабо, пытается выразить впечатление от новой страны. Он по-детски, вопреки правилам нанизывает все знакомые ему слова и этой мешаниной, в конце концов, передает степень новизны и восторга, смешения чувств от новых впечатлений.

Особого разговора требуют произведения-звукописи, нередкие в творчестве Э. Яндля и имеющие, соответственно, различную тематику. Так с помощью звукоподражаний и междометных выражений автор берётся за описание собственных воспоминаний о войне:

Штцнгрмм	грррмммм
Штцнгрмм	т-т-т-т
т-т-т-т	ш-ш-ш (...),
т-т-т-т	

Э. Яндль как бы поворачивает слова, звуки под акустическую или визуальную призму, позволяя, наконец, впервые за долгие годы услышать и увидеть живое, движущееся слово, становящееся языком здесь и сейчас. Стихотворением, в котором "сходятся как бы две стихии: словесная, смысловая и звукоподражательная, освобожденная от смысла", называет Э. Яндль свое стихотворение "auf dem land" (на природе) [1, 312]:

Быбыбыбыбыбыки	хрюхрюхрюхрюкюкат
мымымымымымычат	кокококококошки
свисвисвисвиньи	мямямямямямяучат

В стихотворении намечено равновесие, гармоничное единство между семантическим уровнем языка и его звуковым выражением.

На поисках элементарного основано и стихотворение "s-c-h". В нём опять-таки обыгрывается традиционная тематика, сродни "розы-грёзы" и "любовь-кровь":

с-----с-----с	ветила
с-----с-----с	мертны

По замечанию Х. Хайсенбюттеля в этом стихотворении Э. Яндль "приближается к традиции и сразу отходит назад к голым признакам речи-клише, он возвращается к языковым рудиментам" [4, 85]. На самом деле, если бы автор не основал свое стихотворение на языковой игре, сюрприз, глаза читателя вряд ли надолго задержались на совершенно истёртой истине о "звездах и смерти". Помещая это стихотворение в раздел "авторский голос", Э. Яндль не забывает интонировать текст. В русском переводе это стихотворение "свистит", хотя в немецком должно тянуть звук "ш", шептывать истину, а не провозглашать её. Автор не сочиняет стихи, он "подлеивает себе, своему настроению" [4, 156].

В творчестве Э. Яндля есть целая группа стихов, в которых автор будит уснувшие созвучия, те словечки и фразы, которые таят в себе шутку, каламбур, но настолько примелькались, что мы перестаем их замечать. Стихотворение "lichtung" ("озарение") подменой звуков "г" и "т" возвращает фразе остроту, а событию смысл:

многие думают
плаво и рево
нерзья
пелепутать
какое-то шумашествие

Говоря о жанровой природе произведений Э. Яндля необходимо отметить наличие среди них особой поэтической формы, не свойственной традиционному арсеналу. Данные произведения входят в группу речевых стихов, которые, по словам поэта «могут быть громкими, очень громкими и немymi» [3, Bd. 3, 144]. Объединение речевой, языковой и визуальной природы текста демонстрируется Э. Яндлем в стихотворениях «губы» и «рот». По поводу подобных произведений поэт говорит, что «благодаря таким стихам никто полностью не ослепнет, а кроме того и не оглохнет» [3, Bd. 11, 208], имея в виду, что автор делает содержа-

ние своего произведения оформленным не только на слуховом и зрительном уровнях, но и на уровне артикуляционном, будучи своеобразной презентацией немоты: лишь движения губ без звука, который воспроизводится зрителем либо читателем согласно увиденному, своеобразное чтение по губам. Стихотворение достаточно оригинально сочетает в себе и вербальную, и авербальную технику передачи информации, как отмечает Э. Яндль «текст говорит кое-что, и это представлено одновременно слышимым и видимым, для жизни этого стихотворения нужен хороший исполнитель и публика, ...много меньше оно получает от чтения, однако для этого есть сноски» [3, Bd. 11, 208], подробные инструкции как следует произносить тот или иной фрагмент текста, тот или иной звук:

*) эту часть стиха нужно не произносить, а делать очевидной;

**) верхняя губа накрывает нижнюю таким образом, что становится необычно заметной;

***) обе губы в слегка сомкнутом состоянии выдаются вперед в равной мере становясь заметными.

Таков далеко неполный арсенал поэтических средств конкретной поэзии. Конкрети-сты работают с языком как с самодовлеющей знаковой системой, в наше время только и пригодной - за полной сказанностью всего, что можно было сказать - к гротескным играм, приоткрывающим вход к новым мирам.

1. Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX ст. / Сост., предисл., общ. ред. Л. Г. Андреева. - М.: Прогресс, 1986.

2. Arnold H. L. Die westdeutsche Literatur 1945 bis 1990. - DTV, 1995. - 216 s.

3. Jandl E. Poetische Werke. Bd. 1-11. - München, 1997.

4. Konkrete Poesie. Deutschsprachige Autoren. Antologie von E. Gomringer. - Stuttgart: Philipp Reclam jun, 1996. - 158 s.

Ракицкая В. Г. (г. Брест, БГТУ)

ИЗ ОПЫТА РЕФОРМИРОВАНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ГЕРМАНИИ

Для современного белорусского общества актуальным и важным является проблема реформирования высшей школы. Шаги данного процесса были сформулированы в «Концепции развития высшего образования в Республике Беларусь». Особенно актуальным реформирование стало сейчас, когда процессы глобализации и модернизации охватывают всё больше стран. Географическое положение нашей страны не оставляет нас в стороне от данных процессов. Появилась потребность создать новое общеевропейское образовательное пространство. У белорусских студентов и молодых учёных появляется возможность получать высшее образование с присвоением степени бакалавра или магистра либо последипломное образование (второе высшее образование или аспирантура) на Западе, в том числе в Германии. Например, с 1994 года началось сотрудничество Министерства образования Республики Беларусь с Германской службой академических обменов. С тех пор около двух с половиной тысяч белорусских студентов и молодых учёных получили возможность получить либо продолжить своё высшее образование в германских вузах только через эту организацию. Главным требованием тут является идентичность сертификатов об окончании высшего учебного заведения, то есть степеней бакалавра и магистра. Поэтому одна из основных проблем в создании общеевропейского образовательного пространства состоит в сопоставимости систем высшего образования, что является нелёгкой задачей.

Важным является вход в европейскую образовательную систему, в первую очередь, в сетку Совета Европы и ЮНЕСКО по оценке и признанию дипломов. Национальный центр этой сетки уже организован и размещается на базе Республиканского института высшей школы при БГУ. Более широкой деятельности этого центра пока мешает тот

факт, что Беларусь самостоятельно не подписала ни одного международного соглашения о взаимном признании дипломов об образовании в рамках ЮНЕСКО.

В системе образования ФРГ высшей школе принадлежит особое место. Вузы Германии являются старейшими учебными учреждениями европейской системы образования, исторические корни которых уходят в средневековую университетскую традицию, наиболее ярко воплощенную в учебном процессе Берлинского университета, основанного в 1809 году Вильгельмом фон Гумбольдтом.

Основы современной политики в сфере высшего образования Германии были заложены в 60-е – 70-е годы. Основным требованием было расширить доступ к высшему образованию, предоставить как можно большей части населения возможность получить качественное высшее образование. Поэтому внимание уделялось развитию неуниверситетского сектора, особенностями которого являлись: периферийный характер, отказ от научно-исследовательской работы, практико-ориентированная направленность, четырехлетний курс обучения вместо семилетнего университетского.

Таким образом, наряду с новыми университетами важная роль в ФРГ отводится высшим профессиональным школам. В настоящее время эти вузы обладают статусом высшей школы, но не относятся к высшим научным вузам. Поэтому высшие профессиональные учебные заведения не дают права на получение диплома, эквивалентного университетскому, и защиту докторской (у нас кандидатской) диссертации. Данный тип высшего учебного заведения в отличие от университета имеет практический уклон. При поступлении в эти вузы не обязательен аттестат зрелости об окончании гимназии (что является необходимым условием для поступления в университет), обучение в них завершается в короткие сроки (от трёх до четырёх лет). Хорошие перспективы последующего трудоустройства делают профессиональную высшую школу более привлекательной для молодежи. Сошлёмся на результаты социологического исследования, проведенного в 2000 году кафедрой философии и культурологии БГУ в четырёх высших профессиональных школах Германии (г. Равенбург, Вайнгартен, Биберах), когда было опрошено 1 169 студентов. Молодым людям было предложено ответить на вопрос «Почему вы решили учиться в вузе?». Ответы показали, что лидирующим мотивом было стремление получить хорошую профессию, повысить уровень своего развития, возможность успешной жизненной перспективы.

Создание новых вузов и модернизация высшего образования обеспечили равные шансы представителям разных социальных слоёв учиться в вузах Германии. Подавляющая часть студентов в настоящее время предпочитает обучение в том вузе, который расположен ближе к месту проживания родителей. Их не особенно устраивает перспектива переезда в другие города, отрыв от семьи. Наш опрос показал, что всего 13,8 % опрошенных желают провести студенческие годы вдалеке от родителей и только 13,9 % хотели бы поменять место жительства, учиться в чужом городе. Поэтому в новых вузах обучается больше студентов, чем в традиционных высших учебных заведениях Германии.

Ещё В. фон Гумбольдтом в начале 19 века была заложена традиция преемственности между средним и высшим образованием. И сейчас в ФРГ аттестат за среднюю школу является пропуском в высшее учебное заведение, а решающую роль при зачислении на ту или иную специальность в том или ином вузе играет высокий средний балл школьного аттестата.

Процесс обучения в Германии тоже отличается от системы обучения в других странах. Его характер базируется на принципах индивидуальности, непохожести личности. Существенной особенностью является принцип «академической свободы». Каждый студент сам имеет право составлять себе собственную программу обучения, переходить из одного университета в другой, разрешается свободное посещение лекций, самостоятельный срок сдачи экзаменов, что развивает инициативу студентов. Однако такая сво-

бота выбора приводит к тому, что сроки обучения в высших учебных заведениях составляют не 4-5 лет, а 6-7 лет, а средний возраст выпускников – 27-28 лет.

Система высшей школы Беларуси имеет существенные отличия от системы высшего образования Германии. Необходимость реформ, проводимых в нашей стране, очевидна, но до сих пор остается вопрос, как провести реформу высшей школы в Беларуси так, чтобы она была ориентирована на другие устоявшиеся и более успешные модели, но при этом учитывала социокультурные и национальные особенности нашей страны.

1. Андреев В. И. Система образования в ФРГ, НИО МО Беларуси. – Мн., 1993. С. 56-66.
2. Капранова В. А. Высшая школа: образовательные традиции стран Запада // Адукацыя і выхаванне. 2003, № 2. С. 51-55.
3. 10 Jahre Deutsch – Belarussische Beziehungen, DAAD, 2003.

Керашенко Т. Н., Бурко О. П. (г. Брест, БГТУ)

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ ГЕРМАНИИ

Система психологической службы образования является необходимой частью системы образования и в значительной степени отражает её актуальное состояние и формирует запросы на необходимые виды и способы её развития.

Жизнь всё настойчивей ставит перед учебными заведениями задачу создания условий для проявления учащимися и студентами личной инициативы, осознанного поиска и выбора в ситуациях неопределенности, осознания собственной позиции относительно разнообразных социально значимых проблем и вопросов, освоения культуры коммуникации, договорных отношений, разрешения конфликтных ситуаций ненасильственными способами. Всё это становится не менее ценным, чем усвоение учащимися определенной суммы информации.

Государственная психологическая служба образования – структура, призванная в рамках общей концепции соблюдения права ребенка на достойный уровень жизни и полноценное психическое развитие обеспечить психологическую поддержку воспитания и образования, оказать квалифицированную помощь при наличии психологических проблем и отклонений в развитии ребенка.

Структура и организация деятельности психологической службы тесно связаны не только с принятой системой образования, но и с культурно-историческими, этническими и политическими особенностями страны. Национальные психологические службы разных стран, как правило, имеют различную структуру и свои характерные отличия, хотя решают сходные задачи. Построение психологической службы в отечественной системе образования началось неингим более десяти лет назад. Естественно, что за такой короткий срок она не могла успеть сравняться по уровню своей организации с психологическими службами западных стран, существующими уже многие десятилетия. Поэтому опыт других стран, в частности, опыт Германии, может быть для нас очень полезен.

При анализе информации о психологической службе в образовательной системе Германии было выявлено, что эта западная страна в данный момент находится в наиболее благоприятной ситуации для реализации собственных форм организации гуманитарных программ. Не последнюю роль здесь играют географическое и политическое положение, климатические условия, территориальная компактность, уровень образования, демократические преобразования, мощный кадровый потенциал, гибкая законодательная политика.

Одним из условий успешного функционирования психологической службы является научно обоснованное проектирование её организационной структуры. Организационная структура задает целостность психологической службы, её место в конкретной организации.

Основная единица психологической службы в системе образования Германии – это городской центр. Основной работодатель для психологов образования – государственные или местные власти, а также органы управления образованием. Необходимо отметить, что психологические службы Германии находятся под патронажем государства, даже если они функционируют в частных образовательных учреждениях.

Нагрузка школьных психологов достаточно велика; практически во всех странах на одного психолога приходится более 1 000 детей (в среднем в Европе один психолог обслуживает 4 700 детей). За сотрудниками центра закреплены определенные школы и детские сады. Часть времени психолог работает непосредственно в школе или детском саду, а остальную часть рабочего времени находится в центре, где проводит индивидуальный диагностический и психотерапевтический прием детей.

Время, отведённое на работу в учреждении образования, обычно используется для проведения массового тестирования, групповой психологической работы с детьми и для консультирования преподавателей, воспитателей и администрации. Концентрация психологов в психологическом центре предоставляет возможность профессионального общения, взаимного консультирования, обсуждения сложных случаев с коллегами, дальнейшего профессионального образования.

Получение статуса специалиста-психолога в Германии – достаточно длительный процесс. Многоступенчатое образование психолога обычно требует нескольких лет и обязательно сочетается с практикой в избранной области специализации (обычно с супервизорством); каждый этап обучения завершается присвоением определенной квалификации (степени) и подтверждается дипломом, сертификатом или иным документом. Специалист обязан иметь лицензию на работу школьным психологом (психологом образования), пройти программу профессиональных тренингов, практику в избранной области специализации.

Только после прохождений этих ступеней профессионального становления психолог может быть признан достаточно квалифицированным самостоятельным работником. Таким образом, дети оказываются довольно надежно ограждены от опасности неквалифицированного психологического вмешательства.

Теоретический анализ организации психологической службы в системе образования за рубежом свидетельствует, что в большинстве стран, к которым относится и Германия, деятельность психологической службы строго регламентирована и регулируется законодательством и различными нормативными документами, разработанными профессиональными сообществами профессиональных психологов.

В Германии имеются наборы национальных стандартов, относящихся к практической деятельности и образованию специалистов психологической службы. Эффективным регулятором деятельности психологов образования являются этические стандарты (кодексы поведения, четко сформулированные этические принципы работы с клиентами и т. д.).

Итак, работа психолога регулируется рядом профессиональных норм. Важнейшая, хотя и несколько расплывчатая норма состоит в том, что первостепенную значимость для психолога имеют интересы ребенка, а не какой-либо организации (например, школы), родителей или государства.

Более конкретные и четко сформулированные нормы относятся к добровольности принятия психологической помощи и к сохранению конфиденциальности получаемой психологом информации. Никакое психологическое обследование ребенка или оказание ему психотерапевтической помощи не может проводиться без письменного согласия ро-

дителей. При этом родители должны быть проинформированы о целях проводимой работы и о тех организационных формах, в которых она проводится. Информация о ребенке: данные психологического обследования, сведения о прохождении психотерапии и т. п., — может быть передана психологом другому лицу или организации в устной или письменной форме только с письменного согласия родителей. В частности, без такого согласия психолог (даже работающий в штате школы) не имеет права предоставлять информацию о ребенке школьной администрации.

Существуют немногочисленные четко оговоренные ситуации, ограничивающие действие этих правил. Так, психолог должен сообщать о случаях, когда у него возникает подозрение, что ребенок подвергается насилию или что наносится вред его психическому или физическому здоровью. Как правило, подобные подозрения сообщаются социальным работникам, которые осуществляют необходимые дальнейшие действия (вплоть до обращения в правоохранительные органы). Если психологу становится известно о готовящемся или совершенном преступлении, он обязан сообщить об этом в соответствующие органы.

Основные направления деятельности психолога в системе образования Германии сходны с таковыми в отечественных образовательных учреждениях и могут быть представлены следующим образом. В детском саду психолог обслуживает, в основном, подготовительную к школе группу. В задачи психолога входит выявление детей, нуждающихся в дополнительных занятиях или в особом индивидуальном подходе. Психолог может рекомендовать проведение дополнительных занятий в рамках того же детского сада или перевод в специальный детский сад.

В школе психолог занимается, в первую очередь, выявлением психологических причин неблагополучия у детей, отстающих в обучении или регулярно нарушающих правила поведения. Наиболее стандартный результат проводимой диагностической работы — это психологическое заключение, написанное языком, понятным педагогу и содержащее рекомендации для учителя. В отдельных случаях возможны рекомендации о переводе ребенка в специальный класс или специальную школу. Чаще всего на обследование к психологу ребенка направляет школа. При этом, как уже указывалось, обязательно письменное согласие родителей. Вместе с тем, возможно обращение и по инициативе самих родителей.

Важную часть диагностической работы психолога в школе составляет выявление тех детей, чьи учебные трудности вызваны локальными нарушениями обучаемости: дислексией, дизграфией, замедленностью темпа деятельности, снижением зрительной или слуховой памяти, концентрацией внимания и т. п. Рекомендация о переводе в специальный класс или школу дается лишь при особо сильно выраженных нарушениях обучаемости. В более легких случаях психолог ограничивается рекомендациями по индивидуальному подходу к ученику (например, при дизграфии рекомендует заменять письменные работы устными ответами) и по дополнительному коррекционному обучению. По рекомендации психолога ученику могут быть предоставлены различные льготы при сдаче экзаменов на аттестат зрелости: может быть увеличено время, отводимое на выполнение письменной работы, письменное предъявление заданий может быть заменено их чтением вслух и т. п.

Традиционно любая система образования ставит цели образовательные и социальные. *Образовательная цель* — это получение учащимися необходимых навыков и знаний для получения профессии, совершения карьеры, достижения успеха в жизни. В конечном счете, эта цель образования ведет к созданию условий, в которых может сформироваться квалифицированный работник, профессионал в определенной области. *Социальная цель* образования — это помощь ребенку в преодолении его психологических трудностей, обусловленных как внутриобразовательными, так и иными причинами (возрастными, социальными, природными). Социальная цель предполагает адекватное определение своих возможностей, исходя из способностей и склонностей, интересов, состояния здоровья, социального и

экономического положения семьи. Социальная цель предполагает также воспитание в ребенке поддержки, солидарности, взаимопомощи, толерантности, милосердия, ответственности и уверенности в себе. В конечном счёте, социальная цель образования ведет к созданию условий, в которых может сформироваться Человек.

1. Дубровина И. В. и др. Рабочая книга школьного психолога / Под ред. И. В. Дубровиной. - М.: Просвещение, 1991.
2. Фридман Л. М. О концепции школьной психологической службы // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 97-106.
3. Ескендинова А. О. К вопросу организации психологической службы. - М, 1990.

Потолков Ю. В. (г. Брест, БрГУ им. А. С. Пушкина)

ПРЕДУСЛОВИЕ «НЕМЕЦКОГО ЭЛЕМЕНТА»:

ТЕМА «РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДО XX ВЕКА

Предмет изучения, объявленный в названии сообщения, может вызвать сомнение: правомерна ли вообще такая постановка вопроса? Ведь взаимоотношения народов, государств осмысливаются гуманитарными науками, прежде всего – историей. Круг интересов художественной литературы лежит в иной плоскости. Исторические события для неё – лишь повод для выводов о состоянии общественной нравственности. Известно, к примеру, что Гамлет – принц датский. Но не это обстоятельство сделало трагедию Шекспира актуальной на все времена. Главное – в альтернативе: «быть или не быть?».

Литература в первую очередь – не «помощница идеологии» и не «иллюстрация к истории». Она – воплощенная в художественном образе интуитивная реакция личности на явления, угрожающие ей, а, следовательно, и человечеству – выживанию. Словесное искусство не столько отражение жизни, сколько сама жизнь, одухотворенный артефакт, законы которого мало изучены. Первопричина этого очевидна: исследователи конкретно-историчны и смертны, литература же вечна и бессмертна. Содержание всего мирового искусства можно выразить в одной аббревиатуре: «SOS!». Дело литературы – приводить человека в состояние работы совести, а не повторять банальные истины о том, что такое хорошо, а что такое плохо. Недаром в стихотворении А. С. Пушкина «Пророк» звучит призыв, обращенный к поэту: «Глаголом жги сердца людей!». Красота сама по себе не способна спасти мир. Мир спасается человеком, приведённым красотой к покаянному преобразованию действительности, прежде всего – действительности собственной души.

То есть, приступая к осмыслению предмета «Тема «Россия и Германия» в художественной литературе», мы имеем в виду постижение тех моральных проблем, которые раскрываются в непосредственных текстах произведений. В данном сообщении мы предполагаем рассмотреть русскую литературу Древней Руси, XVIII и XIX веков. Нас интересует та нравственно-философская проблематика, которая выражена в сюжетах. Ставим перед собой две задачи. Первая из них касается тех произведений, в которых выражено предчувствие российско-германских исторических конфликтов XX века. Вторая задача – определить актуальность рассмотренного художественного материала для духовных поисков XXI века.

К изучаемому нами предмету в древнерусской литературе можно отнести произведения XIII века: «Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году», «Сказание о житии Александра Невского» и «Житие Александра Невского». Соотнесенность этих созданий именно с XIII веком не случайна: в это столетие Русь, не имея еще сил для противостояния монголо-татарским полчищам, вынуждена была отражать нападения со

стороны агрессивных западных соседей. Духовная крепость была нужна русскому этносу в это время в особенной степени.

Литературе тогда было необходимо определить основные моральные ориентиры исторического движения нации. В «Повести о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году» идёт речь о Четвертой и крестовом походе. По жанру это публицистика. Стиль «Повести» приближен к летописной форме, где необходимо как можно более точно соответствовать историческим фактам. Но суть произведения определяет не эта точность. Автора волнует нравственная антология происходящего.

В сюжете представлен немецкий цесарь Филипп – Император Священной Римской империи Филипп Швабский (1177–1208). Он выступает как мудрый и прозорливый руководитель: совместно с Палой Римским пробует удержать идущих ко гробу Господню от злодеяний. Призывает: «Не воюйте с Царьградом /.../ зло не причиняйте земле греческой». Как видим, здесь важен не национальный, а общечеловеческий акцент. Крестоносцы (судя по историческим данным – это немцы, французы и итальянцы) призывают Филиппа и Папы не вмешиваться: «Фряги же и все полководцы их думали лишь о золоте /.../ а что велели цесарь и папа, то забыли». Далее описаны бесчинства завоевателей по отношению к жителям Царьграда и к самому городу.

Таким образом, автор повести критикует не германцев как таковых. Ему претит корыстолюбие, побеждающее в человеке благородство души. Эта моральная нота знаменательна: вопрос о соотношении рациональной расчётливости и беззаветного личного посвящения во имя общественного блага в дальнейшем окажется определяющим в художественной литературе, разрабатывающей германскую проблематику. Уже в XIII веке было ясно, что Русь сможет защититься, если не будет подчинять себя сугубо материальным интересам. Так было, так и будет всегда.

В произведениях об Александре Невском описываются не только подвиги князя и его ратников, но и раскрывается сущность высказанной Александром мысли: «Не в силе Бог, а в правде». Враги, нарушающие этот канон, выступают как угроза духовному единству русичей. Ливонские рыцари хвастаются: «Покорим себе славянский народ», «Пойдём и победим Александра и захватим его». Такого рода явления восприняты в памятнике как неприемлемая для славянского этноса нравственная позиция. Недаром о ливонцах сказано, что они «опьянены безумием».

Князю не важна национальная принадлежность захватчиков. Вина нападающих, по его мнению, в нарушении воли Бога. Здесь, как нам кажется, важно учесть, что Бог – одна из ипостасей демиурга. Исходя из того, что демиург в переводе с греческого означает «мастер, ремесленник», можно назвать три демиургические проявления: Бог, природа, совесть. То есть враги Руси нарушают все эти три моральные экспоненты.

Библейская философия «Не в силе Бог, а в правде», произнесённая Александром Невским в памятнике, по сути, определила собою все духовные векторы германской проблематики в последующей русской литературе. Мировые конфликты последних веков (не только внеличностные, но и индивидуальные, внутридушевные) можно было бы метафорически выразить через понятия «сила» и «Бог». Приведём одну цитату о событиях совершенно актуальных: «Современная культура испытывает кризис /.../. Это касается жизнеориентирующей функции культуры – принципов жизнестроения, связанных с установками «прометеява человека», покорителя природы и истории, насаждающего инструментальное (технологическое) отношение к миру. Радикализация принципа инструментального отношения к миру, превращаемого в средство, породила, с одной стороны, жёсткие промышленные технологии, а с другой – социальные и политические технологии, угрожающие автономии человеческой личности» [1, 177].

Древнерусские произведения об Александре Невском «жизнеориентируют» всех тех, кому важна «автономия человеческой личности», то есть свобода и независимость российского Отечества. Князь в «Житии» победил врагов с помощью Божьей. Образ Господа выступает здесь не только как религиозный символ: Он – воплощение общечеловеческой правды. Правда не приемлет императивного тона: она императивна своей внутренней спасительной сущностью. Неправда не убедительна онтологически, поэтому стремится превратить мир «в средство»; её путь – сила. Таким образом, русско-германская проблематика в литературе оказалась средоточием тех цивилизационных перипетий, которые определяют собою судьбы и современного человечества.

В «Житии» Александр Невский сравнивается с «Давидом кротким». На Чудском озере встретились не только два войска, но и два направления мировой цивилизации. Применительно к предмету нашего разговора, можно утверждать, что в этом литературном памятнике германская военная сила воспринята не только как источник физического порабощения, но и как носитель миропонимания, чуждого славянскому менталитету. Эти выводы древнерусской литературы оказались весьма важными для словесного искусства позднейшего времени, в частности, XVIII века: эпоха Петра I и «птенцов гнезда Петрова» была пронизана идеями русского этносуверенитета.

Литература XIX века внесла в германскую проблематику кардинально новые акценты. Это был век реализма, а, следовательно, психологизма. В сюжетах появляются представители германского этноса, наделенные своим национальным менталитетом. Развиваясь в российском моральном окружении, этот менталитет испытывает сложнейшие драмы духа. Подобная ситуация наблюдается в сюжетной судьбе Германна – героя повести А. С. Пушкина «Пиковая драма» (1933). Он – обрусевший немец – пробует жить по законам, привычным для своей национальной традиции: «расчёт, умеренность и трудолюбие». Германн заявляет: «я не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее». Офицер Томский замечает по этому поводу: «Германн немец: он расчётлив, вот и всё!».

Расчётливость Германна, по-своему, – выражение упомянутого выше характера «покорителя природы» (в данном случае – своей внутренней). Но интрига нравственного движения человечества состоит в том, что рационализм как таковой не способен адекватно реагировать на все непредсказуемые задачи жизни. Испытание, которое пришлось разрешать Германну, касалось такой особенности человеческой природы, как страсть. В его характере проявляют себя «сильные страсти и огненное воображение». Но эти проявления души только средства, только усилия. Важен духовный вектор. Германну средства показались целью: все «карты» своей жизни он бросил на погоню за мифическим богатством. То же сделали и крестоносцы в памятнике XIII века. Таким же оказался и их финал: счастье не обретено, общественное мнение воспринимает рациональных корыстолюбцев негативно.

Российско-германская тематика в литературе XIX века выступает в повести А. С. Пушкина как проявление конфликта между разумом и чувством, между «силой» и «Богом».

Изобразив драматическую судьбу Германна, русская литература продолжила поиски гармонии между победительностью и покаянностью, между технологичным и сердечным в человеческом мировосприятии. И. А. Гончаров в романе «Обломов» (1859) создал образ Андрея Штольца – молодого человека, который названные выше черты природы объединяет в своей душе гармонически. Сам писатель признавался, что видит в этом характере идеал человека, живущего правильно. В личности Андрея сказались семейное воспитание. Отец его – немец – обладал характером педантичным, суровым и даже несколько грубоватым. Мать – россиянка: натура сентиментальная, с тонкой душевностью, изнеженная. И те, и другие черты мы встречаем в личности Штольца.

Штолец, по сути своей – тот же Германн, но не спутавший средства с целью. Он облаго- рожен чувством одухотворенной дружбы и высокой любви. О душевной сути этого персона-

жа в романе сказано: «С одной стороны Обломовка, с другой – княжеский замок, с широким раздольем барской жизни, встретились с немецким элементом, и не вышло из Андрея ни доброго бурша, ни даже филистера». Выражение «немецкий элемент», судя по приведенной цитате, было понятно каждому тогдашнему реципиенту и очевидно присутствовало в арсенале самоосмысления русского этноса. Образ Штольца и отношение к нему И. А. Гончарова свидетельствовали о том, что и славянский менталитет, проявляющийся обособленно, не воспринимался художественной литературой в качестве эталонного.

И, тем не менее, становилось ясным, что сам по себе психологический облик той или иной нации не определяет качества личности. Решающим оказывается не этнический, а общеморальный вектор проявления индивидуума. Возвращаясь к фразе Александра Невского, можно сказать: главное – служить не силе, а правде. Русская литература XIX века, однако, феномен «немецкого элемента» чаще связывала с «силой». Знаменательны в этом смысле эпизоды из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», связанные с образом Христиана Христиановича Фогеля – управляющего имением одного из наследников помещика Шалашникова.

О менталитете русского крестьянина здесь сказано следующее:

А люди мы великие

В работе и в гульбе.

Приведённая поэтическая формулировка свидетельствует о сложнейшем переплетении в народном характере рационального и чувствительного, предсказуемого и непостижимого, созидательного и разрушительного, умеренного и стихийно несдержанного. Противоречивость народной души ни в коем случае не воспринимается здесь как свидетельство слабости или же ущербности: «люди мы великие». Немец Фогель далек от бездонности «великих людей», хотя «с ребятами, с девочками, сдружился /.../». Управляющему ясно, что в мировосприятии русского крестьянства есть черты ему, Фогелю, явно полезные: доверчивость, неподготовленность к восприятию двуличия, искренность в проявлении чувств и ожидание подобной же искренности от окружающих.

Но в расчётах Фогеля была ошибка, причём, ошибка роковая: он уверовал в непобедимость властной силы. Обманув лесной народ хитростью, заставив его прорубить просеку в лесу, логичный управляющий почувствовал себя в выигрыше, а свою победу над деревней воспринял как окончательную. В результате гордец окончил свои дни трагически: крестьяне закопали его живым. Просчёт Фогеля несёт в себе моменты общеисторические: в последующие века многим «управляющим» казалось, что «немецкий элемент» способен (по причине своей сугубой логичности) подчинить себе «элемент русский».

Глава, в которой описаны события с Фогелем, названа «Савелий – богатырь святорусский». Само это название воспринимается (в рамках исследуемой нами проблематики) как свидетельство извечно моральных интенций русской литературы в процессах этносуверенизации.

Названные интенции не могли не проявиться в творчестве такого знакового для русской литературы психолога, как Ф. М. Достоевский. В сложнейшие перипетии романа «Преступление и наказание» вплетена сюжетная линия Амалии Липпевехзелъ – хозяйки дома, квартиру в котором снимает семья Мармеладовых. В разных эпизодах отчество ее называется по-разному. То она – Фёдоровна, то – Людвиговна, то – Ивановна. Это обстоятельство тревожит Амалию. В сцене поминок по погибшему под лошадью чиновнику Мармеладову возникает перепалка между вдовой покойного Катериной Ивановной и Амалией: «...до сих пор неизвестно, как зовут Амалию Ивановну по батюшке: Ивановна или Людвиговна? Тут Амалия Ивановна, рассвирепев окончательно и ударяя кулаком по столу, принялась визжать, что она Амаль-Иван, а не Людвиговна /.../».

Разница в отчестве принципиальна. Амалия хочет выглядеть не совсем немкой. Ей важно объявлять себя в чем-то родственной той этнической обстановке, в которой протекает её жизнь. Итак, судя по приведенному эпизоду, «немецкий элемент» воспринимался в русском обществе как знак мироощущения если не чуждого, то, по крайней ме-

ре, несовершенного по сравнению со славянским. Резкое противостояние между Амалией Липпехвель и Екатериной Мармеладовой носит не только бытовой характер. Хозяйка дома тоже уповаает на эффект силы. Правда ей не нужна, поскольку при правде необходимо было бы проявлять милосердие, чувствительность сердца, поступать «нерационально», а, следовательно, экономически проигрывать. Ф. М. Достоевский, произведение которого пронизаны феноменологией стыда, утверждением двойничества человеческой природы, оказался тем мыслителем, который изобразил в литературе всю трагичность переплетения в натуре человека логических и стигийных начал.

То есть проблема германского строя души для русской литературы оказалась предметом исторического самоосмысления этноса. Исследователи отмечают об авторе «Преступления и наказания», «Братьев Карамазовых», «Бесов»: «...человек, по мысли Достоевского, в любых, даже самых неблагоприятных, обстоятельствах всегда в конечном счете сам отвечает за свои поступки. Никакое влияние внешней среды не может служить оправданием злой воли, любое преступление неизбежно заключает в себе нравственное наказание» [2, 457]. «Немецкий элемент» для духовных исканий русской литературы XIX века все больше выступает не как явление внешнее, а в качестве духовной особенности, присущей славянскому мировосприятию наряду с «элементом русским». Недаром исследователи отмечают сходство одного из героев Ф. М. Достоевского Ивана Карамазова («Братья Карамазовы») с Фаустом из трагедии Гёте «Фауст». Напомним, что герой Гёте предлагает по-новому перевести начальные слова Библии: вместо «в начале было слово» читать «в начале было дело».

Русская литература XIX века, которая неуклонно приближала общественное сознание к моральной допустимости социального взрыва, несомненно, искала таких взаимоотношений между «правдой» и «силой», в душе человека, которые бы не унижали, а возвышали личность. Многообразие вопросов о том, что делать, и кто виноват, присутствие в литературе негибаемых Чацких, решительных Базаровых, и одновременно лейтмотивная роль милосердного «маленького человека» в словесном искусстве свидетельствовали о том, что западные и восточные начала в менталитете русского народа составляли основу нравственно-философской проблематики литературы.

Закономерно, что последним применительно к рассматриваемой нами проблематике, в русской литературе XIX века стал образ барона Тузенбаха из пьесы А. П. Чехова «Три сестры». Ему вроде бы известны пути оздоровления общественной морали: «Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку».

Но этот персонаж пьесы одновременно и мечтатель, который вряд ли решится на радикальные общественные преобразования. Он говорит одной из сестер Прозоровых – Ирине: «У меня тройная фамилия. Меня зовут Барон Тузенбах-Кроне-Альтшулер, но я русский, православный, как и вы. Немецкого во мне осталось мало, разве только терпеливость, упрямство, с каким я надоедаю вам. Я провожаю вас каждый вечер». То есть русская стихийность победила немецкий рационализм в душе Тузенбаха. Исследователи усматривают в характере этого героя черты близкие к психологии Штольца из романа И. А. Гончарова «Обломов». Русская литература до XX века не могла знать о тех исторических испытаниях, которые постигнут Россию и Германию в XX веке. Но с высоты сегодняшнего времени можно отмечать: она эти испытания предчувствовала. Речь мы ведем сейчас не только о войнах, но и о поствоенных духовных взаимоотношениях двух великих этносов. Взаимоотношения, где слышны попытки покаяния, поиски взаимных духовных решений. Тема «Россия и Германия» для литературы продолжает оставаться актуальной, а в нравственно-философском смысле – пророческой.

1. Панарин А. О возможностях отечественной культуры // Новый мир, 1996. – № 9.
2. Мусский И. А. Сто великих философов. – М., 2000.

МОДЕЛИ НЕМЕЦКОЙ ДРАМЫ РУБЕЖА XIX-XX ВЕКОВ

Рубеж XIX-XX веков – это сложная, переходная эпоха в истории немецкой драматургии, которую невозможно дефинировать чётко и определённно, как, например, эпоху греческой трагедии, шекспировской драмы, французского классицизма. Этот период поражает невероятным разнообразием и разнородностью драматургических форм, что объясняется взаимодействием нескольких равноправных доминант в развитии литературного процесса: реализма как продолжения литературной традиции, а также неоромантизма, символизма, натурализма и экспрессионизма. Каждое из этих литературных направлений благоприятствовало возникновению и развитию специфических жанрово-стилевых форм, которые, взаимодействуя друг с другом, постоянно находились в процессе модификации. Невероятное разнообразие драматургических форм в немецкой литературе рубежа XIX-XX веков можно систематизировать по принципу моделирования, т. е. воспроизведения характеристик некоторого объекта (конкретного произведения) на другом объекте, специально созданном для изучения и именуемом моделью. Потребность в моделировании возникает тогда, когда исследование самого объекта затруднительно, носит частный характер, не давая возможностей для глобальных наблюдений и выводов. Между моделью и объектом должно обязательно существовать подобие, заключающееся в сходстве функций, осуществляемых моделью и объектом (функциональная модель). Модели могут быть полными или частичными, т. е. представлять некоторые свойства объекта или быть комплексом его основных характеристик.

Для того, чтобы выявить основные модели немецкой драмы исследуемого периода, следует определить основные закономерности развития немецкой драматургии в общеевропейском контексте.

На рубеже XIX-XX веков произошли большие перемены в области западноевропейского искусства, касающиеся всех его сфер и особенно театра и драматургии, поскольку «драма – самый приближенный спутник из галлактики искусства к планете человеческой жизни» [1; 10]. Поколение драматургов, дебютирующих в 90-х годах XIX века, входило в жизнь с ощущением отсутствия точки опоры и жизненных ориентиров. Наука, столь высоко ценимая позитивистами, не могла, тем не менее, удовлетворить духовные, метафизические потребности человека. В результате длительных и целенаправленных атак философско-материалистов на религиозную позицию в общественном сознании также пошатнулась. «Бог умер!», – провозгласил Фридрих Ницше [2; 9], и это было началом поисков новой веры и новых ценностей человеческой культуры, которые стали целью представителей поколения писателей, художников, композиторов, объединившихся в интернациональное течение «Молодая Европа». Во многих западноевропейских странах возникли национальные варианты этого культурного явления: «Молодая Франция», «Молодая Скандинавия», «Молодая Бельгия», «Молодая Польша», «Молодая Германия». В рамках этих национальных течений проходили революционные преобразования в области лирики, прозы, драматургии. В создании европейской «новой» драмы большую роль сыграли философские и эстетические концепции великих немецких мыслителей Фридриха Ницше (1844-1900) и Артура Шопенгауэра (1788-1850). Рихард Вагнер (1813-1883), выдающийся немецкий композитор и культурный деятель был инициатором Великой театральной реформы, которая на рубеже XIX-XX веков охватила практически все страны Западной Европы и Россию. Вагнер был не только создателем всемирно известных опер «Лоэнгрин» (1848), тетралогии «Кольцо Нибелунгов» («Золото Рейна, 1854; «Валькирия», 1856; «Зигфрид», 1871; «Сумерки богов», 1874). Он был автором теории драмы как синтетического произведения искусств – театрального зрелища, в котором пластика (балет), литературный текст (либретто), сценарий, костюм, музыка, декорация создают сознательно задуман-

ное синкретическое единство. Таким образом, из элементов разных искусств, воздействующих на сферы человеческого восприятия, самопроизвольно возникает целостная эстетическая конструкция, являющаяся не механическим соединением составных элементов, но их органическим синтезом. Отсюда одно из названий «новой» драмы – «синтетическая» драма. Рихард Вагнер оказал влияние на становление «новой» европейской драмы не только своей концепцией «синтетической» пьесы, музыкальной драмы, соединяющей в себе движение, свет, звук и поэтическое воображение, но и глубоким переосмыслением извечных экзистенциальных истин, таких как борьба Добра и Зла, платоновская антиномия духа и материи (сфера *sacrum* – сфера *profanum*), трагизм человеческой жизни, в которой главными векторами являются любовь и смерть (мотив *Eros – Thanatos*). Главное место в драме занимает «внутреннее действие», которое разыгрывается в таинственных, погруженных во мрак подсознания сферах души. Решающую роль начинает играть настроение как элемент для создания атмосферы. Динамизм в развитии сюжета уступает место статике. Европейский театр начинает быстро удаляться от господствующего до недавних пор миметично-имитаторского стиля. Теоретиками «новой» драмы были также Эдвард Гордон Григ (1872-1966), Адольф Алппа (1862-1928) и др. Однако развитие драматургии рубежа XIX-XX вв. характеризовалось не только новаторскими тенденциями. Ни одно культурное явление не может существовать без традиций. Драматургия этого периода развивалась по нескольким направлениям. Рядом с «новой» драмой продолжала существовать реалистическая драма, господствовавшая в литературе второй половины XIX века. Неоромантизм как одно из эстетических течений рубежа XIX-XX вв. явился почвой для возникновения жанров поэтической драмы и аллегорической драмы-сказки. Появились первые попытки создания театра экспрессионизма, восходящего к традициям средневекового моралите.

Драматургия рубежа XIX-XX вв. отличается огромным богатством жанров: трагедия, мистерия, поэтическая драма, драма-сказка, драматическая повесть, драма-дискуссия, мелодрама, «драма состояния», комедия, фарс, трагикомедия – далеко не полная картина жанрового многообразия европейской драмы. Вопреки многовековой традиции, которая закрепила структуру трёх- или пятиактного драматического произведения, стали появляться пьесы, состоящие из одного, двух, четырёх актов, либо из отдельных сцен, картин, свободно связанных друг с другом. Драматурги этого периода обращались к античности и средневековью в поисках образцов драматического искусства. Все перечисленные тенденции в развитии европейской драматургии рубежа XIX-XX веков нашли своё отражение в немецкой литературе этого периода, обзорная характеристика которой будет представлена ниже.

Выдающийся драматург Германии Герхард Гауптман (1862-1946) по праву считается феноменом модернизма. Его творчество начинается в русле натурализма. Об этом свидетельствуют первые его драмы: «*Sonnenaufgang*» («Перед восходом солнца», 1889), «*Das Friedensfest*» («Праздник мира или Семейная катастрофа», 1890), «*Die Weber*» («Ткачи», 1893). Первая драма является натуралистическим бытописанием крестьянской жизни, представляющим кошмарный образ физической и нравственной деградации человеческой личности. Алкоголизм и вульгарная чувственность являются основными двигателями экзистенции в выродившейся крестьянской семье Краузе. Один из главных персонажей пьесы Альфред Лот, агитатор-социалист, изучающий жизнь немецких шахтеров, во многом является *alter ego* автора, который занимает позицию идеолога натурализма, исповедующего биологический детерминизм человеческой личности. Лот любит Елену Краузе, но верит в неизменность прав наследственности. Покинутая возлюбленным, Елена совершает самоубийство. Надо сказать, что мотив самоубийства героев становится сквозным в драматургии Гауптмана. Главная сюжетная линия драмы осложнена эпизодами, поражающими своей натуралистической откровенностью. Старый крестьянин-алкоголик преследует домогательствами свою родную дочь. Его жена вступает в связь с собственным племянником. В V акте на сцене происходят роды.

Пьеса написана на силезском диалекте, что позволяет наиболее подробно воссоздать жизнь силезских горняков. Натуралистическая драма не была единственной жанровой моделью ранней драматургии Гауптмана. В 1891 году он пишет психологическую драму «Einsame Menschen» («Одинокие люди»), основой сюжета которой является «любовный треугольник». В 90-е годы немецкий драматург обращается также к жанру комедии: «Kollege Crampton» (1892), «Der Biberpelz» («Бобровая шуба», 1891). В это же время Гауптман, отдавая дань эпохе, пишет драму-сказку «Hanneles Himmelfahrt» («Вознесение Ганнуси», 1893). Новаторством в области этого жанра является соединение натуралистических сцен, происходящих в ночлежке для нищих, с описанием чудесных видений умирающей девочки, Ханнеле Маттерн, которая, не выдержав кошмара нищенской жизни, пыталась утопиться в пруду. В свое время эта пьеса была одним из самых популярных на немецкой сцене произведений Гауптмана. К жанру драмы-сказки Гауптман обращается и позже: в 1896 году выходит в печать его пьеса «Die versunkene Glocke» («Потонувший колокол»), которая становится манифестом немецкого неоромантизма. В этом же году немецкий драматург создает историческую драму «Florian Geyer» – «представленную в диалогах эпическую фреску крестьянской войны XVI века» [3; 159]. Вскоре Гауптман обращается и к традиционному в немецкой литературе жанру семейной драмы: «Fuhmann Henschel» («Извозчик Геншель», 1899) и «Michael Kramer» (1900). В 1902 году немецкий драматург создает драматическую легенду «Der alte Heinrich» на основе написанного в XII веке эпического предания Гартмана фон Ауэ под тем же названием. Это исполненная драматизма история прокаженного рыцаря и его чудесного излечения. Простая девушка по имени Оттегебе, узнав, что её кровь излечит проказу рыцаря, решает на смерть. Генрих, измученный болезнью, согласен принять жертву, но в последнее мгновение отказывается от неё. Происходит чудо: рыцарь излечивается от проказы и, преломляя барьеры средневековой общественной иерархии, женится на Оттегебе. Таким образом, уже в ранней драматургии Гауптмана намечаются основные модели драмы, к которым он будет постоянно возвращаться на протяжении своей долгой писательской деятельности. Это натуралистическая драма: «Rose Berndt» (1903), семейная драма: «Gabriel Schillings Flucht» («Бегство Габриэля Шиллинга», 1912), натуралистическая трагикомедия «Die Ratten» («Крысы», 1911), драма-сказка «Und Pippa tanzt» (1906), драматическая легенда «Griselda» (1909), историческая драма «Kaiser Karls Geisel» («Заложница Кайзера Карла», 1908), комедия «Die Jungfern vom Bischofsberg» («Девушки из Бишофсберга», 1907).

Герхард Гауптман наметил в своём творчестве основные модели драмы, к которым не раз обращались и другие немецкие писатели рубежа XIX-XX вв. Макс Драйер (1862-1946) в 1893 г. написал семейную драму «Drei» («Втроем»), в основу которой был положен извечный мотив «любовного треугольника». Отто Эрст (1862-1926) в 1901 г. издал комедию «Die Gerechtigkeit» («Справедливость»). Макс Хальбе (1865-1944) избрал жанр натуралистической драмы: «Eisgang» (1892), «Mutter Erde» (1897), «Der Strom» (1903). Отто Эрик Хартлебен (1864-1905) пишет мещанскую драму «Rosenmontag» («Карнавалыный понедельник», 1893), комедии «Hanna Jagert» (1893) и «Die sittliche Forderung» («Моральный поступок», 1896); семейную драму «Die Erziehung zur Ehe» (1893). Миф о Пигмалионе и Галатее послужил основой для создания комедии «Meze und Marie» (1907) Георгом Гиршфельдом (1873-1935), который обращался к популярной на рубеже веков «женской» теме в таких произведениях, как «Die Mütter» (1895); «Agnes Jordan» (1898), «Pauline» (1899). К жанру комедии и трагикомедии обратился Иозеф Рюдерер (1861-1915), создатель так называемого «интимного театра» в Мюнхене в 1896 г. В комедии «Die Fahnenweihe» он представляет общество как человеческий зверинец. В 1908 г. он пишет комедию «Wolkenkuckuckshelm» («Дом туч и птиц»), соединяя мотивы комедий Аристофана «Тучи» и «Птицы». В 1905 г. создает гротескную историческую драму «Die Morgenröte» («Заря»). Известный немецкий комедиограф этого периода Людвиг Тома (1867-1921) пишет «Die Medaille» (1901), комедию, изображающую

щую провинциальный быт немецкого захолустья; а также комедии «Moral» (1909), «Die Lokalbahn» (1902); скетч «Erster Klasse» (1900), являющийся сатирой на снобизм; мещанские комедии «Lottchens Geburtstag» (1911), «Das Säuglingsheim» (1913), «Christnacht» (1914).

Герман Зюдерман (1857-1926) написал 35 пьес, в большинстве из которых он сохранил традиции мещанской реалистической драмы, если речь идёт о структуре текста. В области проблематики и техники Зюдерман отдаёт дань новым веяниям, смело соединяя элементы натурализма с импрессионизмом и символизмом. Эволюцию его творчества можно проследить следующим образом: мещанская драма – натуралистическая драма – эпический театр экспрессионизма. Наиболее известные его произведения – это пьесы «Frau Sorge» (1887), «Heimat» (1893), «Die Schmetterlingsschlacht» (1894), «Das Blumerboot» (1906), «Das Glück im Winkel» (1896), цикл трёх одноактных драм «Morituri» (1896), драма-сказка с символическим подтекстом в стиле Метерлинка «Die drei Reihferdem» (1898), драма-легенда по мотивам Ветхого Завета «Johannes» (1898), средневековая драма-легенда «Strandkinder» (1909), «трагедия в греческих костюмах», «Der Bettler von Syrakuz» и другие.

Немецкая литература рубежа веков находится под влиянием романтических традиций. Немецкий неоромантизм 1900-1920 г. противопоставляет себя натурализму, выдвигая собственную эстетическую программу: создание таинственной атмосферы, интерес к подсознательным движениям души, к магии, обращению к Средневековью в поисках мотивов и сюжетных линий, культ мистицизма и экзотики.

Жанры исторической и мифологической драмы, драмы-легенды были привилегированными среди немецких драматургов-неоромантиков. Адольф Виббрант (1837-1911) на основе древней истории пишет драму «Arria und Messalina» (1874), обращается к германским мифам в драме «Krimhild» (1877). События его трагедии «König Teja» (1908) разворачиваются на фоне раннего немецкого Средневековья. Эдуард Штукен (1865-1936) пишет пенталогоию о Граале: «Gawän» (1902), «Lanväl» (1902), «Lancelot» (1909), «Merlinus Geburt» (1913), «Tristram und Ysolt» (1916).

Неоклассицизм также оказывает влияние на развитие немецкой драматургии этого периода. Теоретик неоклассицизма Пауль Эрнст (1866-1933), который образцом считал античную драму, в русле своей эстетической концепции создает трагедию «Demetrios» (1905). Античные мифы, мотивы «вины и кары», «зависти богов», «проклятия крови», «невинного страдания», столь распространённые в греческой трагедии, являются основой структуры трагедии Эрнста. В своих произведениях немецкий драматург создает ситуации, диалектика которых несёт в себе некий математический детерминизм: конфликт короля Генриха IV и папы Григория VII в трагедии «Cannossa» (1908), конфликт между долгом и чувством в трагедии о Нибелунгах «Brunhild» (1909). В трагедиях «Apadne auf Naxos» (1912) и «Kassandra» (1915) драматург реинтерпретирует греческие мифы, воссоздавая в изысканной, поэтической форме атмосферу античной эпохи.

Великий немецкий писатель Томас Манн также обращается к драматургии в русле неоклассицизма, создав в 1906 г. драму «Fiorenza». В своём произведении Манн использует платоновскую модель диалога. Структура драмы выдержана в традициях классицизма: единства времени (полдень 8 апреля 1492), места (вилла Лоренцо Медичи под Флоренцией) и действия (день смерти Лоренцо и появление стремящегося к власти Саванаролы); отличается свойственными классицизму статикой *personarum dramatorum*, дидактизмом и «высоким стилем».

Франк Ведекинд (1864-1918), великий немецкий драматург, был истинным сыном своей эпохи. Его незаурядная биография нашла своё отражение в творчестве, которое определяется поступательным движением от натурализма к экспрессионизму. Наиболее значимые его произведения – «Erdgeist» (1895), «Die Büchse der Pandora» (1904), «Die junge Welt» (1897), «Die Liebenstrank» (1899), «Totentanz» (1905), «Der Stein der Weisen» (1906) и др. – являются примерами разнообразия драматургических моделей, распространенных в эту эпоху.

Генрих Манн (1871-1930) – великий немецкий прозаик, на рубеже веков выступил как предтеча экспрессионизма в драматургии. Его пьесы – мещанская драма «Die grosse Liebe» (1912) и историческая драма «Madame Legros» (1913) – являются тому свидетельством.

Немецкая драматургия рубежа XIX-XX веков представлена ещё целым рядом писателей, известных и забытых ныне. Это Карл Гауптман (1858-1921), старший брат прославленного драматурга, Эрнст Барлах (1870-1938), Георг Кайзер (1878-1945), написавший 70 драм; Карл Штернхайм (1878-1942), Август Штрамм (1874-1915), Вальтер Газенклевер (1890-1940), Герман Эссиг (1878-1918), Готфрид Бенн (1886-1936) и другие.

Принимая за исходный пункт функциональный критерий, жанрово-стилевое многообразие немецкой драматургии рубежа XIX-XX веков можно, на наш взгляд, систематизировать путем моделирования следующим образом. Основные функциональные модели немецкой драмы этого периода сформировались под влиянием эстетических тенденций преобладающих литературных течений и направлений. С одной стороны, это драма, развивающаяся в русле реалистической традиции, но отдающая дань новаторской эстетике и новой проблематике натурализма. С другой стороны, это поэтическая драма в широком понимании этого термина. Принципиальная разница между двумя основными моделями немецкой драмы заключается в ряде моментов. Прежде всего, это концепция мира и человека. Связанный с конкретным хронотопом общественно-семейный детерминизм человеческой личности, преобладающий в первой модели, уступает место вневременной и внепространственной общечеловеческой проблематике онтологического и эпистемологического характера, позволяющей человеческой личности прикоснуться к сферам трансценденции. Анализ уступает место синтезу, веристическая картина мира – попыткам осознания внутренних закономерностей бытия; поэтика детали и буквральности – поэтике «настроения» и подтекста: обобщающей метафоре-концепту, символу, мифу. Первая модель драмы является продолжением классической традиции, основанной на миметической теории драмы Аристотеля. Вторая модель, новаторская по своей сути, основана на традиции шекспировской драмы, продолженной и доведенной до совершенства европейскими романтиками.

1. Салынский А. М. Современность – душа драматургии // Драматургия и время. – М., 1974.
2. Фридрих Ницше. Так говорил Заратустра. Книга для всех и не для кого. – М., 1990.
3. Leslaw Eustachiewicz. Dramat europejski w latach 1887-1918. – Warszawa, 1993.

Кондратюк Г. Н. (г. Киев, Национальный педагогический университет им М. П. Драгоманова)

НЕМЕЦКИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ КРЫМСКОЙ АССР В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1920 – 1930 гг.)

Украина является многонациональным государством. Одним из главных вопросов государственного строительства на современном этапе выступает гармонизация международных отношений. Автономная Республика Крым – особый регион Украины. Крым всегда отличался многонациональным составом населения. В Крым, на свою родину, возвращаются депортированные народы: крымские татары, армяне, греки, немцы. Осуществляется сложный процесс их обустройства, в том числе создания национальных школ. Чтобы лучше прогнозировать и направлять развитие международных отношений, образования в Крыму, необходимо изучить опыт 1920-1930-х годов.

Этот период существования Крымской АССР отличался проведением политики коренизации, создания национальных районов и органов местного самоуправления, ведении делопроизводства на языках населения, которое проживало в конкретном регионе, работой национальных школ и учебных заведений, готовивших специалистов. В Крымской АССР были созданы два немецких национальных района: Биюк-Онларский и Тельман-

ский, существовали сотни начальных школ, пять школ второй ступени и два немецких техникума: педагогический и сельскохозяйственный.

Цель данной статьи – изучить состояние немецких учебных заведений в Крымской АССР в 20-30-х годах, роль немецкой интеллигенции в сохранении родного языка, значение религии для национальной идентичности.

Изучение развития немецкого образования в Крымской АССР современными исследователями осуществлялось в общем контексте работы национальных школ в межвоенный период. Большое внимание со стороны историков вызвало состояние немецких школ в дореволюционный период [1].

При подготовке статьи использованы материалы Государственного Архива Автономной Республики Крым (ГААРК): фонды П.-1 Крымского обкома ВКП(б); Р.-652 СНК Крыма; Р.-663 ЦИК Крымской АССР; Р.-20 Народного комиссариата просвещения; статистические сведения Крымского Центрального Статистического Управления; публикации в педагогическом журнале 1920-х годов "Пути коммунистического просвещения" и газете "Красный Крым".

По переписи, проведенной в апреле 1921 года, в Крыму проживало 720 373 человек [2, 54]. Немцев насчитывалось 42 350 человек, что составляло 5,8 % общего количества жителей. 92 % немцев являлись жителями сельскохозяйственных колоний [3, 5]. Руководство народным образованием в 1921 году осуществлял один из отделов Крымревкома. В связи с созданием в ноябре 1921 года Крымской АССР начал функционировать Народный комиссариат просвещения. На 1 января 1922 года в Крымской АССР насчитывалось 275 немецких школ I ступени и 5 школ II ступени. Детей в возрасте от 3 до 7 лет – 4 000, школьников от 8 до 15 лет – 7 000 [4, 283]. В 1921 – 1922 годах Крым поразило бедствие голода, очень негативно сказавшееся на немецких школах. Хозяйство немецких колоний пришло в упадок, средств на содержание школ практически не было. Голод, экономическая разруха, реквизиции продовольствия привели к уменьшению количества немецких школ: "Подавляющее большинство еще недавно образцовых немецких колоний (особенно Джанкойского округа) представляют в настоящее время печальную картину полнейшего хозяйственного разорения...из 200 с лишним немецких школ I ступени в твердую сеть ОНО включены лишь несколько десятков, а остальные впадают в потрясающе-печальное существование" [5, 3].

Несмотря на сложные материальные условия, власти стремились взять под свой контроль учебный процесс. Летом 1921 года были проведены две немецкие учительские конференции. Работой конференций были охвачены почти все учителя [6, 2]. По итогам работы конференций Наркомпрос сделал следующий вывод: "Состояние образования среди немцев в Крыму неудовлетворительно. В ряде школ преподают Закон Божий, значительная часть учителей исполняет обязанности кюстера, в некоторых деревнях содержание учителей возлагается на тех родителей, которые посылают своих детей в школу" [7, 1]. В докладе немецкого бюро крымского обкома в 1921 году указывалось: "Учительство в колониях пользуется большим влиянием и играет роль идеального руководителя деревни" [8, 178].

В первой половине 20х годов учителя немецких школ оказались в сложном положении. Власти требовали изменения их системы взглядов, сформированного мировоззрения, методов преподавания. Учитель должен был стать проводником новой идеологии в колониальную среду. Большевицкая пропаганда в массе учителей отвергалась. Часть педагогов была вынуждена покинуть школы. Среди причин ухода были: "...неясность, неопределённость, трудность программы и новых методов преподавания и какая-то нравственная неудовлетворённость результатами своих трудов гонят учителя из школы" [9, 116].

Особое недовольство инспекторов Наркомпроса вызвала религиозность учащихся-немцев: "Фактически немецкая школа не отделена от церкви. Занятия во многих местах происходят в церквях под иконами, учебники имеются исключительно религиозные" [10, 13].

В 1923 году в Крыму насчитывалось 271 немецкая колония с 41 491 жителями. В Симферопольском округе располагалось 72 колонии, в Джанкойском – 86, в Евпаторийском – 68, в Керченском – 6 и Феодосийском округе – 39 колоний.

Население немецких колоний к деятельности новых органов власти отнеслось очень сдержанно. Устоявшийся духовный мир колонистов не мог быть сразу же изменён. Пропаганда советской власти не находила среди колонистов понимания. Население дистанцировалось от политической жизни, так как у властей сложился стереотип восприятия всех немецких колонистов как кулаков.

С преодолением последствий голода, улучшением экономического положения в 1924 году, жители немецких сел отремонтировали школьные здания, обрабатывали школьные участки земли. В 1924 – 1925 учебном году в Крыму насчитывалось 139 немецких школ I ступени, в 1925 – 1926 учебном году – 131, в 1926 – 1927 году – 144 [12, 28]. Из 144 школ I ступени 141 работала в сельской местности. Одна начальная школа приходилась на 285 немцев. Для сравнения: у русских жителей Крымской АССР 1 школа I ступени приходилась на 780 человек, у крымских татар – на 426 человек и у болгар – на 780 жителей [13, 126]. Отличительная особенность немецких школ Крыма состояла в том, что преподавание осуществлялось на родном языке. А в греческих, армянских, еврейских школах, считавшихся национальными, учебный процесс осуществлялся на родном языке. Это объяснялось отсутствием преподавателей и учебной литературы. В немецких школах работали опытные преподаватели, хорошо владевшие родным языком. Значительную помощь учителям оказывала постоянно действовавшая немецкая программно-методическая комиссия при Академическом Совете Наркомпроса Крымской АССР. Комиссия существовала с 1925 года и ею была "проведена огромная работа по проработке и просмотру подготовленных к печати немецких учебников, по проработке программ, разработанных немецкими учительскими курсами, ...по проработке учебных планов немецких школ второй ступени" [14, 10].

Авторитет учителя, как и пастора, у колонистов был очень высок. "Заметна тягость к старым учителям, которые, нужно сказать, умело привязали к себе детей. С чувством глубокого уважения к своим старым педагогам относятся даже и взрослые" [15, 90]. С целью идеологического воздействия на немецких учителей, их советизации, ознакомления с принципами советской школы НКП Крыма проводились курсы по переподготовке. Так, летом 1926 года в их работе приняло участие 88 немецких учителей [16, 37-41]. Крымский обком ВКП(б) перед Наркомпросом Крыма ставил задачу "...постепенной замены политически непригодных учителей более близкими к нам, а равным образом и задачу систематического насыщения преподавателями-коммунистами учебных заведений..." [17, 53]. Замена немецких преподавателей была начата с обществоведов. Во все немецкие школы II ступени были направлены для работы члены ВКП(б). Их задача состояла также и в контроле за настроениями в педагогических коллективах немецких школ. Так, в школу менонитской колонии Карасан был послан пропагандист Ротмунд. Партийная пропаганда не могла найти почвы среди менонитской молодежи: "Учащиеся всех групп...открыто и неоднократно заявляют обществу, что они совершенно другого мировоззрения, ...отказываются писать сочинения на обществоведческие темы, учком выносит постановление о нецелесообразности дальнейшей выписки из Германии пролетарского журнала, как противного и им не нужного..." [18, 3 об]. Немецкая интеллигенция: учителя и священнослужители не могли воспринять коммунистической идеологии, которая противоречила их религиозному мировоззрению: "Идеологическое настроение немецкой интеллигенции далеко не советское, оно к партии и Советской власти не приближается, за исключением малой группы, которая к общему числу составляет не более 1 %, остальная часть мелкобуржуазная" [19, 138].

Отличительной особенностью немецкого национального образования в Крымской АССР в рассматриваемый период было наличие школ II ступени. Это позволяло сохранить преемственность в получении образования на родном языке. В отличие от немцев в 20-х годах у караимов, крымчаков, армян, греков, работали только школы I ступени.

Закончив начальную школу, дети попадали в другую языковую среду. При этом подчас они плохо владели русским языком. Школа II ступени была источником студентов в техникумы и институты. Наркомпросом АССР Немцев Поволжья в 1927 году были предоставлены 20 мест в техникумах городов Маркштадт, Бальцор, Красный Кут и Ровное для немецкой молодежи Крыма [20, 3].

Вопросы развития образования были внесены в повестку дня работы II Всекрымской немецкой беспартийной конференции, проходившей в Симферополе 16-29 мая 1927 года. В резолюции, принятой по докладу наркома просвещения Крыма, ставились задачи увеличить количество начальных школ, превратить Окрещскую школу в Крымский Немецкий Педагогический техникум [21, 30].

Акценты в культурном строительстве в начале 1930-х годов изменяются. XVI съезд ВКП(б) в 1930 году принял решение о введении всеобщего обязательного начального обучения и полной ликвидации неграмотности. Но для немцев Крыма этот вопрос не был актуальным. Еще всесоюзная перепись декабря 1926 года зафиксировала 94,3 % грамотных среди детей школьного возраста до 19 лет; 20-24 года – 93,9 %; 25-29 лет – 95 %. Даже среди немцев старше 60 лет грамотных насчитывалось 88,9 % [22, 19].

В начале 30-х годов в Крымской АССР были созданы два национальных немецких техникума: педагогический и сельскохозяйственный. Профиль техникумов был обусловлен социальной структурой немцев Крыма и потребностями в квалифицированных кадрах. В Окрещском немецком педагогическом техникуме в сентябре 1932 года учебный процесс осуществлялся 17 преподавателями, из них 10 человек с высшим образованием, что выгодно отличало техникум от подобных учебных заведений [23, 12]. В техникуме обучался 91 учащийся, из них 86 немцев [24, 14]. Крымский немецкий техникум механизации с.х. готовил техников-механиков для зерновых совхозов и МТС. В 1933 году в техникуме обучалось 293 учащихся. Учебный процесс вели 19 преподавателей. Занятия проводились на немецком языке по всем предметам, за исключением военного дела [25, 16].

С середины 30-х годов национальный характер немецких школ вытесняется путём введения новых программ, идеологизации учебного процесса, подбора соответствующего кадрового состава учителей. Постепенно немецкие школы из национальных превращаются в школы с немецким языком обучения. В 1938 году ЦК ВКП (б) и СНК СССР было принято постановление "Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей". Этот документ означал курс на русификацию национальных школ [26, 27]. 24 января 1938 года Оргбюро ЦК ВКП (б) приняло документ "О реорганизации национальных школ". В порядке реализации этого решения Наркомпрос Крымской АССР постановил перевести из 17 начальных, 3 неполных средних и 1 средней немецкой школ в близлежащие русские школы; ликвидации подлежали 40 смешанных русско-немецких школ; в 51 начальной, 7 неполных средних и 3 средних немецких школах обучение было переведено на русский язык по программам школ обычного типа [27, 48-54]. 123 немецкие школы были закрыты.

Таким образом, 20-30-е годы явились временем огромных перемен в жизни немцев Крымской АССР. С установлением советской власти в Крыму, в первой половине 1920-х годов количество начальных школ в немецких колониях сократилось. Несмотря на сокращение количества школ, уровень грамотности немцев был всё же существенно выше, чем у греков, армян, болгар, крымчаков. Роль религии, духовного воспитания молодёжи была очень значительная. В немецких школах до 1920 года стремились воспитывать цельную личность. Морально-этический компонент в учебном процессе был очень значителен. Участие пасторов в учебном процессе в 1920-х годах является отличительной чертой образовательного процесса в немецких школах. На протяжении 1930-х годов через кадровую политику, содержание учебных планов национальный характер немецких школ был утерян. В порядке выполнения партийной директивы "О реорганизации национальных школ" были закрыты 123 немецкие школы. В существовании немецких школ в Крыму была поставлена точка.

1. Ганкевич В. Ю. Система народного образования в немецких колониях Таврической губернии на рубеже XIX – XX вв. // Немцы в Крыму. – Симферополь, 2000; Кащенко С. Г. Система образования и религиозные верования немецкого населения Крыма (конец XIX – начало XX в.) // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. – 1994. – № 5. – С. 3-9.
2. Отчёт Крымского экономического совещания на 1 октября 1921 г. – Симферополь: Госиздат, 1921. – 57 с.
3. Статистико-экономический атлас Крыма. – Симферополь: Издательство Крымского Статистического Управления и Крымиздат, 1922. – 50 с.
4. Государственный архив Автономной Республики Крым (далее – ГААРК). Ф.Р. 652, оп. 1, д. 47, л. 283.
5. Красный Крым. – 1923 – 20 февраля.
6. ГААРК. Ф.П. 1, оп. 1, д. 199, л. 2.
7. ГААРК. Ф.П. 1, оп. 1, д. 292, л. 1.
8. ГААРК. Ф.П. 1, оп. 1, д. 105а, л. 178.
9. ГААРК. Ф.П. 1, оп. 1, д. 554, л. 116.
10. ГААРК. Ф.П. 1, оп. 1, д. 106, л. 13.
11. ГААРК. Ф.П. 1, оп. 1, д. 192, л. 2.
12. ГААРК. Ф.Р. 20, оп. 3, д. 47, л. 28.
13. ГААРК. Ф.Р. 20, оп. 3, д. 47, л. 126.
14. ГААРК. Ф.П. 1, оп. 1, д. 698, л. 10.
15. ГААРК. Ф.П. 1, оп. 1, д. 554, л. 90.
16. Пути коммунистического просвещения. – 1926. – № 8-9.
17. ГААРК. Ф.Р. 20, оп. 3, д. 47, л. 53.
18. ГААРК. Ф.П. 1, оп. 1, д. 699, л. 3 об.
19. ГААРК. Ф.П. 1, оп. 1, д. 824, л. 138.
20. Красный Крым. – 1927. – 16 июля.
21. ГААРК. Ф.П. 1, оп. 1, д. 700, л. 30.
22. Бюллетень Крымского ЦСУ. – 1928. – № 9.
23. ГААРК. Ф.Р. 20, оп. 3, д. 47, л. 12.
24. ГААРК. Ф.Р. 663, оп. 1, д. 1843, л. 14.
25. Там же. Л. 16.
26. ГААРК. Ф.П. 1, оп. 1, д. 1861, л. 27.
27. ГААРК. Ф.П. 1, оп. 1, д. 1864, л. 48-54.

Коглюхин В. В., Крюков В. М. (г. Брест, БрГУ им. А.С. Пушкина)

РЕЦЕПЦИЯ РИМСКОГО ПРАВА В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬИ

Национальные правовые системы на основе определённых критериев (таких как структура права, особенности теории практики определения источников права, представления о месте и роли права в жизни общества и государства, применяемая в рамках тех или иных правовых систем юридическая техника, философские, политические, религиозные и иные основы и принципы построения) принято классифицировать по различным типам, группам или семьям. С разрушением СССР и переходом на другие общественно-политические и экономические рельсы стран Восточной Европы заметно уменьшилась сфера распространения семьи социалистических правовых систем, и в то же время увеличилась потребность в усвоении законодательной системы континентального права романо-германской правовой семьи.

Общепризнанным центром развития этой системы считается континентальная Европа. Свое историческое и генетическое начало она берет в Древнем Риме. Её истоки на-

ходятся в римском праве. Именно в этом заключается её главная особенность по сравнению с другими правовыми семьями и по отношению к другим её особенностям.

За пределы континента романо-германская правовая семья распространялась за счёт колонизации европейскими странами других стран, насильственной экспансии романо-германской правовой семьи в неевропейские страны, а также за счёт добровольной рецепции, усвоения и перенесения ряда положений этой семьи.

В своем развитии романо-германская семья прошла три периода. В первый период вплоть до XIII века шёл процесс накопления соответствующих источников из элементов обычного права германских, славянских, нордических и иных племен-законов варваров. Наиболее известными из записей обычаев являлись «Саксонское зеркало» и «Швабское зеркало». Широко использовались кодекс, дигесты и институции Юстиниана, а также приспособленные к новым условиям источники римского права.

Римские источники осваивались по мере формирования германского государства, которое образовалось на землях восточных франков после распада их империи. Основную его территорию составляли 5 германских герцогств – Саксония, Франкония, Швабия, Бавария, Лотарингия, а также присоединенные итальянские и славянские земли. В X-XII вв. Германия представляла собой относительно централизованное государство. В ходе длительной борьбы германских королей за завоевание Италии и противоборства с папской властью образуется «Священная римская империя», Оттон I принимает в 962 г. титул императора. Однако после гибели династии Штауфенов в борьбе с римскими папами в Германии с 1250 по 1273 гг. не было императора, многие коронные земли и имперские регалии были присвоены князьями.

Второй период (XIII-XVIII) характеризуется влиянием эпохи Возрождения, проявившегося вначале в Италии, на рубеже XIII-XIV веков, а позднее распространившимся на всю Западную Европу. Ренессанс символизировал собой обращение к культурному наследию античности, что проявлялось во многих аспектах, в том числе и юридическом. За правом опять были признаны значимость в обществе, его собственная роль и автономия. Передовые юристы и философы требовали от властных структур, чтобы все общественные отношения строились только на праве, чтобы был положен конец режимам анархии и произвола.

Система романо-германского права набирала силу как раз в то время, когда страны ареала ее распространения не были объединены и сама мысль об объединении казалась несбыточной. «Золотая булла», изданная в 1356 году при императоре Карле IV, закрепила феодальную раздробленность и установила выборную монархию на условиях «избирательных капитуляций». Кроме императора существовало ещё два общеимперских института: рейхстаг и имперский суд. Романо-германская правовая система не основывалась на идеях централизации и каких-то политических тенденциях; её фундаментом служила общность культуры и традиций европейских стран.

Учреждённый в 1495 году имперский суд сыграл немаловажную роль в рецепции римского права на территории Германии. Уже в 1495 году римское право было признано основным источником права империи и рецептировано в полном объёме, в результате чего стало создание кодексов уголовного и гражданского права.

Основным средством углубления и распространения идей романо-германского континентального права стали европейские университеты. В них впервые была осознана и популяризирована идея рецепции римского права. Эта университетская трактовка подразумевала не исторический подход, не как нечто (то, что делается на самом деле), а как должное (то, что нужно делать). Рекомендовалось рассматривать право не столько в чисто практическом, сколько в академическом плане. Нормы римского права исследовались как модель социальной организации, как догма, каркас для «наполнения» принципами гуманизма, добра и справедливости.

Третий период характеризуется усиленным развитием законодательства в европейских странах и кодификацией. Буржуазные революции коренным образом изменили или полностью отменили феодальные правовые институты. Революционные процессы превратили закон из второстепенного по своей значимости источника, в основной источник (догмат) романо-германского права. Отныне кодексы, наряду с обычными текущими законами, регулирующими все наиболее важные сферы общественной жизни, являются в романо-германском праве ведущими источниками.

Среди основных причин рецепции (второго рождения) исследователи выделяют следующие:

1) римское право давало готовые формулы для юридического выражения производственных отношений развивающегося товарного хозяйства;

2) короли, находя в римском праве государственно-правовые положения, обосновывающие их претензии на абсолютную и неограниченную власть, использовали их в борьбе с церковью и феодальными сеньорами;

3) повышение интереса к римскому праву в силу широкого обращения эпохи Возрождения к античному творческому наследию.

Русский ученый XIX века Д. Д. Grimm сформулировал основания для разграничения исторических и догматических способов рецепции римского права. При историческом изучении, считал учёный, исследуется последовательная смена правовых институтов во времени в зависимости от изменяющихся условий жизни данной общественной среды, а при догматическом – анализируются эти же правовые институты в том виде, в каком они представляются при данных условиях места и времени [2, 6].

Употребляя догматические подходы к изучению римского права, мы не имеем в виду возврат к догматизму и схоластике. Под догмой в нашем смысле современная теория права имеет в виду общепринятые в юриспруденции исходные, основные положения о позитивном праве, его установлении и действии. «Догма или догмат значит учение несомненное, истинное. Есть, например, богословская догматика, содержащая несомненные истины вероучения, от которых не должны уклоняться верующие. В том же смысле и юридическая догматика ведёт речь о твердо сложившихся правоучениях, которых должна держаться юридическая практика» [4, 4].

Учение о догме права чаще заменяют другими терминами, поскольку догматизм использовался скорее в критическом смысле; поэтому чаще читают курсы «основы» права, говорят о «доктрине» права (хотя не в чести и доктринеры). «Доктрина права» – это собирательное понятие для обозначения всей совокупности юридических трактовок и суждений о позитивном праве, составляющих основы догмы права [9, 382]. С помощью догматического анализа те же правовые институты рассматриваются в а с т ы в ш е м виде, без учёта определенного места и времени; применяется этот метод для познания содержания права как нормативного явления, как нормы права [6, 142].

Догматический способ изучения римского права преследует практическую цель – совершенствовать современную теорию права опираясь при этом на правовой фундамент созданный в период правления императора Юстиниана. Нам интересна не сама история римского государства и права, сколько возможность использовать наработанные и закреплённые в теории фундаментальные позиции. «Современное римское право», по которым понималось существовавшее в Европе в XIX в. частное право, «это – общена родное римское право (Jus gentium) за вычетом рабства и других институтов, умерщвлённых современной культурой, с изменениями и дополнениями, которые вызваны успехами европейской цивилизации» [4, 6].

Изучение римского права начинается с XI века. Большую роль в этом сыграл Болонский университет, при котором была создана школа глоссаторов – комментаторов рим

ского права, Итогом работы этой школы стало издание в XIII в. юристом Аккурсием сборника, обобщающего более 96 тысяч глосс (комментариев). С XIV в. на первый план выходит школа постглоссаторов, очистившая и переработавшая римское право в соответствии с потребностями времени, т. е. выполнила историческую функцию. Именно системная обработка римского права применительно к нормам канонического, городского и обычного права вывела его за рамки академической среды, сделала возможным восприятие его судебной практикой.

Большие города Европы, имевшие высокий уровень товарно-денежных отношений, нуждались в более высоком уровне проработки правовых норм. Со временем они подчиняли своему влиянию менее развитые города. Так, северогерманский город Любек имел более 100 дочерних в юридическом отношении городов. А влияние магдебургского права было распространено на значительную часть Восточной Европы и Лондон; магдебургское право было своеобразной частью законодательства Великого княжества Литовского. Первыми на территории Беларуси магдебургское право получил Брест (1390), потом Гродно (1391), Слуцк (1441), Высокое (1494), Полоцк (1498), Минск (1499).

По другим источникам основателем науки догмы римского права признается итальянский учёный-филолог Ирнерий, который в конце XI в. стал публично преподавать римское право. Согласно дошедшей до нас легенде некий профессор теологии обратился к «грамматику» Ирнерию в Болонии за помощью в разъяснении встретившегося в Евангелии от Матфея (Матф., X, 29) термина «асс». Ирнерий же в процессе разъяснения настолько увлёкся изучением римских юридических памятников, «дотоле будто бы неизвестных», что сделал их предметом своего преподавания [8, 458].

В эту легенду верили до XIX века, затем стали высказываться отдельные сомнения в заслугах Ирнерия как первооткрывателя науки догмы римского права. Например, ... «быстрый рост авторитета римского права от Ирнерия до Ацо. В связи с высоким научным достоинством ирнериевых работ заставляют предполагать, что научное изучение римского права началось задолго до того времени, когда Ирнерий привлек к себе всеобщее внимание как родоначальник новой школы юристов, известных под именем болонских глоссаторов» [1, 23; 11, 26-27].

Некоторые исследователи утверждают, что наука римского права Ирнерия имела своим основным источником вовсе не античное право античного Рима, а исключительно позднейшее Византийское право. «На самом же деле он, конечно, заново творил право, приспособлявая византийскую юриспруденцию к современной ему действительности. С полным правом мы можем сказать, что так называемое римское право есть лишь апокрифированное для авторитетности в древность Болонское право» [10, 311].

По мнению авторитетных исследований, идеально чистое римское право никогда не применялось в качестве универсальной теории гражданского права [3, 25; 8, 460]. Уже упоминавшийся нами Грабарь В. Э., на которого мы ссылались выше, так и оценил школу глоссаторов и относившегося к ним Ирнерия, что «они желали облечь современные им общественные отношения в римскую правовую одежду, не справляясь с тем, придется ли она по телу. Такого вопроса они себе не задавали. Для них казалось совершенно ясным, что в случае разногласия между действительностью и правом (римским) уступить должна действительность, а не право. На деле случилось иначе. Под римским покровом скрывалась правовая фигура германского варвара. Её контуры были заметны с самого начала. По мере того, как покров приходил в ветхость, скрытая им фигура выделялась резче, Одежда оказалась в одном месте мешковата, в другом тесна; некоторые части тела остались непокрытыми. Волей-неволей пришлось перекраивать и перешивать, местами латать, вставляя новые куски. В результате получилась новая одежда, некрасивая, правда, но более удобная и лучше отвечающая своему назначению» [1, 29].

В какие бы классовые, идеологические, религиозные, национальные и прочие покровы не облекалось частное право, в основе его остаются существенные составляющие (догмы) римского права. Точно так же (да простятся приземленные сравнения), например, в футболе: какие бы схемы ни исповедывали тренеры – в основе остаются ворота, поле, игроки и мяч. Поэтому даже В. И. Ленин предупредил разработчиков Гражданского кодекса, что ряд правовых ограничений «в духе наших законов» не должен вести к стеснению хозяйственной и торговой работы» [5].

Жизненность римского права, как и любой другой правовой системы, можно выразить пророческими словами Крониды Малышева, утверждавшего, что вообще «организм права есть нечто вечное; в том или другом виде он будет существовать до тех пор, пока живут люди и существует общественный быт» [7, 17].

В настоящее время существуют две основные системы изложения римского права: римская (институционная) и германская (пандектная).

Институционная система получила своё название по структуре римских учебников права – институций и состоит из трёх частей: 1) учения о субъекте права; 2) учение об объекте права; 3) учения о судебной защите. По этой системе построен французский гражданский кодекс, включающий три книги и предварительный раздел, содержащий общие положения о публикации, действии и применении законов.

Германская (пандектная) система изложения догмы римского права своё название получила в связи с тем, что по такой системе излагался курс пандектного права преимущественно в немецких университетах. Основоположником является германский юрист Густав Гуго. Её характерной особенностью является искусственное деление отрасли на Общую и Особенную части. Авторитеты в изучении римского права считают, что «система германская имеет несомненные преимущества перед римской, так как ею устанавливается совершенно правильная классификация правоотношений по их возрастающей сложности от вещных прав, как самых простых, затем обязательственных, семейных и наследственных, как самых сложных» [12, 31].

Общую часть составляют универсальные нормы, которые реализуются во всех частях Особенной части. К примеру, это нормы, определяющие круг регулируемых отношений, основания возникновения гражданских прав и обязанностей, общие условия осуществления прав и исполнения обязанностей, способы защиты прав и так далее.

Особенную часть формируют:

- 1) нормы права собственности и иных вещных прав;
- 2) нормы обязательственного права;
- 3) нормы наследственного права;
- 4) нормы семейного права.

Пандектная система характерна именно для германского частного права, а также для всех иных кодификаций, построенных по этой модели. Сюда относятся российские и белорусские гражданские кодексы, по данному образцу построены и многие другие, включая кодексы Японии, Китая, Греции и так далее.

1. Грабарь В. Э. Римское право в истории международно-правовых учений // Учёные записки императорского Юрьевского университета. – Юрьев, 1901, № 1.
2. Гримм Д. Д. Лекции по догме римского права. Пособие для слушателей. – СПб., 1910.
3. Документы по истории университетов Европы XII-XV вв. – Воронеж, 1973.
4. Ефимов В. В. Догма римского права. Учебный курс. – СПб., 1901.
5. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 44. – М.
6. Лукич Р. Методология права. – М.: Прогресс, 1981.
7. Малышев К. Курс общего гражданского права России. Т. 1. – СПб., 1978.

8. Муромцев С. Римское право в Италии XI-XV столетиях. Очерк 2 // Юридический вестник. Кн. 3 (март). – М., 1885.
9. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. Учебник для юридических вузов и факультетов. – М.: Издательская группа «Норма-Инфра», 1999.
10. Постников М. М. Критическое исследование хронологии древнего мира. Восток и средневековье. Т. 3. – М.: Крафт плюс, Леан, 2000.
11. Ткаченко С. В. Юридический способ изучения римского права // Труды СГУ. Вып. 50. – М., 2002.
12. Шершеневич К., Анненкова К. Система русского гражданского права. Т. 1. – СПб., 1899.

Санюкевич Л. П. (г. Брест, БГТУ)

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В АМЕРИКАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Анализируя ситуацию с новыми иностранными языками в среднем и высшем образовании США, американские исследователи Генри Купер, Нелли Фурман, Петер Уве Хозндаль, Эльвира Гарсиа приходят к единодушному выводу: все меньше абитуриентов обращают свои взоры к европейским языкам – русскому, французскому, немецкому, английскому (испанский язык является заметным исключением в силу демографического фактора) – и литературе на этих языках, делая выбор в пользу сравнительно молодой области 'communication studies', объектом исследования которой являются современные средства информации. Эту новую дисциплину обычно читают не в колледжах гуманитарных и естественных наук, а в технических школах. Помимо курсов, изучающих проявление рыночных сил и обучающих применению особых технологий, в рамках дисциплины 'communications' предлагаются также курсы анализа средств информации – от риторики до кино, которые чаще всего ведут доктора наук с традиционных кафедр английского языка, театрального искусства и сравнительной литературы. Отмечается также возрастание интереса к междисциплинарным программам. Все это выдвигает на повестку дня вопрос о роли новых европейских языков в американском вузе [1; 65],[2; 69],[3; 82],[4; 137].

Государства старой Европы – Франция, Германия, Италия, Испания, Соединенное Королевство – некогда были противниками на политической арене. Их общества сформировались как нации в силу таких факторов, как национальный язык, национальные границы и национальная история. Огромную роль в формировании национальных образований сыграло развитие мощной технологии – индустриализации печати. Бенедикт Андерсон описал роль печатной культуры в распространении информации и декретов централизованного государства, что способствовало объединению людей в "воображаемые сообщества, называемые нациями" [5; 6]. По его мнению, два жанра – роман и газета – имели особенно важное значение для становления наций. Более того, печатная культура с её морскими и географическими картами дала возможность национальным правительствам развернуть колониальную экспансию [5; 25].

Кратко вспомним основные вехи в развитии лингвистической ситуации в США, начиная с Кентуккской конференции по иностранным языкам (1948 г.), когда преподаватели новых языков впервые собрались в Кентуккском университете для обсуждения стоящих перед ними задач, а именно: восстановления контактов с коллегами внутри страны и за рубежом и пересмотра целей, преследуемых программами по иностранным языкам после потрясений мировой войны. С окончанием второй мировой войны в США наступил период исторического оптимизма: поражение Германии и Японии привело к тому, что Соединенные Штаты приняли вызов глобального руководства, так как европейские дер-

жавы были больше не в состоянии господствовать на мировой арене. Новая глобальная миссия супердержавы открыла новые перспективы для кафедр иностранных языков, возможности, которые вскоре трансформировались в жесткие формы холодной войны, когда любое политическое или культурное событие рассматривалось в аспекте его функции в борьбе между демократией и тоталитаризмом. Поражение национал-социализма во второй мировой войне остро поставило задачу ревизии ценностей и возможностей использования немецкой культуры как одной из составляющих мирового опыта.

Программы по языку и литературе надлежало подвергнуть критической переоценке и реформированию, четко определив их роль в преобразовании и расширении американского университета, которому предстояло превратиться из университета для привилегированных социальных слоев в университет для широких масс. По мнению Петера Уве Хозндаля, профессора немецкой и сравнительной литературы Корнеллского университета, окончание холодной войны оказало большее воздействие на американское постсреднее и высшее образование, чем это осознается многими [3; 83]. Явным подтверждением данной точки зрения являются естественные науки. Модель политической конфронтации, когда все общество было пронизано ожиданием глобального конфликта, поощряла крупные правительственные ассигнования. Университетам выделялись большие суммы под фундаментальные исследования, результаты которых можно было использовать в оборонной технологии. Языковые кафедры, хотя и в меньшей степени, тоже участвовали в этом процессе. Так называемый спутниковый эффект конца 50-х годов привел к тому, что языки стали рассматриваться как орудие критики в продолжающейся конфронтации. Если 60-е годы были периодом расширения, то в 70-х годах академический рынок труда начал приходить в упадок, а традиционная структура кафедр иностранных языков пережила большое потрясение, вызванное отменой вступительного экзамена по иностранным языкам. Теоретическое мировоззрение 80-х годов изменило прежние представления об их роли. Начиная с 70-х годов XX века, традиционным кафедрам пришлось разделить юрисдикцию и распространение знаний с тематически ориентированными междисциплинарными программами, такими как африканские исследования, культурологические исследования, еврейские исследования, исследования сексуальных меньшинств, латиноамериканские исследования, исследования, посвященные коренным американцам, исследования движения за мир, гендерные исследования и т. д.

По сравнению с атмосферой первых послевоенных лет современная ситуация на рынке труда продолжает ухудшаться. Американские университеты переживают бюджетный кризис, что проявляется в сокращении финансирования. Университетская администрация стремится упростить структуру университета, критически относясь к программам со сравнительно высокими расходами на инфраструктуру типа небольших отделений иностранных языков. Чем больше торговая или промышленная корпорация становится моделью американского университета, тем меньше остается надежд на сохранение традиционных учебных заведений и программ. Другим симптомом кризиса является значительное сокращение с 1991 года приема на лингвистические специальности, зафиксированное Ассоциацией Новых Языков США. Если факультеты французского языка потеряли около 25 % по сравнению с предыдущими наборами, то факультеты немецкого языка снизили прием на 27,8 %. В связи с этим университетам и колледжам требуется меньше преподавателей французского и немецкого языка, по крайней мере, штатных преподавателей. Университеты отреагировали на этот кризис тем, что, пытаясь сохранить максимальную финансовую гибкость, стали чаще прибегать к услугам преподавателей с почасовой формой оплаты труда.

Миссия и функции американского постсреднего образования также подверглись прямому и опосредованному воздействию окончания холодной войны. Американский исследовательский университет (государственный и частный), около полувека являющийся двигателем

технического и экономического прогресса и в силу этого необходимый для социальных преобразований, начал терять свою решающую роль. Маргинальное развитие этого процесса, несомненно, отразится и на меньшем по размерам колледже гуманитарных наук, чьи выпускники поступают в крупный исследовательский университет.

Американские колледжи и университеты сражаются сегодня в изоляции. Как федеральное правительство, так и власти штатов урезают финансирование серьезных учебных и исследовательских программ, разработанных в 70-е и 80-е годы. Политические и экономические руководители государства больше не ощущают настоятельной необходимости поддерживать эти программы, так как, на их взгляд, они не играют заметной роли в современной экономике. Ухудшению ситуации, в которой оказались университет и колледж, способствовала и публично провозглашенная кампания за приватизацию общественных функций.

Человеческое сообщество живет сейчас в "глобальной деревне" в канун нового политического порядка, обусловленного транснациональным характером крупных рынков, и на пороге нового технологического века, когда электронная связь вытесняет печать. Неудивительно, что абитуриенты проявляют малый интерес к традиционным дисциплинам гуманитарных и общественных наук, возникшим более века тому назад в эпоху национальных границ и печатной культуры. Кафедры, организованные с учетом такого критерия как национальные границы (Франция, Италия, Германия) или языковые семьи (романская, славянская) являются пережитком прошлого и волей-неволей вынуждены приспособляться к новому мировому порядку [2; 69]. Наиболее привлекательными для студентов XXI века являются междисциплинарные и страноведческие программы, а также исследования средств информации и рыночных сил [2; 70]. Ввиду этих перемен, чтобы активно участвовать в духовной жизни нового общества, кафедры европейских языков и литератур должны пересмотреть цели, круг дисциплин и предлагаемые курсы.

В американском образовании изучение иностранных языков, литературе на иностранных языках и лингвистике традиционно рассматривалась как самостоятельная дисциплина, выполняющая свою гуманистическую миссию. Однако сокращение бюджетных ассигнований на образование требует заменить элитарный подход, трактовавший каждый язык и каждую область изучения языка как автономные, прагматическим.

Полемизируя с теми, кто видит миссию иностранных языков в аспектном обучении языку, литературе, лингвистике, культуре или междисциплинарным курсам в соответствии с отдельными для каждого аспекта принципами обучения, профессор германистики Техасского университета Жанет Сваффар считает необходимым для сохранения в XXI веке оптимального количественного состава кафедр иностранных языков пересмотреть статус дисциплины "иностранные языки", выделив общие для всех её аспектов принципы, отличные от других гуманитарных (особенно истории) и общественных наук [6; 157]. По её мнению, принципы обучения иностранным языкам можно вывести из расширенной трактовки социальной роли языка в различных обществах. Цель предмета "иностранный язык" – "научить студентов распознаванию различных типов интенции, заложенных в устных и письменных текстах, и эффективному пользованию языком в культурном сообществе для достижения своих целей" [6; 157].

Статус дисциплины "иностранные языки" определяется такими основополагающими документами, как теоретические основы культурологического подхода, разработанные Джеффри Пеком и Расселом Берманом, и педагогические предпосылки проекта "Стандарты обучения иностранному языку". Данные документы предлагают новую трактовку задач дисциплины: научить языку означает научить идентифицировать и применять альтернативные ценности и системы мысли, выработанные носителями иностранного языка. Оба документа рассматривают язык не как сообщение само по себе, а как сред-

ство изучения индивидуумов в их сообществах. Каждый языковой акт раскрывает новую грань иноязычной культуры, ее истории и ценностей. Дисциплина "иностраные языки" различными способами исследует одну проблему — как индивидуумы и группы используют слова и другие знаки в контексте для замысла, порождения и создания значений. Следовательно, цель данной дисциплины состоит в том, чтобы научить студентов оперировать словами и осознать, что сделано словами в социальном, историческом, политическом и межличностном плане. Все аспекты обучения языку ориентированы на достижение этой цели, но добиваются этому по-своему [6; 158].

Исследователи процесса овладения языком (Патриция Каррел, Джеймс Ли, Кэрол Херрон, Стивен Коль, Хилли Йорк, Поль Линден, Жанет Сваффар, Андреа Влаттен, Кьянг-Э Ча, Ле На Чанг, Мей Линг Ли) выявили ряд принципов, обеспечивающих успешное приобретение лингвокоммуникативной и социокультурной компетенции [6; 161]. По их мнению, учебный план должен быть интегрированным, что предполагает обеспечение непрерывности содержания. Во-первых, включение знакомых тем, жанров и риторических приемов облегчит процесс понимания текстов; во-вторых, при составлении учебных планов для старших курсов и продвинутого уровня необходимо предусмотреть 10-15 минут для аудиторной работы с аутентичными текстами для чтения, снабженными тестовыми заданиями, или с видео для введения темы и её трактовки, чтобы ознакомить студентов с предъявляемыми к ним новыми требованиями; в-третьих, ключевые тексты целесообразно систематически дополнять текстами той же тематики, чтобы облегчить переход от базового комплекта текстов для чтения и базового словаря к специализированным направлениям высшего этапа. Такое "перечитывание" будет способствовать более полному пониманию сути вопроса и запоминанию лексики, объединяющая овладение языком и проникновение в содержание. Согласно последним исследованиям 3-4 текста, объединенных общей тематикой, оказываются более легкими для понимания и расширения запаса лексики и синтаксических структур, чем тексты на разные темы. На старших этапах целесообразно использовать тексты, прочитанные в предыдущих семестрах, или тексты сходной тематики. Непрерывность содержания на всех этапах и уровнях обучения достигается тем, что при работе над разными аспектами языка вновь и вновь обращаются к ключевым текстам, в зависимости от того, какой акцент ставится на трактовке содержания. Так в ходе овладения единым предметом "иностраный язык" осуществляется взаимосвязь между его аспектами.

Кафедры иностранных языков должны определить свою миссию и задачи в контексте всего вуза с учетом кадрового состава кафедры, проанализировав, где обучение иностранным языкам сопрягается с другими дисциплинами, какие внешние факторы типа региональных или городских общественных, социальных и бизнес-проектов могут выиграть от взаимодействия с кафедрой иностранных языков.

Стремительная метаморфоза высшего образования является отражением более широкого структурного преобразования политической и общественной жизни. Какие же выводы следуют из этого, как в данных условиях обучать студентов тонкостям иностранного языка и пользе и ценности иностранной культуры? Петер Уве Хоэндалль утверждает, что традиционная структура американского колледжа и университета сохранилась после второй мировой войны из-за негласного соглашения с обществом в целом. Колледжи и университеты выводились из сферы применения законов рынка. Корпоративная модель мира бизнеса не применялась строго к высшему образованию, рассматриваемому как часть общественной жизни. Процесс создания и передачи знаний не оценивался с точки зрения его немедленной социальной отдачи. Критерий технологического эффекта использовался главным образом в естественных науках, гораздо меньше в общественных. Но тогда этот критерий возводился, прежде всего, государством, а не частным бизнесом.

Знания, обеспечиваемые гуманитарными науками, и особенно кафедрами литературы, выполняли уникальную функцию, являясь своего рода противовесом засилью инструментального разума в научном сообществе. В глазах общественности изучение языков и чтение литературы уравнивало пользу образования в естественных и точных науках. Послевоенный триумф Новой Критики выражал именно такую трактовку гуманитарных наук как привилегированной формы автономии. Пока это равновесие знаний сохранялось, никто серьёзно не оспаривал относительную автономию университета, и его старая структура как сообщества преподавателей, ученых и студентов оставалась неизменной. В определенной степени можно утверждать, что холодная война с её присутствием постоянной угрозы стабильности политической и экономической системы и сохранила университет в его прежнем виде.

Конец холодной войны расторг это негласное соглашение. Сильное государство перестало выступать защитником относительной независимости университета. Границы между общественной и частной сферами все больше сдвигались в сторону частной. Корпоративная модель бизнес-сектора сейчас предлагается в качестве нового критерия измерения экономической эффективности академической сферы, будь то государствен- ный или частный вуз.

С точки зрения Петера Уве Хозндаля, приложение корпоративной модели к университету является большой ошибкой, так как предполагает рыночную ориентацию, которая совершенно непродуктивна. Поэтому необходимо убедить администрацию вуза, что им не следует слепо выполнять требования совета и членов правления, которые часто требуют отчётности, в основном, в финансовом плане. С другой стороны, следует осознать, что сохранение традиционных структур в их прежнем виде невозможно, так как эти структуры были обусловлены историческими обстоятельствами, которые совершенно изменились. Быстро меняющиеся условия требуют выработки новых подходов. Рыночные тенденции мира бизнеса все настойчивей вторгаются в академическую жизнь, поэтому следует придерживаться прагматической стратегии и подумать о том, как использовать корпоративную модель в собственных интересах. Среди положительных моментов данной модели можно назвать стимулирование конкуренции, мобильности, разнообразия и, в пределах рентабельности, нововведений. К негативным моментам следует отнести неуважение традиции (а значит, непрерывности) и преданности вуза факультету и наоборот. Не остается места для прочной и длительной привязанности академическому вузу и его образовательной миссии. Новейшая корпоративная модель в отличие от модели 50-х гг. имеет тенденцию к децентрализации; акцент делается на мобильность и эффективность структурного подразделения.

Здесь таятся возможности для проявления предприимчивости кафедр путем экспериментирования с новыми учебными планами и различными формами организации, желательно, конечно, не запрашивая у декана дополнительных затрат. Эта ориентация относится как к преподаванию языка, так и программам литературы и культурологическим программам. Современные колледжи и университеты легче воспринимают новые и потенциально радикальные идеи, чем прошлое поколение, поскольку в век глобального рынка идеи и продукты, как любой другой потребительский товар, должны пройти испытания, прежде чем их можно продать широкой общественности. Если лет 60 назад государство, выступая в роли защитника, рассчитывало на политическую лояльность факультета в войне с коммунизмом, сейчас идеологическое вмешательство менее вероятно, ограничиваясь больше региональными интересами. Например, баптистский колледж видит свою миссию в контексте определенных религиозных идей и установок, рассчитывая, что профессорско-преподавательский состав воспримет их как систему отсчёта.

Ещё в конце 80-х гг. германисты США начали задумываться о будущем дисциплины. Их проект зародился, как стремление приблизить изучение немецкой литературы и

культуры к американской действительности путем пересмотра границ области. Так называемая американизация германистики бросила вызов устоявшейся немецкой германистике и призвала выработать конкретно американскую повестку. Недавняя горячая дискуссия о культуроведческих исследованиях способствовала развитию дисциплины, так как её участники не просто ратовали за новую методологию, а выступали за множество междисциплинарных подходов, которые бы реконструировали область науки и обеспечили связи с другими дисциплинами в гуманитарных и социальных науках.

Ревизия статуса германистики в 80-х гг. была обусловлена преимущественно внутренними проблемами: во-первых, ощущением изоляции германистики от остального круга гуманитарных предметов, и, во-вторых, все возрастающим осознанием того, что теоретические и методологические посылки того периода не могли объяснить современных культурных проблем. Традиционный акцент на немецкий литературный канон казался особенно неадекватным. Поиски новой теоретической модели, чему способствовали организованные Немецкой службой академических обменов конференции и симпозиумы, первоначально протекали без осознания структурных преобразований, происходивших в американских университетах примерно в то же время. Оглядываясь на недавние события с перспективы сегодняшнего дня, можно увидеть структурную связь. Движение культурологических исследований предвосхитило и явилось откликом на возникающее господство корпоративной модели.

Ответная реакция может проявляться двояко: как форма приспособления, гарантирующая выживание, и как критическая реакция, подвергнувшая сомнению демократический характер нового университета. Последние направления в обучении и исследованиях (феминизм, колониальные и постколониальные исследования, литература меньшинств) носят критическую окраску, которая плохо сочетается с требованием академической эффективности. Колледжи и университеты в основном примирились с этими инновационными программами, обусловленными демократическим развитием общества, поскольку они привлекают интерес студентов. Предпринимательский дух последних десятилетий способствует тому, что инновация кажется гораздо важнее, чем догматическая приверженность старым парадигмам гуманитарных наук, рассматривавшимся консервативными интеллектуалами как выражение национального благополучия.

Парадокс заключается в том, что если в прошлом статус-кво оспаривался критической аргументацией интеллектуалов, трудившихся вне университета, а академическая профессура в своей массе выступала как агенты воспроизводства знаний, то теперь фронт критики переместился в университет, а интеллектуалы общества взяли на себя защиту традиций. Поэтому момент критики стал орудием вузовского преподавателя, который выполняет двойную функцию – преподавателя и интеллектуала, что делает его работу особенно важной для общества. Но какова же роль интеллектуала в аудитории? В современных условиях эта роль предполагает скорее гибкость, чем догматическое противостояние, например, готовность принять и использовать возможности, предоставляемые корпоративной моделью. Конечно, это потребует реструктуризации. В то время как консервативные критики университета хотят вернуть преподавателей к привычной роли воспроизводителей и распространителей устоявшихся форм знаний по знакомым дисциплинарным каналам, необходимо понять, что новый децентрализованный университет с всё расширяющимся раскладом прежних организационных структур и границ поддерживает различные модели производства и распространения знаний. Например, языковые программы должны откликаться как на потребности школы бизнеса, так и технических факультетов, преподаватели которых все больше осознают многоязыковой, международный аспект их проблематики.

Процесс изучения языка не ограничивается, как неоднократно заявляла Клара Крамч, приобретением языковой компетенции. Приобщение к культурному опыту, который тоже является составляющей этого процесса, вполне может скорректировать однобокое по-

нимание специализированного овладения языком. Иными словами, передача специализированного знания и понимание критической перспективы не исключают друг друга. Точно так же, от обычного вводного курса в германскую литературу, традиционного стержня большинства немецких кафедр, не следует отказываться из-за его старомодно-го содержания. Всё зависит от расположения и представления литературных текстов. Если преподаватель выступает не как носитель традиционной лидерности, а как интеллект, старый вводный курс может эффективно реорганизовать мысли студентов.

Предприняв глубокий анализ академической среды с целью определения успешной стратегии для XXI века, Петер Уве Хозндаль предложил следующие рекомендации:

1. Избегать самоизоляции кафедры от других структурных подразделений колледжа или университета, не создавать у декана и завкафедрой английского языка и истории впечатления, что немецкая кафедра просто преследует автономные цели, не имеющие значения для других подразделений. Для выживания немецкой программы важно, чтобы администрация вкупе с соседними кафедрами воспринимали программу как часть более крупной общеобразовательной миссии. Только поддерживая прочные контакты с другими программами и выражая готовность рассматривать собственную программу как часть более крупной миссии, немецкое отделение может сохранить свои позиции в новом университете. Кроме того, немецкая программа должна продемонстрировать свой особый вклад в более крупную миссию. Нецелесообразно дублировать тенденции и подходы других областей. Скажем, для немецкой программы было бы крахом проигнорировать великую философскую традицию от Канта до Франкфуртской школы и передать ее другим программам.

2. Кафедра всегда должна быть открыта для перемен. Один учебный план не даст решения всех проблем. Конечно, реформа учебных планов – сложный и трудоемкий процесс, но необходимо быть чутким к веяниям времени. Решения, которые были успешными пять лет назад, могут не принести плодов в будущем. Например, смещение к культурологическим исследованиям, предпринятое многими факультетами в недавнем прошлом, тоже придется пересмотреть. Учитывая стремительный шаг перемен в вузовском образовании, было бы неразумно полагаться на стабильность программы.

3. Если в традиционной структуре обучение языку составляло основу всех других видов деятельности кафедры, то сегодня следует пересмотреть отношения между обучением языку и преподаванием культуры. Возможно, было бы разумно разработать программу, не зависящую целиком от языка как средства общения.

1. Cooper Jr., Henry R. *The Tense Situation of Slavic: Past, Present, Future*. Profession 98, New York: MLA, 1998. 62-67.
2. Furman, Nelly. *French Studies: Back to the Future*. Profession 98. New York: MLA, 1998. 67-80.
3. Hohendahl, Peter Uwe. *The Fate of German Studies after the End of the Cold War*. Profession 98. New York: MLA, 1998. 81-88.
4. Garcia, Elvira. *Spanish, French, and German: An Edwardian Pattern for a Postmodern World*. Profession 99. New York: MLA, 1999. 137-141.
5. Anderson, Benedict. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso, 1983.
6. Swaffar, Janet. *The Case for Foreign Languages as a Discipline*. Profession 99. New York: MLA, 1999. 155-167.

Данная статья подготовлена при содействии Международного совета по научным исследованиям и обмену (IREX), которому автор выражает глубокую благодарность.

ТВОРЧЕСТВО Э. ФРОММА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ЛИЧНОСТНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В современном мире проблемы личностно ориентированного образования приобретают особую значимость. Если речь идёт о процессах единения людей в современном обществе, то проблема воспитания личности толерантной, культурной, ответственной является сегодня одной из первоочередных. Если размышлять о структуре той личности, которую мы задаемся целью воспитать, то у немецкого философа Э. Фромма она выглядит так. Во-первых, выделяется характер, который является достаточно противоречивым и складывается в результате взаимодействия человека с природой и культурой [4; 57]. Поскольку все эти элементы изменяются, то и сама природа человека не остается неизменной. В современном обществе в понятие культуры включаются светские и религиозные составляющие: деятельность профессиональных организаций, гражданских инициатив, литературных, художественных, музыкальных, спортивных и других объединений. В современном белорусском обществе уделяется большое внимание поддержке таковых. Но без ответного ответственного отношения молодежи и их родителей это достаточно тяжело осуществить. В который раз хочется вспомнить о том, что никакие внешние блага не могут однозначно решить всех проблем общества. Особенно радует то, что современное молодое поколение Республики Беларусь проявляет инициативу по деятельному преобразованию нашей жизни и самих себя. При этом и старшее поколение не остается забытым. В то же время о наличии некоей общности человеческой природы и её неизменности свидетельствует многое. Современная социально-политическая ситуация в мире в связи с возросшей угрозой терроризма подтверждает развитие чувство справедливости, человеколюбия, неприятия агрессии и насилия по отношению к кому бы то ни было, стремления к мирному решению проблем. Важно, чтобы сознание людей всего мира, становилось более широким и гуманным: чтобы люди не создавали проблем там, где их вообще не должно быть: ни расовых, ни религиозных, ни национальных. Всё это подтверждает актуальность идеи христианства (если обращаться к опыту нашей белорусской, да и мировой культуры) о равенстве людей в возможности творить добро на Земле. В свете решения проблем личностно ориентированного образования человечество в XXI веке призвано найти и переосмыслить лучшие ценности, нормы, традиции, образцы поведения, выработанные за историю своего существования. В этом плане актуальна статья философа «Человек: кто это такой?» [3; 10], в которой определяющими сущность человека выступают прежде всего духовные компоненты и возможности самореализации. Причём автор статьи указывает, что биологические потребности человека ни в какой мере не должны заслонять его духовных приоритетов. Последние сегодня зачастую творятся вопреки в рамках анализа тех же основных заповедей, сохранивших исторически свою непреходящую ценность. Безусловно, что они оставили свой след и в образцах светской морали. Важно, чтобы общество и государство поддерживало все эти начинания и предоставляло возможности для их признания и самореализации на благо человечеству. Представляется целесообразным направление развития общества, при котором захлёстывающие на сегодняшний день умы и души страсти (зависть, ревность, ненависть, стяжательство) уступили бы место более цивилизованным проявлениям человеческого характера. Для этого необходимо действительно уделять внимание сохранению приоритетов духа славянской цивилизации, а не только слепому копированию опыта более развитых экономически стран. Понятно, что социально обусловленные влечения – это продукт конкретной исторической эпохи, но важно научить людей в современном обществе осознавать себя через лучшие мысли, чувства, образцы мышления, способы общения

формы самореализации. Даже если придерживаться концепции происхождения человека от животных, то инстинкты никогда не будут целиком определять человеческую природу. Примером тому могут быть многочисленные жертвы людей во имя добра, мира, справедливости, счастья своего народа и других людей в мирное и военное время.

Э. Фромм определяет человеческую природу, прежде всего как способность к рефлексии, осознанию своей экзистенциальной ситуации, своего жизненного смысла, а отсюда и радости самореализации. Для развития концепции личностно ориентированного образования это имеет первостепенное значение. Поскольку всегда следует знать, какую личность мы формируем (или, скорее, пытаемся осуществлять взаимодействие в ходе личностного диалога педагога и учащегося), первостепенное значение будет иметь обращение именно к ценностным аспектам личности участников этого диалога. Диалогичность тем самым выступает как необходимое условие в становлении любого типа личностно ориентированного образования. Для дальнейшего позитивного развития нашего общества особое значение имеет понимание важности этого процесса, осмысление его на государственном уровне и на уровне каждой семьи и отдельного человека. Отсюда возникает необходимость формировать культурную личность: то есть развитую и духовно, и физически, и интеллектуально. Причём стремление к всестороннему развитию должно всячески поддерживаться на уровне всех социальных структур. Первостепенной здесь является, прежде всего, ответственная работа представителей современного преподавательского состава: чтобы никакие реальные экономические, социальные и другие факторы не могли сломить в нём лучших качеств – порядочности, честности, принципиальности, веры только в лучшее на территории своего города, государства, мира в целом.

Задачей нашего государства и его образовательной системы является информирование студентов о том позитивном, что уже накоплено в мировом педагогическом, психологическом, философском и духовном наследии в целом. К сожалению, не каждый обучающийся под влиянием лишь высокой эрудиции, культуры, трудолюбия, доброжелательной установки по отношению к миру и людям в целом педагога изменяется и сам в лучшую сторону. Но чем более будет таких личностных примеров вокруг нас, тем больше надежда, что люди начнут определять свою жизнедеятельность в соответствии с действительно настоящими ценностями. В соответствии с личностно ориентированным подходом следует помнить именно о том, что всякий человек является личностью с самого рождения, и поэтому мы должны строить процесс педагогического взаимодействия со студентами большим тактом. В процессе преподавательской деятельности в вузе это тяжело осуществить в том плане, что влиять каким либо образом на целостную, сформировавшуюся под воздействием самых различных факторов личность, всегда нелегко.

С другой стороны, у преподавателя существует возможность для продуктивного и осознанного диалога, а значит и вероятность повышения уровня взаимопонимания и продуктивного сотрудничества в самой системе образования. Будет развиваться и атмосфера сотрудничества, доброжелательного и уважительного отношения и людей в обществе в целом. Необходимо, чтобы и подростки, и представители старшего поколения не видели эталонов лишь в лице разрушительных по своей сути образов из зарубежных телесериалов и боевиков, поскольку установка на подобный образ жизни в условиях нашего общества часто чревата серьёзными жизненными трагедиями, особенно среди современных подростков. Следует чаще напоминать людям вечные слова о том, что любая гуманная и справедливая цель должна достигаться лишь соответствующими средствами. Тогда и путь любого дела и любого человека всегда будет прямым и светлым.

На процесс написания данной статьи наибольшее влияние оказало знакомство с системой педагогики сотрудничества (или педагогики доверия) Ш. А. Амонашвили во время семинара, проводившегося в г. Бресте весной 2002 года. Также хочется отметить актив-

ную деятельность с молодежью города фонда поддержки гражданских инициатив «Вежа», общественной организации «Зов» и в целом широких кругов творческой интеллигенции. Заметный вклад в личностное становление молодежи и общества в целом в период после распада СССР вносят и религиозные объединения (православные, католические, протестантские). Особенно следует отметить деятельность воскресных школ, специальных лагерей отдыха, которые дают возможность познавательного отдыха. Следует указать и на необходимость сохранения различных центров молодежного творчества, студий, спортивных объединений для всестороннего развития талантов, данных каждому человеку. Важна государственная поддержка всех этих структур, а не только строительство развлекательных учреждений по западноевропейским стереотипам.

Именно упадок общей культуры людей, упадок духовный влекут за собой многие социальные проблемы современной цивилизации. К этим проблемам философ привлекает внимание в своих работах «Искусство любви» и «Душа человека» [1, 2]. В этом плане возрастает важность качественной работы и ответственного отношения к делу на самых различных участках. Государство всегда должно отдавать приоритет затратам на сферы образования, здравоохранения, социальной помощи и в целом на культуру. Негативные явления в мировой политике на современном этапе порождаются именно неясной обстановкой в самом обществе на уровне отдельных государств, а значит и социальных слоев, отдельных семей и личностей. Социализация как непрерывный процесс становления личности обретает на современном этапе развития Республики Беларусь новые черты.

Характерно, что у современного молодого поколения ослабевают потребности в знакомстве с классической литературой, музыкой, театром, а на смену всему этому приходит лишь чтение детективного жанра, просмотр бесконечных мелодрам. Возможно, что это связано и с предложенным репертуаром и качеством озвучивания с ним. То есть уже в силу самого своего развития люди не подготовлены к восприятию многих проблем нашей реальной жизни и не настроены на их конструктивное решение. В этом плане представляется немаловажным вспомнить о развиваемой в произведениях философа идее о плодотворной направленности в жизни любого человека и общества в целом. Отрадно, что на современном этапе развития РБ такое стремление на уровне правящих структур уже сложилось. Осталось лишь его воплотить совместными действиями всех слоев общества. Эта поддержка сегодня уже достаточно ощутима: так, в РБ СЗЗ осуществляют поддержку многих полезных общественных инициатив и проектов. Отсюда понятна тесная взаимосвязь самых различных структур общества для оптимального его развития и постоянного становления. Пусть известный философ и писал о том, что трагедия человеческой ситуации в том, что развитие никогда не бывает полным, то есть не у каждого человека есть возможность реализовать все свои способности и вообще вывить их в себе, но это не повод, чтобы человек складывал руки. Жить достойно – это всегда самая трудная задача на Земле.

Изучение произведений Э. Фромма при обращении к проблеме личностно ориентированного образования актуально и в плане изучения аспекта психолого-педагогической поддержки, которую должен осуществлять педагог уже сегодня и в образовательной системе будущего. Как уже было отмечено выше, такую поддержку способен осуществлять лишь по-настоящему эрудированный и духовно развитый человек.

Поэтому сегодня мы говорим о том, что отношение каждого человека к своему личностному и профессиональному становлению всегда должно быть очень ответственным, поскольку требует немало терпения, трудолюбия, оптимизма. Эти качества, скорее всего, были в не малой степени присущи самому философу, потому нашли отражение и в его произведениях. Не всё из них отражает лишь позитивные стороны реального мира, человеческой истории отдельных личностей. Однако сами названия произведений Э. Фромма, приведённые в тексте выше, дают представление о созидательной и конструктивной проблематике в творчестве

210

этого выдающегося представителя мировой мысли XX века. Поэтому обращение к его творчеству представляется весьма полезным для студенчества. Трудно представить современно-го духовно богатого человека без знакомства с лучшими произведениями мировой философской, педагогической и психологической мысли и умения их осмысливать и видеть в них то позитивное, что помогает нам жить в нелёгких исторических реалиях. Понятно, что современный прагматичный век зачастую оставляет мало времени для действительно вдумчивого изучения подобных работ большей частью населения Земли, особенно занятых в сфере материального производства, поэтому важно обращать внимание таких людей на соответствующую литературу в библиотеках, на работу негосударственных просветительских и образовательных структур. Особое внимание следует уделять деятельности подобного рода объединений и их направленности именно на позитивные цели, способствующие объединению людей, формированию у них лучших качеств и раскрытию соответствующих способностей. Зачастую отсутствие приоритета ценности знания, образования, культуры человека в этом мире, невольно, а иногда и намеренно складывающиеся во многих семьях и в обществе в целом, не способствуют развитию молодежи. Поэтому представляется немаловажным, чтобы атмосфера почтительного отношения к знанию, к науке, к образованию выявлялась через живой пример взрослых и передавалась бережно через поколения в каждой семье. Впоследствии подобная атмосфера будет лишь развивать взаимопонимание, взаимоуважение и взаимопомощь между членами семьи и родственниками, а значит учить уважительному и внимательному отношению ко всем людям. Всё это необходимо для наилучшего развития и взаимодействия людей друг с другом на самых различных уровнях. Эти небольшие факторы значительно упрощают совместное существование людей в обществе и тем самым уменьшают количество конфликтов и ситуаций агрессии в нём. В современном обществе представляется целесообразным обращение к философско-этической проблематике самых различных культур без негативного целостного настроения по отношению к какой-либо из них. Полезно изучение и глубокое знание философских произведений собственной нации (в широком смысле к таковым можно отнести и произведения литературы, живописи, скульптуры), но личности современного общества необходим более широкий кругозор. Представляется очевидным, что обращение к творчеству немецкого философа и гуманиста Э. Фромма в немалой степени будет способствовать более широкому, радостному, утверждающему взгляду на этот мир.

1. Фромм Э. Душа человека. Перевод. М.: Республика, 1992. — 430 с.
2. Фромм Э. Искусство любви // Философия и жизнь, 1991, № 6, 12.
3. Фромм Э. Человек: кто это такой? // Философия и жизнь, 1991, № 12. — с. 6-16.
4. Фромм Э. Человек для себя. Перевод. Мн.: Коллегиум, 1992. — 253 с.

Бурко О. П., Керащенко Т. Н. (г. Брест, БГТУ)

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ГЕРМАНИИ

По числу университетов Германия занимает первое место в мире (в стране более 300 вузов). Отличительная черта немецкого высшего образования – сочетание старых университетских традиций и современных достижений науки. Наряду со старыми университетами, отличающимися широким выбором классических предметов, в Германии появляется всё больше и больше новых вузов, направленных на междисциплинарное обучение и тесную связь между теорией и практикой. Важный принцип немецких вузов – связь учебного процесса и научных исследований.

В современной системе высшего образования Германии представлены университеты трех типов.

Первый – классические "старые" университеты, которые были основаны ещё в средние века. Это Гейдельбергский университет, университеты во Фрейбурге, Тюбингене и ряде других городов. Первоначально в их состав входили лишь философский, медицинский и теологический факультеты. С течением времени добавились и другие направления подготовки, но эти факультеты остались ведущими.

Второй тип – это университеты, которые получили свой статус в процессе преобразования технических и других отраслевых вузов. Например, высшая техническая школа в Ганновере в 1968 году получила статус технического университета, а затем, в 1978 году, была преобразована в университет.

К этой группе относятся также технические университеты (Technische Universitaeten) и приравненные к ним по статусу высшие технические школы (Technische Hochschulen) в Ахене и Дармштадте. В целом для этих университетов характерна подготовка по техническим, естественно-математическим, экономическим и медицинским специальностям.

Третий тип университетов – вузы, возникшие в последние 30-40 лет на пике стремительного развития системы высшего образования в Германии. Это Рурский университет в Бохуме, университеты в Констанце, Регенсбурге, Билефельде, другие новые университеты и частные вузы. Все они (за исключением университета в Бохуме) не могут конкурировать с классическими университетами по разнообразию направлений подготовки. Однако в них ведутся эксперименты по внедрению современных методов обучения.

В университетах студенты получают, в первую очередь, методологические и теоретические знания. Классический спектр академических дисциплин состоит из медицины и права, гуманитарных наук и искусствоведения, а также экономики и педагогики. В соответствии с принципом, который впервые выдвинул Вильгельм фон Гумбольдт, учёба и научная работа в университетах взаимосвязаны.

Спектр специальностей в немецких вузах достаточно широк (около 430) и несколько отличается от специальностей, например, в белорусских вузах.

Система высшего образования Германии объединяет 326 учебных заведений, подавляющее большинство которых являются государственными. Основу системы составляют университеты (Universitaet) и приравненные к ним вузы (общее число – 78): классические университеты (факультеты медицины, гуманитарных и естественных наук, теологии, социологии, экономики, сельского и лесного хозяйства, инженерии), технические университеты (Technische Universitaet) (инженерия), общие университеты (Gesamthochschulen) (специальное профессиональное образование и научные исследования), педагогические институты (Paedagogische Hochschulen), медицинские колледжи, философско-теологические и церковные колледжи (Theologische Hochschule), колледж спорта. К числу вузов неуниверситетского типа принадлежат профессиональные высшие школы (Fachhochschulen) (профессиональное образование в сферах бизнеса, экономики, сервиса, сельского хозяйства и прикладного искусства) и колледжи искусств (Kunsthochschule и Musikhochschule).

Аналогом белорусских вузов в Германии являются государственные высшие учебные заведения, имеющие статус университета. Прежде всего, это сами университеты (Universitaeten), высшие медицинские, педагогические и теологические учебные заведения, а также школы искусств (Kunsthochschulen) и приравняемые к университетам объединённые высшие школы (Gesamthochschulen). Они сочетают как академические, так и прикладные программы обучения. Неакадемический сектор немецкой высшей школы – это специальные высшие учебные заведения (Fachhochschulen), осуществляющие подготовку прикладного характера.

Объединённые высшие школы представляют собой учебные заведения, в которых объединены курсы для совместной подготовки специалистов прикладного и научного профилей.

Специальные профессиональные школы - сравнительно новый тип высшего учебного заведения. Впервые они появились еще в ФРГ в начале 70-х гг. В настоящее время число специальных высших школ в Германии почти равняется числу государственных вузов других типов (исключая школы искусств). Специальные высшие школы были созданы как альтернатива университетам, главная задача которых - накапливать и углублять знания, проводить научные исследования, распространяя их через учебный процесс. Основная задача специальных высших школ - ориентация на практику. На настоящий момент в специальных высших школах обучается примерно четверть всех немецких студентов. Вузы этого типа готовят специалистов 170 профилей: инженеров, экономистов, дизайнеров и профессионалов в других областях. Срок обучения в них короче (обычно 3-4 года), обучение в основном практическое, обязательной является годичная стажировка на фирмах данного профиля.

В сеть специальных высших школ Германии входит 150 вузов. Их главное преимущество - четкая ориентация на будущую профессию, единые учебные планы и более короткие сроки обучения, чем в университетах. Преподаватели этих вузов, как правило, имеют богатый практический опыт.

Система высшего педагогического образования в Германии испытывает влияние гуманистической психологии. Во-первых, это целая сеть семинаров, учебных центров и курсов, готовящих учителей. Примером тому могут быть семинары Вальдорфской школы, имеющие широкое распространение в землях Германии. Во-вторых, это изменение учебных планов и программ высших педагогических учебных заведений в сторону увеличения разнообразных практико-ориентированных форм и методов обучения студентов, углубленное ознакомление с психологией личности, педагогической психологией, с различными методиками и тактиками психотерапевтической работы, методами психологической поддержки личности. В-третьих, это изменение соотношения фундаментального и специального образования в университетах Германии, когда время профессиональной специализации должно наступать только после занимающего более трех лет периода освоения учащимися основ и навыков фундаментальных наук. В-четвертых, определенные изменения претерпевает политика и философия образования в Германии.

Главным принципом высшего образования в Германии является "академическая свобода" - система, позволяющая любому студенту самостоятельно определять перечень изучаемых дисциплин, которые войдут в его диплом. Система высшего образования в Германии также подразумевает совмещение учебного процесса с научными исследованиями. Эти особенности определяют график учебного процесса в университетах: каждый семестр состоит из лекционных периодов (14-20 недель) и нелекционных, во время которых студент занимается самостоятельной научной работой. Университетский год в Германии делится на два семестра: зимний - с октября по март и летний - с апреля по сентябрь. Точные даты начала занятий определяются в каждом вузе отдельно. Первые два года учебы (Gnindstudium) санкционируются промежуточным экзаменом Zwischenprüfung, не сопровождающимся выдачей диплома. Это всего лишь переход к основному курсу - Hauptstudium. Занятия проходят в форме лекций (Vorlesungen) и семинаров (Seminare). Посещение лекций не обязательно, присутствие на практических занятиях настоятельно рекомендуется. Количество участников на семинарах, где студенты и преподаватель ведут дискуссию, строго ограничено.

Результатом обучения в немецком вузе являются: Staatsexamen - национальный выпускной экзамен, необходимый для получения квалификации для работы в государственном секторе. Staatsexamen позволяет также заниматься теми видами деятельности, которые находятся под контролем государства: медицина, фармакология, юриспруденция, преподавательская работа.

Государственный экзамен состоит из серии устных и письменных тестов по предметам и диссертационной письменной работы (Zulassungsarbeit).

Magister Artium – экзамены, завершающие курс на гуманитарных и общественнонаучных факультетах. Специфическая черта этого диплома – изучение двух основных предметов (Hauptfacher), или одного основного и двух дополнительных (Nebefacher). Диссертация (Magisterarbeit) представляет собой письменную научную работу, выполненную студентом самостоятельно, которую нужно защитить перед экзаменационной комиссией.

Diplom – санкционирует окончание университетского курса в области общественных, экономических, точных наук и инженерии.

Doctorat является итогом трех вышеперечисленных экзаменов. Курс докторантуры в Германии не имеет общепринятой структуры, программы и списка обязательных курсов. Степень доктора, которая пользуется в стране уважением, присуждается после двух экзаменов: защиты диссертации (Disseration), выполненной под руководством "старшего" (Doktorvater), и прохождения Rigorosum – устного научного собеседования. Как диссертацией, так и собеседованием кандидат должен доказать свою способность вести самостоятельную научную работу на высоком уровне.

Наиболее известным и престижным высшим учебным заведением Германии является Гейдельбергский университет (основан в 1386 году по образцу парижской Сорбонны). Он расположен в небольшом городе Гейдельберге в 90 километрах от Франкфурта-на-Майне. С XIX века Гейдельберг пользуется репутацией лучшей в Европе школы юриспруденции. Среди преподавателей этого университета были философы Гегель и Ясперс, химик Геймгольц, восемь лауреатов Нобелевской премии. В рамках Гейдельбергского университета существует 15 факультетов – биологии, химии и биохимии, медицины, права, философии, восточных языков, современных языков, политических наук, спорта и здоровья и др. При университете открыт ряд специализированных исследовательских центров, в частности, Институт Южной Азии и Гейдельбергский институт ядерной физики имени Макса Планка.

Таким образом, современную систему высшего образования Германии отличает разнообразие и доступность. В Германии существует широкий спектр высших учебных заведений, ориентированных как на точные науки, так и на классическое образование. В немецких вузах студенты получают не только теоретическое образование, но и опыт практической работы по профессии. В тесной связи с фундаментальными исследованиями находятся прикладные науки. Многие университеты сотрудничают с международными концернами и иностранными исследовательскими институтами.

1. Вильгельм фон Гумбольдт. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине. Перевод Л. Григорьевой // Современные стратегии культурологических исследований: Труды Института европейских культур. Вып. 1. Отв. ред. Д.П. Бак. – М.: РГГУ, 2000.
2. Герхард Дуда. Идеи В. фон Гумбольдта и высшее образование в конце XX века. Перевод А. Перлова // Современные стратегии культурологических исследований: Труды Института европейских культур. Вып. 1. Отв. ред. Д.П. Бак. – М.: РГГУ, 2000.
3. Джурицкий А. Н. Зарубежная школа: Современное состояние и тенденции развития. – М.: Просвещение, 1993.
4. Питер А Вандермет. История европейского университета // Вестник высшей школы. 2000. № 7.
5. Leben und Studieren in Deutschland / Сост. Mudra Simone. – Bonn: DAAD, 1998. – 92 с.

РАЗДЕЛ IV

ГЕРМАНСКИЙ ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

*Северянин В. С., Горбачева М. Г., Черников И. А.
(г. Брест, БГТУ)*

ДОСТИЖЕНИЯ ГЕРМАНСКОЙ ЭКОНОМИКИ В ОБЛАСТИ ЭНЕРГОСБЕРЕЖЕНИЯ

Энергосбережение в широком смысле – это комплекс научных, технических организационных мероприятий, направленных на уменьшение потерь энергии у потребителя и уменьшение затрат у производителя энергии. Энергосбережение (часто используют более точный термин – "энергоэффективность") характеризует уровень технического развития общества, эффективность экономики, основанный на принципах удовлетворения потребностей с использованием технических средств. Современное общество не может обходиться без потребления энергии (в первую очередь тепловой и электрической) для развития промышленного и сельскохозяйственного производства и создания благоприятных условий существования человека. Можно даже сказать, что развитие человеческого общества – это, по сути, энергосбережение. Развитые в экономическом отношении страны представляют собой системы с высоким уровнем энергосбережения. Германская нация является одним из лидеров исторического развития техники (от сельскохозяйственных орудий до атомной энергетики). Научные исследования в производстве и использовании энергии и их практические результаты являются существенным вкладом Германии в мировую экономику.

Проблема энергосбережения подразделяется на а) энергоэффективность производства общественной продукции, т.е. использование энергии; б) эффективность производства энергии, т.е. использование энергоресурсов; в) экономические, социальные, политические вопросы, связанные с энергетикой.

Известен высокий уровень развития промышленности Германии. Но нужно особо подчеркнуть, что на производство единицы продукции здесь расходуется существенно меньше энергии, следовательно, энергоресурсов, чем во многих известных случаях. К примеру, у нас расходы тепловой энергии в среднем на единицу продукции в 2-3 раза выше (расход условного топлива на обжиг 1000 т кирпича у нас 304 кг против 160 кг, примерно то же и для других материалов).

В Германии учитываются строительными правилами аккумуляция тепла в разных ограждениях. Ночное снижение температуры в помещении обусловлено стремлением снизить расход энергии. Такой же причиной объясняется преимущественно южная ориентация окон. Повышаются требования к герметичности оболочки зданий. Воздухообмен в помещениях ограничивается. Применяемые строительные материалы и технологии, устраняющие неплотности, отвечают санитарно-гигиеническим требованиям. По заказу федерального министерства строительства производится исследование с целью

определения рентабельности проектных энергосберегающих мероприятий. Срок амортизации инвестиций установлен менее 25 лет. Дополнительные инвестиции на модернизацию отопления окупаются за 10-15 лет. Срок амортизации систем вентиляции с утилизацией сбросного тепла составляет менее 20 лет.

Энергоресурсы для тепловой и электрической энергии потребляются тепловыми электростанциями (это основной поставщик электроэнергии в мире) и котельными (или аналогичными сооружениями, вырабатывающими тепло в виде горячих теплоносителей). В Германии структура используемых обычных источников первичной энергии выглядит так: нефть – 40 %, природный газ – 20 %, уголь – 25 %, атомная энергия – 15 %. При сохранении нынешних тенденций в 2030 году в Европе (цифры характерны и для Германии) ископаемые виды топлива по приросту будут доминировать на энергетическом рынке: 38 % – нефть, 29 % – газ, 16% – твердое топливо, 6 % – атомная энергия, 8 % – возобновляющиеся источники энергии. Энергосбережение в этой части можно разделить на два раздела: совершенствование существующей техники и создание новых технологий генерирования энергии. В Германии созданы и используются усовершенствованные методы сжигания топлива (так называемый "кипящий слой", "пульсирующее горение", предварительная газификация и т. д.), теплопередачи (знакопеременные потоки, их очистка), тепловые схемы электростанций (использование сверхкритических параметров пара). Новые технологии – это в основном использование альтернативных источников энергии. В этом направлении Германией получены особенно впечатляющие результаты.

Еще в 70-х годах XX века было создано немецкое объединение по солнечной энергии. Впервые в мире в г. Алахене построен дом площадью 1500 м² с солнечными коллекторами, энергопотребление было снижено на 25 %; в современных аналогичных двухквартирных домах теплопотребление снижено на 50 %. В Геттингене построен комплекс домов с солнечным отоплением. В этих системах нагревается вода для последующего использования. Другой способ утилизации солнечной энергии – получение электричества при помощи фотоэлементов. В Германии принята программа "100 000 крыш – электричество от солнца", утверждённая федеральным правительством. В то же время строятся, так называемые, термодинамические солнечные электростанции, работающие по схеме обычных станций, но без потребления топлива.

Немецкие учёные справедливо считают, что "ископаемая мировая экономика" – устаревшая модель. Сначала была угольная экономика, которая в XX веке переросла в нефтяную и газовую, а затем в атомную экономику. Сырьевая экономика была экономикой металлов, минерального сырья и ископаемых ресурсов. Но эти ресурсы конечны, их использование экологически вредно, распределены ресурсы крайне неравномерно (многим странам их катастрофически не хватает).

Ветровая энергия является энергоресурсом, использованию которого в Германии уделяется много внимания. Одна из крупнейших в мире ветроустановок – немецкая, "Энергон-40", это башня высотой 50 м, трехлопастное колесо с радиусом 20 м, электрогенератор мощностью 500 кВт. К 2007 г. доля ветроэнергетики может достичь 5 %. В настоящее время мощность ветрогенераторов в Германии составляет более 6 МВт (ЕЭС в целом – 12,7 МВт). Европейской ветроэнергетике приходится конкурировать с масштабной "грязной" энергетикой, которая не платит в полном объеме за причиненный и возможный ущерб, – более того, она получает значительные дополнительные субсидии (порядка 15 млн. Евро в год). В Германии правительственное вмешательство через новые механизмы обеспечивает эксплуатационную поддержку ветроэнергетике.

Проблемы энергосбережения в Германии решаются также использованием малых гидроэлектростанций. Есть примеры установки гидротурбин даже в реках, текущих через город ("проект Бифинг").

В Германии ведутся интенсивные научные исследования по дальнейшему развитию атомной энергетики. Так, в исследовательском центре в Юлихе установлен реактор "Дидо", на котором изучается физика нейтронов. Там же построен экспериментальный термоядерный реактор системы "Текстор" из серии "Токамак". Эти работы имеют конечной целью создание установок с почти неиссякаемой энергетикой.

Целью энергосбережения, как известно, является также уменьшение вредного воздействия на окружающую среду при производстве и потреблении энергии.

Киотский протокол направлен на снижение выбросов парниковых газов, которые вносят основной вклад в глобальное потепление планеты. Протокол был принят на конференции в Киото, подписан 84 странами (но ратифицирован пока только 37, США вообще отказались). Преамбула протокола: "почти все сценарии снижения выбросов и стабилизации концентрации парниковых газов включают внедрение высокоэффективных технологий как поставщиками энергии, так и потребителями, а также развитие энергетики с малыми или нулевыми выбросами углерода". На боннской конференции 2001 г. удалось добиться согласия по ключевым вопросам, чтобы ратифицировать договор в ближайшем будущем большинством стран. И здесь следует отметить ведущую роль Германии. Так, динамика выбросов парниковых газов за 1990-1999 и цель до 2012 года определяются величинами: минус 18,7 %, минус 21 % (Франция: минус 0,2; 0. Италия: плюс 4,4, минус 6.5 и т. д. ЕЭС в целом: минус 4, минус 8).

В Германии используются различные виды стимулирования энергосбережения. Начиная с нефтяного кризиса 70-х годов XX века, активно пропагандируется политика всемерной экономии энергоресурсов. При этом упор делается не на правовое регулирование, а на информационные пропаганды и программы, повышающие уровень технической осведомленности. Выявляется, в каких секторах общественной деятельности нормативное регулирование более целесообразно. Основной принцип – чем выше энергетическая интенсивность (особенно для промышленности), тем меньше нормативного регулирования, рынок сам вынудит заниматься энергоэффективностью. Например, транспорт является областью с самым высоким уровнем правового регулирования (наличие большого количества потребителей, много условий, влияющих на расход топлива). Назначаются менеджеры по энергетике, отрабатывающие годовые планы по энергосбережению. Принимаются законы о налоговых льготах, делаются скидки на расходы по приобретению оборудования. Применяется норма амортизации, при которой списываются инвестиции в проекты по энергоэффективности быстрее, чем в другие капиталовложения, что дает возможность снизить за короткий срок налоговую задолженность. Вводятся жесткие стандарты для энергетического оборудования. Для выявления фактической стоимости потребляемой энергии устанавливаются измерительные приборы у каждого потребителя.

Большое внимание в Германии уделяется стимулированию использования возобновляющихся энергоресурсов, так как недостаточное количество альтернативных технологий, основанных на них, означает: требуется определенная форма финансовой поддержки для их расширения. Поэтому приняты нормативы, направленные на оказание такой поддержки. Покупка электроэнергии от источников с возобновляющимися энергоресурсами поддерживается федеральным правительством через ценовые стимулы и гарантированные цены. Существенны также налоговые льготы. Если организация или предприниматель приобретают энергосберегающее оборудование и используют его в течение года после приобретения, то можно претендовать на уменьшение налога на прибыль (до 7 %) или предоставляется скидка до 30 % от стоимости оборудования.

Достижения германской экономики в области энергосбережения проявляются также в Республике Беларусь: многие крупные госпредприятия используют импортные эффективные энергосберегающие технологии немецкого происхождения (измерительная тех-

ника, электрооборудование, автоматические системы и т. д.), создано много коммерческих и промышленных фирм (производство мебели, сушка древесины, выпуск брикетов из отходов древесины и др.).

Регулярно проводятся совместные (белорусские и германские институты, компании, фирмы, министерства) семинары, симпозиумы, конференции, круглые столы и т. д.) по проблемам энергосбережения. В качестве примера можно назвать разработанный таким образом "Демонстрационный проект по энергосберегающим мероприятиям в жилищном и строительном секторах Республики Беларусь", принятый в рамках программы "Тасис" Европейского Союза по инициативе немецкой компании "Консалт-Тим".

Можно выразить уверенность, что достижения науки и техники в области энергетики, международное сотрудничество в реализации энергосберегающих технологий, использовании совершенной традиционной технологии энергопроизводства и энергопотребления и особенно расширение альтернативных энергоисточников, полученных как в Германии, так и в Беларуси и других странах, в скором времени приведут к смягчению энергетических проблем.

При подготовке настоящей статьи авторами использованы информационные бюллетени «Возобновляемая энергия»; реферативные сборники «Экономия энергии», журналы «Германия-политика, культура, экономика, наука», «Энергоэффективность»; рекламные публикации разных предприятий и фирм.

Милова Т. Ф. (г. Минск, Ин-т философии НАН Беларуси)

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИБЕРАЛИЗМА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

В настоящее время в Германии, как, впрочем, во всех западных странах, доминируют представления, в соответствии с которыми либерализм – сущность современной действительности общественной жизни и, соответственно, нет никакой нужды разбираться в нём теоретически. Более того, совершенно бессмысленно сомневаться в его силе и жизнеспособности. Безусловно, либерализм является одним из главных оснований и источников достижений и преимуществ развитых стран. Это – несомненно. Однако либеральная идея, подобно свободе, подобно большинству экзистенциальных сущностей, имеет принципиально неустойчивую, динамическую природу: она не существует в длительности, она создается и воссоздается миллионами действий, индивидуальных и общих, идеальных и материальных, целенаправленных и обыденно-привычных. Осознание либеральных идей и процессов, нечто вроде либерального просвещения на самом деле необходимо для поддержки сознательного и упорядоченного характера этой деятельности. Общество, западное в первую очередь, нуждается в том, чтобы либеральные ценности и либеральные ориентации воспринимались глубоко осознанно. В позиции, подразумевающей, что на Западе с либерализмом все в порядке, кроется вполне определённая угроза. Идеология существует только в развитии, в эволюции; остановка означает для неё деградацию. Что в самом деле бессмысленно, так это вера в то, что либеральные основания нынешних достижений безусловно обеспечивают и завтрашний успех в деле общественного прогресса. Такой прямой и простой зависимости не может быть, поскольку либеральные принципы должны действовать в новых, изменившихся обстоятельствах и в отношении вновь сформировавшихся проблем. Поэтому ключевая задача в оценке перспектив либерализма в ближайшем будущем состоит в том, чтобы определить вызовы, потребности этих новых обстоятельств и выяснить, что же либерализм может предложить в качестве ответа на эти вызовы.

Эпоха, в которую либеральная идеология эволюционировала и устоялась в качестве основания социальной и политической природы — чем далее, тем все более неосознаваемого основания — современного западного мира, закончилась. Новая эпоха, отмеченная отчётливыми чертами глобализации, обращает ко всем влиятельным идеологиям принципиально новые требования, связанные с переоценкой базовых ценностных ориентаций, соревнованием и прямым противостоянием со странами Третьего мира, с поиском новых или преобразованных источников развития. В этих новых обстоятельствах ведущие позиции принадлежат либеральным ценностям: личной свободе и автономии, человеческой индивидуальности, многообразной социальной активности, политической демократии и правам человека, экономической конкуренции и ненасилию. Здесь коренится причина сегодняшнего усиления роли либеральных принципов в мире и, следовательно, существенное основание для формирования нового качества либеральной идеологии (как в отношении содержания, так и по форме) и её новой общественной позиции.

Несмотря на то, что глобализация уже очевидно стала частью реальности, так и нет согласия в понимании её природы и содержания. Наименьший разброс наблюдается в мнениях об экономических процессах: здесь глобализация означает возникновение определенных каналов для прямого глобального влияния изменений в экономике, более того, она означает также, что финансовый и товарный оборот охватил весь мир без исключения, то есть что уже сформировался глобальный рынок. Однако в отношении любого другого аспекта глобализации подобной ясности не найдется. В культуре и коммуникациях, в науке и технологии глобализация сочетает в себе очевидность с неупорядоченностью и трудно поддается понятийному отражению.

В сфере идей и идеологий эта неупорядоченность проявляется наиболее отчётливо и ясно. Существует некоторое взаимопонимание в вопросе существования универсальных ценностей и императивов: эти ценности и соответствующие принципы зафиксированы в международных соглашениях и пригодны для легального применения в потенциально или актуально конфликтных ситуациях. В то же время, после короткого периода так называемой «деидеологизации» все влиятельные идеологии, и в первую очередь глобальные, обнаружили внутренние резервы для нового этапа противостояния, и идеологическое разнообразие в настоящее время возрастает быстрее, чем когда-либо. В этой новой ситуации идеологии должны иметь дело даже не с нынешними проблемами и задачами, а с проблемами завтрашними — это то, чем определяются направления развития, то, что мы понимаем под «вызовами эпохи».

Чтобы определить вызовы глобализации, мы должны установить некоторые ограничения в понимании самой глобализации, по меньшей мере, в контексте идеологии. В условиях прямой конкуренции первейшая и самая настоятельная нужда состоит в том, чтобы сконструировать действительно общий, универсальный дискурс, допускающий возникновение возможности создать содержательные критерии истинности и потенциала идей, возможности приложить к конкурирующим идеям соотносимые качественные оценки. Такая структура позволила бы рассматривать процессы, в частности идеологические, как динамическую систему с генерализованными закономерностями и правилами. Какое бы значение глобализация мы ни имели в виду, существование генерализованной системы и её динамическая природа остаются бесспорными.

До настоящего времени многовековое соревнование идеологий не затрагивало ценностей. Исследуя содержание различных идеологий, мы обнаруживаем в них во всех практически идентичный «набор» ценностей. Что в самом деле создает отличия — это сущностная интерпретация отдельных ценностей и их иерархия. Например, сегодня нет ни одной идеологии, которая не признавала бы ценность справедливости. Но само понятие справедливости может предполагать приоритет национального интереса — в на-

ционализме, автономии личности – в либерализме, уравнивание социальных различий – в социализме и т. д. Излишне констатировать, что иерархическая позиция этой ценности также изменяется от одной системы к другой. Но, в то же время, для каждой идеологии верно, что её внутренняя ценностная система сконструирована и организована непротиворечиво с опорой на собственные аксиоматические основания.

Отсюда следует, что глобализация требует главным образом нового, содержательно-динамического, подхода к обобщению и развитию традиционного многообразия существующих идеологических систем, как в структуре (иерархии), так и в содержании (интерпретации). Отличия идеологий, очевидно, детерминируются различными типами человеческой деятельности, отношений и ориентацией. Это многообразие само по себе, если рассматривать его с позиций человечества как целого, имеет собственную безусловную ценность как главный ресурс развития, как шанс будущего. Следовательно, прогресс не может состоять в уменьшении количества или разнообразия идеологий. Возникающее противоречие между этим многообразием и генерализованным характером наступающей эпохи и представляет собой главное содержание важнейшего всеобъемлющего вызова глобализации. Его можно сформулировать следующим образом: новые формы и смыслы идеологии должны быть открыты и созданы в непосредственной корреляции с сущностью безусловной, универсальной природы, и эта корреляция первична, приоритетна по отношению к корреляции с традицией или идеалами, или идейной конкуренцией. Говоря кратко – идеология должна соотноситься с универсальным. Внутренние ценности и принципы следует сопоставлять не друг с другом, не с соответствующими ценностями других идеологий, в конце концов, не с полезностью и эффективностью, а, прежде всего, с сущностью, предполагающей системную генерализацию.

Связи с явлениями универсального, фундаментально общего характера позволят идеологии найти новые пути решения древней задачи: станет возможным создать апологию вечных ценностей. Потребность в такой апологии тоже является одним из вызовов глобализации, ведь она затрагивает историческую природу ценностей. Каждая из них нуждается в экзистенциальном обосновании своего реального присутствия в человеческой жизни и, значит, в социальных отношениях. Вероятно, для большинства вечных ценностей такое обоснование коренится в самой идее прогрессивного, существование единого, целостного развития. Редкие из них получили образцовые апологии в прошлом: ценность жизни в эпоху Возрождения, ценность истины в эпоху Просвещения, ценность коммуникации в конце XX века и т. д. Поиск экзистенциальных обоснований делает бытие вечных ценностей «реальным» в формирующихся и трансформирующихся социальных явлениях. Предложение таких апологий означает также разработку и совершенствование нового языка идеологии. Традиционные идеологии, в которых представлены три части – теоретические идеи, практические идеи и практическая деятельность, – всегда фокусировались на двух первых, они были в большей мере пониманием чем деятельностью, и их язык обычно помещал человека между «желанием» и «обязанностью». В универсальной динамике идеология должна стать скорее деятельностью, чем пониманием, она нуждается в языке, который вынуждал бы человека производить и сохранять в самом себе импульс движения.

Новое состояние означает еще и то, что идеология должна конкурировать не с другими идеологиями, но с антиидеальными (нежелательными, хаотичными, примитивными и т. п.) аспектами жизни. Поскольку её роль состоит в привнесении духовных оснований в игру материальных интересов, она должна побеждать не в конкуренции, а в социальной реальности. Реализация этих трансформаций совершенно исключена в том случае, если идеология неспособна достичь принципиально нового качества – имеется в виду её способность неdestructивного взаимодействия с внешними, «чужими» идеями и принципами. До тех пор, пока внутренняя структура ценностей и идеалов остается самообоснованной, она весьма уязвима

в случае проникновения в неё частей и даже отдельных идей других идеологий. Включаясь в систему внутренних отношений, сущности чуждого происхождения обычно разрушают структурные связи или нарушают их определённую, вследствие чего вся система ослабевает. В новой же ситуации, задаваемой общечеловеческим масштабом глобализационных процессов, идеология должна достичь такого уровня пластичности и открытости, который позволяет поиск универсального обобщения и, следовательно, генерализованной корреляции с внешними новациями. Включение новых элементов призвано обогащать систему и умножать перспективы дальнейшего развития. Благодаря этому открытая, пластичная идеология должна оказаться более сильной и устойчивой, чем традиционно стабильная.

Для того, чтобы обнаружить и описать идеи, а также явления социальной и политической реальности, отражающие соответствие между требованиями эпохи и имманентным содержанием либеральной идеологии, необходим тщательный анализ исторических достижений (как теоретических, так и практических) либерализма и, кроме того, выяснение его нераскрытого потенциала и основных форм существования в современных западных и постсоциалистических странах. Ключевые вопросы, которые требуют своего решения, это значение победившей идеи социального конструктивизма и содержащегося в ней беспредпосылочного обоснования человеческой свободы; это и проблема эффективности свободы, и проблема иерархизации социальных отношений, и уже очевидная задача совмещения универсального характера гуманистических основ построения общества с уникальностью социального творчества, присущего свободе.

Позиции идеологий в современном мире строятся заново и требуют обращения к внутренним ресурсам развития. Задача собственной идеологии, выстраивание новых смысловых коннотаций являются единственным сколько-нибудь надёжным способом утвердиться в наступающем будущем. Тем не менее, и это очевидный парадокс, в нынешнем либерализме не только не ставится цель эволюции, внутреннего развития, отвечающего вызовам завтрашнего дня, — напротив, декларируется и обосновывается окончательное, предельно развитое состояние идей, их смысловая завершенность, что, например, демонстрирует знаменитая работа Фукуямы «Конец истории, или последний человек». В контексте же исторической экспансии рассматривается исключительно распространение ранее утвердившихся ценностей на новые сферы влияния.

Ещё один парадокс — построение самоосознания через реконструкцию идейных конкурентов. Теоретики либерализма озабочены сегодня тем, чтобы понять, за счёт каких сущностных черт реализует свое влияние социализм и где коренятся его просчёты (например, последние книги Хайека и Дарендорфа). В то же время несомненно, что в основу всего мировоззрения должна быть положена, прежде всего, постоянно возобновляемая, исходя из изменяющейся социальной реальности, реинтерпретация собственных идейно-теоретических оснований.

Соответствие содержания либерализма требованиям времени способно быть источником и фундаментом социального развития. Аргументация в поддержку этого тезиса должна быть выстроена на трёх уровнях: теории ценностей и культурных форм, философии идей и теории политических отношений. На этом основании будет возможно определить основные направления в предстоящем развитии либеральных идей, принципов и социальной позиции либерализма, выделить и очертить фундаментальные связи и соотношения между потребностями общественного прогресса и ожидаемым новым качеством либерализма.

Представители основных идеологических течений, рассматривая изменяющуюся социальную и духовную реальность со своих позиций, ведут себя так, как будто бы весь мир непрерывно трансформируется, и только основания идеологий остаются все теми же, неизблемыми и очевидными. «Для нас тут на Западе не существует вопроса, что такое либерализм», — к этой более чем оптимистической оценке Форлэндера, разумеется, в соответствующем парафразе, присоединились бы духовные лидеры и других

идейно-теоретических систем. Не подлежит сомнению, что развитые формы идеологического сознания призваны сыграть в процессах глобализации значительную и разностороннюю цивилизаторскую, окультуривающую роль. Но для того, чтобы справиться с этой ответственной функцией достойно, они должны возродить самоосознание как свой исходный пласт, преодолеть сформировавшийся в последние годы фактически иррефлексивный характер идеологического сознания.

Сегодня либерализм часто и по разным поводам критикуется, но, несмотря на все свои неудачи, эта идеология отмечена в наибольшей степени внутренним соответствием идеям развития и общественного прогресса. Во взаимодействиях с развивающимися странами она играет также часто цивилизующую и просветительскую роль, значение которой трудно переоценить. Теоретическая оценка перспектив либерализма должна содействовать дальнейшему развитию конкретного содержания многообразных аспектов этой идеологии, сохранению их корреляции. Это позволит обосновать принятие либерализма как идеологического базиса национального развития и интернационального сотрудничества; объяснению и, возможно, послужит предвосхищению новых форм и трансформаций либерализма, а также их социального значения; такая работа будет значима для утверждения иерархии видов социальной и политической деятельности и, следовательно, возможностей влияния на общественный прогресс и глобальные интегративные процессы.

Евладова Н. В. (г. Брест, БГТУ)

КОНСТИТУЦИОННОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ СИСТЕМЫ СДЕРЖЕК В СТРУКТУРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ФРГ

Конституция ФРГ, выработанная в 1948-1949 годах только для западной Германии, в 1990 году стала основным законом для всей Германии. В основу акта были положены конституционные традиции Германии (Конституция 1871 года, Веймарская конституция 1919 года).

Основной закон (ст. 20, 28) провозгласил ФРГ как правовое, демократическое, социальное федеративное государство. Записи о том, что Германия является правовым государством на прямую нет. Однако сам Основной закон, его положения пропитаны концепцией правового государства. Одним из важных элементов этой концепции является принцип разделения властей. Основной закон Германии базируется на теории разделения властей и в понимании принципа разделения властей. Хотя этот принцип прямо и не упоминается, его трезвенная структура чётко прослеживается в положениях пункта 2 ст. 20: «*Вся государственная власть исходит от народа. Она осуществляется народом путём выборов и голосований и через посредство специальных органов законодательства, исполнительной власти и правосудия*».

Но что отличает простую запись о разделении властей от его действительного воплощения? Если мы обратимся к теории разделения властей, то ответ можем найти в трудах Монтескье – это система сдержек и противовесов. В противном случае мы будем иметь не разделение властей, а разделение функций одной власти.

Каким образом система балансирования властей отражена в основном законе Федеративной Республики Германии?

В рамках демократического строя Основной закон Германии пытается установить ограничения власти и контроль над ней, создать определенное равновесие. Элементом государственно-правового балансирования власти является контроль над исполнительной властью со стороны суда (ст. 19, п. 4), а именно контроль всех государственных властей путем конституционной подсудности.

Законодательная власть в ФРГ вверена двухпалатному парламенту, палаты которого – Бундестаг и Бундесрат – не имеют равного статуса (как в порядке их формирования, так и в объёме полномочий). Нижняя палата – Бундестаг избирается на четыре года пу-

тем прямых выборов (половина членов в округах по мажоритарной системе, половина – по партийным спискам по пропорциональной системе). Верхняя палата – Бундесрат состоит из членов правительства земель.

Очевидно, что вхождение в состав Бундесрата членов правительства земель или их представителей в определенной мере усиливает эффективность этой палаты вследствие административного опыта его членов. В законодательном процессе нижняя палата обладает перевесом при разногласиях с Бундесратом (ст. 77-78). Законодательная инициатива принадлежит членам обеих палат и Правительству. Полномочия федеративного парламента распространяются на сферу исключительной компетенции Федерации, на смену конкурирующей компетенции Федерации и земель, и на вопросы, по которым Федерация может издавать общие предписания. Законы же ведущие к увеличению бюджетных расходов и предусматривающие их в будущем, принимаются только с согласия федерального Правительства. Единовластие парламента в законодательной области подрывает установленная возможность передачи этих полномочий Правительству – так называемое делегированное законодательство.

Как в каждой Парламентской республике центральная исполнительная власть в ФРГ бивалентна: она имеет во главе «слабого» Президента и «сильного» Канцлера. Президент выбирается Федеральным собранием, состоящим из членов нижней палаты, к которым добавляется равное число членов избираемых ландтагами земель. Такой порядок избрания подчеркивает существование федеративной формы государственного устройства. Президент может быть переизбран только один раз, и он не несёт ответственности за свои действия на посту главы государства. Все акты Президента должны быть контрастированы Канцлером, за исключением актов, касающихся назначения и увольнения федерального Канцлера, роспуска Бундестага. По ст. 63 Президент не может избрать Канцлера и его просьбы к федеральному Канцлеру продолжать ведение дел до назначения его приемника. Роль Президента увеличивается в случае, когда в Бундестаге отсутствует устойчивое число депутатов, поддерживающих Канцлера. Скажем, если в нижней палате отсутствует партия, обладающая большинством мест, то роль Президента возрастает, поскольку ему лично принадлежит право предложить кандидатуру Канцлера и тем самым выбрать направление политического развития страны на несколько лет вперед.

Средством стабильности исполнительной власти учредители Конституции избрали особый статус главы правительства – Канцлера. Он получил власть непосредственно от Бундестага, будучи избранным, по предложению Президента, без прений. Жесткие временные рамки, установленные в п. 3 и 4 ст. 63 для избрания Канцлера и возможности при этом роспуска Бундестага, подчеркивают значение этого лица в системе органов исполнительной власти. Только федеральный Канцлер несёт ответственность перед нижней палатой; министры назначаются и увольняются Президентом по предложению Канцлера. Ещё одним элементом стабильности Правительства стал конструктивный вотум недоверия Канцлеру, установленный ст. 67 Основного закона. Канцлер может быть смещён со своего поста только путем избрания Бундестагом большинством голосов его преемника. Будучи процедурой, весьма громоздкой, этот вотум недоверия всегда требует значительной консолидации оппозиционных сил вокруг конкретной кандидатуры, противопоставляемой правящему Канцлеру.

Практическое применение института конструктивного вотума оказалась не столь радужным, как предполагалось. Стабильность исполнительной власти очевидна в связи с введением конструктивного вотума недоверия, но только при условии достаточной широкой поддержки Канцлера в Бундестаге. Практика показывает, что когда в Бундестаге у Канцлера отсутствует широкая поддержка, этот институт ведет к политическим кризисам. С 1949 года этот вотум имел только 2 случая применения. В 1972 году Канцлер – социал-демократ В. Брандт располагал только очень небольшим большинством депутатов в Бундестаге. 23 апреля 1972 года Свободная демократическая партия (СДП) внесла резолюцию о конструктивном вотуме недоверия, который был отвергнут большинством всего лишь в 2 голоса. Канцлер не мог остаться в столь непрочном по-

ложении, и он инспирировал всеобщие выборы в конце того же года, форсировал процедуру роспуска Бундестага. В. Браун поставил вопрос об ответственности Правительства (ст. 68 Основного закона) и потребовал от своих министров голосовать против Правительства; в результате 248 членов палаты проголосовали «против» и 233 – «за», что дало возможность потребовать от Президента ФРГ распустить Бундестаг. В 1982 году была внесена резолюция о конструктивном вотуме недоверия в отношении Г. Шмидта. Свободная демократическая партия из-за разногласий по социальным вопросам перешла на сторону ХДС/ХСС. 1 октября 1982 года 256 голосами против 235 и 4 воздержавшихся эта резолюция была принята, и Г. Коль, став во главе новой партийной коалиции ХДС/ХСС и Свободной демократической партии наследовал пост Канцлера от представителя Социал-демократической партии. Неустойчивость правительства Г. Коля была очевидна и в этом случае, и 17 декабря 1982 года он поставил вопрос о доверии на основании ст. 68 Основного закона, потребовал от своих сторонников воздержаться от голосования. В результате Г. Коль оказался в меньшинстве, что опять таки позволило потребовать от Президента страны распустить Бундестаг и назначить новые выборы [1].

Заметным нововведением в конституционной системе ФРГ стал федеральный Конституционный суд. Этому суду предоставлены широкие полномочия, он является судьей по отношению к законодательной федеральной власти и исполнительной федеральной власти. Он может аннулировать акты по мотивам их неконституционности. Как показывает практика, неконституционным может быть объявлен весь акт, его часть. Конституционность акта может быть признана и лишь при соблюдении определенных условий, поставленных судом. Последнее обстоятельство указывает на обширность полномочий суда. Состоящий из 2 палат по 8 судей в каждой, он фактически представляет два одинаковых суда, каждый со своей компетенцией. Суд признан выносить юридические решения, которые всегда являются политическими по существу, он видит свою задачу в приспособлении Основного закона к потребностям текущего момента.

Ниже приведена схема, в которой показаны основные компетенции ветвей власти, позволяющие сдерживать и контролировать другие ветви власти [2].

Парламент – законодательная власть

На исполнительную власть

Ст. 54 (1) Федеральный Президент избирается Федеральным собранием без прений.

Ст. 61(1) Бундестаг или Бундесрат могут возбудить перед федеральным Конституционным судом обвинение против Федерального Президента в умышленном нарушении им Основного закона или другого федерального закона. Предложение о возбуждении обвинения должно быть представлено от имени не менее чем одной четвертой части членов Бундестага или не менее чем одной четвертой части голосов Бундесрата. Решение о предъявлении обвинения требует большинства двух третей членов Бундестага или двух третей голосов Бундесрата. Обвинение поддерживается представителем выдвинувшего обвинения органа.

Ст. 41(1) Проверка правильности выборов принадлежит Бундестагу. Он решает так же, утратил ли депутат членство в Бундестаге.

Ст. 63(1) Федеральный Канцлер избирается без прений Бундестагом по предложению Федерального Президента.

Ст. 67(1) Бундестаг может выразить недоверие федеральному Канцлеру тем, что большинством членов выберет ему преемника, и обратиться к Федеральному Президенту с просьбой об увольнении Федерального Канцлера. Федеральный Президент должен удовлетворить эту просьбу и назначить выбранное лицо.

(2) Между предложением о выражении недоверия и выборами должно пройти сорс восемь часов.

Ст. 80-a(1) Если в настоящем Основном законе или федеральном законе об обороне включая защиту гражданского населения, определяется, что правовые предписания могут применяться только в силу настоящей статьи, то их применение, вне состояния обороны, допускается, только если Бундестаг констатирует наступление состояния напряженности и

даст особое согласие на применение. Констатация состояния напряженности и дача особого согласия, указанные в первом предложении пятого абзаца и во втором предложении шестого абзаца статьи 12-а, требуют большинства в две трети поданных голосов.

(2) Меры на основании правовых предписаний, указанные в первом абзаце, должны быть отменены, если того потребует Бундестаг.

ст. 84 п. 2, ст. 85 п. 2, ст. 108 п. 7. В предусмотренных случаях административные распоряжения издаются только с согласия Бундесрата.

На судебную власть

Ст. 94 (1) Федеральный Конституционный суд состоит из федеральных судей и других членов. Члены Федерального Конституционного суда избираются в равном числе Бундестагом и Бундесратом. Они не могут принадлежать к составу ни Бундестага ни Бундесрата, ни федерального Правительства, ни соответствующих органов земель.

Ст. 101(2) Суды со специальной юрисдикцией могут быть учреждены только законом.

Правительство – Исполнительная власть

На президента

Ст. 58 Для действительности приказаний и распоряжений Федерального президента необходима их контрасигнатура Федеральным канцлером или компетентным федеральным министром. Это не относится к назначению и увольнению Федерального Канцлера, роспуску Бундестага согласно статье 63 и просьбам согласно абзацу 3 статьи 69.

На Парламент

Ст. 43 (2) Члены Бундестага и федерального Правительства, а также их уполномоченные имеют доступ на все заседания Бундестага и его комитетов. Они должны быть заслушаны в любое время.

Ст. 68 (1) Если обращение федерального Канцлера с ходатайством о выражении ему доверия не встречает согласия большинства членов Бундестага, то Федеральный Президент может по предложению Федерального Канцлера в течение двадцати одного дня распустить Бундестаг. Право на роспуск утрачивается, как только Бундестаг большинством своих членов изберет другого Федерального Канцлера.

(2) Между предложением о выражении доверия и голосованием должно пройти сорок восемь часов.

Ст. 82 Законы, вступившие в силу на основании предписаний настоящего Основного закона, после контрасигнатуры оформляются федеральным Президентом и публикуются в "Бундесгезетцблатт".

Ст. 113(1) Законы, увеличивающие предложенные Федеральным Правительством бюджетные расходы, которые включают новые расходы или допускают их в будущем, нуждаются в согласии федерального Правительства. Это же относится и к законам, содержащим уменьшение поступлений или допускающим это уменьшение в будущем. Федеральное Правительство может потребовать, чтобы Бундестаг отложил голосование по таким законам. В этом случае, федеральному Правительству предоставляется шестинедельный срок для дачи Бундестагу своего мнения.

Ст. 41(2) Решение Бундестага может быть обжаловано в Федеральный Конституционный суд

На судебную власть

60 (1) Федеральный Президент назначает и увольняет федеральных судей

Конституционный суд – судебная власть

На законодательную власть

Ст. 93 (1) О толковании настоящего Основного закона, по поводу споров об объёме прав и обязанностей верховного федерального органа или других участников, которые настоящим Основным законом или регламентом верховного федерального органа наделяются собственными правами;

На исполнительную власть

Ст. 93(1) О толковании настоящего Основного закона, по поводу споров об объёме прав и обязанностей верховного федерального органа или других участников, которые настоящим Основным законом или регламентом верховного федерального органа наделяются собственными правами;

(2) Если Федеральный Конституционный суд установит, что Федеральный Президент виновен вумышленном нарушении Основного закона или другого федерального закона, он может объявить его лишённым должности. После предъявления обвинения Федеральный Конституционный суд вправе временным приказом постановить, что Федеральный Президент не может выполнять свои должностные функции.

Таким образом, можно увидеть, что наиболее сильные позиции занимает судебная власть. А исполнительная и законодательная власти, при существующей необходимости политических действий, находятся в состоянии постоянного взаимодействия.

Главная идея теории Монтескье о разделении властей – это создание такого строя, который бы мог обеспечить политическую свободу, при которой не может делаться то, что хочется, но которая может предохранять от произвола властей [3]. Стабильная система, которая закреплённая в Основном законе ФРГ, и её демократический характер, в качестве составных элементов правового государства, в полной мере отражают идею Монтескье, благодаря чему она стала примером для новых европейских демократий.

1. Конституции зарубежных государств. – М.: Изд-во БЕК, 1996.
2. Основной закон Федеративной Республики Германии от 23 мая 1949 г. (с последующими изменениями и дополнениями до 20 октября 1997 года).
3. Ж.-П. Жакке. Конституционное право и политические институты. – М.: «Юрист», 2002.

Кудрицкая Е. Г. (г. Брест, БГТУ)

АДАПТАЦИЯ МОЛОДЁЖИ ПРИ ИЗМЕНЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ (НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ)

В общественных изменениях молодёжь всегда предвестник нового времени. Она проверяет жизнеспособность унаследованного, обосновывая тем самым современность. Она должна одновременно быть консервативной в защите полезного, непредвзятой в отказе от отжившего и непреклонной в стремлении к необходимому [1].

В процессе объединения Германии адаптация молодёжи в политическом, социально-экономическом, культурном плане была признана одной из важнейших задач. Это обусловлено как тактическими соображениями – противодействовать росту безработицы, молодежной преступности, так и стратегическими целями сохранения стабильности в обществе и его будущего. В условиях общественной трансформации, при переходе от тоталитарного общества к демократическому, от административно-распределительной экономики к рыночной, от идеологически унифицированного общества к плюрализму молодёжь оказалась весьма уязвимой.

Процесс социализации молодежи в ГДР был объектом пристального внимания со стороны государства и строго регламентировался. Каждая фаза воспитания подрастающего поколения

имела соответствующие институты: ясли – детский сад-школа – система профтехобразования или вуз – производственный коллектив. Это была строгая и по-своему гармоничная система, которая давала определённую степень социальной защиты и гарантий. Однако «обобществление» процесса социализации практически лишало молодёжь свободы выбора, атрофировало чувство личной ответственности, препятствовало раскрытию индивидуальности. Те, кто не подчинялся правилам, наказывались, например, отказом в рекомендации в вуз.

Система образования и воспитания молодёжи функционировала в жёстких рамках официальной идеологии, проводниками которой были пионерская организация имени Э. Тельмана и Союз свободной немецкой молодёжи. Большую роль играли встречи с ветеранами СЕПГ, рабочего и антифашистского движения, создание музеев революционной славы, посещение памятных мест и т. д. Особое место в системе идеологического воспитания молодого поколения занимало преподавание истории, для которого были характерны односторонность и идеологическая угодливость. Так, ГДР преподносилась как стоящая в общественном развитии выше, чем ФРГ, как «высший пункт в развитии немецкой истории». В освещении национал – социализма вся ответственность возлагалась на Западную Германию. Проанализировав сочинения школьников об этом периоде в истории Германии, исследователи отметили, что большинство видели в людях того времени исключительно жертв системы, искали оправдывающие их обстоятельства вместо попытки понять причины прихода Гитлера к власти, включая ответственность немецкого народа.

К концу 1980-х годов молодёжь ГДР испытывала чувство общественной и социальной дезориентации, поскольку повседневная жизнь все больше вступала в противоречие с официально декларируемыми нормами и правилами. Реакцией молодёжи стали различные формы общественной дезинтеграции («Aussteigen») уход в сугубо частную жизнь, дистанцирование путем провоцирующего, «антинормального» поведения (например, панк) [2]. Часть молодёжи, прежде всего студенты, надеялись на возможность «обновить систему», как это сделал М. Горбачев в СССР. Наконец, в среде верующей, прежде всего евангелической молодёжи, стали создаваться небольшие, но весьма активные оппозиционные режиму СЕПГ группы, которые поднимали проблему прав человека. Не удивительно, что большинство участников массовых выступлений в ГДР осенью 1989 г. были люди 25–40 лет, т. е. молодёжь 70–80-х, когда нарастал кризис режима СЕПГ, и таили иллюзии в отношении возможностей и перспектив «реального социализма».

Объединение Германии стало вызовом для исследователей молодёжи. Следовало предположить, что различия двух общественных систем приведут к существенным различиям в установках, что отрицательно скажется на процессе адаптации молодёжи. Не рассматривая экономических и социальных аспектов данной ситуации, остановимся на проблеме её мировоззренческих установок, что представляется существенным в процессе общественной трансформации в Восточной Германии и интеграции немецкого общества.

Летом 1990 г. Немецкий институт молодёжи (Мюнхен) провел первое сравнительное исследование общественно-политических взглядов, ценностных ориентаций, интересов 15–16-летних западных и восточных немцев: «Скептические демократы на пути в объединённую Германию» [3]. Неожиданно для исследователей результаты опросов не показали существенных различий в ответах на многие вопросы анкеты. Так, среди целей в жизни и западные, и восточные школьники назвали на первом месте интересную работу, которая обеспечила бы хорошее профессиональное положение и позволила вести приятную жизнь. Сфера политики в перечне устремлений оказалась у тех и других на последнем месте, невысоким – степень доверия общественным институтам (правительству, партиям, полиции, школе), при этом у восточногерманских школьников недоверие выразилось в большей мере. Участникам опроса было предложено определить параметры демократии. На первые места и западные, и восточногерманские школьники поставили свободу выражать свое мнение и свободные выборы (более 90 % опрошенных), от 80 до 90 % назвали равенство перед законом, равноправие

мужчин и женщин, равенство шансов на образование и работу, далее – гарантированное медицинское обслуживание, защиту окружающей среды, защиту прав меньшинств. С формулировкой «Я охотно живу в ФРГ/ГДР» согласились более 80 % опрошенных школьников в западных землях, в восточных – менее половины. «Довольны» и «скорее довольны» состоянием демократии в своей части Германии более 3/4 западногерманских школьников, на Востоке – около 46 %. Более 3/4 восточногерманских участников опроса заявили о том, что «многое здесь надо изменить». Опрос показал значительную степень взаимного отчуждения: почти каждый второй опрошенный и на Западе, и на Востоке Германии воспринимали друг друга как граждан другого государства, а не как немцев. Как представляется, результаты этого опроса отразили общественную атмосферу в момент объединения Германии, определённую эйфорию, не вполне осознанные различия и трудности начавшейся адаптации. Кроме того, возраст участников опроса позволяет предположить, что на ответы наложили определённый отпечаток взгляды и мнения родителей, учителей, СМИ.

Более объективную картину представляют исследования молодежи в западных и восточных землях, проведённые в 1992 и 1997 гг. Целью репрезентативного опроса около 7 тыс. молодых людей в возрасте от 16 до 29 лет было выявить политические взгляды и ценностные ориентации молодежи, а также степень интеграции двух частей Германии. Результаты показали сходство и различия во взглядах и устремлениях молодых людей в западных и восточных землях, при этом учитывались возраст, пол, уровень образования. В целом, результаты опросов выявили стирание различий между восточными и западными молодыми немцами в таких вопросах, как отношение к браку и созданию семьи, получению образования разных уровней и форм. В оценке окружающей действительности наибольшее удовлетворение было выражено отношениями с друзьями, родителями, а также возможностью самому определять свою жизнь.

Политика по сравнению с другими сферами интересов молодежи играет небольшую роль. Среди предложенных в анкете форм личного участия в политической жизни и западные, и восточные молодые немцы в наименьшей степени хотели бы вступить в политическую партию или занять какую-либо должность в политике, чаще всего была названа готовность принять участие в сборе подписей или в «гражданских инициативах». Если среди молодежи западных земель интерес к политике несколько вырос (1992 – 20,6 %, 1997 – 25 %), то в восточных землях – сократился (1992 – 22,3 %, 1997 – 17 %) [4; 3]. При этом существенно снизилась готовность молодых людей в восточных землях лично участвовать в политической жизни, за исключением «гражданских инициатив». Очевидно, что одной из главных причин является социально-экономическая ситуация в новых землях, вынуждающая молодежь больше сконцентрироваться на проблемах образования и трудоустройства (безработица среди молодежи здесь вдвое выше, чем в западных землях). Чем ниже уровень образования опрошенных молодых людей, тем ощущается большая неудовлетворённость от политики.

Данные опросов показывают в то же время скептическое отношение молодых людей к готовности политической системы реагировать на их желания и потребности. Почти 4/5 ответили, что «политиков не заботит, что думает молодёжь» (75 % в западных землях, 83 % в восточных землях соответственно) [5; 10]. В ответах отчётливо проявилось недовольство ситуацией, в частности невозможностью, влиять на принятие решений, а также реально соучаствовать в делах по месту учёбы или работы. Результаты опросов показывают недостаток доверия молодёжи к существующей системе, но не способностям и возможностям демократии, а её готовности воспринимать интересы и нужды граждан. Существует разрыв между приверженностью молодёжи идеям демократии и удовлетворённостью повседневной действительностью. При этом в восточных землях молодые люди более критично оценили состояние политической системы в Германии и выразили разочарование в своих ожиданиях, связанных с возможностями западной демократии.

Может ли такая ситуация привести к усилению политического радикализма среди молодёжи? Праворадикальные силы активизировали свою деятельность, особенно в восточных землях, используя политическую неискушенность молодёжи, её острую реакцию на экономические трудности и социально-психологические проблемы, неуверенность в завтрашнем дне. Они пытаются вовлечь молодежь в свои акции, пропагандируют националистические идеи, в частности, ненависть к иностранцам в Германии. В оценке правоэкстремистского потенциала в молодёжной среде следует избегать прямолинейного, упрощённого подхода. Враждебность по отношению к иностранцам ещё не означает принятия праворадикального мировоззрения. Исследователи обращают внимание на особенности политического и социокультурного поведения молодёжи: зачастую она просто хочет «других», не доверяя «официальным» партиям и политикам. Кроме того, в жизни молодых людей важную роль играют компании, группировки, «тусовки», диктующие свою моду и стиль поведения. В значительной мере этим объясняется определённая популярность «скинхедс». Социологи и психологи указывают на психоэмоциональные особенности молодёжи, корни которых связаны с воспитанием в детстве. Был проведён эксперимент, показавший, что молодые люди, заявившие о своей ненависти к иностранцам, имели серьёзные эмоциональные проблемы в семье и настроены вообще «враждебно к человеку» [6; 51-52]. Исследование показало, что молодёжь трезво оценивает сложившуюся ситуацию. Она готова трудиться несмотря на сложности. Однако в Восточной Германии процесс адаптации молодёжи ещё не завершён, хотя «молодёжный срез» подтверждает тенденцию к утверждению демократических норм и ценностей в условиях социально-политических изменений.

1. Abels, H. Jugend vor der Moderne. Soziologische und Psychologische Theorien des 20. Jahrhunderts. – Opladen, 1993.
2. Lange G. DDR – Jugendliche. Bedingungen des Aufwachsens in den 80-er Jahren // Deutsche Jugend. – 1990. – Н.10.
3. Deutsche Schueler im Sommer 1990 – skeptische Demokraten auf dem Weg in ein vereintes Deutschland. Deutsch – deutsche Schuelerbefragung 1990. DJI – Arbeitspapier 3 – 019.
4. DJI Bulletin. – 1999. – Н. 46.
5. DJI Bulletin. 2000. – Н. 50.
6. Wahl K., Tramiz Ch. New Look in der Sozialforschung: Fremdenfeindlichkeit: Die tiefen Wurzeln extremer Emotionen // DJI Bulletin. – 2000.

Студнева О. В. (г. Брест, БГТУ)

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ГЕРМАНИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Германия – одно из европейских государств, где уровень самоорганизации общества на современном этапе очень высок. Хотелось бы выяснить сущность самоуправления и, в частности, германской концепции самоуправления, причины германского федерализма, проследить логику исторического развития германской модели местного самоуправления в сравнительном анализе с другими европейскими моделями. Сравнительный анализ необходим с учётом того факта, что Германия является одним из членов Европейского Союза, который ставит в качестве необходимого условия членства формирование местных институтов демократии в государствах-членах.

В научных публикациях по проблеме местного самоуправления представлен достаточно широкий спектр взглядов, отражающих различия, порой существенные, в содержательной трактовке этого, ставшего снова модным, понятия. В одних случаях эти различия обусловлены спецификой узкопредметного анализа проблемы, не позволяющего правоведам, политологам, экономистам и другим подниматься на уровень сущностного обобщения явления, в

других – связаны с акцентированием внимания на особенностях самого процесса зарождения и развития самоуправления в разных странах и в разные исторические периоды.

Невнимание в теории более высокого уровня неминуемо приводит к методологической немошности исследований и терминологической неразберихе. А потому в современных публикациях о самоуправлении пишут то как о демократическом принципе или об особой форме взаимоотношений социального субъекта со средой и другими социальными субъектами, то как о форме согласования интересов и разрешения конфликтов или как о «дополнении» представителем институтов, своеобразном средстве, по выражению американского политолога В. Острома, от «недугов бюрократизма» [8, 37].

Такой значительный разброс смыслов и оттенков не связан, однако, с отсутствием общей концептуальной модели самоуправления, а скорее указывает на экстенсивный характер освоения проблематики со стороны современной отечественной научной мысли. Ведь до последнего времени, несмотря на достаточно давнюю традицию использования этого термина в мировой, а также русской дореволюционной литературе, в советском обществоведении в силу известных причин он использовался редко и, как правило, исключительно в контексте характеристики стабильности и устойчивости политической системы социализма.

Нынешний всплеск интереса к проблеме самоуправления имеет объяснения прежде всего в практической востребованности знаний в области социального управления. В ходе реформирования современного общества в направлении децентрализации управления, появления феномена региональной политики, формирования рыночных структур, опирающихся на инициативу и самостоятельность социальных субъектов, всё в большем объёме возникает необходимость учёта в развивающихся процессах того, что принято называть эффектом самоорганизации и саморегулирования. Применительно к практике социального управления суть этого эффекта заключена в довольно тривиальной закономерности: чем меньше народ пребывает в ожидании решения всех проблем «сверху», тем больше у него возможностей успешно решить все вопросы «снизу», полагаясь исключительно на собственную активность и самостоятельность и исходя из условий и специфики решений.

Кстати, как говорит об этом опыт зарубежных стран, понимание этой закономерности и стремление реализовать её в общественной практике является достаточно эффективным гарантом преодоления увлечений и перегибов излишней централизации и этапизации жизни общества, чрезмерного её огосударствления. В частности, в Германии было установлено, что эффективность бюджетных затрат на содержание городской среды стоит в прямой зависимости от степени внутренней интегрированности квартальных соседских сообществ [6, 22]. В Швеции, испытавшей на себе последствия внедрения в жизнь граждан некоторых социалистических принципов в духе государственного опекуства, также пришли к признанию того, что усиление заботы государства о людях ценой утраты ими самостоятельности далеко не всегда означало для них благо. В новых, только что отстроенных на государственные средства городских районах и заселенных людьми по меркам этой, в общем-то, благополучной страны малоимущими, неожиданно был отмечен невиданный всплеск безразличия и прямого вандализма горожан по отношению к муниципальной собственности. Социологи и социальные психологи не без оснований квалифицировали это явление как своеобразную реакцию облагодетельствованных помощью горожан на утрату части их независимости от государства и отсутствие возможности решать свои проблемы самостоятельно [4, 11-12].

Некоторые учёные-теоретики считают, что методологически идея самоуправления базируется на некоторых принципах и представлениях о сформированных в рамках общей теории систем (Л. фон Берталанфи), а также эволюционной теории Ж. Пиаже [4, 12]. Последний, в частности, обосновал тезис, что любые системы – физические, биологические, социальные – являются саморегулируемыми. Целостность системы, как её базовая характеристика, предполагает её устойчивость по отношению к внешней среде, а также по отношению к внутренней энтропии. Сохранение устойчивости системы требует саморегуляции её жизнедеятельности. Саморегуляция выступает в виде совокупности действий системы, направ-

ленных на её самосохранение, функционирование и развитие. Она является способностью системы сохранять и развивать свои системообразующие признаки.

Самоуправляемые системы являются частным случаем самоорганизующихся систем. В таких системах цель не дается извне, она имплицитруется субстратом и структурой самой системы, порождается ею. Чем сложнее и динамичнее процессы, в которые включена какая бы то ни было система, тем больше она имеет степеней свободы для своевременного реагирования и адаптации к происходящим изменениям для сохранения устойчивости. Существует лишь одно эффективное решение проблемы – расширение самостоятельности подсистем в пределах жизнеспособности системы как целого. Для социально-политических систем это означает ослабление диктата «сверху», развитие самоуправления, в первую очередь, регионального и местного, при одновременной демократизации управления, усиления обратной связи на всех уровнях.

Низкий уровень самоорганизации, отсутствие действенных обратных связей, эффективного контроля за деятельностью управляющих центров приводит к возникновению специфических механизмов торможения. Такие механизмы способствуют упрощению функций системы, ограничивают развитие её потенциала, а это сопряжено с последующей стагнацией и деградацией.

Уяснение сущности самоуправления, как видно, связано с разграничением понятий «организация» и «самоорганизация». В первом случае акцент делается на упорядочение, поддержание или изменение структуры системы за счёт деятельности «центров управления», в значительной мере выступающих в роли внешних элементов, импульсов системы. Самоорганизация же осуществляется за счёт эффективных обратных связей, корректирующих воздействие на эти центры. В таком контексте организация и самоорганизация выступают как противоположности, а процесс развития системы предстает как процесс разрешения широкого спектра противоречий, возникающих между ними.

Концепцию самоуправляемого общества, как известно, впервые сформулировал французский историк, социолог и политический деятель А. де Токвиль (1805-1859). В его представлении самоуправляемое общество является совокупностью множества саморегулируемых ассоциаций и общин. Саморегуляция отождествлялась им со способностью ассоциации самостоятельно изменять нормы, определяющие основные принципы и условия своего управления, вытекающие из правила взаимоотношений с другими подобными ассоциациями. Практика самоуправления, считал А. де Токвиль, есть необходимая основа демократии. Он утверждал, что «городские собрания значат для свободы то же, что начальная школа – для жизни; они учат людей понимать, что такое свобода, как ею пользоваться и наслаждаться» [10, 65]. Правительство же, выступающее как единственный гарант и единственный арбитр народного счастья, создает лишь иллюзию своего всемогущества в разрешении всех проблем. По мнению Токвиля, «ему больше ничего не остается, как только принять за себя бремя думать за всех и самому преодолевать все трудности» [10, 67]. Однако и люди, взваливающие это бремя на других, тем самым лишают себя возможности к самоуправлению.

Одной из центральных идей в концепции А. де Токвиля является мысль о том, что первоначальным источником власти является отнюдь не государство в лице своих представительных органов и даже не «нация» и не «народ», как это обычно декларируется в законе, а индивиды, добровольно объединяющиеся с другими на основе своих «нелечуждаемых прав» и сами управляющие своими собственными делами. Именно при таких условиях и при таких взаимосвязях у людей формируется истинное гражданское самосознание, отражающие тот факт, что они сами являются правителями и выступают как коллективный автор условий и порядка правления. С феноменом гражданского сознания связывается и наличие у людей чувства ответственности, способности соизмерять свои интересы с интересами ближних и согласовывать их.

В системах правления, основанных на принципах самоуправления, А. де Токвиль видел реальную альтернативу государственной автократии. Анализируя и высоко оценивая опыт американской демократии в сочинении «Демократия в Америке», он утвер-

ждал, что система права, совместимая с потребностями самоуправления, должна базироваться больше на разнобразии, в том числе широте охвата, нежели на единообразии и исчерпывающем регулировании. Его идол – общество, строящееся на принципах взаимопомощи, функционирующее как множество ассоциаций и общин с соответствующими взаимоотношениями, мобилизующими самоуправленческий потенциал людей.

Значимость американского опыта демократического правления заключалась для него ещё и в том, что путь его формирования от практики самоуправляемых религиозных коммун первых поселенцев Новой Англии (пуритан) шёл к самоуправляемым деревням, поселениям, городам и т. д., то есть развивался «снизу» «вверх» и «вширь»; а не наоборот. В случае, когда демократическое правление отождествляется с республиками, управляемыми «энергичными выразителями воли большинства», когда процесс приобретает направленность «сверху «вниз»», самоуправленческий потенциал людей и общества в целом значительно снижается. Осмысление всего этого Токвиль считал задачей «новой политической науки» для «нового мира».

Ещё в XIX веке были выделены три модели взаимоотношений между центром и местами (английская, французская и прусская). В целом эти же модели – англосаксонская, французская (или южно-европейская) и германская (или северо-среднеевропейская) – в качестве основных признаков и сегодня [9, 6; 7, 5; 12, 96-103]. Отмечалось, что в англосаксонской модели, нередко рассматривавшейся как идеальный тип регионального самоуправления, самоуправлению предоставлена вся действительная власть в круге местных интересов; во французской – власть (формально) находится в руках региональных правительственных органов, осуществляющих надзор за самоуправлением; в германской – органы государственного управления и регионального самоуправления сливаются в единый институт.

К странам, где системы регионального управления относятся к англосаксонскому типу, принадлежит Великобритания, США, Канада, Ирландия, Австралия, Новая Зеландия. Французская модель используется в Италии, Бельгии, Нидерландах, Португалии, в некоторых странах Латинской Америки. В советской литературе высказывалось мнение, что «организация местного (регионального) самоуправления других буржуазных стран не имеет ярко выраженной специфики, поэтому не имеет смысла выделять иные типы местной организации» [5, 13]. Однако системы регионального управления некоторых других европейских государств, прежде всего Германии и других скандинавских стран, обладают набором уникальных характеристик, которые не позволяют отнести их ни к одному из двух указанных выше типов. В ряде работ англосаксонская модель противопоставляется континентальной, объединяющей германскую и французскую. Иногда в особый тип выделяют латиноамериканские системы регионального управления. Советское региональное управление рассматривали также как особый тип, в западных исследованиях он получил название «интегрированного» регионального управления. Следует подчеркнуть, что все три модели регионального управления используют как федеративные, так и унитарные государства.

В работах, касающихся местного самоуправления, наиболее часто проводится разграничение между государственной и общественной теориями самоуправления. Согласно первой из них (в Великобритании и США связываемой преимущественно с решениями судов) местное самоуправление производно от государственной власти и, следовательно, подчинено ей. «Общественная» («общественно-хозяйственная», «общинно-хозяйственная») теория, напротив, отрицает такую зависимость, обосновывая положение, согласно которому региональные органы самоуправления должны самостоятельно, независимо от органов государственной власти решать локальные хозяйственные дела.

Общественная теория утверждает: «сущность местного самоуправления [заключается] в предоставлении обществу самому себе вестить свои собственные интересы и в сохранении за правительственными органами заведования одними только государственными делами» [3, 17]. Локальное общество противопоставляется государству, общественные интересы – политическим. Перед сторонниками этой теории стояла задача чётко

разграничить хозяйственные и политические вопросы; однако сколь-нибудь удовлетворительно решить её не удавалось. Попытки провести чёткое разграничение между кругом государственных и кругом общественных дел предпринимались неоднократно, однако их результаты не были широко восприняты в связи со сложными – уже в XIX веке – переплетением местных и общегосударственных задач.

В настоящее время доминирование государственной власти перед местным (региональным) самоуправлением в системе взаимоотношений не оспаривается почти никем. Концепция дуализма, наиболее соответствующая германской модели местного управления, как указывает Г. В. Барабашев, «порождает представление о сбалансировании идей местной автономии и централистских устремлений государственной власти; между тем, централистское бюрократическое начало служит определяющим фактором муниципальной деятельности в условиях государства» [3, 25].

Действительно, органы местной власти во всех странах являются объектом воздействия центрального законодательства, а структура, функции, финансовые механизмы местного (регионального) управления отражают предпочтения национальных элит (при этом лидеры регионов могут обладать рычагами воздействия на центральный уровень, что, однако, не снижает значимость решений, принимаемых именно в центре).

Конституционная формула предоставляет высшим (как правило, представительным) органам государственной власти страны право определять структуру и систему финансирования местных органов самоуправления. Следовательно, несмотря на практику предоставления определенной автономии регионам, законодательство обеспечивает центру возможность её ограничения.

Политическая активность 60-х годов XX века подтолкнула к разработке теорий о наиболее предпочтительной территориальной структуре местной единицы. Сторонники фрагментации и консолидации вели (и продолжают вести) жаркие споры о том, какая из моделей является: 1) наиболее экономически эффективной; 2) в большей степени соответствует демократическому принятию решений; 3) гарантирует эффективное распределение; 4) максимально содействует экономическому росту.

Доводы защитников консолидации основываются на том, что крупным структурам присуща экономия масштаба; многие виды услуг малые локальные образования просто не имеют возможности предоставлять; крупные единицы могут получить больше полномочий, следовательно, большим будет местное влияние на определение политического курса. Они утверждают, что локальные образования должны совпадать с территориальными экономическими единицами – так эффективнее осуществлять региональное планирование. Сторонники фрагментации возражают, считая, что консолидация не гарантирует лучшего планирования и распределения, отдаляет власть от граждан [13, 123-128].

Одним из направлений реформирования систем управления на местах на Западе стало создание органов власти и управления регионов в унитарных государствах. К компетенции новых органов были отнесены контроль и координация деятельности нижестоящих органов, органов местного управления. Обратной стороной консолидации стала передача полномочий новым органам (земли в Германии, регионам во Франции, и т. д.). Кроме того, происходила передача ряда функций по обслуживанию населения вышестоящим органом или их агентством на местах без создания новых промежуточных уровней. С точки зрения национального правительства этот процесс выглядел как децентрализация.

А. Трайнин, основываясь преимущественно на французском опыте, указывает, что в доктринах децентрализации выделяются функциональная и территориальная децентрализация. Функциональная основана на «передаче компетенции государственным автономным учреждениям и органам, осуществляющим определённые функции на территории тех или иных административно-территориальных единиц, территориальная (вертикальная) – на создании нового административно-территориального подразделения – региона» [11, 64-65].

Советские исследователи утверждали, что задачами подобных реформ являются:

- укрупнение административно-территориальных единиц (а, следовательно, сокращение числа избираемых населением местных представителей и увеличение дистанции между ними и избирателями);

- дальнейшее расширение форм функциональной децентрализации, осуществляемой путём создания и укрепления агентств центральной власти, по сути вытесняющей местные представительные органы из деятельности в ряде сфер [11, 29].

В 80-е годы в странах Запада на высшем уровне не однажды высказывалась озабоченность состоянием местной и региональной демократии: показателен факт подписания Европейской хартии местного самоуправления [1], а в 1997 году и Европейской хартии регионального самоуправления [2]. Европейский союз не скрывает своей заинтересованности в большей фрагментации структуры национальных государств-членов и, соответственно, в большей непосредственной кооперации городов и регионов, позволяющей создать единую Европу.

1. Европейская хартия местного самоуправления (1985) // Местное самоуправление (нормативная база). – М.: Деловой альянс, 1998.

2. Европейская хартия регионального самоуправления (1997) // www.delai.1t/session/rec-44-e.htm / 15.02.03. – С. 1-23.

3. Барабашев Г. В. Местное самоуправление. – М., 1996.

4. Жуков Ж., Куценко В. Местное самоуправление: что есть что (зарубежный опыт) // Диалог. – 1995. – № 3. – С. 11-16.

5. Местные органы в политической системе капитализма. – М., 1985.

6. Местное самоуправление в Германии. – М.: Де-юре, 1996.

7. Местное самоуправление в зарубежных странах (Информационный обзор) / Под общ. ред. Н. П. Медведева и др. – М.: Юр. лит., 1994.

8. Остром В. Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество. – М., 1993.

9. Тихонов Д. А. Местное самоуправление: из истории концепций // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. – 2000. – № 2: – С. 3-17.

10. Токвиль А. Демократия в Америке. – М., 1994.

11. Транин А. А. Административно-территориальная организация капиталистического государства. – М., 1984.

12. Чиркин В. Е. Организационные формы местного самоуправления: Россия и зарубежный опыт // Журнал российского права. – 1997. – № 8. – С. 96-103.

13. Keating M. Size, efficiency and democracy: consolidation, fragmentation and public choice // Theories of urban politics. L., Thousand Oaks; New Delhi, 1997. – P. 123-128.

Студнева О. В. (г. Брест, БГТУ)

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА СУБЪЕКТОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ГЕРМАНИИ

Федеративная Республика Германия – единственное государство в Европейском Союзе с чётко федеральной конституцией. Основными причинами, обуславливающими высокий уровень самоорганизации германского общества на современном этапе, являются:

- 1) теоретическое обоснование и внедрение различных элементов самоуправления,ходящее корнями в начало XVIII века (бельгийский опыт и др.);

- 2) федеративное устройство германского государства, а priori предполагающие значительные полномочия территорий – субъектов федерации (земель) и распространяющее данный уклад при дальнейшем разделении земель на более мелкие образования.

Создание современного германского федерализма было в значительной мере результатом политики западных оккупационных держав, которые таким путем хотели ос-

лабить возможность возрождения централизованного милитаристского германского государства. ФРГ – это конституционная федерация, учреждённая на основе конституции 1949 года. Каких-либо федеративных договоров между федерацией и землями в Германии не существует (упомянутый выше договор об объединении ФРГ и ГДР – это акт иного рода). Систему отношений федераций и земель, а также земель между собой обычно характеризуют как кооперативный федерализм, поскольку существует законодательно оформленное их сотрудничество между собой.

После объединения двух германских государств в состав ФРГ входит 16 земель (до объединения – 11 земель), являющихся её субъектами, в том числе: три города – Берлин, Гамбург и Бремен. Между землями существуют различия в уровне экономического развития, в исторических традициях, размерах территории, численности населения. Крупнейшая по территории земля Бавария в 174 раза больше самой малой земли Бремен, а наиболее населенная земля Северный Рейн – Вестфалия в 26 раз превосходит тот же Бремен [5, 416]. Различаются и диалекты земель, но не языковой фактор стал основанием их обособления, так как всё это – немецкий язык. ФРГ построена по территориальному принципу. При обособлении земель учитывались, прежде всего, исторические традиции, экономические связи. Германская федерация в своей основе симметрична, хотя определённые элементы юридического неравенства между землями все же есть.

Принятая в 1949 году Конституция ФРГ (Основной Закон) определяет три уровня власти внутри федерации: федеральное правительство, земли и общины. Управление в федерации осуществляется посредством следующих звеньев его структуры (в порядке увеличения размеров):

- Общины (Gemeinden);
- Округа (Kreise);
- Земли (Länder).

В ряде земель вводятся дополнительное звено администрирования – район (Bezirke), статус которого варьируется в зависимости от спецификации административно-территориального устройства конкретной земли. Районный уровень в структуре местного самоуправления может как следовать за уровнем округа (Баден-Вюртемберг), так и предшествовать ему (Северный Рейн – Вестфалия, Шлезвиг – Гольштейн и др.). Некоторые крупные общины называются городами (Stadt).

Конституция закрепляет основные принципы правового регулирования самоуправления земель ФРГ:

1) конституционный порядок в землях должен соответствовать принципам республиканского, демократического и социально-правового государства, федерация гарантирует соответствие конституционного порядка земель положениям Конституции ФРГ. Земли имеют свои конституции, местные парламенты (ландтаги, в городах-землях такие представительные органы называются сенатами), принимают законы, имеют своё правительство, но хотя эти земли иногда в конституциях называются государствами, государственного суверенитета они не имеют;

2) на территории всей федерации должен быть обеспечен единый уровень жизни; у граждан земель равные права и обязанности; кадры федеральных органов должны формироваться соответственно чиновниками всех земель, если же тот или иной федеральный орган действует в земле, его сотрудники должны набираться, как правило, из этой земли;

3) все земли независимо от их размеров имеют равный статус, что не исключает определённого неравенства их представительства в Бундесрате;

4) земли осуществляют государственные полномочия постольку, поскольку Конституция не утанавливает иного порядка, но федеральное право имеет преимущество перед правом земель;

5) компетенция федерации и земель разделены. Различаются и исключительная компетенция федерации (это 11 вопросов, в том числе внешние отношения, обсрона, железные дороги, поч-

та, телесвязь и др.), конкурирующая (совместная) компетенция (24 вопроса) и компетенция земель. Земля может издавать законы в сфере конкурирующей компетенции, если вопрос не урегулирован федеральным законом. Федерация вправе издавать законы и в сфере, относящейся к землям, если полагает, что вопрос не может быть эффективно решен землей, если регулирование одной земли может нарушить интересы другой земли и т. д. Кроме вопросов исключительной и совместной компетенции, федерация наделена правом издавать общие предписания по ряду других вопросов: общие принципы высшего образования, общее положение печати и кино, охрана природы, отвод земель, регистрация жителей и др. По существу, это составляет основу законодательства, законы-рамки. Используя данное право, федерация расширяет свою компетенцию за счёт земель. Осуществляя свои полномочия, федерация и земли отдельно несут расходы, но если земля действует по поручению федерации, расходы несёт последняя. Земли имеют свои бюджеты, но федерация должна принимать меры для экономического выравнивания земель путём оказания помощи, путем инвестиций и т. д.;

6) Основной закон допускает возможность федерального принуждения, если земля не выполняет обязанностей, возлагаемых на неё федеральной конституцией и федеральными законами, федеральное правительство может принять необходимые меры, чтобы заставить её выполнять свои обязанности (на практике такие меры не принимались);

7) в соответствии с концепцией кооперативного федерализма все учреждения федерации и земель должны оказывать друг другу правовую и административную помощь. В случаях серьёзных нарушений общественного порядка, при стихийных бедствиях земля может просить федеральное правительство о направлении федеральных вооружённых сил, полицейских сил другой земли. В случае катастроф, охвативших несколько земель, федеральное правительство может и по своей инициативе направить в соответствующие земли вооружённые силы и дать указания другим землям о направлении в район бедствия полицейских сил.

Высокий уровень децентрализации управления в Германии предполагает значительные полномочия региональных органов и в финансовой сфере. Основной чертой немецкой финансовой системы является то, что важнейшая роль при организации общественного финансового процесса отводится разделению налоговых поступлений между различными уровнями власти.

Федеральные и земельные налоги собираются общинными финансовыми органами и направляются в центр, после чего определённая доля возвращается обратно. Например, около 23 % доходной части бюджета общины приходит в форме грантов – либо из центра, либо из земли. Это и общие гранты (возврат установленной части налогов), и специфические, предоставляемые в соответствии с государственной политикой выравнивания уровня социально-экономического развития территорий.

Часть федеральных и земельных налогов, возвращаемая на локальный уровень, доходит до 39 % от общей суммы федеральных и земельных налоговых поступлений. К федеральным и земельным налогам относятся налог на доход, налог на предприятия и налог с оборота. Сугубо земельными являются налог на богатство, налог на похоронную службу, налог на автомобили, пивной налог и налог на казино.

25 % бюджета общины формируется из единовременных выплат локального характера и оплаты служб. 13 % бюджета формируется за счёт коммунальных платежей. Оставшаяся часть бюджета покрывается из других источников.

Бюджет округа на 28 % складывается из грантов, на 21 % – из платежей за социальные службы и 26 % составляют компенсационные отчисления со стороны общин, расположенных на территории округа [4, 24].

Следует особо подчеркнуть, что правила управления бюджетами общин и округов и ведения расчётов устанавливаются землей. Также в ведении земли находится планирование и администрирование локальных финансов.

Внутренняя организация местного самоуправления в различных землях может существенно отличаться. Это обусловлено расчленением территории послевоенной Германии на оккупационные зоны, в которых США, Великобритания и Франция вплоть до 1949 года (года принятия Основного закона ФРГ) развивали механизмы управления, применяемые в их собственных системах административного устройства. На внутреннюю организацию земель также повлияли территориальные реформы 70-х гг., в результате осуществления которых многие небольшие районы и общины были объединены.

Учитывая эти факторы, можно выделить несколько систем самоуправления, сложившиеся в ФРГ:

- 1) южногерманская;
- 2) северогерманская;
- 3) основанная на магистрате;
- 4) основанная на институте бургомистра [3, 24].

Южногерманский тип представлен в землях Баден-Вюртемберг и Бавария. Управление общиной в данной системе осуществляется советом общины и бургомистром. Совет общины состоит из бургомистра и – в зависимости от размера общины – от 8 до 60 почётных советников. Советники избираются прямым тайным голосованием сроком на 5 лет в Баден-Вюртемберге и 6 лет – в Баварии. Бургомистр также избирается прямым тайным голосованием на 8 лет в Баден-Вюртемберге и 6 лет – в Баварии. Советники выполняют свою работу на общественных началах, в то время как должность бургомистра является освобождённой (т. е. бургомистр осуществляет свою деятельность на профессиональной основе).

Бургомистр является председателем совета общины и действует как глава локальной администрации. В городах бургомистр носит титул обер-бургомистра. Данный чиновник ответствен за подготовку проектов решений, принимаемых советом, за обеспечение их реализации. Бургомистр, с одной стороны, реализует государственные функции, делегированные общине. Основным законом, с другой стороны – представляет общину на любом уровне и несёт перед общиной ответственность.

Совет уполномочен решать все вопросы жизнедеятельности общины, за исключением тех, которые возложены на бургомистра. В своей деятельности совет не связан наказами избирателей, поэтому его ответственность перед общиной в целом является относительно низкой.

Земли Баден-Вюртемберг и Бавария разделены на округа (35 и 71 соответственно), в каждом из которых (как и в общинах) функционирует два руководящих субъекта – совет округа и ландрат. В свою очередь, совет округа состоит из 50-70 старших советников, избираемых на срок и обладающих полномочиями по аналогии с механизмом, действующим в южногерманских общинах. Ландрат избирается советом округа в Баден-Вюртемберге и прямым голосованием в Баварии. Ландрат ответствен за реализацию решений совета и возлагает управление в округе. Его полномочия и срок их действия аналогичны установленным в общинах для бургомистров.

Советы округов, как и советы общин, могут учреждать консультативные советы и полномочные комитеты. Окружные комитеты состоят из ландрата и насчитывают от 10 до 14 старших советников.

Особенностью Баварии как федеральной земли является то, что кроме общин и округов здесь существует ещё одно звено локального администрирования – 7 районов, находящихся по статусу между округами и землей. Районные органы осуществляют ряд функций, направленных на социальное, экономическое и культурное развитие района, в том числе на создание соответствующих общественных структур и служб. Высшим органом принятия и реализации решений в районе является районная ассамблея, которая избирается каждые 4 года. Олицетворяя локальное представительство, районная ассамблея включает представителей различных социальных слоев и разнообразных сфер деятельности, при этом в

ассамблее прежде всего представлены лица, имеющие опыт работы в местной политической системе, включая ландратов, бургомистра и советников. Все 240 члена семи районных ассамблей осуществляют деятельность в данных структурах на общественных началах.

Северогерманский тип распространен в землях Нижняя Саксония и Северный Рейн – Вестфалия. Высшим руководящим органом в общинном самоуправлении данного типа является совет.

Советы общин Нижней Саксонии состоят из 7-16 депутатов, избираемых на 5 лет. Ответственным за реализацию решений совета является управляющий, который является наёмным работником, назначенным советом на 12-летний срок. Управляющий возглавляет административный комитет, который представляет собой автономный орган управления, состоящий из бургомистра, 2-10 членов совета, а также представителей партийных коалиций и групп.

Главной отличительной чертой общин северогерманского типа является то, что бургомистр избирается членами совета и исполняет свои обязанности по совместительству, т. е. освобожденной должности бургомистра данная система не предусматривает.

Нижняя Саксония разделена на 38 округов. В отличие от других земель ФРГ, нижнесаксонская система округов полностью локализована, т. е. каждый округ утверждает полномочия окружных органов управления по собственному усмотрению. В большинстве случаев управление округом осуществляется советом, управляющим и подчинённой последнему окружной комиссией. Совет избирается на 5 лет и состоит из 43-71 депутата. Титул «ландрат» в данной системе применяется для обозначения не главы окружного исполнительного органа, а почётного председателя совета общин (бургомистра), одновременно являющегося депутатом окружного совета.

Самоуправление в земле Северный Рейн – Вестфалия в целом было сформировано по сходному принципу с отличием в сроке полномочий управляющего (не 12, а 8 лет). Однако в результате реформ начала 90-х годов в общинах стала вводиться практика выборов бургомистра непосредственно населением, что приблизило систему к южногерманской модели.

При самоуправлении, основанном на магистрате и основанном на институте бургомистра, высшим органом общины также является совет. Из названий данных систем вытекает, что первоначально предусматривалось придание основной роли при осуществлении территориального управления либо магистрату (коллективному административному органу), либо бургомистру. Как первый, так и второй типы самоуправления предусматривают функционирование и бургомистра, и магистрата одновременно – изменяется только баланс полномочий. В этой связи в землях с данными типами самоуправления (Бремен, Шлезвиг-Гольштейн, Рейнланд-Пфальц, Саар и др.) на современном этапе сложилась система с двумя влиятельными институтами управления – бургомистром и магистратом. При этом бургомистр может избираться как советом, так и непосредственно населением.

В заключение подчеркнём, что системы всех четырёх типов самоуправления в Германии со временем динамично изменялись с целью повышения мобильности управления процессами на конкретных территориях. В результате определилась тенденция распространения практики избрания бургомистра непосредственно населением и придания ему более широких полномочий по сравнению с другими властными структурами региона, что является проявлением доминирования южногерманской традиции в современном местном самоуправлении ФРГ.

1. Основной Закон Федеративной Республики Германии от 23 мая 1949 года // Конституции государств Европейского союза / Под ред. Л. А. Окунькова. – М.: НОРМА-ИНФРА, 1999. – С. 181-234.
2. Конституция земли Баден-Вюртенберг от 12 октября 1948 года // Местное самоуправление (нормативная база). – М.: Деловой альянс, 1998. – С. 11-36.
3. Местное самоуправление в Германии. – М.: Де-юре, 1996.
4. Подкопаев В. В. Местное самоуправление в государствах ЕС. – Мн.: ЕГУ, 2001.
5. Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран. – М.: Юрист, 1997.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ «БАНКРОТСТВА» В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ГЕРМАНИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Атрибутами нормальной рыночной экономики являются гарантия частной собственности, конкуренция и возможность банкротства. Если есть собственник, то он в случае неэффективной работы может быть обанкрочен.

Считается, что слово «банкрот» заимствовано из немецкого языка, куда в свою очередь пришло из итальянского, и представляет собой сращение итальянских слов «banco» (банк, конторка, стоп менялы) и «rotto» (разбитый). Для должника, который не мог исполнить свои обязательства перед кредиторами, наступали крайне негативные последствия имущественного и личного характера. Так, в Германии эдикты Карла V, изданные в 1531 и 1540 годах, приравнивали несостоятельных должников к ворами, которых можно было подвергнуть немедленной казни.

Наряду с термином «банкротство» в законодательстве применяется также термин «несостоятельность». При изучении нормативно-правовых норм о банкротстве можно выделить два подхода к соотношению этих понятий.

В одном случае в Гражданском кодексе Республики Беларусь банкротство и несостоятельность рассматриваются как тождественные понятия, т. е. слова банкротство «bankruptcy» и несостоятельность «insolvency» являются равнозначными и взаимозаменяемыми терминами.

Сущность второго подхода заключается в том, что банкротство рассматривается только как частный случай несостоятельности. По Закону Республики Беларусь от 30 мая 1991 г. «Об экономической несостоятельности и банкротстве» банкротство есть некая крайняя форма несостоятельности – полная несостоятельность. В Германии банкротство в его нынешнем значении упоминается в связи с уголовно-наказуемыми, противоправными действиями, то есть рассматривается как уголовно-правовая форма несостоятельности.

В Германии и в Беларуси с разницей почти в полтора года были приняты нормативные акты, регулирующие Экономическую несостоятельность («банкротство»)

В Германии – это Положение «О несостоятельности» (Insolvenzordnung), действует с 1 января 1999 года, для разработки которого в качестве базовой модели проекта был взят US Bankruptcy Code (USBC). На основе анализа практических данных применения USBC был разработан критический подход к изучению американской системы регулирования несостоятельности. Результатом такого подхода стало то, что, хотя в основном германском законе и используются правовые технологии, разработанные в американской системе регулирования (например, механизм голосования по классам при принятии решения собранием кредиторов по поводу плана восстановления платежеспособности должника), Insolvenzordnung имеет идейное содержание, значительно отличающееся от того, на котором построен USBC. В отличие от американского регулирования, в Insolvenzordnung основное внимание уделяется защите имущественных интересов кредиторов, а не судьбе несостоятельного лица, «реорганизация не является более предпочтительной, чем ликвидация», должник не имеет возможности использовать для своей выгоды начало процедур банкротства. Целью нового германского законодательства стало эффективное использование активов, а не защита попавших в затруднительное положение фирм от действия рыночных сил. Поэтому в новом законе не оказывается предпочтение продолжению деятельности субъекта по сравнению с продажей действующего предприятия другому субъекту или распродажей активов.

В Беларуси – это Закон Республики Беларусь от 18 июля 2000 г. № 423-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)». Это уже второй закон, прямо обращённый к проблеме регулирования банкротства, причём и он уже имеет вторую редакцию. Совместно с ним действует и Указ Президента Республики Беларусь от 2 ноября 2003 г. № 508 «О некоторых вопросах экономической несостоятельности (банкротства)». Белорусская право-

вая база направлена в первую очередь на реализацию возможности сохранения предприятия-должника, и реорганизация является предпочтительнее ликвидации.

Интересно проследить, как решается вопрос о зачёте взаимных требований по законодательству обоих государств, так как вопрос о предоставлении кредиторам права проведения зачёта взаимных требований очень важен, его решение влияет на экономическое положение сторон. В случае запрета зачёта взаимных требований, кредитор проигрывает дважды. Во-первых, несостоятельный должник не может выполнить свои обязательства в пользу кредитора. Во-вторых, кредитор под страхом применения к нему гражданско-правовых санкций должен выполнять свои обязательства в пользу несостоятельного лица. Одним из наиболее часто встречающихся на практике примеров является ситуация, когда предприятие, взявшее кредит в банке, стало неплатежеспособным. В этом же банке на депозитном счёте, принадлежавшем предприятию, имеются денежные средства, приблизительно соответствующие полученному кредиту. Ответ на вопрос, может ли банк зачесть эти денежные средства в счёт погашения кредита или же обязан передать эти активы в конкурсную массу и будет являться указанием на подход конкретного законодательства к вопросам разрешения или запрещения взаимозачёта.

В Германии, если у кредитора на момент открытия производства по закону (соглашению) имелось право на проведение зачёта, то начало процедур несостоятельности не затрагивает это право. Если право возникло в ходе производства о несостоятельности, то оно может быть реализовано только тогда, когда для подлежащих зачёту требований наступили условия исполнения. Если требование является безусловным и может быть исполнено до начала производства, то зачёт запрещен. Также зачёт не допускается, если конкурсный кредитор:

- стал должен конкурсной массе после открытия производства о несостоятельности;
- приобрел право требования к должнику от других кредиторов после открытия производства о несостоятельности;
- получил право требования в результате действия, которое может быть обжаловано;
- стал должен конкурсной массе, а право требования должно быть исполнено за счёт свободного имущества должника.

В Республике Беларусь нормы носят более жёсткий характер: в период, с момента открытия конкурсного производства до момента прекращения хозяйственным судом производства по делу о банкротстве или завершения ликвидационного производства, не допускается зачёт взаимных требований должника и кредиторов, не предусмотренный планом санации.

Нельзя не обратить внимание и на различие в подходах к удовлетворению требований конкурсных кредиторов в конкурсном производстве, на приоритеты в распределении конкурсной массы.

В Германии после проведения заседания по проверке требований конкурсный управляющий с согласия комитета кредиторов должен начать распределение активов конкурсной массы среди кредиторов. Перед каждым распределением конкурсный управляющий составляет перечень требований, по которым будет производиться распределение. Этот перечень должен быть представлен в канцелярию суда для того, чтобы все заинтересованные лица могли с ним ознакомиться. При наличии оспоренного требования доля активов, предназначенных для распределения по этому требованию, не будет распределяться до окончательного решения суда по этому спору. Если требование вытекает из обязательства с отлагательным условием и на момент окончательного распределения возможность нарушения условия настолько отдалена во времени, что это требование не имеет имущественной ценности, то такое требование не учитывается, а доля по такому требованию освобождается для окончательного распределения. Кредитор может обжаловать перечень требований, по которым производится распределение, в суд по делам о несостоятельности. Если требования удовлетворяются частично, то конкурсный управляющий с согласия комитета кредиторов устанавливает размеры долей.

Окончательное распределение производится после полной реализации предметов конкурсной массы с разрешения суда по делам о несостоятельности. После того как принято решение об окончательном распределении, суд назначает дату проведения заключительного собрания кредиторов для рассмотрения расчёта конкурсного управляющего, заявления возражений против заключительного перечня требований, принятия кредиторами решений в отношении имущества конкурсной массы, которое не удалось реализовать: Если при окончательном распределении были удовлетворены все требования кредиторов, и осталось нераспределённое имущество, такое имущество передаётся должнику – физическому лицу или делится между участниками юридического лица, как при ликвидации. После завершающего распределения суд выносит решение об окончании производства о несостоятельности. Об этом делается официальное сообщение.

После окончания производства конкурсные кредиторы вправе предъявлять должнику требования, оставшиеся неудовлетворёнными (причём требования, попавшие в таблицу, имеют силу судебного решения, и по ним возможно принудительное исполнение). При этом упомянутые правила не распространяются на положения об освобождении от остатка долга. Если ранее удержанные суммы возвращались для распределения или возвращались суммы, выплаченные из конкурсной массы, или обнаружены предметы, подлежащие включению в конкурсную массу, то суд по делам о несостоятельности вправе принять решение о дополнительном распределении.

В первую очередь из конкурсной массы удовлетворяются требования кредиторов:

- с правом залога на вещь, входящую в конкурсную массу;
- которым должник для обеспечения обязательства передал в собственность вещь;
- которым принадлежит право удержания;
- федерации, земли, общины, имеющим удерживаемое или арестованное имущество, которое является гарантией по таможенным и налоговым платежам.

Все эти кредиторы называются кредиторами с правом на особое удовлетворение. Они являются конкурентными кредиторами. Их иски в случае недостаточности имущества удовлетворяются пропорционально принадлежащим им требованиям. Такие кредиторы имеют право на особое удовлетворение вытекающих из предмета залогового обязательства главного требования, процентов и издержек. Они могут получить по своему желанию предмет залога или права удержания. Также они вправе получить долевое удовлетворение из конкурсной массы, если откажутся от особого удовлетворения или оно стало невозможным.

Затем компенсируются издержки производства о несостоятельности: судебные издержки, расходы на временных конкурсных управляющих, вознаграждение конкурсным управляющим, членам комитета кредиторов и прочие обязательства конкурсной массы (из действий конкурсного управляющего по управлению и распределению конкурсной массы). Конкурсная масса предназначена для удовлетворения кредиторов по личным обязательствам, которые на момент открытия производства о несостоятельности обладают обоснованными имущественными претензиями к должнику (конкурсные кредиторы).

Далее удовлетворяются требования из двусторонних договоров, исполнение которых должно иметь место после открытия производства о несостоятельности, и обязательства из непропорционального увеличения конкурсной массы.

После того удовлетворяются прочие требования кредиторов в следующей очередности:

- проценты, начисленные по требованиям конкурсных кредиторов, с момента открытия производства;
- издержки отдельных кредиторов;
- денежные штрафы, административные взыскания, наложенные в административном порядке, а также денежные выплаты в связи с противоправными действиями;
- требования по безвозмездным обязательствам должника;

– требования по возврату ссуды, выданной в погашение взноса участников общества для образования капитала (в случае равной очередности требования погашаются пропорционально).

И, наконец, удовлетворяются требования, по которым между кредитором и должником была согласована очередность для проведения процедур несостоятельности. Требования, заявленные с опозданием, участия в распределении не принимают.

В Республике Беларусь удовлетворение претензий к должнику осуществляется на основании плана ликвидации, который подготавливается ликвидационной комиссией или самим субъектом хозяйствования (банкротом). План ликвидации должен отражать условия, порядок, очередность и пропорциональность удовлетворения претензий кредиторов.

Белорусское законодательство о банкротстве, направленное на иные, чем в Германии, приоритеты предусматривает внеочередное покрытие судебных и связанных с выплатой вознаграждения управляющим расходов, осуществление текущих коммунальных и эксплуатационных платежей должника, а также удовлетворение требований кредиторов по обязательствам должника, возникшим в процессе производства по делу о банкротстве.

Эти расходы можно рассматривать как своеобразную плату кредиторов за обеспечение максимально возможного удовлетворения их требований к несостоятельному должнику, то есть кредиторы в процессе производства по делу о банкротстве сами становятся своеобразными должниками управляющего и государства в лице судебного учреждения, удовлетворяя их требования из причитающегося им имущества банкрота.

После вышеуказанных платежей управляющий организует выплату кредиторам их долей разделенного имущества, то есть подлежащих удовлетворению признанных требований или их частей, в соответствии с установленной законом очередностью.

Требования кредиторов удовлетворяются в следующей очередности:

- в первую очередь удовлетворяются требования физических лиц, перед которыми должник несёт ответственность за причинение вреда их жизни или здоровью, путём капитализации соответствующих повременных платежей;
- во вторую очередь производятся расчёты по выплате выходных пособий и оплате труда лиц, работающих у должника по трудовому договору (контракту), и по выплате вознаграждений по авторским договорам;
- (Требования кредиторов первой и второй очереди, предъявленные до окончания расчётов со всеми кредиторами, в том числе после закрытия реестра требований кредиторов, подлежат удовлетворению);
- в третью очередь удовлетворяются требования по обязательным платежам;
- в четвертую очередь удовлетворяются требования кредиторов по обязательствам, обеспеченным залогом имущества должника;
- в пятую очередь производятся расчёты с другими кредиторами.

Требования кредиторов, предъявленные по истечении срока, предусмотренного для их предъявления, в том числе требования по уплате обязательных платежей, если они возникли после открытия конкурсного производства, удовлетворяются за счёт имущества должника, оставшегося после удовлетворения требований кредиторов, предъявленных в установленный срок.

Требования кредиторов, не удовлетворенные по причине недостаточности имущества должника, непризнанные требования кредиторов, если кредитор не обращался в хозяйственный суд, и требования кредиторов, признанные необоснованными, признаются погашенными. Сведения о погашении требований кредиторов управляющий вносит в реестр.

Приведённые примеры показывают, что права кредиторов по германскому законодательству защищены более надёжно, чем по белорусскому законодательству, а защита, предоставляемая обеспеченным кредиторам, даже может снизить реабилитационные возможности Insolvenzordnung. Положения Insolvenzordnung точно соответствуют поставленной задаче – реорганизация не является предпочтительней, чем ликвидация.

Традиционно в Германии законодательство о несостоятельности рассматривалось как ответвление гражданской процедуры принудительного взыскания долга. По-видимому, это явилось одной из причин, объясняющих дальнейшее направление в развитии германского законодательства о несостоятельности.

Опыт Германии в институте банкротства, как государства со стабильной и добротной правовой базой, может быть использован в Беларуси при совершенствовании и унификации нормативной базы по вопросам несостоятельности субъектов хозяйствования.

1. Закон Республики Беларусь от 30 мая 1991 г. «Об экономической несостоятельности и банкротстве».
2. Закон Республики Беларусь от 18 июля 2000 г. «Об экономической несостоятельности (банкротстве)».
3. Указ Президента Республики Беларусь от 12 ноября 2003 года № 508 «О некоторых вопросах экономической несостоятельности (банкротства)».
4. www.Bdg.htm.

Олешко И. М. (г. Брест, БГТУ)

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРОЦЕССОВ ВНЕДРЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ НЕМЕЦКИМИ КОМПАНИЯМИ

Нарастающие процессы глобализации и обострения конкуренции, протекающие в настоящее время во всех высокоразвитых странах мира, вынуждают производителей уделять всё большее внимание потребностям клиентов и с возрастающей скоростью приспосабливаться к сокращению жизненного цикла товаров и динамике технологических изменений. В этих условиях основное внимание производителей смещается на разработку и внедрение логистических концепций и стратегий, основанных на современных информационных системах.

Эффективные решения в сфере логистики позволяют предприятиям значительно сократить сроки поставок, повысить качество продукции, сократить издержки и повысить гибкость производственного процесса.

Требование эффективного исполнения возложенных на неё задач вынуждает систему логистики претерпевать постоянную трансформацию, изменяя свою роль в производственном процессе. Так называемая классическая логистика 70-х годов 20-го века охватывала задачи и функции, направленные на своевременное обеспечение производственного процесса необходимым количеством материалов и оборудования. В этот период логистика не является цельной подсистемой производственного цикла, будучи интегрированной в его отдельные этапы, такие как транспортировка, упаковка продукции, складирование и т. д.

На второй стадии своего развития, благодаря укреплению роли логистического менеджмента, система логистики становится связующим звеном всего производственного цикла, интегрируя воедино ранее разобщённые производственные подсистемы и смещая акцент от обслуживания отдельных функций к эффективной организации и координации непрерывных материальных и товарных потоков.

Третий этап развития логистики сместил фокус на растущее значение координации информационных потоков. Ликвидация информационного дефицита в производственной цепочке стала возможной благодаря, в-первую очередь, стремительному развитию информационных технологий. Способность обеспечить непрерывную и точную передачу информации в режиме реального времени обо всех физических процессах, происходящих в любой точке производственного цикла, превратила информационные системы в центральное ядро системы логистики, обеспечив максимальную оптимизацию всей цепи производственных процессов. Более того, информационные системы позволили логистическому менеджменту выйти за пределы отдельного предприятия, создав основу для эффективного планирования, контроля и взаимодействия глобальных производственных сетей, состоящих из множества самостоятельных производственных субъектов и тесно координирующих единый производственный процесс.

Многообразие задач в сфере планирования, учёта и координации, стоящих перед современными предприятиями, привело к возникновению и развитию целого комплекса логистических информационных систем (ЛИС), или точнее сказать семейств этих систем, гармонично дополняющих друг друга, интегрирующихся друг с другом и обеспечивающих в полной мере решение комплекса возложенных на них задач. Следует сказать, что практически все эти системы не являются логистическими в чистом виде, поскольку обеспечивают также функции контроля, оперативного и стратегического управления и многое другое. Но благодаря единой организации информационных потоков, именно логистическая составляющая позволяет объединять разнородные производственные процессы и функции в единое целое.

Основными классами ЛИС являются:

- системы планирования ресурсов предприятия – ERP (Enterprise Resource Planning);
- системы управления цепочками поставок – SCM (Supply Chain Management);
- системы управления взаимоотношениями с клиентами – CRM (Customer Relation Management).

Кроме того, сюда же следует также отнести такие быстро развивающиеся направления как **e-commerce**, **e-business**, **e-procurement**, **ECR** (Efficient Consumer Response), **ASP** (Application Service Providing), **ATP** (Available To Promise) и др.

Охарактеризуем кратко основные классы ЛИС.

Современные интегрированные комплексы класса ERP являются последним на сегодняшний день этапом развития систем планирования производственных ресурсов и основываются на возникших достаточно давно системах планирования потребности в материалах MRP (Material Requirements Planning) и дополнивших их системах MRP II (Manufacturing Resources Planning), использующих более сложные математические модели, различные методы прогнозирования и анализа, и обеспечивающих дополнительную функциональность наличием подсистемы планирования финансовых ресурсов. Базируясь на системах MRP и MRP II, системы ERP содержат дополнительные модули управления маркетингом, сбытом, специальные возможности для управления логистическими цепочками, конфигурирования сложной продукции и обработки заказов через интернет. Среднестатистическими результатами внедрения таких систем считаются увеличение производительности на 15-25 %, уменьшение складских запасов на 10-20 %, сокращение сроков выполнения заказов на 20-50 % [2;212-213].

Если ERP-комплексы изначально ориентированы на обеспечения максимально эффективной внутренней логистики предприятия, то системы управления цепочками поставок SCM являются звеном информационной системы предприятия, управляющим внешней логистикой. Использование решений класса SCM позволяет компаниям уменьшить запасы товаров на складах, повысить точность прогнозов, и в конечном итоге сократить время выпуска товаров на рынок и улучшить качество обслуживания потребителей. Согласно исследованиям западных аналитиков, внедрение систем управления цепочками поставок позволяет поднять уровень исполнения заказов до 90 % и выше [2; 230].

В борьбе за стратегическое конкурентное преимущество центром пристального внимания предприятия всё чаще становится конечный потребитель, клиент компании. Удовлетворённость клиента, наличие обратной связи с клиентом, управление отношениями с клиентом занимают всё более важную роль в логистической концепции предприятия, становятся неотъемлемым конечным звеном целостной цепочки поставок. Информационные технологии обеспечили возможность хранения больших массивов данных, собирающих характеристики клиентов – их предпочтения, поведение, историю взаимоотношений с компанией, позволяющих проводить как обобщенный анализ клиентской базы, так и персонализирующих каждого из клиентов. Весь этот комплекс операций выполняется в рамках CRM-систем, систем управления взаимоотношениями с клиентами. Современные CRM-системы позволяют решать ряд фундаментальных вопросов в области продаж,

маркетинга и клиентского обслуживания, обеспечивают сохранение и накопление знаний о стандартных маркетинговых проблемах и путях их решения.

Следует сказать, что основу для успешного внедрения и развития ЛИС на предприятиях Германии создает высокая степень информатизации немецкой экономики в целом. Так, по оценкам исследований European Information Technology Observatory, научной организации занимающейся исследованием европейского IT-рынка, рост IT-составляющей немецкой экономики составил с 37,7 млрд. евро в 1999 году до 41,4 млрд. евро в 2002 году, и несмотря на снижение темпов развития IT-сектора, связанное с общеэкономическим спадом региона, Германия достаточно уверенно выглядит на фоне других наиболее развитых стран Европы [4; 357, 358, 361, 368].

О том, насколько серьезны намерения немецких концернов осуществить масштабное внедрение ЛИС, показывает пример компании Bayer AG, являющейся одним из мировых флагманов химической и фармацевтической индустрии. Проводя на протяжении ряда лет стратегическую политику на внедрения ERP-систем R/3 и mySAP.com, валовые издержки концерна на внедрение ERP-систем за период с 1998-2004 гг. составили около 1.3 млрд. евро. В настоящее время во всех филиалах и подразделениях Bayer AG над внедрением системы R/3 работает свыше 1200 сотрудников IT-подразделений, одновременно около 50 000 сотрудников компании проходят курсы по обучению работы с новыми программными продуктами. Внедрение систем позволяет концерну отказаться от приблизительно 350 различных программных продуктов, использовавшихся ранее для решения различного спектра производственных задач [3; 3].

Схожие процессы протекают в настоящее практически во всех крупных и средних немецких компаниях. Компания Samrgetini проведя исследования 158 ведущих немецких компаний установила, что около 10 % опрошенных предприятий инвестировали за последние несколько лет в ERP-системы до 1 млн. евро, 15 % – до 500 тыс. евро, и 53,4 % предприятий – до 250 тыс. евро. При этом этап инсталляции ERP-систем для большинства компаний уже позади, на сегодняшний день основную задачу компании видят в росте эффективности и сокращении издержек посредством более качественной поддержки пользователей системы, вовлечения в систему непокрытых бизнес-процессов, повышении системы безопасности [5; 24-26].

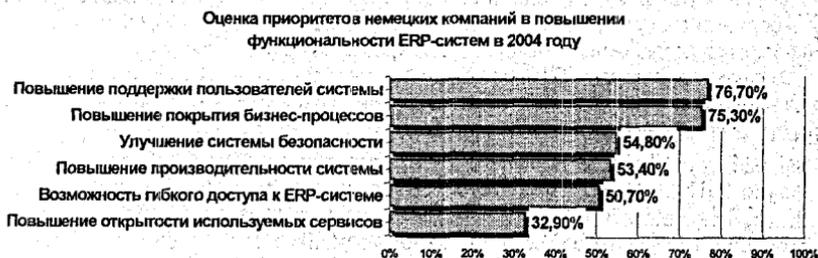

Рис. 1. Оценка приоритетов немецких компаний в повышении функциональности ERP-систем в 2004 году [5; 26].

Если процесс внедрения систем класса ERP крупными немецкими компаниями практически завершён, то системы управления цепочками поставок только начинают массовое внедрение.

По данным экспертов компании META Group, осуществивших опрос 916 немецких предприятий в 2000 году, только четверть опрошенных уже внедрила такого рода системы, либо планировала осуществить их внедрение до конца 2001 года [6; 15-18]. Большинство опрошенных компаний заявило, что в ближайшем будущем не видят потребности и необходимости в такого рода системах. Особенно сдержанно в этом отношении высказались мел-

кие и средние компании. В качестве компании указывают в первую очередь невозможность чётко просчитать те выгоды, которые принесут им предлагаемые SCM-решения. Кроме того, многие из компаний считают, что некоторые из функций SCM-систем, например в области учёта материальных и транспортных потоков, могут быть успешно реализованы уже имеющимися ERP-решениями. Вместе с тем, META Group подчёркивает, что этот сегмент ЛИС имеет очень высокий потенциал роста (рис 2).

Оценка роста внедрения систем класса SCM немецкими компаниями

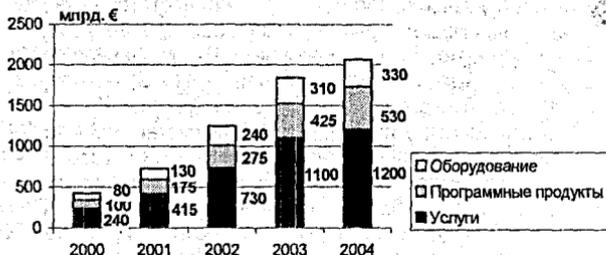

Рис. 2 Оценка роста внедрения систем класса SCM немецкими компаниями [6; 15]

Немецкий рынок CRM-решений также находится на этапе уверенного роста. Предполагается, что среднегодовые темпы развития рынка CRM-систем составят 9,5 % в год, что обеспечит его рост с 1,03 млрд. евро в 2003 году до 1,35 млрд. евро в 2006 году [7; 9]. Особенно ощутимые импульсы роста ожидаются в секторе услуг, банковской и финансовой сфере, а также в торговле, поскольку именно в этих отраслях успех в значительной мере зависит от умения правильно организовать контакты со своими клиентами. С точки зрения реализации CRM-решений всё большую роль играют порталы компаний, системы управления бизнес-процессами (Business Process Management - BPM) и интеграция данных о клиентах (Customer Data Integration - CDI). При оптимизации и расширении существующих CRM-систем, приоритетными задачами немецких компаний являются улучшение качества и целостности данных, также как и расширение функциональности этих систем. Кроме того, как и в целом во всех сегментах ЛИС, среди пользователей CRM-решений наблюдается возрастающая потребность в более тесном взаимодействии CRM-систем с другими моделями ЛИС. Поэтому в будущем деятельность компаний будет направлена на увеличение степени интеграции CRM-решений со всеми взаимосвязанными областями и в первую очередь с системами планирования ресурсов.

1. Helmut Baumgarten, Logistik im E-Zeitalter. – Frankfurt am Mein, 2001.
2. Пичугин И. Информационные технологии. Путеводитель по новой экономике. – М., 2002.
3. Uwe H.Suhl, Betriebliche Informationssysteme. – Freie Universitaet Berlin, 2004.
4. EITO "European Information Technology Observatory 2004 edition". – Frankfurt am Mein, 2004.
5. Capgemini Deutschland Holding GmbH "Studie IT-Trends 2004". – Berlin, 2004.
6. META Group "Supply Chain Management und Collaboration in Deutschland". – Ismaning, 2000.
7. META Group "Customer Relationship Management im Jahr 2004". – Ismaning, 2004.

РАЗДЕЛ V

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Краюшкин Д. А. (г. Брест, "Еврорегион "Буг")

СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И ЗНАЧЕНИЕ ПОБРАТИМСКИХ КОНТАКТОВ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ С ФРГ

Побратимские связи между городами Республики Беларусь и Федеративной Республики Германия имеют огромное значение для развития двустороннего сотрудничества, особенно в сфере малого и среднего бизнеса, культуры и гуманитарных программ.

Первые партнёрские связи между городами ФРГ и Беларуси возникли ещё в период существования Белорусской ССР. Первостепенную роль при этом играли многочисленные личные контакты и активная жизненная позиция отдельных граждан – инициаторов и энтузиастов установления, поддержания и развития этих отношений. Определяющим фактором жизнеспособности и эффективности побратимских связей является наличие обоюдной заинтересованности со стороны городских органов власти и управления, а также неправительственных, в первую очередь гуманитарных, организаций обеих стран.

Сотрудничество белорусских и немецких городов развивается по широкому кругу направлений и, в большинстве случаев, с возрастающей интенсивностью. Среди основных областей взаимодействия следует выделить сферу культуры (включая обмен творческими коллективами, организацию выставок и т. д.), молодёжные контакты, обмен опытом работы городских администраций и коммунальных служб, содействие развитию экономических связей, совместную работу над проблемами минимизации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Побратимское сотрудничество сопровождается активными гуманитарными контактами между городами-участниками. Так, только по линии немецкого города Шёнефельда, партнёра Луинца, благодаря деятельности городских властей и неправительственных организаций с немецкой стороны, в Беларусь с 1996 года было направлено 15 конвоев с гуманитарной помощью.

По состоянию на 10.09.2004 г. партнёрские отношения существовали между 14 белорусскими и 16 немецкими городами. В настоящее время юридически оформленные побратимские связи с немецкими партнёрами установлены у 5 городов Брестской области, что является своеобразным рекордом среди других регионов Беларуси. Картина побратимских связей Брестской области с ФРГ выглядит следующим образом: партнёром Бреста является Равенсбург (федеральная земля Баден-Вюртемберг), Кобрина – Ульцен (Нижняя Саксония), Луинца – Шёнефельд (Шлезвиг-Гольштейн), Пинска – Альтена (Северная Рейн-Вестфалия), Столина – Хомберг (земля Гессен).

Показательным примером побратимских связей Брестской области с ФРГ может являться опыт сотрудничества г. Бреста с Союзом общин Средней Шуссентали (земля Баден-Вюртемберг), включающим города Равенсбург и Вайнгартен и общины Байндт, Берг и Байенфурт. Договор о заключении партнёрских связей был подписан 20.09.1989 г. в русском варианте и 12.07.1990 г. – в немецком. Основными целями партнёрства были объявлены развитие взаимопонимания и уважения между гражданами Беларуси и Германии, поддержание мира и свободы наших народов, предотвращение вооружённых конфликтов. Этим целям в течение полутора десятилетий служит двусторонний обмен представителями всех возрастных и профессиональных групп населения: сотрудников органов власти и управления, деятелей культуры, спорта и образования, школьников и пенсионеров.

По взаимной инициативе администрации Союза общин Средней Шуссентали и Брестского городского исполнительного комитета в 2002 году был реализован совместный проект реконструкции и оснащению медицинским оборудованием филиала детской поликлиники № 1 г. Бреста. Этот филиал по ул. Красногвардейской, получивший название «Средняя Шуссенталь», предназначен для оказания ортодонтической помощи всему детскому населению города в режиме дневного стационара. Реконструкция здания была выполнена за счёт средств городского бюджета, а немецкой стороной по линии Красного Креста были собраны денежные средства для приобретения медицинского оборудования и оснащения центра на общую сумму 223 530 евро. В настоящее время в филиале поликлиники № 1 развёрнуты и функционируют все диагностические службы и кабинеты.

В конце мая 2003 года г. Брест посетила официальная делегация Союза общин Средней Шуссентали во главе с его председателем Германом Фоглером, а в начале июня 2003 года – группа немецких представителей во главе с бургомистром общины Байндт Эдгаром Шацем. Основными целями этих визитов являлись торжественное открытие филиала детской поликлиники № 1 и переговоры по новому проекту реконструкции и оснащения медицинским оборудованием её основного здания по ул. Халтурина.

На протяжении многих лет поддерживают контакты с представителями солдатского общества г. Равенсбурга ветераны войны и труда г. Бреста. В мае 2003 года немецкая делегация посетила г. Брест, в июле 2004 года группа отечественных представителей нанесла ответный визит в ФРГ.

Тесная дружба и взаимные интересы связывают женскую организацию г. Бреста «Общество друзей Союза общин Средней Шуссентали», женский клуб «Гармония» с обществом «Запад – Восток» г. Равенсбурга. Значимую роль в этих контактах играет межличностный аспект благодаря дружеским взаимоотношениям между конкретными представителями белорусской и немецкой сторон, что, безусловно, способствует укреплению взаимопонимания и доверия между людьми. В августе 2003 года делегация в составе 25 женщин из Равенсбурга посетила г. Брест, где принималась на уровне горисполкома.

Организация Красного Креста г. Равенсбурга на протяжении многих лет сотрудничает с Республиканским центром медицинской реабилитации для детей с психоневрологическими заболеваниями «То-тус». На пожертвования немецкого города-побратима центром было приобретено необходимое медицинское оборудование и расходные материалы, а также профинансирован ряд мероприятий социального характера.

Кроме этого, немецкая сторона поддерживает контакты с рядом других детских учреждений лечебно-воспитательного профиля, в частности, с Брестским ясли-садом № 63 и дошкольным центром развития ребёнка № 40. Семьи из немецких городов-побратимов помогают приобрести технику, литературу, обмениваются опытом работы с детьми.

В рамках побратимских контактов организован обмен делегациями педагогических работников и школьников, в котором с белорусской стороны участвуют средние школы № 7, № 20 и № 10 г. Бреста, с немецкой – католическая школа «Клёрстерле» и Вальфдорская школа г. Равенсбурга. Развивается также обмен молодёжными делегациями. В

ноябре 2003 года юношеская делегация из Бреста участвовала в молодёжной конференции в Равенсбурге, планируется участие брестских представителей в аналогичном мероприятии в 2005 году.

Установлены и поддерживаются дружеские отношения между Немецкой ассоциацией альпинистов и ГТК «Цитадель», спортивным клубом «Бусидо» г. Бреста и союзом дзюдо г. Равенсбурга, налаживаются контакты между пожарной командой г. Вайнгартена и службой МЧС г. Бреста. Немецкая сторона охотно принимает у себя творческие коллективы из нашего города – народный хор «Веснянка» Брестского электролампового завода, народный баянно-аккордеонный оркестр Брестского государственного университета, ансамбль «Белая Русь». В 2002 году оркестр БрГУ и аккордеонный оркестр «Бруно Гросс» из Равенсбурга дали серию благотворительных концертов в пользу детей, пострадавших от Чернобыльской аварии.

У побратимских связей г. Бреста и Союза общин Средней Шуссентали, а также у других населённых пунктов Беларуси и ФРГ, между которыми существуют партнёрские отношения, безусловно, есть широкие перспективы. Совместная реализация хотя бы части проектов, обмен опытом, идеями и информацией открывают новые возможности для развития экономических, культурных и гуманитарных контактов между регионами двух стран. Кроме этого, побратимские связи с ФРГ помогают демонстрировать перед немецкой общественностью позитивные стороны сотрудничества с Беларусью, что в перспективе могло бы способствовать налаживанию полномасштабного политического диалога на межгосударственном уровне между двумя нашими странами.

Бодак М. С. (г. Брест, БГТУ)

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ЭЛЕМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ: ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ В ГЕРМАНИИ И БЕЛАРУСИ

К началу XXI века социальная политика стала главным источником легитимации государственной власти в постиндустриальных обществах. Признание гражданами существующей в обществе системы отношений во многом ныне зависит от их отношения к институтам социального государства. Это обстоятельство не осталось незамеченным в практике развития государственности. На сегодняшний день можно говорить о превращении идеи социального государства в важнейший элемент государственной идеологии многих стран. Тем не менее, остаётся проблемой определение самого понятия социального государства и принципов его построения. Особенно острыми стали дискуссии о судьбе социального государства в эпоху глобализации, приведшую, по мнению многих западных теоретиков, к кризису социального государства как такового. Однако никто не оспаривает потребности общества в таком механизме регуляции, а лишь делают попытки адаптировать его к новым реалиям. Опыт различных государств в этом плане очень полезен и актуален для нашей страны, которая столкнулась с теми же проблемами в построении социального государства в эпоху глобализации, что и другие страны.

Теоретический образ социального государства, устанавливающего новые стандарты в социальном обеспечении граждан, развивался на протяжении 70-80-х гг. XX столетия параллельно с практикой утверждения его политических порядков. Обществу была предложена политическая модель установления социальной справедливости, которая предлагала обеспечение каждому гражданину не только приблизительно равных шансов на самореализацию, но и минимально необходимых условий для обеспечения ему достойного существования, должного уровня защищённости от социальных рисков, соучастия в управлении делами общества и государства. Устанавливаемые принципы деятельности государства предполагали сознательное выравнивание реальных социальных условий жизни граждан посредством проведения политики полной занятости, внедрения системы соглашений меж-

ду работодателями и наёмными работниками, а также формирования государства, стоящего на страже социальных нужд населения и защищающего его от общественных катаклизмов. В рамках этой стратегии социальное государство предлагало адресную помощь наиболее нуждающимся слоям общества, предоставляя им источники существования (работу, социальную помощь), налаживая социальные контакты, обеспечивая реализацию индивидуальных жизненных планов. Это, в свою очередь, предполагало перераспределение государственного бюджета в пользу наименее обеспеченных слоёв населения, изменение политики занятости и переподготовки работников, установление новых отношений с частным сектором, направленных на усиление социального страхования, поддержку безработных, молодёжи, неквалифицированных рабочих, престарелых и инвалидов.

Практика свидетельствует, что при такой направленности государственных действий социальное государство возникло и благополучно развивается на сегодняшний день в наиболее экономически развитых странах (Швеция, Германия, США). «Золотым веком» социального государства принято считать период с конца 40-х до середины 70-х годов XX века, когда наблюдался экономический рост в западно-европейских государствах, вызвавший рост спроса на рабочую силу, сопровождавшийся ростом заработной платы и подъёмом общественного благосостояния. Этот процесс дал толчок динамичному развитию систем социальной защиты, которые впервые затронули почти все слои населения. Всё это позволило идее социального государства получить широкую общественную поддержку. И на сегодняшний день принцип социальной государственности записан уже в конституциях многих государств. Более того, социальное законодательство государств постоянно расширяется и обновляется – в соответствии с меняющимися условиями жизни и внутренней ситуацией в отдельных странах.

Наиболее ярким примером построения континентальной – европейского социального государства, в том числе примером для Республики Беларусь, в Конституции которой также провозглашено создание социального государства, является Германия. Конституция ФРГ начинается словами: «Достоинство человека неприкосновенно» (ст. 1, п. 1). Она провозглашает ФРГ демократическим и социальным государством (ст. 20, п. 1), а также объявляет, что гарантированное государством право собственности связано с социальными обязательствами: «Собственность обязывает. Её использование должно одновременно служить благу всего общества» (ст. 14, п. 2) [1; 42]. В целях реализации принципов социального государства правительство ФРГ взяло курс на обновление социального рыночного хозяйства, сохранение и укрепление его социального компонента. Приоритетом социального государства правительство считает рост занятости, чтобы получатели социальной помощи превращались в налогоплательщиков и плательщиков взносов на социальное страхование [2; 15]. Для этого планируется широко внедрять новые информационные и коммуникационные технологии, создающие новые рабочие места, позволяющие совмещать профессиональный труд с семейным, использовать периоды вынужденной безработицы для обучения новой профессии или повышения квалификации и т. д., а также сохранять окружающую среду. Эти мероприятия требуют увеличения капиталовложений в образование и науку, т. к. именно эти социальные инвестиции считаются вложениями в будущее общества. Кроме того, что государство обязуется сохранять социальную защищённость индивидуума в условиях глобализации, оно устанавливает и пределы, за которыми начинается социальное иждивенчество. В немецком законодательстве предусмотрено, что только тот имеет право на личную и материальную поддержку, кто не в силах самостоятельно добыть себе средства на существование и не получает при этом никакой посторонней помощи. Причём гражданин имеет право на такую помощь, которая соответствует его специфическим потребностям, побуждает к самопомощи, обеспечивает участие в общественной жизни и гарантирует достойное человека существование (ст. 9 Общей части Кодекса социальных законов ФРГ). Для этого в ФРГ создана целая система социальной защиты. Она организована таким образом, что позволяет

защитить граждан от большей части жизненных рисков. Её основными компонентами являются: социальное страхование, социальное обеспечение и социальная помощь. Ключевое место в германской системе социальной защиты занимает обязательное страхование. Оно предполагает пенсионное страхование по старости, страхование на случай безработицы, болезни, несчастного случая, страхование по уходу за больными и престарелыми. Социальное обеспечение финансируется как государством за счёт налоговых поступлений, так и за счёт взносов наёмных работников и работодателей, устанавливаемых на основе паритетного самоуправления на предприятиях. Например, на предприятиях, где занято более 450 человек, разрешено создавать производственные больничные кассы, в которые наёмные работники работодатели уплачивают страховые взносы по ровну. В 1996 году их средний размер составлял в германских землях от 13,8 до 14,5 % от доходов [3; 419].

К одной из важнейших задач социального государства в Германии относится помощь семьям с детьми. По конституции ФРГ брак и семья находятся под особой защитой государства (ст. 6, п. 1), а с 1953 года функционирует специальное Министерство по делам семьи. Одной из главных целей его деятельности сегодня является создание условий, позволяющих обоим родителям рационально совмещать профессиональный труд с домашним – при соблюдении интересов детей.

Ещё одной важной областью социальной политики является предупреждение бедности. В 90-ые годы основная часть социального бюджета Германии приходилась именно на пособия по безработице и социальную помощь в этой связи. Хотя по сравнению с другими странами ЕС, в Германии слабо дифференцированы доходы и не самая большая безработица [4; 199-227]. Сопоставление различных типов государств по уровню социальных расходов показывает, что Германия относится к «среднему типу», находясь между расточительными скандинавами и скупыми англосаксами. Однако это среднее положение оказывается малоустойчивым на сегодняшний день. Развитие социального государства замедлилось в связи с объединением Германии и проведением политики жёсткой экономики, которая заметно сократила объём социальных услуг, предоставив налоговые льготы предприятиям. Новая экономическая политика на первых порах ускорила экономический рост, но не дала ожидаемого оживления инвестиционной деятельности и роста занятости не произошло. В связи с этим один из ведущих экспертов по германской социальной политике Хайнц Ламперт утверждает, что социальное государство необходимо реформировать. По его мнению, принцип социальной справедливости требует, чтобы политика до определённых размеров выравнивала различия в материальном положении членов общества. Если же реформа социального государства будет означать «отказ от образа субсидиарного социального государства, от справедливости распределения и внимание будет сконцентрировано на равенстве исходных шансов, равенстве участия в образовании собственности, это приведет к утрате качества социальной государственности» [5; 7-15].

Особенно актуальным видится реформирование социального государства в эпоху глобализации, которая увеличивает индивидуальные риски, связанные со стремительными изменениями условий труда. В этой связи один из виднейших представителей европейского либерализма, социолог Ральф Дарендорф считает, что если государства и общества откажутся от ответственности за социальную безопасность своих граждан, это равнозначно концу западно-европейской традиции соблюдения прав человека [6; 16]. Такой подход соответствует логике социальной государственности, поскольку государство оказывает социальные услуги за счёт налогов и отчислений граждан. Следовательно, граждане совершенно справедливо требуют, чтобы государство служило их интересам, добываясь права прямо или опосредованно участвовать в принятии решений, от которых зависят их условия жизни. Поэтому сокращение расходов на социальные нужды лишает граждан уверенности не только в своей социальной безопасности, но и ослабляет доверие, а, следовательно, и поддержку своего правительства. Это свиде-

тельствует об особой важности для внутривнутриполитической и международной стабильности именно защитной функции социального государства. Как пишет видный теоретик СДПГ Йохано Штрассер, социальное государство это «не что иное, как скрытая деловая основа демократии. Если социальные гарантии всё более разрушаются, разрыв между богатыми и бедными всё нарастает, растёт число безработных и всё больше молодых не могут найти мест для обучения и рабочих мест, как это наблюдается в последние годы повсюду в Европе, то из-за этого может надолго пострадать и демократия» [7; 127].

Особенно актуальными видятся в этой связи попытки нынешнего белорусского правительства ратовать за укрепление и перестройку социального государства в нашей стране.

И, если в Западной Европе, где социальное государство переживает кризис адаптации, живо обсуждаются пути выхода из кризиса, но при этом никто не предлагает сократить пенсии людям, проработавшим всю жизнь, до такого уровня, что они вынуждены будут собирать бутылки на улице, то нашей стране предстоит переосмыслить вопросы о социальных предельных рыночного хозяйства и о роли социальной политики в экономическом развитии.

Основопологающим документом, определяющим сущность, содержание, цели и принципы государственной социальной политики в Республике Беларусь, является Конституция. В статье 1 Конституции Республика Беларусь провозглашена социальным государством. Кроме того, в ней зафиксированы принципы построения социального государства.

В частности, согласно статье 21 государство гарантирует каждому гражданину соблюдение права на достойный уровень жизни, включая достойное питание, одежду, жилье и постоянное улучшение необходимых для этого условий. Признание приоритетным построениям социального государства в нашей стране противоречит устоявшемуся мнению, будто в 90-е годы власти утратили интерес к социальной проблематике и сосредоточили все внимание на экономических преобразованиях. С этим можно согласиться лишь отчасти. Именно в последнее десятилетие сформировалось законодательство, регулирующее развитие основных секторов социальной сферы (образование, здравоохранение, жилищное строительство, культура, налогообложение, регулирование денежных доходов населения). До сих пор этот процесс протекает в условиях перестройки советского социального механизма и соответствующего ему социального поведения. Несмотря на то, что появились новые источники доходов (предпринимательство, вторичная, третичная занятость и т. д.), у граждан остается недоверие к государству как к социальному гаранту, с ним не хотят заключать договор (налоги в обмен на социальную защиту). Это связано с ошибками построения социальной политики начала 90-х годов, когда доминировала безосновательная уверенность в том, что, быстро выйдя из экономического кризиса, Беларусь существенно расширит ресурсы государственной социальной политики. Была принята масса законов о социальной защите ветеранов, инвалидов, пенсионеров и других категорий населения, которые явно не соответствовали экономическим возможностям страны. Таким образом, политика вошла в противоречие с ресурсной базой, тем самым, посеяв иллюзии, которые позже породили массовое общественное разочарование и недовольство преобразованиями. И как следствие произошло сужение социальной базы экономических и политических реформ. Особенно в последние годы стало очевидно, что устойчивое развитие экономики и общества, формирование сильного и эффективного государства возможно лишь на основе широкой поддержки целей и действий власти, социальной консолидации. Добиться же такой консолидации и массовой поддержки власти можно лишь при условии, что реальным приоритетом развития государства и экономики станет обеспечение благополучия, безопасности и достойной жизни граждан. Это, как показывают события в Европе и РБ, стало очевидным для всех современных правительств.

Не случайно, как уже отмечалось ранее, усилия властей в различных странах, направленные на то, чтобы большинство населения на собственном опыте ощутило сдвиг к лучшему. Ибо только сильная социальная политика в сочетании с раскрепощением инициативы самой активной части населения способна сбалансировать интересы и кон-

солидировать гражданское общество на основе надёжных социальных гарантий и уверенности в завтрашнем дне. В этом контексте выбор стратегической цели в виде устойчивого социального развития как элемента идеологии белорусского государства представляется наиболее разумным [8; 2-6]. Заложенный в основу идеологии белорусского государства, как и конституирующий элемент действующего экономического и общественного порядка в европейских странах, принцип социальной государственности предполагает огромную ответственность власти за жизнь людей и её качество. Ибо требовать самоотверженности и самоответственности, поддержки государственных преобразований можно лишь от людей, у которых есть шанс получить профессию, работу, позволяющую достойно жить, шанс дать детям образование, соответствующее требованиям современного общества и т. д. В свою очередь, устойчивое развитие экономики и общества, формирование эффективного государства возможны только на основе расширения социальной поддержки проводимых реформ и социальной консолидации даже в глобальном масштабе. Поэтому именно в русле обмена опытом построения социального государства следует выстраивать государственную политику современным Беларуси и Германии, чтобы не уступать друг другу по масштабам социального развития.

1. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. – Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 1967.
2. Ebnberg H. Ohne den Produktionsfaktor Sozialstaat keine stabile Wirtschaft. – Bonn: FES, 1995.
3. Германия: Факты. Frankfurt. – М.: Societats – Verl., 1998.
4. Alber J. Der deutsche Sozialstaat im Licht international vergleichender. Daten // В.: Levjathan, 1998. H. 2.
5. Lampert H. Reformschliche Schiefagenader Szialstaatskritik // Sozialer Fortschritt. 2000. № 1.
6. Dabrendorf R. The Third Way and Liberty: An Authoritarian Streak in Europes New Center // Foreign Affairs. 1999. № 5.
7. Штрассер. И. Будущее социального государства // Социальное государство в Западной Европе. – М.: ИНИОН, 1999.
8. Послание Президента А. Лукашенко Национальному собранию и белорусскому народу // Знамя юности. 16 апреля 2004 г.

Зайцева Н. И. (г. Брест, ЧУР «БТБуп»)

ГЕНЕЗИС РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ И ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ (БЕЛОРУССКО-ГЕРМАНСКИЙ ОПЫТ)

На рубеже веков и тем более тысячелетий вполне естественно, что учёные самых различных областей науки в своих работах большое внимание уделяют обзору и критическому анализу важнейших научных достижений прошедшего столетия. Разумеется, не стали исключением из общего правила и экономисты, перед которыми XX век развернул грандиозную панораму столь глубоких и масштабных трансформаций мировой экономической системы, что их осмысление потребует от учёных ещё много времени и интеллектуальной энергии.

Анализ ряда отечественных и зарубежных публикаций, посвящённых рассмотрению основных достижений экономической науки за последние 100 лет, позволяет выделить некоторые глобальные, магистральные тенденции развития экономической теории, даже, несмотря на многообразие, а зачастую антагонизмы, её основных парадигм и концепций. Одно из таких направлений, по нашему мнению, тесно связано с проблемой «материализации» теоретических знаний, их связи с практикой [1, 95]; [2, 97]; [3, 92]. Так, в XX веке отчётливо обозначили себя явные несоответствия реалий экономических процессов их теоретическим моделям. Указанные противоречия проявились себя в форме глубоких и масштабных экономических кризисов, вопиющего экономического неравенства как отдельных людей, так и целых государств,

повсеместного ухудшения экологической ситуации; наконец, в виде возникновения и распространения тоталитаризма принципиально нового, доселе невиданного типа, планетарного по своим масштабам: Очевидно, что именно данное обстоятельство выдвинуло на передний план проблему взаимодействия теоретического и прикладного экономического знания. Иначе говоря, общеизвестный тезис «практика – критерий истины» нашёл своё подтверждение в высказывании известного американского экономиста У. Баумоля о том, что среди экономистов «... нарастает степень недовольства теорией, которая не вооружает нас инструментарием для анализа и не поддается империческому тестированию» [1, 95].

К сожалению, в нынешнем столетии наиболее отчётливо ощутили (и продолжают ощущать) «материальное бесплодие» экономической теории страны так называемого постсоветского пространства. Вместо обещанного советской политэкономией изобилия благ, целые народы в процессе строительства социализма получили их тотальный дефицит, а полтора десятилетия воплощения идей сменявшей её западной экономики заставили большинство людей напрочь забыть свои прежние рассуждения о «жизни как в Швеции» и вести речь об элементарном выживании. По мнению ряда отечественных экономистов (С. А. Пелех, Р. М. Нуриев и др.), в результате так называемых рыночных реформ в Беларуси, России, Украине и т. д. мы не только не достигли поставленных целей (если, конечно, эти цели не есть стремление установить рекорд скорости выращивания супермиллиардеров), а наоборот, по всем основным направлениям стремительно теряем позиции; даже несмотря на то, что многие внешние атрибуты рыночной системы в целом давно уже соблюдены [4]. Так, в России, где в полном соответствии с учением о конкурентных рынках приватизировано всё и вся подряд (в этой стране осталось менее 4 % государственных предприятий), трансформационное падение производства составило 50 %, причём в наукоёмких отраслях – 80 % и более. Констатируемый современной официальной статистикой скромный экономический рост (по мнению некоторых независимых экспертов в России по-прежнему продолжается рецессия) во многом обусловлен варварской эксплуатацией недр страны в условиях весьма благоприятной для России конъюнктуры цен на рынке энергоресурсов и сырья. В итоге, согласно даже официальной статистике, доходы россиян в среднем отличаются от уровня дореформенных времен на 40 %, более четверти населения этой страны живут ниже уровня прожиточного минимума, а степень криминализации общества, утечка мозгов и бегство капиталов давно превышают разумные пределы.

Хотя Беларусь официально ещё не признана (как, например, Россия в 2003 г.) в качестве страны с рыночной экономикой, и трансформационный спад в ней оказался не столь глубоким (25-30 %), тем не менее признаки надвигающегося кризиса налицо – из-за острого инвестиционного дефицита износ основных средств достиг 70-80 %, причем, прежде всего, пострадали наукоёмкие и являющиеся своего рода визитной карточкой страны отрасли (станко- и машиностроение, радио- и микроэлектроника, предприятия военно-промышленного комплекса и т. д.).

Идёт время и насущной потребностью становится поиск дополнительных путей привлечения прямых иностранных инвестиций, использование опыта других стран, успешно решающих данные проблемы. И поэтому государственная инвестиционная политика сейчас должна быть направлена именно на то, чтобы обеспечить инвесторов всеми необходимыми условиями для работы на белорусском рынке, а значит, в перспективе мы можем рассчитывать на изменение ситуации в экономике в лучшую сторону.

Свободные экономические зоны (далее – СЭЗ) являются относительно новым явлением для правовой системы Республики Беларусь. Однако следует отметить, что законодательства о СЭЗ является, пожалуй, одной из немногих областей белорусского законодательства, которое за время своего существования не претерпело каких-либо существенных изменений в части регламентации прав и обязанностей субъектов инвестиционной деятельности. Это позволяет утверждать, что создание и развитие СЭЗ является одним из приоритетных направлений государственной инвестиционной политики. Только в текущем году в республике созданы две новые СЭЗ, и теперь каждый областной центр может предложить

как иностранному, так и отечественному инвестору вполне приемлемые условия для инвестирования в организацию производства на территории СЭЗ.

Так первая СЭЗ «Брест» создана в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 20.03.96 г. № 114 сроком на 50 лет.

СЭЗ «Минск» – 02.03.1998 г.

СЭЗ «Гомель – Ратон» – 02.03.1998 г.

СЭЗ «Витебск» – 06.10.1999 г.

СЭЗ «Гродноинвест» – 05.11.2002 г.

СЭЗ «Могилев» – 31.01.2002 г.

Цели и задачи каждой из зон определяются в зависимости от функционального типа СЭЗ устанавливаемого соответствующим Положением. В основном это привлечение и эффективное использование иностранных и национальных инвестиций для создания и развития ориентированных на экспорт производств, основанных на современных и высоких технологиях, а также эффективное использование имеющихся производственных площадей. Тем не менее, есть и специфические цели. Например, для СЭЗ «Гомель – Ратон» – это вовлечение в производственную деятельность нетрадиционных ресурсов и источников энергии, для СЭЗ «Брест» – расширение производства потребительских товаров и услуг, для СЭЗ «Минск» – повышение загрузки аэропорта «Минск-2» и дальнейшее развитие воздушного сообщения, для СЭЗ «Витебск» и «Могилев» – развитие и обеспечение эффективного использования имеющейся инженерной и транспортной инфраструктуры, для СЭЗ «Гродноинвест» – трансформация в экономику региона передовых ресурсо- и энергосберегающих технологий.

На всех СЭЗ Республики Беларусь в качестве резидентов работают предприятия с иностранными инвестициями из Польши, Великобритании, Италии, Германии и так далее.

Доля Германии в инвестиционной, культурной, исторической и экономической политике на современном этапе развития нашего государства весьма значима. Так, крупнейшими из предприятий-резидентов всех СЭЗ с долей Германии являются:

- СП «Санта-Бремор» – производство мороженого, переработка рыбы,
- ИП «Белжэкс» – производство алюминиевого колпачка и прокладки из вспененного полиэтилена,
- СП «Беккер-Систем Беларусь» – производство профилей из ПВХ, окон и дверей,
- СП «Белизолит» – производство предизолированных труб,
- ИП «Вителла» – производство шоколадной глазури и другие.

Разумеется, полностью возложить ответственность за будущее нашей экономики на СЭЗ невозможно. Опыт развивающихся стран учит, что наряду с эндогенными факторами – неразвитостью рыночной инфраструктуры и недостаточностью конкуренции на внутреннем рынке – надо учитывать внешние факторы, которые заключаются в принятии всего лучшего от стран, которые протягивают нам руку помощи. Одной из таких стран для нашей республики является Германия.

Понимаю, что теория реформ, в том числе и концепция экономических преобразований, должна быть подвергнута весьма глубокому и всестороннему теоретическому осмыслению, и использование схем и моделей на основе опыта других стран и должно исключать исключительно из национальных интересов нашей страны.

1. Баумоль У. Чего не знал Альфред Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики. 2001, № 2.
2. Нуреев Р., Лагов Ю. Плоды просвещения (новая российская экономическая наука на пороге III тысячелетия) // Вопросы экономики. 2001, № 1.
3. Экономическая наука, образование и практика в России в 90-е годы // Вопросы экономики. 2001, № 2.
4. Гоев А. И., Пелих С. А. Динамичный менеджмент. – Мн.: Энциклопедикс, 2002.
5. Байнев В. Ф. Антикризисное управление. – Мн.: БГУ, 2002.

ПАРТНЕРСКИЕ СВЯЗИ г. БРЕСТ (БЕЛАРУСЬ) И г.г. РАВЕНСБУРГ–ВАЙНГАРТЕН (ГЕРМАНИЯ): ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Партнёрские отношения между названными городами зародилась в мае 1988 г. В это время в Брест впервые приехали жители Равенсбурга Вильгельм и Моника Райнхольд, а также воевавший на территории России Герхард Нагель. Гостей приняли в горисполкоме. После этого состоялся первый визит в Равенсбург зам председателя Брестского горисполкома Л. П. Пироговской, которую пригласил к себе обербургмистр этого города Херманн Фогель. В августе 1989 г. в наш город прибыла первая большая делегация (21 человек) жителей названных немецких городов, в которую входили люди разных профессий и возрастов. Мы жили тогда в Советском Союзе, ещё не были до конца разрушены стереотипы прошлого, но уже чувствовалось, что настороженность и недоверие, десятилетиями существовавшие между советскими и немецкими гражданами, постепенно уходят. Обе стороны испытывали друг к другу большое любопытство, а первые неформальные контакты после того, как гостям предоставили возможность провести вечер в семьях брестчан, убедили в том, что и немцы, и советские белорусы – это нормальные, симпатичные люди, общение между которыми интересно и приятно.

20 сентября 1989г. был подписан Договор о побратимских связях между Брестом и Союзом общин Средней Шуссе-тала (Земля Баден-Вюртемберг), в состав которой входят города Равенсбург, Вайнгартен, общины Байндт, Берг и Байенфурт. И вот уже 15 лет существуют устойчивые разнообразные контакты между вышеназванными партнерами.

За этот период в практике партнерских отношений сложились следующие основные направления и формы:

1. Обмен официальными делегациями представителей власти, связанный с обсуждением вопросов сотрудничества или с участием в различных торжественных мероприятиях. Многие руководители городов-побратимов, которые за этот 15-летний период сменяли друг друга в нашем городе и в городах немецких, внесли свой личный вклад в это полезное, интересное сотрудничество. Это, с белорусской стороны, – Иван Венцель, Алексей Овечкин, Геннадий Мосько, Николай Гордиевич, с немецкой стороны – Херманн Фогель, Рольф Герих, Герд Гербер, Карл Манг, Эдгард Шац.

2. Гуманитарная помощь, оказываемая немецкой стороной учреждениям Бреста и его конкретным гражданам. Это направление особо интенсивно проявлялось в первые годы сотрудничества, в начале 90-х годов. Республика Беларусь испытывала тогда большие трудности переходного периода. Катастрофически упало производство, прилавки магазинов были пусты. Желание процветающей страны оказать материальную помощь нуждающимся партнерам было вполне естественным и искренним. С 1992 г. конвои с такой помощью приезжали в Брест 2 раза в год. Всего в период с 1992 г. по 1995 г. из Германии наш город получил 587,8 т. груза гуманитарной помощи. В последние годы немецкие друзья оказали значительную финансовую помощь реконструкции бывшего здания терапевтического корпуса городской больницы. Еще в 1998 г. в Бресте была утверждена программа дальнейшего развития и укрепления материально-технической базы лечебно-профилактических учреждений. В соответствии с ней было принято решение о реконструкции здания бывшего терапевтического отделения городской больницы по ул. Красновардейской под (филиал детской поликлиники № 1. Программа реализовывалась из разных финансовых источников: городского бюджета (558 млн. бел. руб.); средств, собранных жителями Бреста (43,7 млн. бел. руб.). Кампания по отчислению денежных средств на эту реконструкцию была активно поддержана немецким Красным Крестом г. Равенсбурга. Эта организация выделила на создание детской поликлиники 453769,11 немецких марок. Реальная материальная помощь была оказана Центру медико-социальной реабилитации детей «Тонус».

3. Плодотворно развиваются, поддерживаются контакты между общественными организациями городов-побратимов. Наши немецкие партнёры создали общество «Восток–Запад», которым успешно руководили Фолкер Янсен, Эрика Айхвальд и Барбара

Дик. Благодаря им стали регулярными ежегодные обмены женскими делегациями. В Бресте эту работу много лет курирует и организует Светлана Гиль, которая возглавляет Брестский центр друзей Равенсбурга.

Существуют контакты между Брестским комитетом ветеранов войны и Немецким союзом по уходу за могилами. Бывшие солдаты, воевавшие в Советской Армии и Вермахте, многое сделали не только для сохранения памяти о погибших, но и для примирения двух народов, для того, чтобы трагедия войны больше в нашей европейской истории не повторилась. Следует особо отметить, что наиболее активными участниками процесса развития дружбы и сотрудничества были бывшие немецкие военнопленные, вынужденные в послевоенное время несколько лет находиться на территории СССР. Многие жители нашего города хорошо знают одного из них – Эрнста Кнаппа, человека, который неоднократно демонстрировал своё добродетельное отношение к нашему народу. Это относится также и к ныне покойному Зигфриду Ротеру. Война и пять лет плена на Украине позволили ему многое переосмыслить. Ведущий специалист в области русской философии профессор З. Ротер неоднократно читал курсы лекций для студентов и преподавателей Брестского университета, для преподавателей немецкого языка в Институте усовершенствования учителей. К сожалению, ветеранов войны, непосредственных участников её трагических событий с обеих сторон становится все меньше и меньше. Поэтому правильным и мудрым было решение подключить к деятельности бывших солдат Союза резервистов бундесвера «Кифхойзер» и военнослужащих 38-й мобильной Военной Краснознаменной бригады. Эстафету взаимопонимания должны подхватить офицеры двух стран послевоенных поколений. Заслуга в налаживании контактов между людьми военными принадлежит Г. Нагелю, г-ну Фисингеру, Ю. Аджи-мамедову, В. Бурковскому.

4. Значительные результаты достигнуты в сотрудничестве в области образования. Например, постоянно поддерживают контакты СШ № 7 г. Бреста и католическая школа Клестерле в Равенсбурге, СШ № 10 и Вальдорфская школа в этом же городе, Брестский лицей и «Эдит Штейн шуле».

Достаточно плодотворно сотрудничают высшие учебные заведения городов-побратимов. К примеру, много интересных форм взаимовыгодной совместной работы сложилось между Брестским государственным техническим университетом и Фахгохшале Равенсбург-Вайнгартен. Ежегодно читает курс лекций студентам электронно-механического факультета профессор Роберт Краглер. Хотя и не так часто, но проходит преддипломную практику в нашем вузе немецкие студенты. Стали регулярными обмены студенческими группами с целью изучения немецкого и русского языков. Научные и учебные стажировки в вузе-партнере прошли уже десятки преподавателей и студентов БГТУ. Немало выпускников технического университета, аспирантов прошли обучение в магистратуре немецкого вуза. Надо отметить добрую волю и заинтересованность в контактах руководителей Фахгохшале – бывшего ректора Грегора Цибольда – основоположника наших контактов, и нынешнего ректора – Петера Яни.

5. Немало полезного сделано и в области культурных связей. Наши именитые ансамбли «Брестчанка», «Белая Русь», детская группа «Праменьчык» неоднократно давали концерты у немецких друзей. Имели место интересные совместные спортивные и туристские мероприятия. Наиболее значительным из них следует признать организованный в 1994 г. веломарафон брестчан из Бреста нашего в Брест французский протяжённостью в 3,5 тыс. км. Маршрут проходил через города-побратимы. Немецкие власти и жители этих городов оказали большую материальную и организационную поддержку велотуристам, без которой этот пробег мог бы и не осуществиться. При помощи немецких друзей состоялась поездка в Германию футбольного клуба «Аматар», который провёл серию матчей в европейских городах. Совсем недавно, летом 2004 г. любители велотуризма Вайнгартена и обербургомистр этого города Г. Гербер помогли группе брестчан совершить велопробег из французского Бреста в германские города-побратимы.

6. Говоря об основных направлениях и формах сотрудничества, нельзя не отметить об-

ширную сеть частных контактов тысяч горожан городов-побратимов. Возникшие 15 лет назад, эти контакты постоянно поддерживаются и расширяются. Дружат и постоянно обмениваются визитами семьи и отдельные лица, молодежь и люди старшего поколения, представители разных профессий и специальностей. Эти дружеские отношения возникают, как правило, как следствие установленных связей между конкретными коллективами и учреждениями (сегодня в Бресте их 26). Администрация городов долины Средней Шуссентали всячески поощряет эти связи. Для более надежного открытия въездной визы здесь разработана специальная форма частного приглашения, которое заверяется в ратхаузе. Города-побратимы часто берут на себя оплату медицинского страхования белорусских гостей. По этой причине, т. н. «народная дипломатия» является одним из самых примечательных последствий побратимства, гарантом того, что независимо от состояния официальных контактов между нашими странами, неофициальные, дружеские отношения будут успешно поддерживаться и развиваться.

Какие последствия дало сотрудничество между Брестом и немецкими городами? Какой существует от него эффект?

Во-первых, эта дружба между городами и их жителями не позволит вновь построить стену недоверия и отчуждения между государствами и народами. Такого рода контакты внизу облегчают работу политикам вверх. Известно, что Германия и Беларусь являются крупными партнерами в экономике. В политической сфере отношения не столь близки. Обе страны пока принадлежат к различным политическим и военным объединениям и важно, чтобы в будущем между ними шёл процесс сближения, а не отчуждения.

Во-вторых, контакты жителей городов-побратимов стимулируют обоюдный интерес к языку и культуре двух народов. Сколько семей брестчан, которые завязали дружбу с семьями в Германии, взялись за изучение, углубление знаний немецкого языка! Постепенно возрастает интерес к русскому языку и среди жителей Равенсбурга-Вайнгартена. К примеру, большой друг нашего города, прекрасно владеющий русским языком, Данута Маналь уже в течение ряда лет ведет обучение русскому на специальных вечерних курсах. Многие жители Бреста, стали регулярно ездить к друзьям в Германию, и они увидели там много поучительного для себя. Они стали другими глазами смотреть на жизненные, бытовые стандарты, стали постепенно стремиться к тому, чтобы и в нашей стране, в нашем городе, в наших квартирах и домах был такой же высокий уровень культуры. Следует признать, что для некоторой части наших жителей побратимские связи дали возможность, пусть и нелегально, но заработать в Германии достаточно большие по нашим меркам, средства, улучшить материальное положение семьи.

В-третьих, через Германию наши горожане получили возможность увидеть и другие европейские страны. Отсутствие контроля на границах позволяет белорусскому гостю, открывшему в немецком консульстве Шенгенскую визу, беспрепятственно путешествовать практически по всей Европе, ознакомиться с её культурными, экономическими достижениями, расширять свой кругозор и познания.

В заключении, хочется отметить, что, к сожалению, не так продуктивно, как хотелось бы, развиваются экономические связи между городами-побратимами. В сфере бизнеса ещё непочтатый край работы. Хочется надеяться, что те объективные и субъективные причины, которые препятствуют экономическому сотрудничеству, всё-таки будут преодолеваться.

Бедай О. А. (г. Могилев, МГУ им. А. А. Кулешова)

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ В ШКОЛАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК ПРЕДПОСЫЛКА УГЛУБЛЕНИЯ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ МЕЖДУ НАРОДАМИ

Школьное историческое образование в Республике Беларусь имеет концентрическую структуру, причём курсы всеобщей и отечественной истории изучаются параллельно. Германская история представлена соответственно отдельными темами в учебных курсах всеобщей истории первого и второго концентратора.

В первом концентре авторами учебников для изучения предложены следующие темы, аспекты и сюжеты:

- Средневековье: возникновение единого государства, феодальная раздробленность в Германии (в рамках темы «Страны Западной Европы»), принятие «Золотой буллы», ганзейский союз городов, распад Священной Римской империи – 6 класс;
- Новая история: реформация, крестьянская война, революция 1848–1849 гг., франко-прусская война, объединение Германии, политика Бисмарка, рабочее движение, марксизм, образование новых военно-политических блоков, Германия в первой мировой войне – 7-8 классы;
- Новейшая история: революция 1918 г., Веймарская республика, Германия в условиях мирового экономического кризиса, фашистская диктатура, Германия во второй мировой войне: образование ФРГ и ГДР, экономическое и политическое развитие двух немецких государств во второй половине XX в., объединение Германии – 9 класс.

Во втором концентре из всех перечисленных аспектов подробно рассматриваются лишь причины возникновения и особенности фашизма в Германии. Остальные темы представлены в кратком, конспективном изложении, не происходит возврата к ранее изученным вопросам.

Рассматривая историю XIX-XX вв., насыщенную революционными событиями, войнами и социальными потрясениями, которые оставили заметный след в судьбах многих народов, нельзя отрицать доминирование политической истории при отборе учебного материала. Однако складывается впечатление, что если политическая история Германии представлена в школьном курсе, за редким исключением, относительно подробно, насколько это вообще возможно в рамках учебного времени, то вопросам развития культуры уделяется недостаточное внимание, приведены лишь некоторые факты, не позволяющие воссоздать целостную картину.

Сравнение содержательных аспектов, подходов и способов к их отображению в белорусских и некоторых немецких учебниках [2-5] позволяет выделить отдельные проблемы в отечественном школьном историческом образовании, имеющие отношение к интерпретации истории Германии, а именно:

1. Проблемы содержательного характера.

Одной из таковых является неполное освещение некоторых тем и фактов германской истории ввиду различия в понимании их значимости. Например, в белорусских учебниках отсутствует факт перевода Лютером Библии на немецкий язык. В то время как данное событие является особо значимым в истории и культуре немецкого народа: в условиях политической разобщённости была заложена основа единого письменного языка. Библия, переведённая на родной язык, выступала в то время консолидирующим фактором для немцев в масштабах всей страны. При рассмотрении вопросов культуры всё ещё преобладает подход простого механического перечисления деятелей, причастных к определённому историческому явлению, без их характеристики. В этой связи для углубления взаимопонимания и ведения успешного диалога культур представляется возможным учёт и обращение к значимым для немцев историческим явлениям и фактам.

2. Проблемы методического характера.

В белорусских учебниках методический аппарат ориентирован преимущественно на репродуктивный уровень, воспроизводящий характер деятельности учащихся, как правило, отсутствуют интегративные задания, требующие комплексного подхода. В методическом плане делаются успешные попытки сравнения различных событий, явлений (например, результатов первой и второй мировой войны, сопоставление циклов экономического развития и социально-политических изменений), побуждение учащихся к анализу, установлению причинно-следственных связей (анализ факторов, влияющих на интеграцию стран Запада в послевоенный период, указание причин мирового экономического кризиса 1929-1933 гг. и его последствий). Имеются также вопросы и задания направленные на оценочную деятельность учащихся (оценить итоги Реформации, советско-германский договор 1939 г. и т. д.). Но если

мы рассмотрим белорусские учебники с точки зрения интегративного подхода, то заметим эпизодичность соответствующих заданий. Заметим, что во втором концентре изучаются комплексные темы и проблемы для глубокого понимания которых недостаточно узкого подхода в рамках отдельно взятого предмета. Для школьного исторического образования Германии характерна тенденция к интеграции, национальная история изучается в контексте мировой. Одновременно со знаниями по истории страны школьники узнают и о прошлом своего родного региона. Интегративные задания в учебниках способствуют развитию представлений о некоторых уровнях прошлого: история своей семьи, локальные достопримечательности, этнорегиональная культура, нацистские символы и традиции, общечеловеческие ценности. Методический аппарат учебников составлен с учётом использования межпредметных связей, в частности истории и дисциплин обществоведческого цикла [2-4]. Акцент с образовательной задачи перемещён на развивающую: организация активного участия школьников в поиске и усвоении культурно-бытового материала, формирование образного мышления, анализ исторических фактов и альтернатив в актуальной дискуссии.

Кроме того, в школьном историческом образовании Германии всё большую популярность приобретает сочетание хронологического принципа с проблемно-тематическим. На старшем этапе ключевые темы рекомендуется представлять и изучать в историческом генезисе. Например, в блоке «Человек и окружающая среда» для рассмотрения можно выделить следующие вопросы: экологические аспекты форм поселений в древности, средневековые расчистки, индустриализация и модернизация общества, проблема ресурсов, последствия, связанные с принятием западного образа жизни и т. д. Или в процессе изучения вычлняются такие «сквозные» темы, как драматические миграции в Новое и Новейшее время; расизм и антисемитизм в Новое время, геноцид 30-х гг. XX в., состояние проблемы на современном этапе [6; 27]. При данном подходе к изучению комплексных тем открываются широкие горизонты для использования межпредметных связей, реализации творческих идей, созданы условия для формирования гуманитарного мышления.

Особенностью образования в Германии является отсутствие единых образовательных стандартов, образовательная политика находится в компетенции не федерации, а земель. Автономные земли Германии имеют различные учебники и учебные планы с разным количеством часов учебных предметов. И хотя в последнее время предпринимаются попытки стандартизации, введения общих положений, многие специалисты оспаривают необходимость введения стандартов исторического образования: приемлема ли для плюралистического и демократического общества авторитарная концепция изложения истории?

Таким образом, как на содержательном, так и на методическом уровне, имеются специфические моменты, игнорирование которых в свете диалога культур не способствует адекватному усвоению культурно-исторических реалий, и, следовательно, затрудняет взаимопонимание между народами. К сожалению, в отечественных учебниках практически нет информации о развитии немецкой культуры во второй половине XX в., не раскрыта современная ситуация культурного плюрализма в Германии (из 82 млн. населения страны – 7,3 млн. иностранцы, представители более 20 наций и народностей), не указаны тенденции к глобализации и сохранению культурной самобытности. В перспективе видится возможным включение в изучение германской истории тех вопросов, которые наиболее значимы для личности, выражают общечеловеческие ценности. Так, при изучении вопросов культуры целесообразен уход от механического заучивания и воспроизведения фактов в сторону отражения весомых по своему значению достижений немецкой культуры, оценки их вклада в сокровищницу мировой культуры. Мы считаем, что отдельного внимания в белорусских учебниках заслуживают широко представленные в немецкой литературе этические проблемы, вечные ценности любви, дружбы, милосердия, проблемы взаимоотношений между людьми, проблема сохранения мира (творчество И. В. Гёте, Э. М. Ремарка, Г. Белля, Г. Фаллады).

Следует остановиться и на некоторых общих проблемах, стоящих перед школьным историческим образованием в Германии и в Республике Беларусь. С одной стороны, немецкие преподаватели истории озадачены сокращением доли исторического материала в школьных предметах, так или иначе связанных с историей: литературе, религиоведении и т. д. Так, всё заметнее становится сокращение его в курсе литературы, истории литературы; в религиоведении. История церкви сейчас не играет серьёзной прежней роли; в родном и иностранных языках история страны и языка вытесняется аспектами повседневной коммуникации. Подобная ситуация сложилась и в Республике Беларусь. С другой стороны, насущным остаётся вопрос о базовых знаниях: что есть базовое образование, что скрывается за этим понятием? Какие ценности можно извлечь при достаточно подробном изучении тех или иных военных действий? Работа с текстом учебника и источниками, их анализ предполагают тщательный отбор учебного материала. Зачастую критерии отбора определяются творческими замыслами авторов учебников. При составлении учебников и учебных пособий имеет смысл использовать опыт ближнего и дальнего зарубежья, достижения современной исторической науки в мире. Так, в ходе дискуссий XVIII Международного конгресса историков в Монреале в 1995 г. неоднократно было отмечено, что ощущения, воображение и процесс познания опосредованы лингвистическими структурами. В современной науке сформировалась дилемма: последовательность аргументации зависит либо от реальности, либо от языка, который мы используем для её описания. По словам немецкого историка Й. Рюзена, история является продуктом человеческого интеллекта, результатом исследования человеком следов прошлого и представляет собой эхо современной жизни и личного опыта историка [1; 36-41]. Специфика исторической науки состоит в том, что ряд вопросов истории не имеет однозначного ответа. Данную точку зрения разделяет ряд немецких историков [6, 7]. По их мнению, историческое описание должно исходить из спектра вопросов современности. При этом историк постоянно оказывается в роли ведомого через определённые теории и исследовательские подходы.

Таким образом, изучению истории Германии в Республике Беларусь уделяется достаточное внимание, но вместе с тем мы полагаем, что целесообразно сделать акцент на следующих моментах:

1. Возможно усиление историко-культурных и ценностных аспектов в изложении материала.
2. Значительным резервом для повышения эффективности преподавания истории является введение в курсы тех вопросов, которые имеют особую значимость для носителей данной культуры.
3. Интегративные тенденции возможно рассматривать как на уровне отдельных тем, курсов, учебных предметов, циклов отдельных предметов (например, гуманитарный цикл), так и на уровне тех современных процессов, которые происходят в названных государствах.

1. Современная мировая историческая наука. Информационно-аналитический обзор. – Мн., 1996.
2. Blickpunkt Geschichte. – Niedersachsen, 1989.
3. Entdecken und Verstehen. – Band 2, Frankfurt am Main, 1988.
4. Entdecken und Verstehen. – Band 3, Frankfurt am Main, 1989.
5. Geschichte 6.-10. Klasse. Von der Nachkriegszeit bis zur Gegenwart. Mentor Durchblick. 2002. Mentor Verlag, – München.
6. Hartmann Wunderer. Probleme und Profile des Geschichtsunterrichts in der gymnasialen Oberstufe, in: Geschichte lernen, Heft 68, 1999.
7. Pandel H.-J. Dimensionen des Geschichtsbewusstseins in Geschichtsdidaktik, in Geschichte lernen, H. 2/1997.

ПОНЯТИЕ ИНФОРМАЦИИ КАК ОБЪЕКТА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Практическая реализация правового регулирования в какой-либо области общественных отношений становится невозможной, если не определить объект, по отношению к которому такое регулирование осуществляется. Единым объектом правоотношений в условиях «информационной революции» является информация. С ней связаны не только динамика развития процессов информатизации страны, состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь, но и функционирование, и устойчивое развитие всех сфер жизнедеятельности общества в целом. Именно уяснение понятия информации, её сущности в качестве объекта правового регулирования позволит более чётко осмыслить современное состояние информационного обеспечения Беларуси, исследовать тенденции и перспективы развития законодательства в этой области, определить цели и задачи, принципы и информационного обеспечения нашей страны в современных условиях.

Определить понятие «информация» с точки зрения правовой науки, исходя из многоаспектности подходов, достаточно сложно. Сделаем попытку на основе различных дефиниций, сформулированных в отечественных и зарубежных источниках, дать определение информации через признаки, содержащиеся в этом понятии.

Что же такое информация? В латинском языке *informatio* означает «разъяснение», «изложение», «осведомление». Именно поэтому первоначально понятие «информация» функционировало как элемент языка повседневно-бытовой коммуникации.

Впервые объектом глубокого научного исследования оно стало с появлением кибернетики. Основатель этой науки Н. Винер определил, что информация – это не энергия и не материя, а обозначение содержания, полученного от внешнего мира в процессе приспособления к нему [1]. В данном определении определены два признака информации как феномена – 1) информация не материальна, и именно это обуславливает специфику правового регулирования информации, 2) информация – определенное содержание, сведения, факты.

Подобное определение можно найти и в словаре С. И. Ожегова, где информация – это «сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемых человеком или специальным устройством» [2]. Там же раскрывается понятие «сведения» – это познания в какой-либо области, известия, сообщения, знания, представления о чем-либо [3].

На данный момент в белорусском законодательстве информация нормативно определена как сведения. В соответствии с Законом Республики Беларусь от 6 сентября 1995 г. «Об информатизации» информация определяется как «сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах» (ст. 1). С этим определением можно частично согласиться, так как при движении информации подавляющее большинство общественных отношений возникает именно по поводу информации как сведений или сообщений. Однако представляется, что данное определение слишком узко.

В ряде законов используется понятие документированной информации, которая по общей оценке и является основным предметом правового регулирования. Так, в соответствии с Законом Республики Беларусь от 6 сентября 1995 г. N 3850-XII «Об информатизации» [4] документированная информация (документ) – это «зафиксированная на материальном носителе информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать» (ст. 1):

- электронный документ – информация, зафиксированная на машинном носителе и соответствующая требованиям, установленным настоящим Законом;
- документированная научно-техническая информация – зафиксированная на материальном носителе научно-техническая информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать.

С внедрением в сферу юридической деятельности технических средств фиксации, хранения и передачи информации к её источникам и носителям стали относить фото-, кино-, и иные изображения, а также звукозапись. Это породило и узаконило такие поня-

тия, как фото-, кино-, видео-, фоно- и иные документы. Так, в Законе РБ «О печати и других средствах массовой информации» [5] в качестве документированной информации выступают имеющие постоянное название и текущий номер периодические печатные издания, материалы передач, вышедшие в эфир радио-, теле-, видеозаписи.

В некоторых отраслях права используются новые понятия информации. Например, понятие служебной и коммерческой тайны (ст. 140 ГК РБ).

Выше приведены лишь наиболее характерные определения понятия «информация». Как видим, все они различны, и можно сделать выводы, что общие подходы к пониманию информации белорусской правовой доктрины до сих пор не выработаны. Но, тем не менее, анализ вышеперечисленных подходов к определению информации позволяет выделить ряд основных признаков, которые, на наш взгляд, имеют существенное значение для уяснения сущности данного понятия.

Во-первых, как отмечается в подавляющем большинстве определений, информация представляет собой определенные сведения, факты, данные о различных процессах и явлениях, протекающих в природе и обществе.

Во-вторых, информацию можно представить, как процесс, то есть в этом случае она является трансляцией определенных сведений, передачей информации.

В-третьих, – и это отражает психологическую сторону значения информации – та оценка, которую человек даёт в своем сознании определенным явлениям, тоже является информацией.

Ещё одним важным признаком информации, которым, с одной стороны, обусловлена сложность правового регулирования общественных отношений, связанных с информацией, трудность установления правового режима, а с другой – определена простота и легкость возникновения, изменения и прекращения указанных отношений, является нематериальный характер информации.

И в этой связи информация, как нематериальное благо, является особым объектом права. Для информации не страшен физический износ, она подвержена лишь моральному старению. Информация неосязаема, непотребляема, неистребляема. Её можно передать одновременно очень большому числу субъектов.

Информация имеет свои свойства – например, полезность, полноту, достоверность, новизну и ценность, которые качественно характеризуют её. Количественно информацию можно оценить при помощи таких понятий, как «информационный объём», «плотность», «ёмкость», «информативность». Если владелец информации «продал» её другому субъекту, то он не лишился этой информации.

Полагаем, что оптимальное решение данной противоречивой ситуации может заключаться в том, чтобы связать право собственности на информацию с материальными носителями. Ими являются: документы, информационные ресурсы страны и государства, архивы, библиотеки, информационные системы (включая автоматизированные), печатные издания. Такой подход к данной проблеме намечен в Законе РБ «Об информатизации». В соответствии со ст. 6 данного Закона право собственности относится не к информации, а к ее материальным носителям – информационным ресурсам, документам.

Следует поддержать официальную точку зрения, потому что информация как объект права (в своём материализованном виде) является вещью. Для обоснования последнего необходимо вспомнить, что «вещь – суть материальные предметы внешнего по отношению к человеку окружающего мира. Ими являются как предметы материальной и духовной культуры (то есть продукты человеческого труда), так и предметы, созданные самой природой» [6].

Следовательно, информация, являясь объектом нематериальным, не может рассматриваться без материального носителя. При этом следует различать отношения по поводу информации, носителя информации, информации, находящейся на носителе информации.

Таким образом, на основании основных признаков информации с точки зрения правовой науки информацию можно определить как нематериальный объект в системе взаимодействий в рамках человеческого общества, который представляет собой сведения о лицах, фактах,

событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления, а также результаты их оценки в сознании человека. Информация не может существовать вне материального носителя – физического объекта, иного энергетического субстрата или социальных и психологических процессов. Формой бытия информации является движение. Постоянно циркулируя в физической или социальной среде, она удовлетворяет потребности людей в общении и взаимодействии. При этом информация как объект правоотношений должна быть конкретизирована, организована должным образом, «привязана» к ситуации и конкретному виду отношений, классифицирована по виду и тому подобным образом «подготовлена» для осуществления по её поводу действий, регулируемых нормами права.

В этой связи следует отметить, что информация как объект права имеет ряд особенностей. Среди основных свойств информации, принципиальных для правового опосредования отношений по поводу информации, различают:

- идеальность (виртуальность) информации. Это одна из самых важных её особенностей как объекта права. Саму по себе информацию невозможно ощутить, поэтому в большинстве случаев она опосредуется в результате действий субъекта, осуществленных под воздействием воспринятой им информации, либо становится объектом права после её фиксации на материальном носителе;

- неисчерпаемость информации. Информация может использоваться неограниченным числом субъектов неограниченное количество раз, в том числе из разных мест и одновременно;

- самостоятельность информации как объекта. Независимо от среды, в которой она находится, от носителя, на котором сведения зафиксированы;

- нелинейность информации (способность к сохранению, агрегированию, интегрированию, накоплению, «сжатию»). При воздействии на результат между количественными и качественными характеристиками информации отсутствует прямая зависимость. Значительный объем полученных данных может не оказать на ход событий ровным счётом никакого влияния, тогда как единичное краткое соображение способно радикальным образом изменить его или течение процесса;

- обособляемость информации. Для включения в оборот информация всегда овеществляется в виде символов, знаков, волн, вследствие этого обособляется от её производителя (создателя) и существует отдельно и независимо от него;

- оборотоспособность информации как самостоятельного отдельного объекта правоотношений. В результате овеществления информации появляется возможность передачи информации от одного субъекта к другому;

- не отчуждаемость информации. Основывается на том, что знания неотчуждаемы от человека, их носителя.

Информация может быть ресурсом и объектом права собственности и других вещных прав самых разных субъектов: отдельного лица (гражданина), юридического лица; государства в целом. Эти субъекты и производят, создают определенный информационный продукт и потребляют его в разных видах, обращая в информационный ресурс своей деятельности. Следует отметить, что по вопросу о праве собственности на информацию в российской правовой доктрине существуют разные точки зрения. Ряд учёных считают, что распространять институт собственности на нематериальные объекты (кои, по их мнению, является информация) ошибочно. В данной статье авторы относят право собственности не к информации как объекту нематериальному, а к ее материальным носителям – информационным ресурсам, документам [7].

Особыми информационными объектами выступают нематериальные блага. В соответствии со ст. 151 ГК РФ нематериальные блага включают в себя жизнь, здоровье, достоинство личности, личную неприкосновенность, честь и доброе имя, деловую репутацию, личную и семейную тайну, право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства, право на имя, право авторства, иные личные неимущественные права и другие нематериальные блага.

Появление нематериальных благ в качестве информации, в частности, возможно в тех случаях, когда необходимо защищать честь, достоинство или личную репутацию человека и гражданина. Здесь следует говорить о сведениях, порочащих честь, достоинств и личную репутацию гражданина, то есть об информации, которая искажена и не соответствует личностным качествам данного человека.

Информацией являются также личная и семейная тайны.

Нематериальные блага характеризуются двумя неразрывно связанными между собой признаками: отсутствием материального (имущественного) содержания и неразрывной связью с личностью носителя, предопределяющей неотчуждаемость и непередаваемость этого блага. В то же время эти признаки носят условный характер, так как ущемление нематериальных благ может иметь для их носителя весьма ощутимые последствия экономического характера. Кроме того, многие из нематериальных благ изначально предназначаются для того, чтобы циркулировать в гражданском обороте и приносить прибыль. Это относится, в частности, к такому нематериальному благу, как интеллектуальная собственность.

Не будем подробно останавливаться на исследовании обозначенной проблематики. Проблема переплетения институтов собственности и исключительных прав в объектах информационного права, разграничения регулирования данных отношений нормами института вещного права, нормами права интеллектуальной собственности и прежде всего исключительных прав создателя результата интеллектуальной деятельности относительно информационных ресурсов, технологий и услуг – предмет отдельного исследования и многочисленных, порой очень острых дискуссий не только в рамках национального права. Следует лишь сказать, что каждая из названных позиций содержания исключительных прав автора чрезвычайно важна в связи с открывавшимися в современных условиях возможностями предоставления произведений и иных объектов авторского права в глобальных сетях, широким применением копирования, оцифрованием источников информации другими средствами воспроизведения информации.

В настоящее время особое значение приобретают вопросы корпоративного, межгосударственного и глобального интереса к информационным ресурсам. Все это требует тщательного исследования с точки зрения правовой защиты и выработки адекватных правовых механизмов регулирования отношений в данной сфере.

1. См. Винер Н. Кибернетика и общество. – М., 1968. С. 201.

2. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М., 1989. С. 253.

3. См.: Там же. С. 698.

4. Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1995 г., № 33, ст. 428.

5. Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь, 1995 г., № 12, ст. 121.

6. См.: Гражданское право. Учебник / Под редакцией А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – М. 1998. Ч. 1. С. 195.

7. Закупень Т. В., Соболев С. В. Информация и её правовое регулирование // Российское право. № 1. 2004. С. 40.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Н. Михнюк: научно-педагогическая деятельность	3
РАЗДЕЛ I. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИИ И ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ	
<i>Журба М. А.</i> Между Сциллой и Харибдой (кооперация Восточной Германии после крушения Третьего Рейха)	8
<i>Новакаў С. Я.</i> Беларусь у пачатковых палітычных і ваенна-эканамічных разліках Трэцяга рэйха	11
<i>Потыльчак А. В.</i> К вопросу о численности иностранных военнопленных и интернированных второй мировой войны, умерших и захороненных в Украине	14
<i>Борботько П. В.</i> Попытка проведения суда над военными преступниками в 1919-1920 гг.	17
<i>Бычинский И. Ф.</i> Восстание 1953 г. и революция 1989 г. в Восточной Германии (сравнительный анализ)	21
<i>Мязга М. М.</i> Палітыка Рапала ў польскай гістарыяграфіі	26
<i>Зеленевский В. А.</i> К вопросу об истории германского массонства и его роль в судьбе А. С. Пушкина	31
<i>Баяра А. Н.</i> Бюджет, банки и финансы Беларуси в годы оккупации (1941-1944 гг.)	41
<i>Пранник Т. А.</i> Австрийские земли и движение за аншлюс в 1921-1922 гг.	46
<i>Щеланский М.</i> Польско-германские соглашения о демилитаризации и разграничении морских границ в районе Поморья	50
<i>Ковалёва Н. Н.</i> Аграрная политика российского царизма в Беларуси и юнкерско-буржуазного германского государства в конце XIX – начале XX вв. (сравнительный анализ)	56
<i>Мальгина Л. Ю.</i> Российско-германские торговые отношения: проблема транспортировки через западные губернии в пореформенный период	61
<i>Щеланский М.</i> Некоторые элементы системы пропаганды НСДАП до 1933 г.	68
РАЗДЕЛ II. ГЕРМАНИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	
<i>Лихтей И. М.</i> Германский император Лотарь II Саксонский (1125-1137) и чешский князь Собеслав I (1125-1140): от противостояния к сотрудничеству	75
<i>Июффе Э. Г.</i> Гитлеровское руководство и Холокост на территории Беларуси	81
<i>Свирид А. Н.</i> Политика немецких оккупационных властей по отношению к унии на территории Беларуси	87
<i>Ярмусик Э. С.</i> Положение Католического Костёла в западных областях Беларуси во время немецкой оккупации (1941-1944 гг.)	89
<i>Кругленя А. В.</i> Христианско-демократический союз ФРГ на современном этапе: некоторые проблемы стратегии и тактики	92
<i>Толочко Д. М.</i> К вопросу о численности беженцев, прибывших из оккупированной Германией Польши в Западную Беларусь осенью 1939 года	99
<i>Ярмусик Э. С.</i> Политика немецких оккупационных властей в отношении религии и Костёла в свете архивных документов Национального архива РБ	102
<i>Стрелец М. В.</i> Политика безопасности Христианско-социального союза в Баварии (ФРГ) в эпоху холодной войны: акценты, тенденции, проблемы	104
<i>Анисимова Н. И.</i> Федеративная Республика Германия в системе международных отношений: правовые аспекты	110
<i>Агеев В. В.</i> Немецкий федерализм в фокусе европейской интеграции	113
<i>Белоус Н. Ф., Белоус С. Н.</i> О некоторых чертах «нового порядка» на оккупированной немцами территории Беларуси	116
<i>Харытановіч С. С.</i> Остарбайтэры з Піншчыны: ахвяры вайны	120
<i>Стрелец М. В.</i> Исследование Христианско-социального союза в Баварии (ФРГ) в советской и постсоветской историографии	124

РАЗДЕЛ III. ДОСТИЖЕНИЯ ГЕРМАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕЁ РОЛЬ В ДУХОВНОМ РАЗВИТИИ БЕЛАРУСИ

<i>Шацкая Н. Н.</i> Приоритеты современной образовательной политики Германии (1990-е гг. – начало XXI века)	129
<i>Кривашэй Д. А.</i> Федэральная культурная палітыка Германіі: всплыт апошняга трыццацігоддзя	132
<i>Кушнярэвіч А. М.</i> Нямецкая готыка: еўрапейскі гісторыка-культурны феномен	137
<i>Пичуков В. П.</i> Немецкое население восточного Полесья в 20-30-е годы XX в.: по материалам периодической печати	140
<i>Букина Т. В.</i> Антисемитская изобразительная пропаганда как часть нацистской политики на территории Беларуси в 1941-1944 гг.	145
<i>Літваіновіч А. Ф.</i> Гуды і немцы ў народнай свядомасці і фальклору беларусаў	149
<i>Потолков Ю. В.</i> Испытание "немецким элементом": Германская проблематика в русской художественной литературе XX века	155
<i>Соботковская О. Н.</i> Актуальные проблемы этнопсихологии: истоки немецкого характера	160
<i>Крюков В. М., Коклюхин В. В., Шаш С. Д.</i> Философия или философии: единство и различие предметной определённости	165
<i>Ставский В. Н.</i> Проблема регулирования социального конфликта в теории Ральфа Дарендорфа	169
<i>Шебанова И. А.</i> Германия в аспекте создания общеевропейского образовательного пространства	171
<i>Коновод Л. М.</i> Немецкоязычная конкретная поэзия Э. Яндля	175
<i>Ракицкая В. Г.</i> Из опыта реформирования высшего образования в Германии	178
<i>Керашенко Т. Н., Бурко О. П.</i> Особенности организации работы психологической службы в системе образования Германии	180
<i>Потолков Ю. В.</i> Предчувствие «немецкого элемента»: тема «Россия и Германия» в русской литературе до XX века	183
<i>Кивака Е. Г.</i> Модели немецкой драмы рубежа XIX-XX вв.	188
<i>Кондратюк Г. Н.</i> Немецкие учебные заведения Крымской АССР в межвоенный период (1920-1930-ые гг.)	192
<i>Коклюхин В. В., Крюков В. М.</i> Рецепция римского права в процессе становления романо-германской правовой семьи	196
<i>Санюкевич Л. П.</i> Немецкий язык и культура в американском университете	201
<i>Лукьянцева А. В.</i> Творчество Э. Фромма в контексте проблем личностно ориентированного образования	208
<i>Бурко О. П., Керашенко Т. Н.</i> Особенности современной системы высшего образования Германии	211

РАЗДЕЛ IV. ГЕРМАНСКИЙ ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

<i>Северянин В. С., Горбачёва М. Г., Черников И. А.</i> Достижения германской экономики в области энергосбережения	215
<i>Милова Т. Ф.</i> Состояние и задачи либерализма в условиях современной либеральной демократии	218
<i>Евладова Н. В.</i> Конституционное закрепление системы сдерживания в структуре государственных властей ФРГ	222
<i>Кудрица Е. Г.</i> Адаптация молодёжи при изменении социально-политических условий (на примере Германии)	226
<i>Студнева О. В.</i> Теоретико-правовые основы местного самоуправления в Германии: сравнительный анализ	229

<i>Студнева О. В.</i> Особенности правового статуса субъектов местного самоуправления в Германии	234
<i>Демьянишина Р. Н.</i> Некоторые аспекты банкротства в законодательстве Германии и Республики Беларусь	239
<i>Олешко И. М.</i> Основные тенденции процессов внедрения и развития логистических информационных систем немецкими компаниями	243

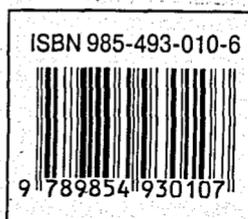
РАЗДЕЛ V. СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Краюшкин Д. А.</i> Состояние, перспективы развития и значение побратимских контактов Брестской области с ФРГ	247
<i>Бодак М. С.</i> Социальное государство как элемент государственной идеологии: опыт построения в Германии и Беларуси	249
<i>Зайцева Н. И.</i> Генезис рыночной экономики и проблемы экономических преобразований (белорусско-германский опыт)	253
<i>Гиль С. В., Грибов Г. М.</i> Партнёрские связи г. Брест (Беларусь) и г.г. Равенсбург, Вайнгартен (Германия): история и перспективы	256
<i>Бедай О. А.</i> Изучение истории Германии в школах Республики Беларусь как предпосылка углубления взаимопонимания между народами	258
<i>Климчук Н. А.</i> Понятие информации как объекта правового регулирования	262

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ, КУЛЬТУРЫ

*Материалы международной научной конференции
14-16 октября 2004 года*

Ответственный за выпуск: **Стрелец М.В.**
Редактор: **Строкач Т. В.**
Набор и вёрстка: **Боровикова Е. А.**
Корректор: **Никитчик Е.В.**

Лицензия № 02330/0148711.

Лицензия № 02330/0133017.

Подписано к печати 23.05.2005 г. Бумага писчая.

Формат 60x84 1/16. Гарнитура «Arial Narrow». Усл. п. л. 15,6.

Уч. изд. л. 16,75. Тираж 100 экз. Заказ № 382.

Отпечатано на ризографе учреждения образования «Брестский
государственный технический университет».

224017, г. Брест, ул. Московская, 267.